

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскій Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1862

Л Ю Т И Й

(ФЕВРАЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУШНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 23 марта, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

III.

На великдень, на солomé
Проти сонця, діти
Грались собі крашанками
Та й стали хвалитись
Обновами. Тому къ святкамъ
Зъ ліштвою пошляли
Сорбечку, а тій стёжку,
Тій стрічку купили;
Кому шапочку смушеву,
Чобіткі шапоіві,
Кому світку... Однá тїлки
Сидить безъ обнови
Спрїточка, рученята
Сховавши въ рукава.
— Міні мати купувала.
— Міні батько справивъ.
— А міні хрещена мати
Лїштву випивала.
»А я въ понеді обїдала,
Спрїтка сказала...

III.

Якъ-би́ міні черевіки,
То пішлабъ я на музики, —
Горенько моє!
Черевіківъ немає;
А музика грає, грає,
Жа́лю завдає!

Ой підү я бѣса полемъ,
 Пошукāju свою долю, —
     Дѣленько моя!
 Глянь на мене чорнобріву,
 Моя доле неправдїва,
     Безталїнна я!
 Дівчаточка на музїкахъ
 У червѣнихъ черевїкахъ...
     Я світомъ нужү...
 Безъ роскоши, безъ любѣви,
 Зношү свої чорні брови —
     У наймахъ зношү!...

LIV.

ПОДРАЖАНІЕ ПОЛЬСКОМУ ПОЭТОВІ АНТОНІЮ СОВІ.

Посажү коло хатини,
 На спѣмнїхъ дружїні,
 И яблуньку и грушечку,
 На спѣмнїхъ єдинїй!

 Бѣгъ дасть, віростуть. Дружїча,
 Підъ дрѣвами тїми
 Сїде собі въ холодѣчку
 Зъ дїтками малїми.

 А я бѣду груші рвати,
 Дїткамъ подавати...
 Зъ дружїною єдиною
 Тїхо розмовляти.

 — Тодї, сѣрце, якъ брїався,
 Сї дрѣва садївъ я...
 Щаслївий я! — И я, друзе,
 Зъ тобою щаслїва!

Т. ШЕВЧЕНКО.

19 ноября, 1839 г.
 Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Восьмой отрывокъ.

Отъ 15 до 20 августа включительно въ *Дневникъ* записаны лишь встрѣчи съ Т. Гр., рукою тѣхъ, для кого онѣ были дороги. Мы приводимъ ихъ замѣты, какъ выраженіе перданности къ поэту, сохранившейся несмотря на 10-лѣтнее удаленіе его изъ родины.

15 августа. Въ день Успенія встрѣтилъ я въ Астрахани стараго моего профессора (*живописи*) Кіевскаго университета, дражайшаго и любезнѣйшаго нашего поэта, встрѣтилъ я его съ величайшею радостью въ такой далекой сторонѣ—какъ отца, какъ брата, какъ величайшаго друга, и имѣлъ счастье прожить съ нимъ нѣсколько дней почти вмѣстѣ. Воспитаникъ Кіевскаго университета, Иванъ *Клопотовскій*.

16 августа. Въ тотъ же день и я былъ осчастливленъ встрѣчею съ любимымъ и уважаемымъ мною поэтомъ, Т. Гр. Шевченкомъ, съ которымъ я провожу эти дни, что оставитъ во мнѣ глубокое воспоминаніе навсегда. Воспитаникъ того же университета, Иванъ *Незабитовскій*.

Я запишу въ своемъ дневникѣ, что 16 августа я провелъ день съ поэтомъ Малороссіи, Шевченкомъ. Евгений *Одинцевъ*.

Съ душевнымъ восторгомъ я встрѣтилъ и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ батькомъ, старымъ козакомъ Тарасомъ Григоровичемъ Шевченко, и очень благодаренъ Богу, что онъ довелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ. Федоръ *Чельцовъ*.

17 августа. Иванъ Рогожинъ, изъ дружбы къ Перфилу, поступилъ за него на полгода въ солдаты; но какъ ни хитеръ и ни пзворотливъ былъ бѣсъ, но никакъ не могъ примѣниться къ порядку, и бѣднаго дупилъ какъ Сидорову козу, такъ-что когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться къ своему наибольшему. Бѣдный бѣсъ не рассчиталъ, что значить надѣть ранецъ, а Перфилъ когда услышалъ отъ него разсказъ о службѣ, сказалъ ему: «въ чужіе сани не садись». Съ тѣхъ поръ ни одинъ бѣсъ уже не хотѣлъ служить въ солдатахъ; тыжь-то, батьку, десять лѣтъ пробувъ въ нихъ. Офицеры якъ почули отъ Перфила, о томъ, что Рогожинъ за него пробывъ полгода, выразили свой восторгъ словами: «Знатно! и бѣсъ побывалъ въ нашихъ рукахъ». Скрывалъ Иванъ Рогожинъ. Фельдфебель Перфила.

18 августа. В. *Кичкинъ*. Встрѣча со старымъ знакомымъ.

19 августа. *Lekarz Karol Niwicki. — Pawel Radziejowski. — Tytus Szalwicz.*

20 августа. Krasomowstwo nie wielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i holdować twórczej twej potędze, święty narodowy wieszczu. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy w mej pamięci nie zatrą. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi oświadczyć poznać się s tobą, gorliwy i nieulekły opowiadacz słowa prawdy. Niechże słów tych kilka przypominają ci.—poeto —malarzu, głęboka cześć poważającego ciebie Tomasza Zbrożka.

22 и 23 августа вовсе не записаны в Дневникъ.

23 августа 1857.

Съ 15 по 22 августа былъ у меня, въ грязной и пыльной Астрахани, такой свѣтлый прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею-частью — Кіане, такъ искренно, радостно, братски привѣтствовали мою свободу, и до того распростерли свое гостеприемство, что лишили меня свободы самому вести свой журналъ, и взяли эту обязанность на себя. Благодарю васъ, благородные, безкорыстные друзья мои. Вы подарили меня такую радостію, такимъ полнымъ счастьемъ, которое я едва вмѣщаю въ моему благодарному сердцу, и память объ этихъ счастливейшихъ дняхъ я вношу не въ прозаическій журналъ мой, а внесу въ сокровищницу моего сердца.

15-го же августа, вечеромъ, Зброжекъ случайно у С—ж—овыхъ проговорился, что я въ Астрахани. И 16-го августа я возобновилъ старое знакомство съ Александромъ Александровичемъ. Это уже былъ не шалунъ-школьникъ въ дѣтской курточкѣ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ 1842 году; это уже былъ мужчина, мужъ и, наконецъ, отецъ прекраснаго дятяти, а сверхъ всего этого, я встрѣтилъ въ немъ простаго, высокоблагороднѣйшаго, добраго человѣка. Черта, характеризующая семейство С—ж—овыхъ. Онъ, не знаю какъ надолго, оставляетъ Астрахань, и до Нижняго Новгорода предложилъ мнѣ каюту на абонированномъ пмъ пароходѣ князь Пожарскій. Пятирублевый билетъ, взятый мною, я возвратилъ въ контору пароходной компаніи »Меркурій«, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ первому бѣдняку безденежно. Капитанъ парохода князь Пожарскій, Владиміръ Васильевичъ К—ш—инъ распорядился такъ, что, вмѣсто одного бѣдняка, помѣстилъ на баржі: пять бѣдняковъ, не могшихъ заплатить за мѣ-

сто до Нижняго даже по цѣлковому. Черта практически-благородная.

25 августа.

Парохода князь Пожарскій буфетчикъ Алексѣй Панфиловъ Пановъ, отпущенникъ г-на Крюкова. (Записано чужою рукою).

27 августа.

Ночи тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія ночи! Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную блѣдную красавицу ночи и сонный обрывистый берегъ, уставленный группами темныхъ деревьевъ. Восхитительная, сладко-успокоительная декорация! И вся эта прелесть, вся эта зримая иъмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безмездно возноситъ душу къ Творцу вѣчной, плѣнительной — звуками своей любобной скрипки. Онъ говоритъ, что на пароходѣ нельзя держать хорошей инструментъ, но и изъ этого нехорошаго онъ извлекаетъ волшебныя звуки, въ-особенности въ мазуркахъ Шопена. Я нѣкогда не наслашаюсь этихъ общеславянскихъ сердечно-глубоко-унылыхъ иъсеней. Благодарю, мой крѣпостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! изъ твоей бѣдной скрипки вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до твоего слуха, нашъ праведный Боже!

Подъ вліяніемъ скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ этого бѣднаго вольноотпущенника, пароходъ, въ ночномъ погребальномъ покоѣ, чнѣ представляется какимъ-то огромнымъ, глухо-ревушимъ чудовищемъ съ раскрытой огромной пастью, великій Фультонъ и великій Уатъ!

28 августа.

Со дня выхода парохода изъ Астрахани, т. е. съ 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журналъ, приняться акуратно, какъ это было въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Я все еще

не могу и не желаю освободиться изъ-подъ вліянія, производимаго на меня въ Астраханн моими земляками, и возобновленнаго Александромъ Александровичемъ Сапожниковымъ и всѣми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Всѣ онѣ, начиная съ хозяйки (Пиши Александровны) и хозяйши, всѣ онѣ такъ дружески просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю, что съ собою дѣлать, и разумѣется только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. И такой быстрый и несожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ.

Берега Волги, отъ Царицына и Дубовки, съ часу на часъ дѣлаются выше, живописнѣе очаровательнѣе, а я не сдѣлалъ еще ни одного очерка. Недосугъ. Всѣ книги всѣхъ русскихъ журналовъ за текущій годъ, добрейшій Александръ Александровичъ предложилъ къ моимъ услугамъ, и я только сегодня началъ читать *Королеву Варвару*, Попова, и только началъ, а журналъ свой, который въ эти дни долженъ бы былъ наполняться такими очаровательными событіями, я совсѣмъ оставилъ, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагиванія палубы. О, какъ бы я желалъ продлить это сладкое состояніе, это чувство животворнаго очаровательнаго бездѣйствія.

Я оставилъ знойную степь въ кителѣ и туркменскомъ верблюжьемъ чапанѣ. Въ Астрахани я думалъ только о пологѣ отъ комаровъ, а съверъ, къ которому стремлюсь, мнѣ и въ голову не приходилъ. И сегодня я могъ бы быть порядочно наказанъ за невниманіе къ бѣловласому Борюю, еслибы не выручилъ меня Александръ Александровичъ. Впродолженіи ночи дулъ свѣжій нордъ-остъ, и къ утру сдѣлалось порядочно холодно, такъ порядочно, что я не прочь бы былъ и отъ тулупа. А у меня, кромѣ кителя и помпучатаго чапана, совершенно ничего не оказалось. Александръ Александровичъ, спасибо ему, предложилъ мнѣ свое теплое пальто, брюки и жилетъ. Я съ благодарностью принялъ все это, какъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше, и черезъ минуту явился на палубѣ преобразеннымъ въ настоящаго денди. Богъ да наградитъ тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преобразеніе.

29 августа.

Берега Волги съ каждымъ часомъ дѣлаются выше и привлекательнѣе. Я попробовалъ сдѣлать очеркъ одного мѣста съ палубы парохода, но увы, нѣтъ никакой возможности. Палуба дрожитъ и контуры береговъ быстро мѣняются. И я съ своимъ давнишнимъ новостветровскимъ предположеніемъ — рисовать берега матушки Волги — долженъ теперь проститься. Сегодня, съ полуночи и до восхода солнца, пароходъ грузился дровами около Камышина, а я едва успѣлъ сдѣлать логовскій очеркъ Камышинской пристани съ правымъ берегомъ Волги; дровъ взято до Саратова и, значитъ, я ближе Саратова ничего не сдѣлаю. Выше Камышина, въ 60 верстахъ, на правомъ берегу Волги, боцманъ парохода показалъ мнѣ бугоръ Стеньки Разина. Это было на разсвѣтѣ, и я не могъ хорошо разсмотрѣть этой замѣчательной, но неживописной, мѣстности. Историческій бугоръ этотъ, — я не знаю почему его называютъ бугромъ — и на вершокъ не выше окружающей его мѣстности. И еслибы лоцманъ мнѣ не указалъ его, я не замѣтилъ бы этой ничтожной твердыни лыцаря Стеньки Разина, этого Волжскаго Бирона и, наконецъ, пугала московскихъ практикановъ и Персидскаго шаха, которые испугались скрытаго, почтаго, воршипки; такъ бѣлоголоваго великана — хищника беркута пугаетъ иногда ничтожный ветопырь.

Самое плоское суздальское изображеніе прославленнаго предмета также интересно, какъ и самое пзящное пропзведеніе живописи. Сознавалъ эту истину, мнѣ еще досаднѣе, что я не могъ сдѣлать ниже слабаго очерка съ этого весьма прославленнаго бугра. Солнце еще не веходило, и бугоръ оставался за нами верстахъ въ десяти; я долженъ былъ довольствоваться небольшимъ фантастическимъ рассказомъ несловоохотливаго лоцмана.

Волжскіе ловцы и, вообще, простой народъ вѣрять, что Стенька Разинъ живетъ до-сихъ-поръ въ одномъ изъ приволжскихъ ущелій близъ своего бугра, и что (по словамъ лоцмана) прошедшимъ лѣтомъ какіе-то матросы, шывшіе изъ Казани, останавливались у его бугра, ходили въ ущелье, видѣли и разговаривали съ самимъ Семеномъ Степановичемъ Разинимъ. Весь онъ, сказывали матросы, обросъ волосами, словно звѣрь какой, а гово-

рить почеловѣчьи. Онъ уже началъ было разсказывать что-то про свою судьбу, какъ настала полдень и изъ пещеры выползъ змій и началъ сосать его за сердце, а онъ такъ страшно застоналъ, что матросы отъ ужаса разбѣжались, куда кто могъ. А за то его, прибавилъ лоцманъ, ежеденно змій за сердце сосетъ, что онъ проклять во всѣхъ соборахъ, а проклять онъ за то, что убилъ Астраханскаго архіерея Іосифа. А убилъ онъ его за то, что тотъ его волшебству сопротивлялся.

По словамъ того же разсказчика, Разинъ не былъ разбойникомъ; онъ только на Волгѣ брандвахту держалъ, и собиралъ пошлину съ кораблей, и раздавалъ ее немущимъ людямъ; кому-ншть, выходить.

30 августа.

Изъ уваженія къ имениннику и принятому обычаю дарить именинниковъ, я сегодня подарилъ Александру Александровичу портретъ его тещи М-ше Козаченко. Портретъ сдѣланъ въ одинъ сеансъ бѣлымъ и чернымъ карандашами довольно оляповато, но не лишень экспрессіи. Именинникъ, по обыкновенію своему, былъ веселъ и любезенъ, а гости его—въ томъ числѣ и насъ господи устрои, — также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармонія царилла на палубѣ князя Пожарскаго.

Въ вечеру, отъ Саратовской пассажирки, нѣкоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узналъ я, что Н. И. Костомаровъ уѣхалъ за границу, а мать его живеть въ Саратовѣ. Я просилъ у ней адресъ Костомаровой.

31 августа.

Едва пароходъ успѣлъ остановиться у Саратовской набережной, какъ я уже былъ въ городѣ я, по указаніямъ обязательной М-ше Соколовской я, какъ по писанному, безъ помощи дорогого пзвощика, нашелъ квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усумнилась въ своей догадкѣ. Убѣдившись же, что это дѣйствительно я, а не кто иной, она привитала какъ родного сына радостнымъ поцѣлуемъ и искренними слезами.

Пароходъ простоялъ въ Саратовской пристани до слѣдующаго утра, и я, съ полудня до часу по полуночи, провелъ у Татьяны Петровны. И Боже мой!—чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ мы съ ней не переговорили. Она мнѣ показывала письма своего Николаши изъ за границы, и ленистки фялокъ-присланныя ей сыномъ, въ одномъ изъ писемъ изъ Стокгольма, отъ 30 мая. Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 года и мы какъ дѣти зарыдали. Въ первомъ часу ночи я расстался съ счастливѣйшею и благороднѣйшею матерью прекраснѣйшаго сына.

1 сентября.

Петръ Ульяновъ Чекмаревъ (записано чужой рукой).

Новый мѣсяцъ начался новымъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ. За полчаса до поднятія якоря, явился въ капитанской каютѣ, и въ моемъ временномъ обиталищѣ, человекъ некрасивой, но пррвлекательно-симпатической наружности. Послѣ монотонно-произнесеннаго — Петръ Ульяновъ Чекмаревъ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ: Марья Григорьевна С—нна, незнаемая вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный сестринъ поцѣлуй и поздравить васъ съ вождедѣнной свободой. И тутъ же напечаталъ на моей лыснѣ два полновѣсныхъ искреннихъ поцѣлуя, — одинъ за землячку, а другой за себя и за саратовскую братію. Долго я не могъ опомниться отъ этого нечаяннаго счастья. Прійдя въ себя, я вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсенку и просилъ своего новаго друга передать эту лепту моей милой сердечной землячкѣ. Вскорѣ начали подымать якорь и мы расстались, давши другъ другу слово увидѣться будущею зимою въ Петербургѣ.

2 сентября.

Пятнадцать лѣтъ не пзмѣнили насъ:
Я прежній Сашка всё, ты также всё Тарасъ.

Сегодня, въ 7 часовъ утра, случайно собрался мы въ капитанской каютѣ и слово за слово изъ обыденнаго разговора перешли къ современной литературѣ и поэзіи. Послѣ недолгихъ пересудовъ, я предложилъ А. А. Сапожникову прочесть *Собачій пиръ*, изъ

Барбье, Бенедиктова, и онъ мастерски его прочиталъ. Послѣ прочтенія перевода, былъ прочтатъ подлинникъ, и общимъ голосомъ рѣшили, что переводъ выше подлинника. Бенедиктовъ, пѣвецъ кудрей и прочаго тому подобнаго, не переводить, а возсоздастъ Барбье. Неостыжимо! Неужели со смерти П. — поэты наши воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. По поводу Собачьяго пра, нашъ добрый милый капитанъ, Владиміръ Васильевичъ Кишкипъ, досталъ изъ своей заветной портфели его же Бенедиктова: *Входъ воспрещается*, и съ чувствомъ поклонника родной обновленной поэзіи прочиталъ намъ, внимательнымъ слушателямъ. Потомъ прочиталъ его же на новый 1857 годъ. Я дивился и ушамъ не вѣрилъ. Много еще кое чего упруго-свѣжаго, живаго, было прочитано нашимъ милымъ капитаномъ. Но я все свое вниманіе и удивленіе сосредоточилъ на Бенедиктовѣ, а прочее едва слушалъ.

И такъ у насъ сегодня пѣзъ обыкновенной болтовни вышло необыкновенно-эффектное литературное утро. Приятно было бы повторять подобную импровизацію. Въ заключеніе этой поэтической сходки, А. А. Сапожниковъ вдохновился и написалъ двустипшіе граціозное и братски искреннее.

Ночью протпвъ города Волжска (мѣсто центральной конторы дома Сапожниковыхъ) пароходъ на нѣсколько часовъ остановился. А. А. сошелъ на берегъ и въ скоромъ времени возвратился на пароходъ съ своимъ главнымъ управляющимъ Тихономъ Зиновьевичемъ Епифановымъ: бѣлый съ черными бровями, свѣжій, удивительно-красивый старикъ, съ прекрасными манерами, и тѣни напоминающимъ русскаго купца. Онъ мнѣ живо напоминалъ своей изящной наружностію моего дядю Шевченка-Грыню.

3 септлбря.

Незабывайте любящаго васъ Н. Явленскаго. (*Записано чужою рукою*).

Бѣлъ, пилъ, спалъ. Во снѣ видѣлъ Орскую крѣпость и корпуснаго сфрейтора О — а, я такъ испугался этого сфрейтора, что отъ страха проснулся, и долго не могъ прийти въ себя отъ этого возмутительнаго сновидѣнія.

4 сентября.

Виродолженіи почы, пароходъ грузился дровами противъ города Хвалыиска: одно единственное мѣсто на берегахъ Волги, напоминающее древнее названіе Каспійскаго моря. Поутру, спавшись съ якоря, мы собрались въ каютѣ нашего добраго капитана и послѣ недлишнаго предисловія, составилось у насъ опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владиміръ Васильевичъ прочиталъ намъ, изъ своей заветной портфели, нѣсколько животрепещущихъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, и между прочимъ *Кающуюся Россію*, Хомякова. Глубоко-грустное это стихотвореніе я занесъ въ свой журналъ, на память о нашихъ утреннихъ бесѣдахъ на пароходѣ «князь Пожарскій».

5 сентября.

Берега Волги болѣе и болѣе пзмѣняются и принимаютъ видъ однообразный и суровый. Плоскія возвышенности праваго берега покрыты лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Коегдѣ изрѣдка блестятъ бѣлыя стволы березъ и сѣрые матовые стволы осины. Древесный листъ замѣтно желтѣеть. Температура воздуха измѣняется, холодѣеть. Какъбы она меня не захватила въ распахъ. Сегодня былъ первый утренникъ. Ноги прозябли. Нужно будетъ въ Самарѣ купить коты и дублонный полшубокъ. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не даетъ машина своимъ неугомоннымъ шумомъ и трепетаньемъ, а читать — неважные берега Волги. Во свѣ видѣлъ церковь св. Анны въ Вильнѣ, и въ этой церкви молящюся милую Дуню, чернобровую Г—скую. Это вѣрно вслѣдствіе чтенія королевы Варвары Радзивиллъ. Г. Поповъ — историкъ новаго прекраснаго стп.л. Онъ кажется, ученикъ Соловьева. Нужно будетъ прочитать его, въ Русскомъ Вѣстникѣ, Турецкую войну при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Миѣ теперь много нужно прочитать. Я совершенно отсталъ отъ новой литературы. Какъ хороши *Губернскіе Очерки*, въ томъ числѣ и Мавра Кузьмовна, Салтыкова, и какъ превосходно ихъ читаетъ Панченко (домашній медикъ Сапожничкова): безъ тѣли докламаціи. Миѣ кажется, что подобныя глубоко-грустныя произведенія иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтеніе спльнѣе, рельефнѣе рисуетъ этихъ

безддушныхъ, холодныхъ, этихъ отвратительныхъ Гарпій. Я благоговѣю передъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостію возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ гениальныхъ учениковъ своихъ. Други мои, искренніе мои! Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, чернь! — — —

6 сентября.

Въ 10 часовъ утра, князь Пожарскій бросилъ якорь у набережной города Самары. Издали, эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышелъ на берегъ и пошелъ взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху, и купить коты. На улицѣ попался мнѣ И. Явленскій, и мы *солча* пустились созерцать городъ ровный, гладкій, набѣленный, нафабранный, до тошноты однообразный городъ.

Какъ изъ любопытства, такъ и вслѣдствіе вопіющаго аппетита—это случилось часу около второго—мы велѣли извозчику ѣхать къ самому лучшему трактиру въ городѣ; онъ и поѣхалъ, и привезъ насъ къ самому лучшему заведенію, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лѣстницу сего заведенія, какъ оба въ одинъ голосъ проговорили: здѣсь русскій духъ, здѣсь русью пахнетъ, т. е. саломъ, гарью и всевозможной мерзостью. У насъ однакожь хватило храбрости заказать себѣ котлеты, но увы, не хватило терпѣнія дожидаться этихъ безконечныхъ котлетъ. Явленскій бросилъ половому полтинникъ, ругнулъ маненько, на что тотъ молча съ улыбкою поклонился и мы вышли изъ заведенія. Огромнѣйшая хлѣбная пристань на Волгѣ, приволжскій, Новый Орлеанъ! и нѣтъ порядочнаго трактира.

Послѣ мнимаго завтрака, мы поѣхали въ лавки. Въ лавкахъ, даже въ лавочкахъ, не оказалось такого товара, какой мнѣ былъ необходимъ (коты), и мы отправились на пароходъ.

Въ капитанской каютѣ на полу увидѣлъ я взятый листокъ стараго знакома Русскаго Инвалида, поднялъ его и отъ нѣчего дѣлать принялся читать фельетонъ. Тамъ говорилось о китайскихъ инсургентахъ и о томъ, какую рѣчь произнесъ Гонгъ, предводитель инсургентовъ. передъ штурмомъ Нанкина. Рѣчь начинается такъ: «Богъ идетъ съ нами; что же смогутъ противъ насъ демоны?»

Мандарины эти—жирный убойный скотъ, годный только въ жертву— — —

Въ Самарѣ живетъ богатый купецъ Свѣтовъ, глава секты ма-
лакановъ. Правительство (кроткими мѣрами) заставляетъ его при-
нять православіе, но онъ, не смотря на кроткія мѣры, рѣшительно
отказался отъ православія и изъявилъ желаніе принять кальвинизмъ.
На что однакожь правительство не изъявило своего желанія, и
оставило его въ покоѣ, запретивъ ему и его сектѣ торговать.

7 сентября.

Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ нордѣ съ дождемъ и снѣ-
гомъ, мы оставили Самару. Отъ Самары вверхъ, начинаеть под-
ниматься лѣвый берегъ Волги: это плоская возвышенность Же-
гульскихъ горъ. Черезъ два часа мы подошли къ воротамъ Жи-
гульскихъ горъ. Это—ущелье, съ узвѣшее Волгу до одной версты;
за горами, какъ за рамой, открылась намъ новая, доселѣ неви-
данная, панорама, изпятнанная темносиними полосами. Это оби-
татель сѣвера — сосновый лѣсъ. На первый планъ этой панорамы,
изъ-заущелья, поросшаго чорнымъ лѣсомъ, высунулась обнажен-
наяотдѣльная гора. Это Царевъ-курганъ; народное преданіе гово-
ритъ, что Петръ первый, путешествуя по Волгѣ, останавливался
на этомъ мѣстѣ и всходилъ на эту гору, вслѣдствіе чего она и по-
лучила названіе Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мнѣ такую
же гору близъ Звенигородки, Кіевской губерніи въ селѣ Гудзивци. И
Гудзивскую гору, быть можетъ, какой нибудь— господишь освятилъ
своимъ возшествіемъ, но земляки мои какъ-то тупо сохраняютъ
въ своей памяти подобныя событія. — — —

Не могъ я дознаться, на какомъ народномъ преданіи основы-
ваясь, покойный князь Воронцовъ назвалъ, въ своихъ Мошнахъ,
обыкновенную гору Святославою горою, съ которой будто бы этотъ
удалой варягъ любовался на свою дружину, пѣнвшую святой
Дибиръ своими разбойничьими ладьями. Я думаю это просто фан-
тазіи и ничего больше. Князю просто пожелалось украсить свой
великолѣпный паркъ башнею въ родѣ маяка; вотъ онъ и сочи-
нилъ народное преданіе, приравнивъ его къ мѣстности, и оляно-
ватую свою башню назвалъ башнею Святослава. А Михайло Гра-

бовскій (не въ осудъ будь сказано) чуть-чуть было документально не доказалъ народнаго преданія о Святославовой горѣ.

Капитанъ нашъ—спасибо ему—догадался сегодня изъ своей каюты ажуръ, сдѣлать посредствомъ *кошотъ* каюту-темищу, и учредилъ въ ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь въ теплыхъ объятіяхъ друга.

Вотъ тебѣ и Волжскіе комары, которыхъ я такъ боялся.

8 сентября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ. Лѣвый берегъ Волги отъ самага Царскаго кургана замѣтно понижается и сегодня рано я его увидѣлъ такимъ точно, какъ и до Самары, ровный, плоскій: однообразный. Правый берегъ по прежнему угрюмо возвышенъ и покрытъ мелкимъ лѣсомъ. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нѣчего, кромѣ развѣ огромной расшивы, стоящей на якорѣ посреди вѣ Волги какъ на зеркалѣ.

Я рассчитывалъ, что казенные смотровые сапоги послужатъ мнѣ по крайней мѣрѣ до Москвы, а они и до Симбирска не дотянутъ; измѣнилъ проклятые, Иванъ Никифоровичъ Явлевскій замѣтилъ этотъ ущербъ въ моемъ весьма щегольскомъ костюмѣ, и предложилъ мнѣ свои сапоги изъ числа запасныхъ, за что я ему сердечно благодаренъ. Сапоги его пришлось мнѣ по ногѣ, и я теперь щеголяю почти въ новыхъ сапогахъ, въ добавокъ на высокихъ каблучкахъ, что мнѣ не совсѣмъ нравится, но дареному коню въ зубы не смотреть.

9 сентября.

Симбирскъ—отъ видишь,
А педѣлю вдешь.

Бурлацкая поговорка.

Съ восходомъ солнца, далеко, на пологой возвышенности, упирающейся въ Волгу, показался Симбирскъ, т. е. нѣсколько бѣлыхъ пятишекъ неопредѣленной формы. Матросъ вахтенный, указывая мнѣ на бѣленькіе патнунки, проговорилъ бурлацкую поговорку, которую я тутъ же и записалъ. Отъ Селенга до Симбирска 50 верстъ и это пространство мы проплыли не вырѣдженіи недѣли,

во впродолженіи битыхъ девяти часовъ. Князь Пожарскій сегодня какъ-то особенно медленно двигался впередъ. А можетъ быть, мнѣ это такъ показалось, потому что Симбирскъ не сходилъ съ горизонта, въ которомъ мнѣ хотѣлось побывать. засвѣтло, взглянуть на монументъ Карамзина. Симбирскъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, увы! совершенно скрылся за непрошцаемой завѣсой, сотканной изъ дождя и снѣга. Морзость эта усиливалась, вечеръ быстро близился и я терилъ надежду видѣть на мѣстѣ музу исторіи, которую я видѣлъ только въ мастерской незабвеннаго Ставассера. Чего я боялся, — то и случилось. Едва къ пяти часамъ князь положилъ свой якорь, у какой-то досчатой пристани. Прочая декорация была закрыта дождемъ и снѣгомъ. Не смотря на все это, я рѣшился выйти на берегъ. Черноземная моя родная грязь по колѣна, и ни одного извозчика. Промочивши въ лужѣ и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароходъ.

Другой разъ я проѣзжаю мимо Симбирска, и другой разъ не удается мнѣ видѣть монументъ исторіографа. Первый разъ въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ, или вѣрнѣе сказать, въ кабакѣ. Во мнѣ была, (какъ я послѣ узналъ), экстренная надобность въ Оренбургѣ и потому-то — изъ Питера на осьмые сутки поставили меня въ Оренбургѣ. — — Теперь же, въ 1857 г., вмѣсто экстренности, ночь — и съ такими отвратительными варіаціями, что глупо бы и думать о монументѣ Карамзина.

По случаю двадцатилѣтней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко, за завтракомъ поборолъ мы двухъ великановъ, подъ именемъ — прогнъ съ разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обѣдали поздно, ровно въ 7 часовъ и ровно въ 7 часовъ положили, рядомъ съ княземъ, якорь пароходъ *Сусанинъ*. Капитанъ Сусанинъ, Яковъ Осиповичъ Воз — былъ приглашенъ самимъ хозяиномъ къ обѣду. Послучаю неудачи видѣть Симбирскъ и монументъ Карамзина, у меня родился и быстро выросъ великолѣпный проэктъ: за обѣдомъ напиться пльнымъ, но весь этотъ великолѣпный проэктъ удался только въ половину.

Послѣ обѣда зашли мы въ капитанскую свѣтелку (такъ называютъ волжскіе плаватель-матросы напалубную капитанскую каюту), и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаемъ, Воз—ынъ сказалъ, что онъ послѣ закрытія Волжской навигаціи ѣдетъ въ свое помѣстье (Тверской губерніи), по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотя и либераль, но какъ самъ помѣщикъ проговорилъ эту великолѣпную новость весьма съ неудовольствіемъ. Замѣтя сіе филантропическое чувство въ помѣщикѣ Тверской губерніи, я почелъ лишнимъ завести разговоръ съ помѣщикомъ о столь-щекотливомъ для него предметѣ. И не раздѣливъ восторга, пробужденнаго этой великой новостью, я закутался въ свой чапанъ и заснулъ сномъ праведника.

10 сентября.

Вчерашній мой великолѣпный, вполонину удавшійся проэктъ, сегодня, и то уже слава Богу только вечеромъ, удался, и удался съ мельчайшими подробностями, — съ головою болью и прочимъ тому подобнымъ.

11 сентября.

(Записано другою рукой:)

»Такъ-какъ отъ глумленія пьянственнаго у Тараса колеблется десница, и просяи шуицу, но и она въ твердости своей поколебася (тожъ отъ глумленія тогожъ пагубнаго пьянства), вслѣдствіе чего изъ состраданія и любви къ немощному, приѣмлю трудъ описать донь исчезающей изъ памяти ослабѣвающей.

»Тарасъ зашелъ-таки далеко, уподобясь тому богопріятному состоянію, какимъ не всѣ сыны Божіи награждаются — иже, на языкѣ порока и жи тлетворной, *мухою* зовется. И бѣ свирѣпъ въ семъ положеніи, не давая сомкнуть мнѣ зѣницы въ ночи — ча-са одного и вѣщая неподобные изреки грѣшному міру сему, изрыгая ему проклятія, выстуная съ постели своей босъ и въ едномъ рубицѣ» (и т. д. Въ концѣ, тою же рукой, добавлено:)
P. S. Далѣе не жди отъ Тараса, о, бѣдное, имъ любимое чело-

вѣщество, никакого толку, и большаго величія, и мудраго слова, ибо, опохмѣлившійся, — и т. д.

12 сентября.

Погода отвратительная. Князь Пожарскій и Сусанпѣвъ положили, на ночь, якорь въ Спасскомъ затонѣ. Это зпмняя стоянка Меркуріевской компаніи. Здѣсь устроены мастерскія, квартиры для капитановъ, помѣщеніе для мастеровъ, школа и кабакъ. Мѣстность прекрасная, окруженная дубовыми рощами и, не смотря на холодную погоду, въ рощахъ сохранилась свѣжая зелень и нѣкоторые цвѣты, изъ которыхъ я набралъ маленькій букетъ, и какъ истинный Терпсѣвъ Посошковъ, приподнесъ его милѣйшей баронессѣ М—мъ, одной изъ пассажирокъ князя Пожарскаго и жевѣ одного изъ капитановъ Меркуріевской компаніи. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное съ морозомъ до пяти градусовъ. Къ 12 часамъ дня погода по вчерашнему измѣнилась въ перемежающійся дождь съ снѣгомъ. Князь Пожарскій благополучно перешелъ Красновидовскій перекалъ (мели) и въ 11 часовъ вечера положилъ якорь въ 10 верстахъ отъ Казани.

13 сентября.

Казань—городокъ
Москвы уголокъ.—

Эту поговорку слышалъ я въ первый разъ въ 1847 г. на почтовой станціи въ Симбирской губерніи, когда препровождался я въ Оренбургъ. Какоі-то упитанный Симбирскій степнякъ, описывая великолѣпніе города Казани, замкнулъ свое описаніе этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидѣлъ я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароходъ успѣлъ положить якорь, какъ я выскочилъ на берегъ, помѣстился за четвертакъ въ татарской телѣжкѣ и пустился въ городъ. Какъ издали, такъ и вблизи, такъ и внутри, Казань чрезвычайно живо напоминаетъ собою уголокъ Москвы: начиная съ церквей, колоколенъ до саякъ и калачей, вездѣ, на каждомъ шагѣ, видишь вліяніе бѣлокаменной

Москвы. Даже башня Сумбеки, несомнѣнный памятникъ временъ татарскихъ, показался мнѣ единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая въ Кремль, смахиваетъ на Невскій проспектъ своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолѣпнымъ зданіемъ университета, украшеннаго грандіозными тремя іоническими портиками. Жаль: этому прекрасному зданію не достаётъ площади. Оно бы много выиграло, и монументъ пѣвца Екатерины не красовался бы на дворѣ въ миниатюрномъ палисадникѣ, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вмѣстѣ съ рудою коровою, статуею сплетателя торжественныхъ одъ, я, проходя черезъ дворъ, встрѣтилъ студента съ порядочно синимъ подбородкомъ, — почему и заключилъ, что онъ, не новичекъ въ здѣшней аудиторіи. На этомъ основаніи, я обратился къ нему, не помнить ли онъ Посяду и Андрускаго, переведенныхъ въ 1847 году изъ Кіевскаго университета въ Казанскій. Онъ сказалъ, что не помнить и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ старому сторожу Игнатьеву. Я вѣжливо поблагодарилъ его за наставленіе, но, не находя нужнымъ примѣнить къ дѣлу это милое наставленіе, вышелъ на улицу. Выбдя на улицу, я услышалъ глухой шумъ барабана и увидѣлъ густую толпу народа, провожавшаго на казнь преступника. Чтобы не встрѣтить эту процессію, я своротилъ въ переулокъ, и въ числѣ бѣгущихъ смотрѣть эту процессію, я увидѣлъ молодую дѣвушку съ шармавкой за плечами и ободраннаго мальчика съ тамбуриномъ въ рукахъ. Мнѣ сдѣлалось не грустно, а какъ-то особенно скверно, и я опять взялъ за четвертакъ татарскую телѣжку и возвратился на пароходъ.

Возвращаясь на пароходъ, я увидѣлъ съ правой стороны отъ дороги памятникъ, воздвигнутый надъ костями убитыхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Это—усѣченная пирамида съ портиками, поставленная будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ царя грознаго. Печальный памятникъ.

14 сентября.

По случаю привітія новаго груза, пароходъ нашъ простоялъ до 11 часовъ утра у казанскаго берега. Пользуясь этимъ рѣд-

кимъ случаемъ и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышелъ на берегъ и сдѣлалъ два абриса: общій видъ Казани, и видъ на Волгу противъ Казани и села Услоуъ. Возвращаясь на пароходъ, купилъ я у смазливой перекупки соленого отваренаго ляща, и придя на пароходъ, задалъ себѣ настоящій плебейскій пиръ. Кромѣ ляща и новопетровской ветчины, заключилъ я свой пиръ головкой чесноку, съ чернымъ хлѣбомъ, и провонялъ не только капитанскую свѣтелку, но всего князя Пожарскаго. Спутники мои бѣгали отъ меня какъ чортъ отъ ладаву. Одна только милая хозяйка и добрейшая ея мамаша, Катерина Пикифоровна Козаченко, нашли, что чеснокъ, хоть и воняетъ, но не такъ несносно, чтобы при встрѣчѣ со мною необходимо было закрывать носъ, и еще болѣе, чтобы доказать имъ, господамъ нелюбящимъ чесноку, что чеснокъ вещь не только не противная, но даже пріятная, обѣщавшись заказать обѣдъ съ чеснокомъ и обкормить хулителей. Милѣйшая Катерина Пикифоровна!

Противъ города Свіяжска прошли благополучно Васильевскій перекалъ (мель) и встрѣтили пароходъ *Адашевъ* Меркуриевской же компании. Онъ буксируетъ двѣ баржи съ дровами и одну изъ нихъ посадилъ на мель. Князь Пожарскій попытался было стащить ее съ мели, но безуспѣшно, и пройдя нѣсколько верстъ впередъ, положилъ якорь на ночь, изъ опасенія съѣсть на Вязовскомъ перекалъ. Выше устья въ Камы, Волга зябѣтно сдѣлалась уже и мельче.

15 сентября.

Проспалъ я ровно до 9 часовъ утра. Надо думать, что это случилось со мною подъ глухой шумъ князя Пожарскаго, потому что со мною этого прежде не случалось ни даже подъ нетрезвую руку. Это на диво долгое спаніе заключилось отвратительнымъ сновидѣніемъ. Меня разбудилъ громъ падающаго якоря, т. е. цѣпи, передъ Ураковскимъ перекаломъ.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительнымъ тихимъ переходомъ черезъ сей Ураковскій перекалъ, я нарисовалъ, бѣлымъ и чернымъ карандашомъ, довольно удачно, портретъ Михайла Петровича Комаровскаго, будущаго капитана будущаго парохода; а Сапожникова, за то, что онъ подарилъ мнѣ свои бархатные теплые сапоги.

Въ 10 часовъ вечера князь Пожарскій положилъ якорь передъ Гремячевскимъ перекатомъ.

16 сентября.

Вчера мнѣ ничто не удалось. Поутру началъ рисовать портретъ Е. А. Панченка, домашняго медка А. Сапожникова. Не успѣлъ сдѣлать контуры, какъ позвали завтракать. Послѣ завтрака пошелъ я въ капитанскую свѣтелку съ твердымъ намѣреніемъ продолжать начатый портретъ, какъ началъ открываться изъ-за горы городъ Чебоксары. Ничтожный, но картинный городокъ. Если не больше, такъ покрайней мѣрѣ на половину, будетъ въ немъ домовъ и церквей. И все старинной Московской архитектуры. Для кого и для чего онѣ построены?

Когда скрылися отъ насъ живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портретъ. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить и кончить, разумѣется, скверно.

Отъ этой первой неудачи я съ досады легъ спать, и проспалъ прекрасный видъ села Ильинскаго. Ввечеру, когда князь Пожарскій положилъ на ночь якорь, и все успокоилось, я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаграждать двѣ неудачи, принялся переписывать *Собачій Пиръ*, какъ вошелъ въ свѣтелку А. С. съ К. и Н. и ни съ сего ни съ того составилъ у насъ литературный вечеръ. Капитанъ нашъ вытащилъ изъ подъ спуда Полярную Звѣзду 1824 году и прекрасно прочиталъ намъ отрывки изъ поэмы Наливайко, а Сапожниковъ отрывки изъ поэмы Войнаровскій. Потомъ А. А. пригласилъ насъ ужинать, и какъ это случилось въ 12 часовъ, то за ужиномъ оказалась именница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили и, не одинъ и не два, а три раза поздравили. Потомъ начали отсутствующихъ именницъ поздравлять, и я таки порядкомъ напоздравлялся.

Не смотря на послѣднее вчерашнее событіе, я сегодня проснулся рано и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свой журналъ и пока братія еще въ объятіяхъ морфея, буду продолжать *Собачій Пиръ* до новой *перепойки*.

Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудію, и проч.

17 сентября.

Вчера праздновали именины милѣйшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуемъ день рожденія ея милѣйшаго внука, А. А. Саножицкова. А пока еще грозитъ завтракъ, то я по вчерашнему воспользуюсь безмятежнымъ утромъ и перепису еще одно стихотвореніе изъ заветной портфели нашего обязательнѣйшаго капитана.

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что онъ отъказался отъ завтрака и помогъ мнѣ кончить превосходную прелюдію къ превосходнѣйшему стихотворенію, которое и, если Богъ поможетъ, перепису завтра.

18 сентября.

Не хвалися, идучи на рать...

Вчера вечеромъ путешественники и путешественницы съиграли по послѣдней пулкѣ преферанса въ каютъ-компаніи кн. Пожарскаго, рассчитались и расплатились до денешки за всѣ пулвки, съигранныя впродолженіи рейса, т. е. отъ 22 августа. Покончивши эту статью, сѣли за ужинъ, приготовленный изъ послѣдней провизіи. Поужинали, разумеется — въ послѣдній разъ, въ каютъ-компаніи. Выпили послѣдній хересъ, мадеру и, кажется, шампанское, составили проектъ завтрашняго обѣда въ Нижнемъ-Новгородѣ и разошлись спать. Хорошо. Съ разсвѣтомъ князь Пожарскій поднялъ якорь, свиснулъ, фыркнулъ и весело захопалъ своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро мѣняются свои контуры. Пролетаемъ мы мимо красиваго по мѣстоположенію села Зименки, помѣщика Дадьинова. Вотъ, летимъ мы во весь духъ мимо этого замѣчательнаго села, какъ вдругъ лѣвое колесо перестало вертѣться и изъ К. Пожарскаго—дельфина сдѣлалась черепаха. Что случилось? раздался общій голосъ. *Шатунг* лопнулъ, раздался въ отвѣтъ одинокій голосъ машиниста. Я смекнулъ, что прежде вечера мы не будемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ т. е. прежде вечера не будемъ обѣдать; смекнувши дѣломъ, я пошелъ въ капитанскую свѣтелку, выпилъ добрую чару лимонки, закусилъ ос-

таткомъ новопетровской ветчины, взялъ какую-то газету, легъ да и заснулъ себѣ съ Богомъ. Просыпаюсь, а нашъ К. Пожарскій топтѣ себѣ, тоже съ Богомъ, на Телячьемъ бродѣ: Собачій бродъ кое-какъ перешолъ, а Телячій не вмоготу стало. Чтѣ дѣлать? Паузитья, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сихъ поръ, т. е. до перваго часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натоцакъ въ сралашъ, въ ожиданіи Нижегородскаго обѣда.

19 сентября.

Пауза продолжалась за полночь. Съ разсвѣтомъ К. Пожарскій поднялъ якорь и, какъ подстреленный орелъ, захлопалъ однимъ колесомъ своимъ. Взошло солнце и освѣтило очаровательныя окрестности Нижняго-Новгорода. Я хотѣлъ было хотѣ что вплудъ начертить, но увы, дрожаніе палубы при одномъ колесѣ еще ощутительнѣе, а сѣрыя сырыя тучки не замедлили закрыть животворящее свѣтило и задернуть прозрачнымъ сѣрымъ туманомъ живую декорацию. Декорация отъ тумана сдѣлалась еще очаровательнѣе, но рисовать ее рѣшительно невозможно: тучки, небесныя вѣчныя странницы, пустили изъ себя такую мерзость, что я укрылся въ капитанскую свѣтелку и принялся за свои *чуалы* (торбы).

Въ 11-ть часовъ утра К. Пожарскій положилъ якорь противъ Нижняго-Новгорода. Тучки разошлись и солнышко привѣтливо освѣтило городъ и его прекрасныя окрестности. Я вышелъ на берегъ и безъ помощи извозчика, мимо красавицы 17 столѣтія — церкви св. Георгія, поднялся на гору. Зашелъ въ гимназію къ Бобржицкому, бывшему студенту Кіевскаго университета; не найдя его дома, я пошелъ въ Кремль. Новый соборъ отвратительное зданіе. Это огромная квадратная ступа съ пятью короткими толкачами. Неужели это дѣло рукъ Константина Тона? невѣроятно. Далѣе. Приношеніе благодарнаго потомства гражданину Мянину и К. Пожарскому — комбечное, позорящее неблагодарное потомство, приношеніе! угѣшительно, что этотъ грошовый обелискъ уже переломился.

Изъ Кремля зашелъ я опять къ Бобржицкому и опять не засталъ его дома. Изъ гимназіи пошелъ я искать въ Покровской

улицѣ, домъ Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашелъ. И только что успѣлъ поздравить съ временнымъ новосельемъ хозяйна, хозяйку и вообще спутницъ и спутниковъ; какъ является Николай Александровичъ Брылкинъ (главный управляющій компаніею пароходства Меркурій) и по секрету отъ другихъ объявляетъ—сначала хозяйну, а потомъ мнѣ, что онъ имѣеть особенное предписаніе полиціймейстера дать знать ему о моемъ прибытіи въ городъ. Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-какъ, я отправился на пароходъ, поблагодарилъ моего доброго друга-капитана за его обязательности, взялъ свой паспортъ и передалъ его, вмѣстѣ съ вещами, Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я въ третій разъ пошелъ къ Бобржицкому и на сей разъ нашелъ его дома съ широкораспростертыми объятіями. Въ 8 часовъ вечера я отправился къ Н. А. Брылкину, провелъ у него часа два времени въ дружеской бесѣдѣ, взялъ у него для прочтенія... изданіе и отправился къ Павлу Абрамовичу Овсянникову, на мою временную квартиру.

20 сентября.

До перваго часу лежалъ. читалъ — А въ первомъ часу и отправился къ Сапожниковымъ. Послѣ обѣда проводилъ моихъ старыхъ милыхъ спутниковъ и спутницъ до почтовой конторы, и простился съ ними. Онѣ въ почтовыхъ каретахъ отправились въ Москву. Когда увижусь я съ вами, прекраснѣйшіе люди? Просилъ Комаровскаго и Явленскаго цѣловать въ Москвѣ моего старо друга Щепкина, а Сапожникова просилъ въ Петербургѣ цѣловать мою святую заступницу графиню Н. П. Т — ую. Вотъ тебѣ и Москва! вотъ тебѣ и Петербургъ! и театръ и академія и эрмитажъ и сладкія дружескія объятія земляковъ, друзей моихъ Лазаревскаго и Гулака-Артемовскаго!

Въ 7 часовъ вечера зашелъ я къ Н. А. Брылкину, встрѣтилъ у него Овсянникова и Кишквина и дружеской откровенной бесѣдой заглушилъ вопли такъ внезапно уязвленнаго сердца. Если бы не эти добрые люди, мнѣ бы пришлось теперь сидѣть за рѣшеткой и дожидать указа объ отставкѣ или просто броситься въ объятія красавицы Волги. Последнее, кажется, было бы легче.

21 сентября.

— Сегодня, как и вчера, погода, — дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти — нет возможности. Из-за стѣны Кремля показывается соборъ свои безобразные толкачи съ рѣповидными верхушками, и ничего больше не видно изъ моей квартиры. Скучно. Пошелъ къ Н. А. Брылкину обѣдать. После обѣда, как и до обѣда, лежалъ и читалъ Богдана Хмельницкого, Костомарова. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениальнаго бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулася впередъ въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія. Она освѣтила подробности, започвенныя дымомъ фимиама усердно кадинаго передъ — — идолами.

22 сентября.

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю Зиновія Богдана. Прекрасная, современная книга! Отъ нѣчего дѣлать нарисовалъ сегодня портретъ В. В. Кншкіна удовлетворительно. Обѣдалъ, по обыкновенію, у Н. А. Брылкина, и по обыкновенію послѣ обѣда читалъ и спалъ.

23 сентября.

Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мистеромъ Стромомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть на строящійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи Меркурій. Отъ нѣчего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать. Щегольской, новенькой пароходъ *Лоцманъ*, въ полдень, поднялъ якорь и понесъ насъ вверхъ по Волгѣ. Съ разными остановками, въ 5 часовъ вечера, мы наконецъ остановились у Балахны. Едва успѣлъ вскарабкаться на кучу бревенъ и взглянуть на эту родительницу безчисленныхъ живописныхъ расшивъ, какъ инспекція кончилась и я пошелъ къ лоцману.

Изъ рассказовъ я узналъ, что Балахна одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, тоже что на Окѣ Дѣдново, гдѣ строился голандскими мастерами первый русскій корабль Орелъ. Въ

десятомъ часу возвратились въ Нижній, пообедали или поужинали и разошлись спать.

24 сентября.

Утро было хотя и неясное, по крайней мѣрѣ безъ вѣтру и дождя. Воспользовавшись сею безцвѣтною погодою, я съ крѣпечка моей квартиры начертилъ верхушку церкви св. Георгія. Хотя что нибудь да дѣлалъ.

25 сентября.

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положеніе. Старинныя Нижегородскія церкви меня просто очаровали. Онѣ такъ милы, такъ гармонически пестры, а отвратительная погода не дастъ мнѣ рисовать ихъ. И, однакожь, сегодня перехитрилъ упрямую погоду. Равно поутру пошелъ въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю и нарисовалъ изъ окна Благовѣщенскій соборъ. Древнѣйшая въ Нижнемъ церковь. Нужно будетъ узнать время ея построенія. Но отъ кого? Къ пьянымъ не хочется мнѣ обращаться, а больше не къ кому. Нижній-Новгородъ во многихъ отношеніяхъ иностранннй городъ и не имѣетъ печатнаго указателя. Дико! по-татарски дико!

26 сентября.

Нарисовалъ портретъ мамзель Анхенъ Шауббе, гувернантки Брыкпныхъ; очень милая молодая нѣмочка, рѣзвая, напвная, настоящій мальчикъ въ юбкѣ.

Прочиталъ комедію Островскаго «Доходное Мѣсто». Не понравилась. Много лишняго, ничего неговорящаго, и вообще аляповато; особенно женщины пенатуральны. Въ скоромъ времени ее будутъ давать на здѣшней сценѣ. Нужно будетъ посмотреть.

27 сентября.

Солнце сегодня взошло свѣтло и весело. Я пошелъ въ Кремль и началъ рисовать соборную колокольню, но руки такъ озябли, оконченѣли, что и едва могъ сдѣлать общій абрисъ. Пользуясь улыбкою осенняго дня, я послѣ завтрака отправился къ Печерскому мона-

стырю съ намѣреніемъ нарисовать эту живописную обитель. Выбралъ точку. Прилежъ отдохнуть. И легѣмый теплыми лучами солнца, задремалъ и такъ плотно задремалъ, что проснулся уже передъ закатомъ солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгіевскаго публичнаго сада, я зашелъ въ садъ встрѣтилъ много гуляющей публики обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Между женщинами, какъ на подборъ ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносною не встрѣтилъ. Кажется, большою частію, старыя дѣвы. Бѣдныя старыя дѣвы!

28 сентября.

Я предложилъ сеансъ моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портретъ былъ оконченъ къ двумъ часамъ довольно удачно. Погода прекрасная. я вышелъ на бульваръ. Между прочей публикой встрѣтилъ я на бульварѣ дѣтей, — три дѣвочки и мальчикъ. Прехорошенькія дѣти. Костюмъ ихъ показался и страннымъ и жалкимъ. На дѣвочкахъ были какія-то коротенькія легенькія дырявыя мантильки нѣмецкаго покроя. Ручонки нагія в почти босякомъ. На мальчикѣ поярковая сѣрая шляпа съ перомъ, мантилька такая же, какъ и на дѣвочкахъ, а башмаки еще хуже. Вообще показались мнѣ онѣ похожими на труппу младенцевъ-комедіантовъ. Я дошелъ съ ними до кондитерской, купилъ имъ сладкихъ пирожковъ на полтину и познакомился. Зовутъ ихъ Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Сеней; дѣти онѣ нѣкого Арбеньева, театральнаго музыканта. Значитъ, я не многимъ ошибся. На разставаньи онѣ просили меня къ себѣ въ гости, и я разумѣется общалъ прійти.

Разставшись съ дѣтьми, вспомнилъ я Алексѣя Панфиловича Панова, крѣпостнаго Паганини, на князѣ Пожарскомъ; онъ зимуетъ въ Нижнемъ, и квартируетъ гдѣ-то противъ архіерейскаго дома. Съ георгіевской набережной пошелъ я къ архіерейскому дому съ цѣлію найти квартиру и навѣстить моего возлюбленнаго виртуоза. Квартиры виртуоза я однако жъ не нашолъ, а мимоходомъ зашелъ въ архіерейскій садъ. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревяннымъ заборомъ, посрединѣ которой красуется въ родѣ казармы, огромное трехъ-этажное зданіе (архіерейская келья). Недалекъ отъ зданія между деревьями, бесѣдка съ

колоколами, и въ другой сторонѣ также между деревьями четырьмя улья, обдѣланные на подобіе надгробныхъ памятниковъ. Вездѣ пусто и уныло, и нравственный застой на всемъ отражается. Скверно. Прийдя на квартиру, я, на совѣтъ градуцій, прочиталъ *Разсказъ маркера*, графа Толстаго. Поддѣльная простота этого разсказа слишкомъ очевидна.

1 октября.

Грязь, туманъ, слякоть и протчая атмосферическая гадость. Вслѣдствіе чего я предложилъ сеансъ г. Грассу, зятю Н. А. Брылкина.

Съ сегодняшняго дня начинаются здѣсь спектакли и послѣ обѣда Н. А. Брылкинъ пригласилъ меня въ свою ложу. Давали народную сантиментально-патріотическую драму Потѣхина. — *Судъ Людской не Божій*. Драма дряннъ съ подробностями. Г-жа Мочалова, независимо отъ своей бѣдной ватянутой роли, мнѣ понравилась. У ней движенія настоящей артистки. Т. Климовскій, какъ и роль его, приторенъ. Водевиль, *Коломенскій нахлѣбникъ*, — водевиль балаганный, и исполненъ былъ соотвѣтственно своему назначенію. Маленькій оркестръ въ антрактахъ игралъ нѣсколько номеровъ изъ Донъ-Жуана, Моцарта прекрасно, можетъ быть потому, что это очаровательное созданіе трудно сыграть непрекрасно. Зала театра небольшая, но отдѣлана просто и со вкусомъ. Публика, въ особенности женская, замѣчательно неблестящая и не многочисленная.

2 октября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ, нужно было вчера начатый портретъ г. Грасса сегодня кончить. я и принялся за работу съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить и итти къ Печерскому монастырю, съ цѣлію нарисовать его. Но, увы, монастырь этотъ мнѣ не дается. Кончивши портретъ, я нечаянно, но нелицемѣрно позавтракалъ, прилегъ на минутку вздохнуть и проспалъ ровно до двухъ часовъ. Непростительное свинство! Едва успѣлъ я проснуться, какъ вошелъ Н. А. Брылкинъ и предложилъ мнѣ итти съ нимъ на бульваръ погулять передъ обѣдомъ. На бульварѣ встрѣтили мы нѣкоего господина Я—и. Н. А. откомендовалъ меня сему го-

сподину Я—и. Онъ просилъ насъ къ себѣ обѣдать и мы не отказались. Г. Я—и одинъ изъ Нижегородскихъ арестократовъ, весьма любезный и довольно бѣдкій либераль и вдобавокъ любитель живописи. Онъ показалъ мнѣ свой альбомъ, ни чѣмъ особенно не замѣчательный, и картину плохо освѣщенную. Картина съ большими достоинствами, изображающую молящагося какого-то молодого святаго; выраженіе лица прекрасно. По увѣренію хозяина, эта драгоценность принадлежит кисти Гверчино, а потому она больше похожа на хорошую копию съ Доменикино Цампьерри. Но я хозяину не сказалъ моего мнѣнія, по опыту зная, какъ трудно противорѣчить знатокамъ живописи. На разставаньи онъ взялъ съ насъ слово быть завтра вечеромъ въ клубъ, при выборѣ старшинъ, гдѣ общалъ меня познакомить съ своими товарищами и угостить музыкой; я не прочь и отъ музыки и отъ знакомства, въ-особенности отъ знакомства. Мнѣ необходима денежная работа, а иначе я долженъ буду обратиться опять за святыми финансами къ моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября.

Русскіе люди, въ томъ числѣ и Нижегородцы, многими одолжились отъ европейцевъ и, между прочимъ, словомъ клубъ. Но это слово совершенно не къ лицу русскому человѣку. Имъ бы лучше было одолжиться подобнымъ словомъ, — а оно вѣрно существуетъ въ китайскомъ языкѣ—одолжиться бы у Китайцевъ и Японцевъ, если они отринули свое родное слово *посидѣлки*, удивительно вѣрно изображающее русскія дворянскія сборища. У европейцевъ клубъ имѣетъ важное политическое значеніе, а у русскихъ дворянъ это даже и не яврская сходка, а просто посидѣлки. Они собираются посидѣть за ломберными столами, помолчать, поѣсть и выпить.

Послѣ выбора старшинъ, любезнѣйшій г. Я—и представилъ меня своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ генералу Веймарну и г. Кудлаю (полицеймейстеръ № 2). Генералъ Веймарнъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ похожъ вообще на прекраснаго простаго человѣка, а г. Кудлай кромѣ того, что не похожъ на полицеймейстера, какъ и товарищъ его Лааа, замѣчательнъ тѣмъ, что онъ другъ и

дальный родственникъ моего незабвеннаго друга и товарища, покойнаго Петра Степановича Петровскаго. Много и многое разбудилъ онъ въ моемъ сердцѣ своимъ живымъ воспоминаніемъ о прекрасныхъ минувшихъ дняхъ. Мы съ нимъ до того увлеклись минувшимъ, что незамѣтили какъ настоящія посидѣлки кончились: въ заключеніе усовѣтовали, писать къ брату покойнаго моего друга, Павлу Степановичу Петровскому, чтобы онъ, отложивъ всякое пооченіе, навѣститъ бы насъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и, если можно, захватить бы съ собою и моего искренняго Михаила Лазаревскаго.

ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.

П О В І С Т

(1648.)

ПІСНЯ ПЯТА.

I.

Блпснўла зоря;
Біліють поля
Підъ холóднимъ тумáномъ.
Чогó зібрались
Старп дoйнéки
У дубрóві за стáномъ?

Блпснўла зоря,
Біліють поля,
Почннá нéбо снãти.
»Ой не гáрãздъ намъ,
Старимъ головáмъ,
Молодóго послухáти.

»Ой нашъ отáманъ
Високо лiтá,
Та сiдáе низéнько:

Що як віскъ роставъ,
За слово оддавъ
Рарожинськїй серденько.

— —
»Ов чп на те їх по полю
Жують сіроманці,
Щобъ нашъ Голка прислужився
Вродливій панянци?

»Усе поле, всі дуброви
Вороннї обсіло,
Розношує наші кості,
Клює наше тіло;

»А панове, зъ ласки Голки,
Въ Лубнїхъ бенкетують,
Та зъ Еремою на Гадячъ
Потуги готують.

— —
»Отаману молодому
Теперъ панна сийтця:
Любо буде на слугъ її
Вставши подвїтьця!

»Хай слухають шибеники,
Якъ вороннї крїче,
Якъ удова по мўжеві,
Снив по батьку плаче.

»А на Голку верховода
Зберімъ чорну раду. —
Хай зупївнїть краснїмъ словомъ
Людськїй жаль-досаду!

»Чи такъ лёгко заплакани
Очі утирати,
Якъ панянци пótай рáди
Кóнка сідлати!

»Чи такъ любо зрадникóвi
У стовбá стояти,
Ой якъ любо ясну пáнну
На сідло сажати?»

II.

На дейнекахъ босонóгихъ
Кармазвини сяють;
Шабелькáми шляхецькими
Бўдники лискають.

Не бо́ятця завзя́тні
Панцёрного пóлку:
Бўбнять въ бўбни, визивáють
На чóрний судъ Гóлку.

Вийшовъ Гóлка середъ рáди.
Вклоні́вся низенько.
Коло ёго панцёрники
Лáвами близенько.

»Браті моі рідні,
Шанóвна громадо!
Маєте ви козацьке завзя́ття,
Та не тямъ завзя́ттямъ
Силою сліпою —
Визволятця усі ва́ші брáття.

»Браті моі любі!
Тоді слобоні́тця
Відъ Ляхівъ неситихъ Україна,

Якъ у всіхъ убогихъ
 И у всіхъ замо́жнихъ
 Бúде во́ля п дúма еди́на.

»Бачите ви дóбре,
 Якъ Ляхи́ лукаві
 На погібель васъ у за́могъ замани́ли.
 Не бня́ли ви віри
 Мойму́ характёрству.
 Та й багáто лю́ду ма́рне погуби́ли.

»Моє жъ характёрство
 Не на те здалóся,
 Щобъ людськú кровъ дúрно розлива́ти:
 Навчи́всь я на́уки,
 Щобъ люде́й відъ му́ки.
 Не гни́влячи́ Бо́га, визволя́ти.

»Ви чо́рвую ра́ду
 На мене зозва́ли —
 Стою́ передъ ва́ми, въ ва́шій во́лі.
 Не те ми́ні стра́шно,
 Стра́шно, що безъ мене
 Не бúде вамъ у похóдахъ щáстя-до́лі.

»Зна́йте, бра́ття, підко́пана
 Уся́ Украї́на —
 Відъ Га́дяча до Глу́хова,
 Зъ Лубе́нь до Любли́на.

— — —
 »Підъ церкві́ зъ буди́нківъ панськи́хъ
 Прокóпані хóди —
 На упа́докъ и погібель
 Те́мному наро́ду.

— — —

»Трѣба щільно тихъ лукавихъ
Ходівъ дозирати.
Що йдуть съ пала́тъ та до церковъ,
Съ церковъ у пала́ти.

»Якъ освітняъ дѣннимъ світомъ
Тїи темні ходи.
Тоді тільки буде користь
Изъ Йовтої Води, —

»Буде користь зъ Солонїці,
Зъ Альти, съ Корсунщини:
Не запряжѣ у корми́гу
Шляхта України!

»Не мой жъ се, чесне бр́атти.
Не мой нау́ка:
Иде вона одъ Исуса —
Відъ діда до вну́ка.

»Що хотїте, те й чинїте —
Я у в́ашій волі,
Тільки про́шу — не згубїте
Української до́лі!«

III.

Зашумїли въ д́узи
Дубї кучеря́ки:
Загукали Га́дячане
На дейнецькї л́ави:

»Ой ви, волоцю́ги,
Розбвша́цькї діти!
Гей, л́учче б́ь вамъ по кони́шамъ
Низовїхъ сидїти: 47

»Лучче бѣ доглядати
Мурáвського шляху,
— —

»Лучче бѣ вамъ зъ лихíми
Ййти ушкалами. ⁴⁹
Аніжъ раду радувати
Зъ нами, козаками!

»Буде зъ васъ, що нанихъ
Батьківъ підмавил. ⁵⁰
На кривавій Солоніці
Голодомъ морили.

»Буде зъ васъ, що шляхту
Дурно дратували.
И зъ лукавимъ Острияйномъ
Въ степі повтікали. ⁵¹

»Не слухайте, браття.
Хижого бурлацтва:
Хай панъ Голка порядкує
У нашімъ козацтві.

»Молодий вінъ сокілъ,
Та жваво літає:
— —

IV.

Добре було бѣ, добре
Ййти на сімъ світі,
Колібъ можна було діла
Оного глядіти.

Була бѣ зъ насъ громаді
Праведна послуга...
Атò вкравась козакові
У сёрденько туга.

Міжъ козацтвомъ Гółка
 Мовъ по пúці блúдить.
 II кóнка воронóго
 Пíдъ собою нúдить. »

Ой чи тобі. Гółко.
 Отаманувáти,
 Чи до Лубéвъ крутойрихъ
 Дорóгу верстáти.

Та впáсти до віжокъ
 Пáнни молодéвкíй,
 Роспорóти бíлі грúдв.
 Показáть сердéнько?

»Ой глянь. пáнно. въ сéрце.
 Чимъ вонó палаé. —
 Що дрúгого, пáнно. Гółки
 У свíті немаé...«

Мáрне слóво. мáрне.
 Чужáя дружíвно!
 — —

Мáрне твоé. Гółко.
 Сéрденько палаé:
 Хто родíвся недоляшкомъ.
 Той .Ляхóмъ скончаé

»Ой сéрце гарáче.
 Огнénная дúшо!
 Чимъ же и васъ погасíти
 Де втопíти мúшу?

— —
 »Погашú я сéрце
 Працею тяжкóю.
 Затоплú огнénну дúшу
 Дякою людськóю.

»Ворогъ лихий,
 Ви сліпії люде:
 Не знаєте, яка користь
 Зъ мене миру буде.

»Не на те піднявся я,
 Щобъ кровъ розливати:
 Я піднявся, щобъ темноті
 Очі освітити.

ПІСНЯ ШЕСТА.

I.

Ой усяке на сімъ світі
 Про своє гадає:
 Хто про долю України
 Та про славу дбає.

А хто зъ брата у захисті
 По дві шкурі лунить,
 А якъ йнший, то й прилюдне.
 Що попаде, цупить.

Величалися дейнеки
 Будинковимъ луномъ:
 Поставляли шибениці
 Зъ викопаннмъ труномъ.

И, попівшись, сумували.
 Що Жиди съ кагалу,
 До приходу панцерниківъ.
 Усі повтікали.

»Чорті батька знає, мовляли,
 »Що теперъ чивіти!
 Якъ и царство небесне
 Въ Бога заслужити!

»А кіньмося лишень, браття,
 По склепахъ церковнихъ:
 Тамъ багато на шляхецтві
 Перстенівъ коштовнихъ.

»Та й якого ката буде
 Шляхта тамъ лежатъ.
 И страшного того сѹду
 Мовъ у просі ждати?

»Ге! замкнуто!... Колякою
 Підъ двірп підпёрто!
 Мабуть, страшно запорозькихъ
 Гайдамакъ и мёртвимъ.

»А кете лишъ, підкотіте
 Підъ церкву гармату:
 Вона заразь намъ очинить
 Мертвѣцькую хату».

— »Гвалтъ! рятуйте!« изза дверей
 Жиди закричали.

— »Оттакá ловісь, панове!«
 Та й зареготали.

Регочутци гайдабурп,
 Гармату риптуютъ.
 Відъ радіщівъ підъ собою
 И землі не чуютъ.

»Оттеперъ-то, пані браття,
 Дождались ми панства.
 Ще й у Бога заслужимо
 Небесного царства!

»Отспёръ-то полатаємъ
Свої драні бѣки:
Постоли бѣдуть сапъяні,
Шовкові волоки!«⁵³

Ой торохнула-ревнула
Мідяна гармата, —
Захяталася, відчинилась
Метвѣцькая хата.

Повалило съ хати димочъ.
Мовъ у гуті зъ груби:
Мовъ голова Одамова.
Вищерила зѣби, —

Посипалась цѣгла, ванна;
Двѣри, мовъ у пѣкло,
Роззявились, розширились...
»А щѣ. Жиди? тѣпло

»Натопили ми вамъ хату?
Не такъ, якъ бувало
Ми въ холоднихъ вашихъ корчмахъ
На лавахъ конали!«

Мовчять Жиди, ані телѣнь,
Нигдѣ не озвались;
Тільки вѣтхі домовини
Скрізь пороскривались.

Виглядають жовгі кості —
Чи вже наступила
Та година страшѣнная,
Щѣ дѣшу томила, —

— —

Сѣмно стало гайдамакамъ.
Сѣмно міжъ гробами.

Мовъ мерці до нихъ озвѣлись
Мертвими устами.

II.

»Юде добрі! ось давітєсь:
Жидівська намітка!
Утікала, та в втеряла
Чортова Жидівка.»⁵⁴

»Гляньте, въ двѣрцяхъ завязнула!
Сі двѣрці на хѳрн.
Ой тамъ вовнй, вражі сннй,
Ой тамъ людомѳрн!»

Стрепенулись, поринули
Въ церкву гайдабурн, —
Застогнали, заплакали
Церковниі мури.

Притаілась изъ Жидами
Ходачкова шляхта.
Коло батьківъ та матірокъ
Діти — якъ писклята.

Притаілися уніти,
Що Ляхамъ служили
И съ ксеізама неписьменну
Простоту дурили.

»Ага! ого!» загукали
На їхъ гайдамаки.
»Такъ ви усі сюді збігались,
— — собаки!»

»Добре, іЖиди! добре, шляхто!
Добре, довгопѳлі!»

Будуть жива въ насъ ряснійші,
Нижъ на па́нськімъ полі.

»И за се вамъ дякуемо,
Що ви свої тлумки
И скринькѣ всі позно́сили
Намъ на подару́нки.

»А що́, Жи́ди: чи ва́жче вамъ
Зо́лото вте́рати,
Чи свої пога́ні ду́ші
До чорта́къ посла́ти?

»Ба́чте, до чо́го дово́дять
Ва́ші кля́ті ка́рби, ⁵⁵
Що са́мі намъ позно́сили
Незлі́чені ска́рби!

»А ти, шля́хто хо́дачка́ва,
Па́ні око́нами,
Лю́дські п'я́вки безсе́рдечні.
Дрі́бні грошо́лови!

»Ви зъ Жи́дами накла́дали, ⁵⁶
Іхъ ро́бомъ ходи́ли,
То съ па́рхами й поля́жете
У одні́й моги́лі.

»А за те, що въ насъ жи́дівська
Уда́ча леда́ча,
Домови́ною вамъ бу́де
Утроба соба́ча. — —

»А що́ жъ вамъ — —
Ма́ємо сказа́ти?
Ви са́мі въ церкв́ахъ приви́кли
Люде́й поуча́ти.

»А виходь лишь, поторочо,
 На амбонь високый, —
 Чи й до слова, якъ до іжп.
 Въ тебе ротъ широкый?»

Не злякалась потороча.
 Стала на амбоні;
 Казать казань поторочі
 Піхто не боронить.

Отця й Сіна мугикнула.
 Ще й Духа Святого.
 »Ой слухайте, пані шляхто,
 Пророчого слова!

»Роскувалося хіже хлопство,
 За гріхи шляхецькі, —
 Нехай справлять у-останне
 Великъ-день збооцький.⁵⁷

»Ой викуе на їхъ шляхта
 Сталевні ўзди, —
 Ой не виїде хамське кодро
 До суду изъ вўжди!

»Ой викуе на їхъ шляхта
 Залізні кайдани, —
 Махатиме хамське кодро
 До суду цїпани!»

Ой якъ трюкне оружина
 Пізъ довгого дула. —⁵⁸
 У широкій ротъ — — —
 Засвистала куля.

Застогнали живі люде
 И въ склепѣ шкелѣти;
 Забывшали списей, піаблі.
 Загулі мункѣти.

III,

Хто жь то въ цѣркву увалився
 Изъ панцѣрнимъ полкомъ?
 »Стійте, стійте, людюди!«
 Крикне грізно Голка.

Ой труситця въ тѣмнімъ бѣрі
 Зпирь відъ ріку лѣва:
 »Чого тобі, отамане,
 Чого відъ насъ треба?

»Ой се наша здобиченька!
 Нашъ се заробітокъ!
 Наша вдача! наше щастя!
 Козацький пожитокъ!«

— »Огляньтеся, навіженні!
 Триста самопалівъ
 Плечѣ съ плечѣмъ... Моргну́ усомъ—
 Ляжете снапами!

»Ви на раді мали волю,
 А я — після раді:
 Моє слово має силу
 Цілої громади.

»Хто звелівъ вамъ, хто дозволивъ
 У цѣркві буйти?
 Чи такимъ же, якъ ви, людямъ
 Цѣркву руйнувати?

»Зруйнувавши, варобите
 Мусору та пілу,
 Та й ляжете собакани
 Въ собачу могилу.

»Ш тому, хто ёі словомъ
Умивъ руцнубати,
Не дали у три дні нову
Цёркву збудувати.

»На крові ёго будують
Капица вечнстї,
А по світу ходить-тужить
Духъ ёго пречнстїи.

»Збудуетця цёрква нова,
Підъ небо знесётця,
Якъ истини вічне слово
На явесь мнръ пролетця;

»Якъ забудуть братівъ браття
Мужиками звати:
Якъ у всіхъ насъ на Україні
Одна буде мати.»

Ой не виіпннть души Голка.
Річъ, якъ повідь, рине...
Хто жъ то ёі зрозуміє
На всій Україні?

Повурпнлись гайдабурн
Въ зёмлю головою.
Почухали потїлицю.
Махнўли рукою:

»Въ тїмъ, отаманъ, твоя воля. —
Хай муръ застаётця,
А що шляхті та Яндовї.
То вже не минётця!»

— »Не дозволю кровъ людськўю
Марне розливати!
Хай втікають, кудї знають,
До польскої шляхти.

»А добро, що наздирали
 Зъ убогого люду,
 На потріби військовій
 Обернене буде.«

— »Эге-ге! такъ оттакі
 Вмиєшъ ти співати?
 А, бо'дай же більшъ нікому
 Сего не чувати!

»Хибá жъ тільки въ Бóга й світу,
 Що єъ твоімъ віконці?
 Ще жъ не згасло галаганомъ
 Козацьке сонце! ⁵⁹

»Зоставіся жъ изъ Жидами
 Та зъ мотлохомъ панськимъ.
 А ми будемъ промпляти
 Звичаємъ козацькимъ.

»Зоставіся, добромъ нашимъ.
 Якъ Жидъ, розживіся.
 Та зза Дніпра, пазз Бóгу
 Гостей сподівіся!«

IV.

Позаймали гайдамаки
 Усі балки п байраки,
 Всі дороги степові
 И всі стежки лугові.
 Відъ Лубень до Кременчука
 Була шляхті й Жидамъ мука.
 Пі пробітись, ні прокрастись.
 Ані въ грубі заховатись.
 Що ні шабля, ні рушніца
 Протнеъ вихъ не помішніца:

Що ні сукні, ні шкатули
Відъ хижанства не впазили.

Обернули гайдабурі
Панські хати въ кучугури. ⁶⁰

— —
Панські трүнни попивали,
Въ панські гуслі вигравали,
У сапьянцяхъ танцювали.
Закаблuki відбивали.

Позаймали волоціоги
Всі провали и яруги.
Де могли, де прикмети,
Тамъ чатують їхъ бекети.
На коникахъ вигравають,
Шабельбамъ повертають. ⁶¹
Панцерниківъ проклинають, —
Хмельницького вглядяють.

V.

Уже жъ чорна галічъ
Изъ усєго світу
На Україну позіталась:
Де було бурлацтво, —
Лугарі, дейнеки,
На поживу, на гульні збіралось.

Ворони зъ грачами
По звалищахъ гріють,
А по пўсткахъ вовки завивають;
Крєчети зъ орлами
По шляхахъ шумують, ⁶²
Шибеникамъ очи виідають.

Тільки посумують,
 Слухавши тихъ співівъ,
 Въ пізні часи, рідний братъ изъ братамъ,
 Що їхъ пращуръ тихий,
 Богобоязливий
 Стався пляхті безсердечнимъ катомъ

ПІСНЯ СЕМА.

1.

Ой у Лубняхъ крутоярнхъ.
 У високімъ замку.
 Сидить пишний князь Ерёма
 На тисовімъ ганку.

Не читає князь Ерёма
 Лістивъ издалека:
 Перетявъ усі дорóги
 І стежки дейнека. ⁶⁵

Ой приходять до Ерёма
 За вістями вісті:
 Повтікало драгони
 Тисяча п двісті. ⁶⁶

Повтікали покидали
 Шапочкі рогаті,
 Та наділи козацькві
 Кўчми волохаті.

Широкая околиця
 І вершокъ низенький ⁶⁷
 Плавле-тóве въ помійниці
 Якъ гвилі опівькві.

Похилюста шапка-кучма
 Изъ верхохъ чорвонимъ
 Скаче. крутпця, басуе
 На воронимъ коню.

Годі тобі, пишний князю,
 Ловити разбогівъ: ⁶⁸
 Порá тобі вибірátись
 Въ далёку дорóгу.

Годі соболя держати
 На срібнимъ ланцюзі: ⁶⁹
 Ой уже жъ твоѣ княгиня
 У великій тузі. ⁷⁰

Годі, князю, за граніці
 Зъ Москвою змагátись: ⁷¹
 Порá зъ Лубень зо всімъ ко́дломъ
 Въ Пóльщу вигребátись. ⁷²

Мавъ ти, князю, пазъ дорóги
 Ченцівъ завертати: ⁷³
 Прийшлось тобі у козацтва
 Дорóги питátись:

»Ой козакі! якъ до Пóльщи
 Втрапити зъ обóзомъ?
 Що по Дніпру ви пáлите
 Усі перевóзи?»

»Въ Кременчúді, у Черкасахъ,
 У Каневі, въ Ржищахъ
 Стоїте ви залóгами
 Въ старіхъ таборищахъ.« ⁷⁴

— »На що тобі, пишний князю,
 Дорóги питати?
 Лúчче тобі манівцями
 Зъ Лубень простувати. ⁷⁵

»Ой до тебе, пійший князю.

Збіглась уся шляхта:
Червоші навкругъ тебе,
Якъ червчата плахта.

»А міжъ тими втікачами

Рарожинська панпа.
Яснобка чарівниця
На ввесь Гадичь славна.

»Вміла вона відъ козацтва

Вночі утікати,
То зуміє й тобі, князю,
Дорóгу вказати.

»А ми тебе зустрінемо

Не разъ и не двічі.
Та заглянемо гарматами
Тобі, князю, въ вічі. 76

»Веди, князю, за собою

Кóней табунами.
Щобъ було чимъ поділітись
На прощання зъ нами.

»Бери вина, меду й пиво

У бочкахъ дубовихъ,
Щобъ було чимъ привітати
Козаківъ лебстрóвихъ.

»Бери шати дорогіі,

Сукви едамашки,
Щобъ було чимъ запобігти
Козацької ласки.

»Бери, князю, срібні кубки.

Зъ золотомъ шкатули.
Щобъ твого ми проважання
Дóвго не забули:

»Проважали ми Ерему
 »Зъ Лубень до Прилѹки, —
 »Добре, добре нагривали
 »Коло ёго рѹки!

»Провожали ми Ерему
 »За води Дніпрѡвп. —
 »Поминяли своё рямъя
 »На жупаны нові.

»Проважали, рахували:
 »Чи ёго пускати,
 »Чи въ таборі до гармати
 »Ёго прикувати?»

»Ой настала твоя, князю.
 Остання година:
 Збунтувалась навкругъ тебе
 Уся Украина.»

II.

Не бугай, не круторогий
 Въ отарі гуляє:
 Князь Ерема крізь козацтво
 Дорогу верстає.

Ой не медь-пьянѣе-чоло ⁷⁷
 Бочку розриває:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Хлопство розганяє.

Ой не пиво на про-диво ⁷⁸,
 Нграючи кісне:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Гайдамацтво тисне. ⁷⁹

Бережіся, пішній князю,
 Дніпрової води:
 Не стивайся съ козаченькомъ
 Княжэцької врѳди!

Козакъ Гѳлка по Вкраїні
 Шўлякомъ шугае;
 Де крутнѳтця — гѳрде панство
 Якъ птаство втїкае.

Козакъ Гѳлка сшива сѳтні
 На живўю рўку:
 Породїла єго мати
 На шляхэцьку мўку!

Ой де стане — земля тане —
 Підкѳпи рикають:
 Кудї глянє — трава ванє —
 Ворогї зникають. ⁸⁰

III.

»Ой вп. хлопство тупорїле,
 Безўмннї глїви!
 Не вь-догадъ вамъ, якъ ми, панство.
 Добуваетъ слави.

»Есть у мене увъ обѳзі

Ой винъ мїні у напастяхъ
 Великий застўпникъ. ⁸¹

»Вївїзъ я єго изъ Рїму
 Відъ Отця Святого;
 Ой винъ знае, якъ скрутїти
 Гѳлку молодѳго.

»Бо на слові спасенній
 Панночка сказала. ⁸²
 Кого серденькомъ дівочимъ
 Щиро покохала.

»Покохала не обачна
 Ворога лихого
 Браттїв-шляхти, віри. Церкви
 І Отця Святого.

»Покохала бідоманья,
 Та й захорувала,
 І въ недўзі відъ прелата
 Тайни не словала.

»Такъ Господь намъ посилає
 Помічъ не сподїюу,
 Що ми служимъ костелові
 І напіжу вірно.

»Ось побачите, що зможе
 Цїала віра въ Бога:
 Утікати вамъ поможє
 Козацька залога.

»А якъ Богъ дасть, що зъ обóзомъ
 Дніпро перебўдемъ,
 То ще й Гóлку на розправу
 У рўки добўдемъ.

»Етó кровью гарячою
 Змїємъ грїхъ дівочий
 І вїставимъ пшбеника
 Передъ вáні очі!»

IV.

»Чи то справді, панї братїя,
 Чи уві сві снитця,

Що нашъ Гóлка передъ княземъ
У шáнцяхъ тiснитця?

»Чи то справді, папi браття —
Не вимемъ очямъ віри —
Що нашъ Гóлка у пам'яті
Плаче надъ папіромъ?

»Малесеньке, тонесеньке,
Попiсане крiво,
Та зъ отаманомъ хорóбривмъ
Чинить такé дiво!

»Ой панóве! се жъ писала
Панна чарiвниця!⁸³
Якъ намъ Гóлку відходити,
Що князя боiтця?»

— »Отаманна сивоусе!
Ви вiкъ звiкували,
Та гiршого надъ всi гóря —
Любощiвъ не визнали.

»Отаманна сивоусе!
Ви вiкъ звiкували,
Солодшого надъ всi щастя —
Любощiвъ не визнали.⁸⁴

»Ой рштуйте ви гармати,
Мортiри бомбóви,
Тільки дайте мiнi глянуть
На чóрнi брóви.

»Ой стреляйте и рубайте
Зъ ранку до пiвночи, —
Дайте, дайте мiнi глянуть
У любiнi очi.

»Ой велика сѣрцю радість
Вѣрога зломити,
А ще більша, а ще вища —
Щіро полюбіти.

»Ой велика душі мука
Изъ світомъ прощатись,
А ще більша, а ще гірша —
Дружини зрікатись.

»Отаманни сивоусе!
Чинить мою волю:
Гей, поставляйте ви чати
По чістому полю.

»Нехай густо зачатують
Битую дорóгу,
Щобъ ніхтó не змігъ чинити
Князеві трівóгу.

»Хай Ерема зъ упокоємъ
Дніпрó перебу́де,
Ні óдного скарбóвого
Вóза не позбу́де.

»Хай втікао изъ нащадкомъ
Въ добрую годину:
Не вертатись ёму съ Польщи
До насъ на Україну!»

Ой вволіли старі волю
Гóлки молодóго,
Не зосмілились промовитъ
Отаману й слова.

V.

Хóдить Гóлка надъ водою —
Тя́жко сѣрце бѣ́тця:

Его ворогъ, ёго лютий
Зъ радощівъ смієця.

Ходить Голка та сумує
Сёрцемъ одпнокимъ;
Его ворогъ опивийся;
За Дніпрómъ широкимъ.

Позирає на себ бóрегъ,
Потирає рўки:
»Завдамъ, завдамъ козакові
Страшенної мўки!«⁸⁵

Ой не радуєсь, пишний князю,
Що закинувъ ўду:
Ходить Голка та голубить
Високую дўмку:

»Кличешъ мене, мой зóре,
На тайну розмóву, —
Не почую я до-віку
Коханого слóва!

»Ой оглўну, занімію.
Згнитў свою дўшу.
Сёрце лёдомъ заморóжу,
Мóвчки вмёрти мўшу.

»Дорога ти міні й рідна,
Сёрденько дівчїно,
А дорóжша и ріднїйша
Мати Україна.

»Не почую... бо не зможу
Сёрця зупнити.
Не побачу... не здолю
Я безъ тебе жити.

»Ой шіроко, ой глібоко
 Думкою займаю,
 А ще шіршу, а ще глібшу
 Я надію маю.

»Де посіяти, зростіти
 Благодатну волю,
 Якъ не въ насъ на Україні,
 На кривавімъ полію?

»Ой засію я надії
 И думи високі
 У козацькій, у лицарській
 Натурі широкій.⁸⁶

»Ой нехай мої надії
 Бўдуть мої діти:
 У сёрденьку гарячому
 Любо їхъ носити.

»Роспинались добрі люде,
 Щобъ у раї жити,
 А міві — аби не зникли
 Мої діти зъ світу.

»Ой то рай мій, вічне царство,
 Награда відъ Бóга!

— — 87

ПІСНЯ ВОСЬМА.

1.

Братъ на брата гóстрить шаблю.
 Наступає ббемъ, —
 Величає ёго шляхта
 Витяземъ, гербемъ.

Братъ відъ брата утікѧе,
Криетця въ хатині, —
Узпѧе ёго шляхта
Хѧмомъ на Вкраїні.

Чисъ жъ діло передъ Бѧгомъ
Прѧведне, висѧке?
Кого любо озирѧе
Небѧснее ѧко?

Ой чи тихъ, що після праці
Гуляють съ панѧми,
Ой чи тихъ, кого за працю
Винчають тернѧми?

Нехѧй своїхъ вихваляють
Панѧве съ трибѧни,
А про нѧшихъ заиграють
Бандѧрнїі струни.

Нехѧй своїмъ кѧкви ставлять
Корѧлі, княжѧта,
А про нѧшихъ бѧдолѧшнихъ
Заплачуть дѧвчѧта.

Ой не довго тобі, Гѧлко,
Отаманувѧти,
Характерствомъ чужозѧмнимъ
Ворогѧвъ лякѧти.

Ой не довго тобі, Гѧлко,
Голѧбити надѧю, — —
Що Вкраїна вже не піде
Въ лихѧ рѧзноцѧю.

Рѧно, рѧно ти, мій ѧрле,
Піднявсь воювѧти,
Необѧчнихъ, безталѧннихъ
Рѧзуму навчѧти.

Сієшъ, сієшъ по Україні
 Ярюю пшеницю, —
 Лиха доля рóдить-плóдить
 Никчёмну мітлицю.

Сієшъ правду, сієшъ рóзумъ
 И світъ передвiчний, —
 — —

Дóвго, дóвго Україна
 Сліпа й глуха бóде:
 Засліпили, заглушили
 Лукавні люде.

II.

Ой зза Дніпра та зза Бóгу
 Хмара наступає:
 Панъ Хмельницький Кривонóса
 Вь похóдъ впряжає:

»Иди́, иди́, Кривонóсе.
 Тóю стороною,
 А я пійдú понадъ гiрью
 Слiдóмъ за тобою.

»Иди́, иди́, Кривонóсе,
 Та влови́ Ерему.
 Якъ уловишъ, дóже вгóдишъ
 Сёрденьку моёму.

»Ще жъ, мiй дру́же, с тамъ Гóлка;
 Сліяє красóю.
 И прослáвивсь на Україні
 Нарiвні зо мною.

»Ой якъ зможешъ ёму́, дру́же,
 Вкоротiти віку, —

Не забúду я послúги
Твоєї до-віку.«⁸⁸

III.

Ой зза Дніпра та зза Бóгу
Хмáра наступáє;
Грaчівъ клячa й чóрнихъ гáлокъ
На сей бiгъ стягáє.⁸⁹

Чи то грaчi, чи то гáлiчъ.
Чи хiжi дейнiкi
Роспускáють по Вкраiнi
Загони далекi?

»Ой не довго будешъ, Гóлко,
Верховóдить вiйськомъ!
Втiкáй, втiкáй, врáжий сiну,
Изъ шлiхтою нiшкомъ.

»Ой умiвъ ти гáрну здóбичъ
У насъ вiднiмáти;
Зумiй теперъ, врáжий сiну,
Противъ насъ стояти!«

IV.

Чогó, чогó въ Кривонóса
На бiгъ вiсь скривiвся?
Не заставъ въ Лубнiяхъ Ерiмъ —
Зá чубa сховiвся.

Чогó въ дейнiкъ босонóгихъ
Потóмлени кóни?
Не настiгли — удáрились
Рукáми объ пóли.

Не встигли вони князя
 На битій дорозі,
 Перечули через люде,
 Що вже на тимъ боці.

»Кривоносе, старій батьку!
 Стягуй своєю сілу,
 Рятуй, рятуй відъ зрадника
 Україну мїлу!

»Ужé жъ Гóлка, по́тай війська,
 Съ княземъ накладáе,
 Усю шляхту, все Жидівство
 Въ Пóльщу впуска́е,

»Ой удáрмо, Кривоносе,
 На панцérні лáвп,
 Хай ледáшо не калáе
 Козáцької сла́вп.

Ой не бійтєсь, пані брáття,
 Чужозémськнхъ шáнцївъ,
 Ой удáрмо, розженімо
 Гадячáнъ-погáнцївъ!»

У. 90.

Ой не встїгъ же козáкъ Гóлка
 На кóника сїсти.
 Стáли ёго панцérникївъ
 На капúсту сїкти.

Ой не встїгъ же козáкъ Гóлка
 На кóника впа́сти.
 Стáли Гадячáнъ голінннхъ
 Якъ скóпкп клáсти.

Ой як стїсне козакъ Голка
 Коня острогами;
 Оступили ёго ланці
 Зъ голыми шаблями.

Оступили.—мовъ колоссямъ,
 Шаблями укрили.
 Не зломіти гайдабурамъ
 Лицарської сили! ⁹¹

Повернувся лицаръ Голка
 На правую руку;
 Кудї гліне, тудї гріве,
 Всюди повно трупу. ⁹²

Ой не взяти вамъ лицаря
 Голими руками. ⁹³
 Уже жъ ваша гайдамацька
 Тече кровъ ріками.

»Кривоносе, орле хижий!
 Налітай близенько,
 Чи не влучишъ довгимъ списомъ
 У самé серденько.«

—»Ой велике характерство!
 Намъ ёго не вбити. ⁹⁴
 Треба, браття, срібнимъ гудзькомъ
 Рушницю набити.« ⁹⁵

Чи то колюсь середь нивп
 Підъ вітромъ схиливля,
 Чи то Голка уродливий
 Съ коня покотівся?

Покотівся,—кінъ вороний
 Попадъ Дніпрómъ грає.
 Съ того боку князь Ерёма
 Любо позирає.

Покотівся, — довгогрівий
 По пісочку скічає;
 На тімъ бóці Рарожїнська
 Тяжко-ва́жко пла́че.

VI.

Не вважа́ли гайдабу́ри
 На козацьку в́ро́ду.
 Рва́ли тіло по кусо́чку,
 Ки́дали у во́ду. ⁹⁶

»Оце́ тобі, чарівни́це,
 Ті ка́рві о́чі,
 Що ти́ любо́ цілува́ла
 Темне́нької но́чп!

»Оце́ тобі, чарівни́це,
 Тее́ личко па́нське.
 Що ти́ єму́ зопсува́ла
 Завзя́ття коза́цьке!

Оце́ тобі, чарівни́це,
 Сє́рце те лука́ве,
 Що ти́ всімъ на́мъ уба́вила
 Коза́цької сла́вп!»

VII.

Ті́хо Дніпро Славу́тиця,
 Ті́хо вь мо́ре ллетця.
 На тімъ бóці Рарожїнська
 Вь спи́ру зе́млю бьóтця:

»Красо́ моя! зь золоті́ми
 Ша́ти берега́мп!

Як же міні вь світі жити
Поміжъ ворогáми?

»Красо моя, пішна вродо!
На що ти здалася!
Щобъ я марне кателїцтва
И пánства зріклáся?

»Чи на те жь я побáчила
Середь ночи сонце,
Щобъ дивїтись на світъ Бóжий
У пánське вікóнце?

»Чи на те жь міні відкрїлись
Таємніці тёмні
Вь тóму сёрці гарячому,
Вь тїй душі огнénній?

»Ой сёрденько гарячєє,
Огнénная дúшо!
Підъ водою у Славúті
Найтї я вась мúшу!»

VIII.

Ой злінула лебедїця
Зь бєрега крутóго —
Порпнáти та шукáти
Пóгляду яснóго.

Ой злінула лебедїця
Пзь скєлі крутóї —
Порпнáти та шукáми
Розмóви любóї.

Чи то жь бїла лебедїця
Вьєтця мїжъ дугáми:

Чи то тону́ть зъ золоті́ми
Шáти берега́ми?

»Ой панове, вірна шляхто!
Кідайтесь у воду,
Вірятуйте чорні брови
И пишную врóду.«

—»Товариші гайдамаки!
Хто зъ васъ добре пла́влю?
На тихъ шáтахъ півно злáта,
Дорого́го ка́мня.

»Мабу́ть, щиро чарівни́ця
Го́лку покоха́ла,
Що ті шáти доро́гі
Що-дня́ надіва́ла.«

Шко́да, шко́да вірній шляхті
Пла́вати човна́ми:
Потону́ла пишна врóда
Съ чорними брова́ми.

Шко́да хижому дейне́цтву
Неві́дь роспа́дати:
Не пока́жутьца до-віку
Доро́гіи шáти.

ІХ.

Ні шляхе́цьке, ні дейне́цьке
Не побáчить óко
Дорого́го и свято́го
У Дні́прі гл.пбóкімъ.

Не про васъ, панове, дба́е
Чи́стий Ду́хъ зъ лухáми.
Якъ на зе́млю посла́е
Диво́ міжъ дивáми.

Не на те васъ, тёмні людо,
 Породила мати,
 Щобъ Дніпріві таемвиці
 Сёрцемъ прозира́ти.

Прозира́ють у Славу́ту ⁹⁷
 Зъ у́ста до верши́ни
 Не-спавлі, не-схлопілі
 Діти України.

И покі дивитись бу́дуть
 У Дніпріві во́ди,
 По́ти бу́дуть сёрцемъ чу́ти
 Да́вніі пригдо́и.

Ой бага́то у Славу́ті
 Ді́вного, свято́го;
 На́дивні́йше — щі́ре сёрце
 Го́лки молодого́.

Ростёрзана, криваве́е,
 Бьётця підъ водо́ю
 И всю во́ду псповня́е,
 Ду́мою свято́ю.

Ой бага́то у Славу́ті
 Краси́ті та́йтця,
 А найкраща́ — Раро́жінська,
 Па́нна-чарівни́ця.

Щі́ре сёрце до те́плого
 Ло́ня пригорта́е
 И дівочо́ю слезо́ю
 Ра́ни заживля́е.

Лю́бо сёрцю криваво́му
 Підъ водо́ю би́тись.
 И на сей сві́ть крі́зь ту ду́шу
 Коха́ну дивитись.

А на Івана на Купала
 Зъ воді пánна рине
 II обходить, въ білхъ шáтахъ,
 Усію Україну.

»Ой ти менé, Україно,
 Кохання навчила:
 Кого стріну надъ Славúтомъ.
 Дамъ у сёрце силу.

»Перебúде всяку мýку.
 Перебúде гóре,
 II квітками заспáє.
 Якъ весно́ю по́ле.

»Ой ти менé, Україно.
 Навчила любити:
 Въ кого сёрце кривáвее.
 Мýшу исцїлїти.

»Нерестáне кровъ гаряча
 Сёрце обливáти:
 Заспоко́ю, приголублю.
 Якъ дитїну мáти.«

II багáто безталáннихъ
 Пáнна зустрїчала,
 II у сёрце сцїлющї
 Чáри проливáла.

II моé кривáве сёрце
 Скropїла слéзо́ю, —
 Напоїла сцїлющою,
 Живо́ю водо́ю.

Обновїлась, яко брля.
 Юность мого сёрця:
 Роспустила душá крїла,
 Пїсня лeтця, лeтця....

II. Кулшъ

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ »ВЕЛИКІ ПРОВОДШ.«

47. — Стр. 34. ст. 28.

*Гей, лѹчче бѣ вимъ по комшицѣ
Пизовцѣ гидѣти;*

Въ низовцѣхъ Днѣпра были мѣста, заросшія густыми комышами, дававшими убѣжище людямъ, не довольно сильнымъ для защиты себя отъ преслѣдованія польскаго правительства. Чумаки временъ Екатерининскихъ разсказываютъ о разбояхъ *комшиниковъ*. Вѣроятно, и въ эпоху возстанія Хмельницкаго комыши укрывали того же сорта людей. Въ современной перепискѣ пограничныхъ воеводъ Московскаго государства съ польско-украинскими урядниками часто упоминаются степные разбойники, неподчиненные никакой власти и ни для кого неуловимые. Происхожденіе ихъ должно быть то же самое, что и *комшиниковъ*. Запорожцы временъ Выговскаго различаютъ себя, въ оправдательномъ письмѣ къ гетману, отъ бездомныхъ бурлаковъ, и называютъ себя *козакими-зимовчакими*. Всегда существовало у козаковъ различіе между козаками *старыми, природными*, и между людьми новыми въ козачествѣ или недостаточно воинственными, какъ въ наше время дѣлается различіе между дѣтьми *отецкими* и бездомными наймытами. *Литонисъ Саловидца* (стр. 11) отвѣчаетъ съ негодованіемъ объ ополченіи, присвоившемъ себѣ названіе козаковъ (оно не шло и единовѣрцевъ своихъ): »И на тотъ часъ тута великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а наибольше отъ гультайства, то есть отъ броварниковъ, винянковъ, могилишковъ, будинковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо (хотя) який человекъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска, тилько мусѣлъ, задля позбыты того наемѣнска и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ пезвычайныхъ, и ти мусѣли у войско приставати до того козацтва.«

48. — Стр. 35, ст. 2.

*Лѹчче бѣ доглядати
Муравѣською шляху*

На Варшавскомъ сейчѣ 1616 года назначена была коммисія на *dokonyczenie granic i zaczętego ductu i prowadzenia go aż do szlaków Morawskich*. (Volumina Legum, IV, 88, изд. 1839. стр. 45.) Муравейскій

шляхъ описанъ подробно въ *Книжъ Великоу Чертежа*. Такъ какъ восточныя окраины Польскихъ владѣній, ограниченныя этимъ шляхомъ, были почти вовсе незаселенныя равнины, то, естественно, по нимъ разгуливали шайки свободныхъ людей, живя въ грабежѣ на большой торговой дорогѣ, а лишь только въ Украинѣ начинались волненія, они являлись ловить въ мутной водѣ рыбу.

49. — Стр. 35, ст. 4.

*Лучче бѣ вамъ зъ лисими
Жити ушкалами.*

Ушкалы — разбойники, вѣроятно, то же, что великорусскіе ушкуйники, разъѣзжавшіе на судахъ *ушкунгъ*. Въ думѣ о Федорѣ Безродномъ *безбожни ушкали* изранили козака и гонялись за его чурю. По ходу повѣствованія видно, что это разбойники водяные:

Чи то гуси кричѣть,
Чи лебеді ячѣть,
Чи ушкали гудѣть,
Чи, може, козакі Дніпромъ идѣть?

50. — Стр. 35, ст. 11, 12.

*Буде зъ васъ, що нашілиъ
Батьків підмоули,*

Этотъ упрекъ можно подтвердить слѣдующими словами Околяскаго (Dyaryusz, str. 108). I tak Ostrzaniin zwiódłszy wielu rejestrowych, przycisnąwszy uboższych, zagławszy z miast i siół po niewoli niewinnych ludzi, szub, srebra, koni, zdobywszy wszelkiej im po wygranej naobiecowawszy, potem gdy ich do potrzeby przywiódl, gdy obaczył, iż już tysiącami leżą, mięsa dosyć i ścierwu, sam uciekać od nich myślił.

Между козаками и простыми поселенцами часто происходили несогласія. Не разъ случалось такъ, что козаки поднимали безоружную чернь къ возстанію и потомъ, въ трудное время, бросали ее на произволъ судьбы. Характеръ Наливайка до сихъ поръ очень двусмысленъ въ исторіи. Въ его пользу говорятъ народныя пѣсни, противъ него — письменные памятники: но, каковъ бы онъ ни былъ лично, неуспѣхъ его дѣла долженъ былъ возбудить въ народѣ ропотъ противъ его сообщниковъ, представителями которыхъ являются, въ повѣи, хищные дѣшеки.

51. — Стр. 35, ст. 13, 14.

*Кі зъ лукавима Острияномъ
Во снѣгі потікали.*

Во милости Коисскаго, нагворившаго довольно великодушныхъ героевъ между козацкими предводителями, гетманъ Острияница долго считался мучивомъ народной свободы. Цѣль дневника Околяскаго и современныхъ бумагъ оказывается, что онъ не только бѣжалъ съ поля битвы съ конными

козаками, но я готовился заблаговременно, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Московскія владѣнія. Оставленное имъ войско отчаянно, но безуспѣшно защищалось надъ Сулою нѣсколько недѣль. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей С. Петербургской Публичной Библіотекы и Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. .... в оцтаве Божего Ціаля (пишетъ панъ Хропатовскій къ коронному гетману) woysko nasze ruszyło zpod Łubien ku Slepороду (rzeczka ta jest błotnista y trudna do przebycia) naprzeciw Ostrzaninowi. cze^o sie on nigdy nie spodziewał, ale w tym Siekieraninie miał nadzieję, że konie woysku naszemu zagarnie y temi wertebami y łuchami iako wbieży Łubnie, aby on z miasta, a Ostranin z pola na woysko nasze wderzyc mogli. Obaczywszy tedy nad sobą woyska inopinatę, harcownika iednak wyprawil nie malo y piechoty z kilka tysięcy, alec naszy za laską Bożą zaraz to zpędzili y asz w tabor wpedzili; zaraz potym armate zatoczono y z gory potężnie bito do taboru; lecz predko noc zaszła, a on, widząc, że okolo niego zle, zarazem zlekczywszy tabor zawade porzuciwszy, armate ieno wziąwszy, nazad do Łukomla poczał vchodzie. Nazaiutr iano, obaczywszy naszy, isz Ostranin vszedł, zaraz Je^oMP Gdeszyn.kie^o z kilka Chorągwi za nim Je^oMP Wdic posłał, aby go zabawiał, nim by tabor nasz y z armatą przez ten Slepород przeprawiac się mogła. A w tym ten Siekieranin wracał się nazad prosto ku Slepородu, spodziewając się swoich zastac, y napadł inopinatę na tabor naszych Regestrowych, mniemając że swoi, prawie w tabor z swyni ludzmi poczał vchodzie. Postrzegszy, że nie swoi, nazad, ale zaraz Regestrowi po nim, samego poimali Siekieranego, na ktorego radzie wiele przestawał, a prawie iego głową Ostranin szedł y woiował. Tenze to powiedział potym, że Ostraniu tey woyny konczyc nie myśli, ale vciec chce do Białogrodu Moskiewskiego, gdysz tam y zone isz wywiozł y inna Starszyua, iakosz po dwa kroc zpod Łukomle vciekał, ale go zawsze czern dogoniała y potym na pilnym oku miała go z inemi. Potym zasz woysko nasze odwrot vczynic musiało — — gdyby nie te czaty — — na moscie Łukomlskim zbiliby, za pomocą Bożą Ostranina, ktory, mniemając, by woysko ozaz wszystko następowalo, poczał iuz (iako potym ięzyki zapewne twierdzily) przemysliwac, tabor porzuciwszy, vchodzie, a postrzegszy, że ieno kilka chorągwi, od mostu odwiódł te chorągwie nasze, odstępując a pozwalając onym przez most latwego przescia. — — Ostranin — — dowiedziawszy się o ztociu Siekieranego y pogromie tego pulku swego, chciał ku Moskwie znou na kumno vchodzie, alec czern przemogła, aby na dol Sulą ku Dnieprowi vchodzil, a Dnieprem ku Zaporozu, zaczym ta strona, iako wietsza, zmogła. y tak na dol Sulą vchodzil. Alec woysko nasze nie mnięy spieszne y z nim szło. W Łukomlu na most y na gaci przeprawując się y asz przednie Pulki z Xcia Je^oMci Jeremiasza ludzmi doszli Ostranina rowno z switem w niedzile nizęy Zohiua Slobody Xcia Je^oMci Jeremiasza; tam zaraz, nie dając taborzyc się temu hultajstwu abowiem dniem y nocą vchodzil, zaraz pulk skoczył Je^oMPWdzica Braclawskiego. — — Te Chorągwie zaraz w pul tabor rozerwały y wszystkie prochy y cztery działka odieły. ktore dla odcięcia koni nasi porzucili, a oni znou odyskali. Zywose wszystkie ktorey mieli dosyc odieli. Skode w nich wiekłą w tych zdraycach czynili, tak dalece, że isz od taboru w błota vciekala piechota,

a Ostranin sam wplaw przez Sule z swym komunnikiem, ktorego wiele po tej stronie Suły od Peryasławia na dol vciekaiącego widzieli. Ostatek taboru ktory Kudza — z Peszją rządžili, zaraz iednak taborzyc poczełi y prawie wszystkie te Chorągwie ołoczyli, ze we srodku zostały. Wtym Xze Je^m. trzykroc wsparty od tych zdraycow strzelbą z swym Pulkiem, za trzecim razem pszelamal dziure tym Chorągwiom, ktore z ciekoscią wielką a z vtraceniem swym z taboru wybili sie. — (Польскій отѣлъ рукописей, № 94, стр. 604 — 613.) О пребываніи жень Острияницы п его подручниковъ за московскимъ рубежомъ свидѣтельствуеъ слѣдующая отписка въ Москву путивльскаго воеводы Пикифора Плещеева: «Юля въ 3 день (1638) пришлп въ Путивль Запорожскіе Черкасы 2 человекъ съ листомъ отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Остриянина, для смьску жонъ своихъ; п онъ Миквеоръ, роспрося ихъ п взявъ у нихъ листъ, отпустил ихъ назадъ въ Литву». Въ добавокъ ко всему, рассказанному въ реляціи Хржонстовскаго, въ этой отпискѣ говорится, что въ письмѣ къ нему отъ другого гетмана, Дмитрія Тимовѣева, (видю—преемника бѣжавшаго Острияницы) написано: «Которые Черкасы выѣхали въ Путивль, а съ собою много добрыхъ людей невинныхъ душъ п животовъ поймали, п Путивльскій бы воевода тѣхъ Черкасъ посадилъ въ вязенью до тѣхъ мѣсть, какъ они другихъ своихъ посланниковъ въ Путивль пришлютъ, а тѣхъ бы невинныхъ душъ, которыхъ съ собою невинно завезли, п животы ихъ, напрасно пойманные, нынѣшнимъ ихъ посланникамъ отдал.» (*Дѣла Малоросс.* Моск. Арх. Иностран. Дѣлъ, 1638, связка № 2.) Рукописи С. Петербургской Публичной Библиотеки также свидѣтельствуеъ о подобныхъ поступкахъ героевъ козачества, этихъ истинныхъ учениковъ побѣтато иви дворянства. Въ фоліантѣ Польскаго отѣла, подъ № 94, на стр. 707—709 читаемъ письмо гетмана Жолкевскаго къ королю, 1639 года, изъ Микулпнецъ: Jusz tesz tu w drodze dał mi znać Pan Commissarz, ze po odiezdzie moin Hunia, który hetmanil swawolenstwu przeciwko wojsku WKM i z kilka inszych Principałow we trzech set koni do Ostranina do Moskwy (т. е. въ Московскія владѣнія) przez wszelkiej przyczyny vciekł. Pisalem ja tak rok pisalem i przeszlą poszłą do IMX Canclerza, prosząc aby się WKM tego zdrajce serio wspomniec raczył, ktory tak wiele tysięcy ludzi gwałtownie z Panstw WKM do Moskwy wypendzil i oni ich nad pacta przyieli y poniewolnie trzymają.

52. — Стр. 36, ст. 1 — 4.

*Міжъ козацтвамъ Голка
Мовъ по нѣци блудить,
П коника вороноіо
Підъ собію нудить.*

Здѣсь авторъ хотѣлъ, но не сумѣлъ, подражать слѣдующимъ превосходнымъ стихамъ народнои пѣсни:

*Зашуміли густі доли
Козаків при дорозі;
Сюди блудить, туді блудить,
Підъ собію коні нудить.*

53. — Стр. 39, ст. 3, 4.

*Постоли будуть сав'яні,
Шовкові волотки.*

Въ народной пѣснѣ:

Хвалялися гайдамаки,
Під Умань плути:
«Будемъ драп. нанп-брати.
Съ китійки онучі!»

54. — Стр. 40, ст. 3 — 6.

*Люди добрі! ось дивість:
Жидівська камітка!
Утік'ла, та й втер'ла
Чортова жидівка!*

Подобный случай былъ въ 1654 году на Подоли, когда Поляки взяли приступомъ мѣстечко Бушу. «Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторые, бѣжавши, погасили свои намотки. Это замѣтили служки,» и пр. См. *Бюд. Хмельн. Н. Костомарова*, II, 157.

35. — Стр. 41, ст. 11, 12.

*Бачте, до чою доводять
Ваші клятві карби,*

Несчастные потомки Моисея, Давида, Соломона, великодушной Юдиел, добродѣтельной Эсфир, прекрасной Сусанны, разсыпанные по всему свѣту, воспользовались превосходствомъ умственныхъ способностей своихъ на счетъ яноплеменниковъ и, сдѣлавъ деньги своею сплю, своею зачитою и спасеніемъ отъ изувѣрства послѣдователей новаго, плюгда искажаемаго и потому недостойнаго въ глазахъ Евреевъ ученія, сдѣлались почти у всѣхъ, между кѣмъ они жили, предметомъ ненависти и омерзѣнія, какъ іероглифъ собственнаго мотовства и безпорядочности, какъ живой укоръ въ беззабогности о будущемъ и неумѣны устроить свое благоденствіе въ настоящемъ. Не зная, какъ истребить эту язву, естественно возникающую тамъ, гдѣ гражданское и общественное тѣло не имѣло здороваго строенія, короли и магистраты придумывали противъ Жидовъ стѣснительные законы, а народъ при всякомъ безпорядочномъ волненіи, истреблялъ ихъ сотнями и тысячами. Такъ поступали съ ними и наши козаки, безсознательно вымещая на нихъ политическіе и общественные грѣхи свои. Вотъ обращеніе, какъ огносилась къ Жидамъ старинные статуы, за ихъ способъ обогащенія. «Лихва Жидовская не вмѣгъ нигды насыщениа: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидовъ... неприятель въры христіанскоѣ, и на лихву непени дають, не имѣють большъ брать на недѣлю, только 10 пѣнезь... нѣпени давають на записы, а лихвы не дають два годы, чтобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упо-

мнняются, ани на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣи вѣтъ
дхвы жадноѣ, и ни записомъ имѣють помпнать... а ни тотъ, хто ся имъ
записалъ, не иметь имъ запису... полпнть.» (*Акты Западной Россіи*, I, 13.)
«Колп жъ жидовскый умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіан-
ство обажилл,» и пр. (стр. 20.)

Кі́рби, о которыхъ говорится въ повѣѣ, были парѣзки на палочкахъ
взтой въ долгъ горілки, или черточкп челоуъ и углемъ на стѣнѣ. Изъ
преданіи о гайдамакахъ 1768 года, напечатанныхъ въ *Запискахъ о Южной
Руси*, видно, что поселене всего больше ожесточались на Жидовъ за начеть
долговъ, посредствомъ *кі́рбівъ*.

36. — Стр. 41, ст. 19.

Ви зв Жидами накладати,

Слово *накладати* (совмѣстно злоумышлять) сдѣзалося въ украинской
рѣчи рѣдкимъ. Въ народной пѣснѣ поется:

Мазепо гетьмане,
Израдѣвий пане!
Злѣе починаешъ,
Зъ Шведомъ накладаешъ...

37. — Стр. 42, ст. 16.

Веліждень збоѣцькый.

Збоѣцькый — разбойничій. Польскія слова были тогда у всѣхъ въ упо-
требленіи. См. проповѣдь, напечатанную Н. М. Бѣлозерскимъ при изданныхъ
имъ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*.

38. — Стр. 42, ст. 25, 26.

*Ой якъ ірѣкне оружїна
Изъ дѣтото дѣла, —*

Слова: *оружїна* и *дѣла* могутъ показаться не совмѣи украинскими. Въ
рѣшеніи подобныхъ сомнѣній всего лучше опираться на изустную народную
словесность. Въ одной пѣснѣ поется:

Сидить козакъ на могилі,
Зъ оружїни огонь крѣше;
Скѣлки лѣичть, роскладае,
Въ свої рани заглядае.

Въ другѣи:

Одинъ в дѣ за чуприну,
Другий дѣла бѣе:
«Ой не ході, вража дуко,
Де голѣта пѣ!»

59 — Стр. 45, ст. 11, 12.

*Ще жь не згасло галаганомъ
Козацькее сонце!*

Слово *галаганъ*, выговаривающееся также и *уалаганъ* (головня), сохраняется только въ фамильномъ имени дворянъ и козаковъ Галагановъ. Мнѣ случилось, однакожь, слышать его въ устахъ народа, и именно въ домѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Сельскій мальчикъ, рассказывая мнѣ безтолковую, скучнѣйшую сказку, награждалъ меня за терпѣніе слѣдующими словами: *у погелі галаганъ, запічняя іскра*. На вопросъ мой: что такое значить *запичняя іскра*? онъ отвѣчалъ, что, вытопивши печь, хозяйка зарывааетъ въ золу *галагана*, т. е. головню съ огнемъ, чтобы сохранить хоть пскру для разведенія огня назавтра.

Козацькимъ сонцемъ называется лупа. Это названіе указываетъ на то время, когда козакъ должны были вести жизнь воровскую, поспартански, и промышлять своимъ ремесломъ больше всего по ночамъ. Воровство у нихъ было преступленіемъ только въ отношеніи къ товариству. Еще и автору случалось слышать отъ старожиловъ такіе рассказы о Запорожцахъ: «У іхъ, якъ хто не краде, то заразъ козакі й грімають: *Чого лёжнемъ лежійшь? дѣрно хлібъ ісііа*»

61. — Стр. 46, ст. 13, 14.

*На коникахъ виравіють,
Шабельками повертають,*

Эти два стиха взяты изъ народной пѣсни, приведенной въ примѣчаніи 6-мъ къ этой поэмѣ.

62. — Стр. 46, ст. 23—27.

*Ворони зъ ірачіми
По збдлицяхъ ірують,
А по пўсткахъ вовкі завивають,
Крѣчети зъ орлами
По степнхъ шумують,*

Слова *ірують* и *шумують*, не встрѣчающіяся уже болѣе въ народной рѣчи, взяты авторомъ изъ старинной народной думы:

Закріче воронь, гаррје, замује,
Та й поетить у чужю зѣмлю.

Тамъ же и кречеты помѣщены, какъ здѣсь, рядомъ съ орлами:

Закуркують крѣчети спізі,
Загадуюцца бранки хіжі.

65. — Стр. 47, ст. 13, 14.

*Перетяв усі доріви
II стужкі дейніка.*

Слово *дейніка* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ говорится
*Стала дешѣва гіль, то чумакъ такъ и поринувъ на озѣра: или: Бжолд такъ
и граде роями.*

66. — Стр. 47, ст. 17, 18.

*Повтїкало драгонїи
Тїснча и двїсті.*

Панъ Черный къ пану Юрію Оссолинскому, 25 мая, 1648: *Xiąże Wis-
niowiecki ma osm tysięcy woyska, lecz im nie ufa, bo Ruś. (Акты Ки-
евской Коммиссії, I, 3-я нумер., стр. 26.)*

Адамъ Кисель къ архіеппскому Гнѣзненскому 31 мая, 1817: .... *nam
takie od moich Slug zbieżalych z Zadniepru wiadomości, ze Xiąże Jmc,
gdy mu się assystentia iego ex cadem gente zgromadzona zmykac po-
czeła, musiał konsulere sobie z garscią Slachty Polskiey, i Slug swoich
uiedzac w Braclawskie Woiewodstwo. (Тамъ же, 30.)*

67. — Стр. 47, ст. 23, 24.

*Шпрѣкая околїця
II вершѣкъ низькийи*

Въ нарѣдой пѣснѣ:

А у Ляхъ вершѣкъ низькийи,
Шпрѣкі опушкн.

68. — Стр. 48, ст. 5, 6.

*Годї тобї, пішнїи князю.
Ловїти рарѣївъ:*

Въ *Малорос. Дьялазъ* Моск. Архива Иностр. Дѣлъ, связка № 1. 1648 года
чтгаемъ въ письмѣ князя Теремїи Вишневецкаго къ бѣлогородскому воево-
дѣ, князю Прозоровскому, отъ 2 декабря, 1647: «Извѣстно вамъ да будетъ,
что я, на прямую потребу мою и съ моею грамотою, черезъ слугу моего
Ина Семашка съ Несокомъ посылаю и стрельцовъ своихъ для рароговъ, снї-
ричъ кречаговъ...» За обиду этимъ людямъ онъ дѣлаетъ такую угрозу: «по-
мелю въ маестности моеї Задїѣпровской вашихъ купецкихъ людей позабл-
рать и самъ управу чинить...» *Льтопись Самовидца* (стр. 7), исчисляя пане-
сенныя отъ пановъ козакамъ обиды, говоритъ: «Зъ Запорозья, черезъ по-
ля дякіе, зъ рарогомъ, яструбомъ, орломъ, съ хортомъ козака бѣдного

шлетъ (пань, сдѣланный полковникомъ или другимъ козацкимъ старшиною) въ города, кому подарокъ шлючи, якому пановѣ, не жалючи козака, хотя бы згнулъ, якъ не трудно отъ Татарь.» Изъ всего этого видно, что не легко доставалась стрѣльцамъ князя Вишневецкаго панская забава.

69. — Стр. 48, ст. 9, 10.

*Годі соболя держати
На срібнімъ ланцюзі:*

Изъ Раміетніковъ Паска мы знаемъ, что любимую панскою забавою были освоенныя дикіе звѣри и птицы. Адамъ Кисель не разставался съ ними и въ далекой дорогѣ. Въ *Малор. дѣлалъ* Моск. Архива Иностранн. Дѣль. въ связкѣ подъ № 1, 1648 года, сохранилась отписка сѣвскаго воеводы къ царю, въ январѣ, 1647: «... какъ шолъ отъ твоего царского величества съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него, у Адама Киселя, утекъ соболь съ чешью серебряною, а у брата ево Александра Киселя — гончая собака; и того соболя и собаку, по твоему государеву указу, изъ Болхова велено прислать къ намъ. — Да какъ, государь, того собаку и соболя мы, холопы твои, къ Адаму Киселю отошлемъ, и о томъ бы намъ, холопомъ твоимъ, отписать къ тебѣ, великому государю. И изъ Болхова, государь, Миквѣоръ Давидовъ писалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, и прислалъ того соболя и собаку декабря въ 27 числѣ, и мы, холопы твои — послали съ Сѣвскими пушкарн. — — «

70. — Стр. 48, ст. 11, 12.

*Ой ужé жь твоѣ княгини
У великій тѣзі.*

Этими стихами авторъ хотѣлъ напомнить читателю о женѣ князя Вишневецкаго, Грнзельдѣ, дочери Юмы Замоискаго, которую онъ такъ любилъ, что козацкая лѣтопись его кроваваго времени записала, въ числѣ достойныхъ замѣчаній событій, ихъ невольную разлуку на той сторонѣ Дуѣпра. Грабянка (стр. 52): «Князь Вишневецкій — поведе (изподъ Збаража) до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а княгиню свою до Бѣлого Камѣня отосла, которая, раздѣляющися, зъ плачемъ поднесши зѣвницѣ въ небо, рекла: О каменіе! коль далече за Вислу границу намъ замѣраете?»

71. — Стр. 48, ст. 13, 14.

*Годі, князю, за граніці
Зъ Москвою тягаться:*

Въ дѣлахъ, упомянутыхъ въ прим. 69 къ этой поэмѣ, идетъ большая переписка о притязаніяхъ князя Вишневецкаго на земли, присвоенныя на ничьѣмъ пограничьи пмѣ и Москвою. Онъ упорно отстаиваетъ каждый ступень своей земли, не предвидя, что скоро потеряетъ цѣлое государство по сю сторону Дуѣпра, и московскіе межевщички одному его упрямству приписываютъ невозможность докончить разграниченіе между Московскимъ и Польскимъ государствами.

72. — Стр. 48, ст. 15, 16.

*Порі зъ Лубень зо всімъ коділомъ
Въ Польщу виребітись.*

Живописное слово *виребітись* замечено в посланіи полковника Мартына Пушкаря къ кievскому митрополиту Діонісію Балабану: «...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады енеральной знялося...» (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

*Мавъ ти, князю, изъ доріи
Ченцівъ застрѣти:*

Монахи Густыискаго монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницамъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дѣла* въ Моск. Архива Пностр. Дѣлъ.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

*Стоїте ви залотами
Въ старієвъ таборіцаєвъ.*

Изъ брошюры кievскаго бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ *Publika*, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ времени княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: «...ieno patrzamy na stojące puste horodyszczza albo zamki, patrzamy, niestetyż, na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świnie dzikie się w nich lęgną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninacz inszego godno raczej takъ tychъ horodyszczy albo murówъ pustychъ na temъ tamъ Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielomъ swoimъ pogranicznymъ, aby oni to powoli pobrawszy, jakożъ jużъ i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztądъ nasъ bezpieczniej wojowali a posiadali. (Str. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

*Ща що тобі, пішній князю,
Доріи питати?
Лучче тобі мапіюцями
Зъ Лубень простувати.*

Козаки могли такъ говорить по воспоминаніямъ былого. Окозьскій въ Діаріушѣ (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Украинѣ такую же тревогу, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Хмельницкіи, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми пашами з majetności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Тоż i inni państwo, a zwłaszcza w Wiśniowieczynie czynili. Lepsze łuczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz. owszem wszelkiej ignominii i tyranidis pełna.

76. — Стр. 49, ст. 15, 16.

*Та залянемъ арміями
Тобі, князю, въ вічі.*

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що жь, лощ и воарить на Лисівъ, коли нічимъ у вічі залянуть: армія немі! порогу немі!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медь-пьянее-чоло

Медъ подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ, которой лучшей списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абеткѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не пиво на про-дѣво

Говорится на про-чѣдо. Почему же не сказать и на про-дѣво?

79. — Стр. 51, ст. 28.

*Князь Ерема изъ шляхтою
Гайдамачтво тїнене.*

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ козаками и нѣкоторыя обороты заимствованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13—16.

*Ой де стане — земля тїнене —
Кюдїи рикають;
Кюдїи гїнене — трава вїнене —
Воросї зникїють.*

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ насладиться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что здѣсь выражено четырьмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустипшіе:

*Ой де стане — земля тїнене;
Куди гїнене — трава вїнене.*

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

72. — Стр. 48, ст. 15, 16.

*Порі зъ Лубень зо всімъ кодіоломъ
Въ Польшу вилребітись.*

Живописное слово *вилребітись* заимствовано изъ посланія полковника Мартына Пушкаря къ кievскому митрополиту Діонісію Балабану: «...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады еeneralной злялося...» (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

*Мавъ ти, князю, изъ доріи
Ченіцівъ завертати:*

Монахи Густынского монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницямъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дьяльз* Моск. Архива Пностр. Дѣль.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

*Стоитѣ ви залітами
Въ старіхъ таборіцяхъ.*

Изъ брошюры кievского бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ: *Publika*, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ времени княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: «...ieno patrżamy na stojące puste horodyszczа albo zamki, patrżamy, niestetyż, na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świniе dzikie się w nich lęgną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninasz inszego godno raczej tak tych horodyszczу albo murów pustych na tem tam Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielom swoim pograniczуm, aby oni to powoli pobrawszy, jakoż już i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztąd nas bezpieczniej wojowali a posiadali. (Str. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

*Ща що тобі, пішній князю,
Доріи питати?
Лучче тобі маіюцямъ
Зъ Лубень простувати.*

Козаки могли такъ говорить по воспоминапіямъ былого. (Кольскій въ *Даріушѣ* (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Украинѣ такую же тревогу, какъ черезъ одинадцать лѣтъ Хмельницкій, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми панями з majetności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Toż i inni panowie, a zwłaszcza w Wiśniowieczynie czynili. Lepsze łuczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz. owszem wszelkiej ignominii i tyranidis plena.

76. — Стр. 49, ст. 15, 16.

*Та залянемъ арміатами
Тобі, князю, въ вічі.*

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що жь, лочь и одирить на Лисівъ, коли нічимъ у вічі залянути: арміатъ нема! порогу нема!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медь-пьянее-чѣло

Медь подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Гаяжѣ Андыберѣ, которой лучшей списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абеткѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не пиво на про-дѣво

Говорится *на про-чудо*. Почему же не сказать и *ни про-дѣво?*

79. — Стр. 51, ст. 28.

*Князь Ерема изъ шляхтою
Гидамѣнтаю тѣне.*

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ козаками и нѣкоторыя обороты заимствованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13—16.

*Ой де стане — земля тѣне —
Шюкопа рикають;
Кудѣ гяне — трава вяне —
Ворогѣ зикають.*

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ наслаждаться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что здѣсь выражено четырьмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустипшіе:

*Ой де стане — земля тѣне.
Кудѣ гяне — трава вяне.*

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

81. — Стр. 51, ст. 23, 24.

*Ой він міни в злих напастяхъ
Великий заступникъ.*

Кс. Piotr Skarga, Kazania Seymowe, str. 19: Do tego czasu (ouczyszna) kapłany wam i biskupy i duchowne pasterze wasze daje, przy których przystęp do łaski bożej i obrony od wszystkich nieprzyjaciół macie.

82. — Стр. 52, ст. 1, 2.

*Бо на сповіди спасінній
Панночка сказала,*

Тамъ же, стр. 66: Spowiedź sama w katolickiej wierze dziwnie ludziom do snoty i dobrych obyczajow pomaga, karność onę mając, której żaden urząd świecki mieć nie może, w której skryte i serdeczne grzechy i złości gina, co dziwnie rzpltej pomaga.

83. — Стр. 53, ст. 13, 14.

*Ой панове! се жъ писали
Панна-чарівниця!*

Воображать женщину, участвующую колдовством своимъ въ военныхъ дѣлахъ, было въ то время естественно. Авторъ брошюры О Buntach за Chimelnickiego рассказываетъ, что у охочекомоннаго полковника козакаго Дуница (Донца?) была сестра чародѣива, предостерегавшая его отъ опасностей. Въ русскомъ переводѣ эта брошюра названа *Краткою Исторією о Buntach Хмельницкаго*. М. 1847. (См. стр. 12.)

84. — Стр. 53.

Оба эти куплета основаны на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Пливѣ щѣка зъ Кременчука,
Лускѣ на її сѣ.
Хто не знає закохання,
Той дѣха не знає.
Пливѣ щѣка съ Кременчука,
Філю розбиває.
Хто не знає закохання,
Той щастя не знає.

85. — Стр. 55, ст. 9, 10.

*»Заводімъ, заводімъ козаківі
Страшної мѣки!»*

Эти слова авторъ вложилъ въ уста князя Вишневецкаго, зная его жестокосердую мстительность. Карая самыми ужасными муками забунтовав-

шихся противъ него Немпровцевъ, отъ восклицалъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умирають!« Hist. Polska, przez Rudawskiego, I, 37.

86. — Стр. 56, ст. 9 — 12.

*Ой засію я надії
И дїуми високї
У козацькій у лицарській
Натїри широкїй.*

Злѣйшіе враги украинской демократіи признавали въ ней высокія душевныя свойства. Такъ очевидецъ войны пановъ съ Павлюкомъ и Остринномъ, Окольскій, въ началѣ продолженія своего дневника (Continuasya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81) пишетъ... jest to hostis Patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy и т. д. А на стр. 101 говоритъ: Pokazał tedy pierwszą tą utarczką Bóg, iż lubo między Kozaki niemasz żadnego księżęcia, senatora, wojewody, z którymi się w potrzebie żołnierz galasował, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradzały *contra plebejos* uczynione, jako przedtem było, naleźliby się i tak godni, aby ich et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam był wezwany. atque Themistocli virtute par nazwano.

87. — Стр. 56.

Характеръ вымышленнаго Голки основанъ на главныхъ чертахъ Немирча, главнаго двигателя всей Виговщины. Эта поэтическая личность стояла далеко выше своего вѣка. Изъ уваженія къ ней, авторъ не рѣшился причѣсывать къ ней въ романѣ или поэмѣ вымысла, и создалъ Голку, пѣтя въ Немирчѣ доказательство, что подобныя явленія были возможны въ варварскій и трагическій вѣкъ. — —

88. — Стр. 59, ст. 2.

*Ой якъ зможешъ їмѹ, друже,
Вкоротити віку,
Не забуду я послїти
Твої до віку.*

Стихи эти основаны на томъ, что Хмельницкій былъ очень ревнивъ къ своей власти и, подъ благовиднымъ предлогомъ, казнилъ опасныхъ для него людей. Опасеніе потерять власть въ народѣ заставляло его входить въ союзы, ненавистные для лучшей части его сподвижниковъ.

89. — Стр. 59, ст. 5, 6.

*Грачївъ ключи ѣ чорнївъ тїлокъ
На сей бїкъ стїлає.*

Слова *ключи* и *стїлає*, употреблены на основаніи слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни объ Иванѣ Свирговскомъ:

*А изъ Пізу хїбра стїгала.
Що вїронївъ ключа набїгала.*

90. — Стр 60.

Описаніє послѣдней битвы Голки основано на пѣснѣ о Нечай:

Ой не вспівъ же козакъ Нечай
 На коника сісти, —
 Та й ставъ Ляхівъ, вряжнѣ снѣвъ,
 На коусту сісти.
 Ой не вспівъ же козакъ Нечай
 На коника впасти,
 Та й ставъ Ляхівъ, вряжнѣ снѣвъ,
 Якъ снѣпки класти.
 Ой якъ стисне козакъ Нечай
 Коня острогами, —
 За нимъ Ляхівъ сорокъ тисячъ
 Зъ голыми шаблями.

91. — Стр. 61, ст. 7, 8.

*Не зломіти гайдабурамъ
 Лицарської сіл!*

Лицарь, по понятію народа, есть что-то непобѣдимое. Его можно убить только серебряною пулею, или его собственнымъ оружіемъ.

92. — Стр. 61, ст. 9—12.

*Повернувся лицаръ Голка
 На правую руку;
 Кудю лягне, туді вряне,
 Вгубди повно трупу.*

Въ народной пѣснѣ:

Повернувся козакъ Нечай
 На лівую руку, —
 Не вискочить Нечайвъ кінъ
 Цяъ Ляцького трупу.

93. — Стр. 61, ст. 13, 14.

*Ой не взяти вамъ лицаря
 Голыми руками.*

Кромѣ поговорки: *юлыми руками ёго не візьмешъ*, авторъ имѣлъ въ виду манеру отчаянныхъ рубакъ обнажать руки въ бою. Пасекъ, въ своихъ *Pamiętnik'achъ* (стр. 77) также говоритъ: *Ruszaią się tedy chorągwie powoli, a wodzowie zaś jadaą przed nami z golemi po łokcie rękami.*

94. — Стр. 61, ст. 21, 22.

*Ой велике характерство!
 Цамъ ёго не вбійти.*

Разсказъ лирика: «Ляхи, якъ стали Харка рубати, то рубали ажъ три дні, та нікъ не порубають; а шабля позубилась гіршъ, якъ залізо; та вже

дорозумувались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була
лицарська; то та шабля ёго в побідила.»

95. — Стр. 61, ст. 23, 24.

*Треба, браття, срібнимъ дудькомъ
Рухицію набити.*

См. примѣчаніе 45 этой поэмы.

96. — Стр. 62, ст. 4 — 8.

*Не уважали гайдабуря
Ша козацьку вроду,
Рвали тіло по кусочку,
Кідали у воду.*

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не дбали вряжі Ляхи
На козацьку вроду,
Рвали тіло по шматочку,
Пускали на воду.

97. — Стр. 65, ст. 5.

Прозирають у Славу́ту

Славутою называли козакъ Дѣпирь во времена Околыскаго (Dyaguysz, стр. 89) и конечно гораздо и прежде, какъ это видно изъ думы о Башкѣ Самійлѣ и изъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Въ старинныхъ козацкихъ документахъ употребительно слово *славѣтний*: «славѣтні наші прѣдки».

ДО ЗЕМЛЯЧКИ.

Україно, рідна сестро,
Шташко полохлива!
Куди се тебе замчав
Необачні крила?
Передъ тебе щасна доля
Съ карими очима,
А довiчняя невoла
Стоить за плечима.

Полену́ла въ чужу́ зѣмлю
 Зъ рідної України,
 Промія́ла рідну сѣмью
 На чужу́ чужину.
 Веселі́ся, утіша́йся,
 По́ки молодѣ́нька,—
 Нехай тужить по дитині
 На Україні нѣнька.
 А якъ брѣви поливають,
 Ліченько змарніє,—
 Щомітимо вбо́ге сѣрце,
 По́ки заніміє.
 Щомітимо сѣрце вбо́ге,
 Що рідну роді́ну
 Промія́ла на зрадлі́ву,
 Неві́рну дружину́.
 Гірка́, гірка́ сѣрцю зра́да
 До́ма на Україні,
 А ще гірша, а ще тя́жча
 На чужій чужині.
 Бѣдешъ пла́кати, въ зѣмлю бі́тись,
 До́лю проклина́ти,—
 Не почу́є, не розва́жить
 Старѣ́нькая ма́ти!
 Ой нехай вона́ не чу́є,
 Ой нехай не зна́є,
 Якъ дити́ва погібáє
 У чужо́му краї!
 Ляга́й, ма́ти, спочива́ти
 Въ те́мну домовину́:
 Не вернетця безталанна
 Дочка́ на Україну!

Т. Вешнякъ.

С У Ж Е Н А.

Николаю Ивановичу Гостомарову.

Після багатого батька, остівся хлопець по дванадцятomu року круглимъ спротою, бо мати ще давнімъ умерла, а на селі не було у ёго ні роду, ні племени. Отъ, громада, поміркуювши, и рішила — оддати того хлопця на руки старіи дячихи удови, що жила у якогось селянина у приймахъ. Бабуся була дуже добра, богобоязна и розумна; усе село її поважало. Глянувши на того спроту, дячиха згодилась, бо Івашко (такъ звали хлопця) на вдвовижу бувъ добра дитина: слухвіна, покірна, чула, и такє гарне та хороще, якъ та панночка. Перебралась дячиха у хату до сироті, стала ёму за матіръ, и господарію, и дбас; навчила ёго ласкою всёму доброму, и письму, бо ще й письменна була. Випестила бабуся собі на втіху Івашка: такийъ зъ него вийшовъ бравний парубокъ, високий, сановитий и такийъ гарний, що одъ ёго погляду дівчата тали, якъ весною одъ сонця снігъ. Такъ не дуже жъ то Івашко и заглядався на дівчатъ; якось понуро, зъ підлобья дивився на нихъ, неначе соромився, и на вечорниці ніколи не ходивъ. Вже бабуся збралась одружити Івашка, такъ не привівъ Богъ: занедужала небога, та й умерла; а вмираючи и каже Івашку:

— Не журись, сінку, що я не успіла тебе одружити: я й на тімъ світі буду благати Господа милосердного, и вимолю тобі вірну дружину.

Дуже журився Івашко за бабусею, ажъ світомъ пудивъ; зъ хати не вийде, а коли й вийде, то хіба тільки на кладовище, поплаче на могилі покійниці, та й вертається до-дому, повисивши голову. Отъ и стали старі люди ёму совітувати:

— Оженись, сину: молода жінка хочь яку тугу розважить! Сталъ и свашки забігать, такъ що жь?... На яку дівчину не гляне, усє ёму не по душі. Ходивъ и въ другі села, такъ и тамъ не знайшовъ, хочь такі дівчата траплялись (де бь то у насъ, на Україні, такого зілля не знайти!), що здавалось и на світі кращихъ нема. Вже не одна дівчина одъ ёго чахла, не одна и до знахурки ходила, и зілля варили и чарували,—такъ нічого не вдіали. И Івашко нудитця, місця собі, сердешний, не приберє; далі подумавъ, та самъ собі и каже: »якъ бачу, то тутъ нема міні суженої; піду по світу, та пошукаю, то може Богъ дасть знайдю таку, якої бажá мой душá.«

Осідлавъ коня, одягся у добру одєжу и хотивъ вже рушатъ, та подумавъ: »Ні, нехай не знають, що я багатий: полюбитъ въ свитині, то въ жупані ще бильшь кохатиме.« Натягъ на себе сімряжку, перекинувъ черезъ плечє торбу, и грошенятъ про всякий случай не забудь, та помолвившись Бóгу, и помандрувавъ.

Шведи нашъ Івашко, шведя, пзъ села въ село, и хуторивъ не мина, приглядуєтця, роспитує, шукає паря, якъ того скáрбу. Обійшовъ всю околицю, и вже степами потягъ. Разъ, идє собі по дорóзі и мізкує: »Яку бь то мина знайти дівчину?... Отъ якъ-би таку: сині очі, трóшки прищурєні, а косá чорна якъ гáйворонъ, ұстонька якъ неросквичана мáвівка; а самá біла та шйна: плечє ширóке, груді висóкі, щобъ крímка такъ и вризалась би у тонькій станъ, щобъ ходила якъ по струнці, високо піднявши голóвоньку!.. Абó таку: щобъ булá чорнявенька якъ цигáчочка, а щóки ненáче жаръ горіли, зуби білі якъ молоко, а ұста червоні якъ калина, та повнєнькі, такі, що якъ цмокне тебе, щобъ луна округі зацмокотила! Абó таку,« зновъ мізкує: »óчі якъ небо сині а косá якъ кудель, щобъ, якъ глянешъ на неі, то здалась би вона тобі янгеломъ, що Господь посилáє хранити и втшати чоловіка на землі.«

Оттакъ коверзєе та йде собі. Далі якось ненарóкомъ — зиркъ, ажъ стоить біля криниці дівчина, така гáрна, що якъ би зъ тихъ трєхъ, що вигадувавъ собі Івашко, зібратъ одну, то не булá бь вона краща одъ сїєі. Якъ глянувъ на неі Івашко, то ненáче на небі опинивсь; стоить и очамъ своїмъ віри не ймє. А вона жь такъ ёго зглядомъ привітає, усміхаєтця, бóцимъ отъ-отъ обнимє и притулєтця до ёго сєрця. »Відкільá, подумавъ Івашко, »узєлась

ся чудова дівчина?... чи не бабуса зъ того світу, зъ самого неба, посліао міні сужену, бо не тільки не бачивъ такої на землі, а на думку така не спадала!»

— Здорова була, дівчино! — каже Івашко, підходячи; знявъ шапку та й вклонивсь; піднявъ голову — а дівчини якъ не було, якъ у землю ввішла. »Що за нечиста мати!« каже самъ собі Івашко, озираючись на всі сторони: »куди жъ вона ділась!... Чи не стрибнула въ кривницю?« Глянувъ, кривничка не глибока, а вода чиста якъ скло, а дно відно. Кругомъ степъ и трава недуже висока, нікуди гараздъ и сховатись. »Чи не маня яка?« думає Івашко, йдучи по дорозі. Не пройшовъ вінъ и трьохъ гинъ, ажъ біля тернівъ, підъ кущикомъ, сидить та жъ сама дівчина, и такъ же на ёго дивитця и всміхаєтця. »Глянь«, каже Івашко, »ажъ ось де опинилась!.. Отъ, прудка... и не вглядівъ, якъ вона перебігла!.. Ну теперъ«, міркує собі, »сяду біля неї, трощки одпочину, а тимъ часомъ розпитаю, відкиля вона, куди йде... а тамъ що Богъ дасть!«

Підійшовъ и сівъ; оглянувся до неї, щобъ спитать, ажъ зновъ нема дівчини. Івашко метнувся сюди-туди, оббігъ терні, гукавъ до неї, шукавъ у самій гущині, ажъ одēju порвавъ и руки подряпавъ: нема, та й нема! »Що за притча?...« подумавъ, »та се мабуть мара!...« Ажъ сумно ёму стало; колибъ у-вечері, то може бъ ще гіршъ злякався, а то у-день, такъ якъ чумацький полудень. Пройшовъ ще кілька гинъ, ставъ спускається у балку, дивитця: біля ставочка, невеличка хатка, и на прізьбі сидить тажъ сама дівчина: »Що за бісь!« ажъ скрикнувъ Івашко, »та се наваждєніє, маня!...« Протєръ очі, перехрестивсь, а дівчина все сидить и пильно на ёго дивитця, неначе що хоче сказати. »Тривай же«, подумавъ Івашко; »теперъ вже не втечєшь, моя пташечко: обійду по-за хатою, та зъ того боку и зайду, то вже тоді нікуди тобі дітись.« Обійшовъ; тільки виткнувся поза вугла, ажъ бачить — хуторянська сімья біля дверей, и полуднують собі: старій зъ старою, парубокъ, мить ёму двадцять пять буде, и гарна молодіця, та ще й не порожня, — на остатнімъ вже місяцю, на тій порі, якъ кажуть старі, люде, що дунія, котру Господь посліає дитинці, вже недалєчко одъ неї вптєє.

— Хлібъ-сіль, люде добрі! «каже Івашко, знявши шапку и низенько вклонившись.

— Спасібі, — одвітали старі: — сідай, кажуть, до гурту, чоловіче, и пополу́днуй зь нами.

Подякувавъ Івашко та й сівъ, — тільки вже ёму не до іди; сидіть похвіюпившись и за лóжку не берётця.

— Чого жь ти ве іси, чоловіче? — питають ёго: — бері-ли-шенъ лóжку, та й їжь на здоровья.

Узявъ Івашко лóжку, покуштувавъ того́ полу́днику, чи ні, та й пита старіхъ:

— Чомъ ви не покличете вашої дочки полу́днувать?

— Якої дочки? — каже старá: — у насъ одна тільки й е, — невістка мой! — старá кинула о́комъ на молодіцю.

— Ну, такъ родичку, абó наймичку?

— Немá въ насъ родички, ні наймички; отъ якъ бачишь, — ми тутъ усі.

— Яка жь тамъ дівчина, у васъ за хатою, на прізьбі сидіть?

— Не знаёмъ, не бачили!

Повставали старі, а за ними и молоді, обійшли кругомъ хату, — нема́ нікого. Глянули вони на Івашка, та й подумали, чи не божевільний вінъ.

— Де жь ти, чоловіче, бачивъ дівчину? — спитавъ старій.

— Се вже вона́ мені у-трёте привиджуеця, — каже Івашко, та такъ живо, та така гáрна!...

— Чого жь вона́ тобі привиджуеця? питають Івашка.

— Богъ ёго зна — чого; чи не того́, що шукаю собі вірну дружину, та усё тільки объ неї й думая.

— Ну, такъ пди жь собі, чоловіче, дальшь, та тамъ и шукай, нехай, тобі Богъ помагае, а въ насъ нема́ дівчатъ.

Івашко вклонився, ва́жно здихнувши, та й зновъ потягъ шукать вітра у полі. Тільки вже не мізкуе яку шукать, глибоко запа́ла у ёго сёрце та чудовна дівчина, зь голови не йде: тільки объ ій и дума и гада. Вже и на дівчатъ не дивитця, тільки блука собі по степахъ; щобъ хочъ трóшки розважити свою тугу. Провештавшись ще тижнівъ зó три, Івашко поверну́въ до до́му. Іде біля ти́єї хатки, а старá побачила ёго, та й каже:

— Бодай тобó, чоловіче! напро́рочивъ намъ дочку! Ми молили собі у Гóспода хлопчика, а молодіця розсіпалась дівчиною!

— На все воля Бóжа, — одвітвъ Івашко: — може зь сієї

дівчинки буде вамъ більшъ утіхи, якъ зъ того хлопчика, що прохали!

Ивашко хотівъ вже дальшъ піти, а старá ёму й каже:

— Постривай, чоловіче: сегодні въ насъ хрестини, то вже коли зайшовъ, то треба чарку випити, щобъ часомъ не вінисъ зъ собою щастя народженної.

— Добре, — каже Ивашко, — чомъ не випити; нехай їй Господь пошлє щасливу долю!

Незабаромъ прихавъ и піпъ зъ кумою, а кума що нема. Подождали трощки, — не іде; отъ піпъ и каже:

— Не можна мні довго ждати: завтра празникъ, такъ треба поспішати якъ всиочній.

— Якъ же ми, паноче, безъ кума обійдемось? пита старá.

— Отъ вамъ кумъ, — каже піпъ, глянувши на Ивашка.

Вже піпъ почавъ молитву, якъ щось заторохтіло, — глянули у віконце, ажъ спражній кумъ прихавъ и змінивъ Ивашка. Дівчинку охрестили Оленою, бо саме на Костянтина и Олені уродилась. Ивашко, почувши се імєння, згадавъ свою покійницю бабусю, бо й вона Оленою звалась.

За обідомъ, по звичаю, баба стала частувати, — хто кїво на тарілочку шагъ, хто два, а Ивашко хотівъ положити пятака, та яксь омлівсь и брязнувъ таляра. Якъ се побачили, такъ усі и вїтришились на ёго; у баби рўки задрїжали, трохи пляшки зъ горілкою не розбіла, а піпъ ажъ розсёрдивсь. За хрестини досталась ёму одъ кума злотўвка, а бабі, чортъ-батька-зна за віщо, цілісїнький таляръ! Такъ стало ёму досадно, що, здається, у-друге бъ охрестивъ, коли бъ Ивашко бувъ хрещенимъ батькомъ.

Пообїдавши, стали кружлять горілку, а Ивашко, якъ непитущїй, вийшовъ зъ хати, сївъ на призьбі, на тїмъ самїмъ місці, де бачивъ дівчину, та й задумавсь. Ажъ чує, старá зъ бабою підїшла до вугля и стали собі розмовляти.

— Що се за чоловікъ, — каже старá: — щось не протє!.. Відкіля воно взялось? Чи одъ Бога вінъ, чи, може, нечїстїй ёго підіславъ на яку-нєбудь капость?... Напророчивъ дочку, якўс дівчину трїчі бачивъ... щобъ не було, нехай Богъ боронить, три літа засўхи? Такий обірваний та обшарпаний, зовсїмъ гультіпакá, а давъ тобі таляра! се бъ не розсїдиривсь такъ и багатїй панъ!...

— Що се ви вигадуете, мой матіночко? — перебіла баба: — чи вінъ же такі похожий на гульгіпаку? Такийъ зъ ёго бравий парубокъ; звісно, у дорозі трощки обносівсь, а може вінъ и багатого батька спить. Та нічого вамъ и Бóга гнівѣти: невістка здорова, а дитина така гладка, якъ той цурупалоць. Та ще й те: — хіба жъ ви не бачили, якъ вінъ хрестъ цілувавъ?.. та й я хрестила таларь, — такъ усé такий, якъ и бувъ; ось подивітця.

— Такъ отъ послухай, що я тобі ще скажю. Невістка розказувала, що у перву нічъ, якъ уродилась дитинка, приходила якась бабўся, и дўла и хрестила дитїну. Невістка хотїла була крикнути, такъ мови не стало: дуже злякалась!

— Може її такé прпсвїлось!

— Божїлась, що не спала, — и добре її розгледїла.

— Яка жъ вона?

Тутъ старá почала розказувать, а Ивашко слўха, и добре вбачає, що та бабўся ніхтó другий, якъ ёго наречена мати.

— Чого жъ ви злякались, мой матїнку, — каже баба дослухавши: аджежъ та бабўся хрестїла дитїну? Хіба нечїстий прийде, або пришле когó хрестїти чужу дитїну?

Оттакъ побазикали собі, та й пішли у хату, а Ивашко ще гіршъ засмутився.

Сонечко вже сїдало, якъ вінъ, подякувавши хазяїнівъ, пустився у дорóгу на всю нічъ; а якъ дійшовъ до тієї кривїці, де побачивъ дївчину, то вже й смёрклось. Росá серпанкомъ розїслалась по степу, кругомъ якъ море ёго оточїло. Такъ ёму легенько дїхать; тепленький вїтерецъ зо всёго степу несє ёму квітчанї запахи; яснї зорї, якъ дїточки, дївлятця ёму у вїчі и ёго провозають. Ивашко сївъ біля кривїці и думаетъ собі: зва що вона мнї привїжувалась? лўчче бъ було, якъ-бї я шкóли її не бачивъ; не засмутила бъ вона моєї душі, не накиннула бъ на моє сєрце важкої могїли!.. »Далї уставъ, озирнувсь на всі сторони и гóлосно крикнувъ:

— Дївчїно! найкраща зо всёго свїта, сєрце-моє, гóрлице мой! Явивсь до мене, нехай хочъ разъ ще на тебе гляну, та й умру, зъ твоїмъ обличчямъ передъ очїма... Хочъ обїзвїсь до мене...! Дївчїно!... Коханнїя моє!..

Оттакъ гукавъ сердешний Ивашко на ввесь степъ! и не явилась же, и не озвалась до ёго та дївчина; тїльки закнїгїкала надъ

лнмъ чайка, далёко зашідпідёмкала порепілочка, и разъ-у-разъ висвітувавъ овчарикъ. Не витала вже тутъ та дѹша, — мабуть, знайшла собі вже хатишку, и на який часъ зачинилась.

Смутний и невесѣлий вернѹвся до-дому Ивѹшко; важкий камінь навалився на ёго сѣрце. Всю осінь и зиму нѹдивсь, а на вѣсну, щобъ хочъ трѹхи розв'янти свого смѹтку, пішовъ чумакувати.

Чумакує Ивѹшко рікъ, и два, и дѣсять и п'ятнадцять, а болячка на сѣрці не загѹблалась. У всѣму щасливий, — тильки не дає ёму Господь вірної дружини. Такий ставъ багатий: п'ять хуръ послѣла на Дінь за рибою, а самъ зъ десятию ходить у Кримъ за сіллю. Прикунивъ чимало грѹнту, пострѹивъ хату якъ той будинокъ, ставъ паномъ на всю гѹбу. Громада неразъ вибирала ёго у голови, — такъ не схотивъ, та й не схотивъ. И який-то зъ ёго козарлюга ставъ, якъ-бѣ ви побачили! висѹкий, сановитий, и глянути на ёго вѣсело. Заглядувались на ёго тепѣрь не одні дівчата, — казались и молодіці; а якихъ тамъ не було! и ченурнихъ, и моторнихъ, и зъ бѣса хитрихъ та лукавихъ, що, здаѣтця, и самого святошу зъ пантелику збили бѣ. Такъ чоґо вже не робили, якъ не захожувались, якъ бѣсиків не пускали! такъ ні: на одну й не глянувъ, не то щобъ уз'явъ одъ якої стѣжку у комірь. Частенько було у-ночі затурготить у віконце.

— Хто тамъ? — спитѹ Ивѹнъ Уласовичъ (такъ вже тепѣрь ёго звали).

— Я, дядьку, — защебѣче тонѣнькимъ голоскомъ: — Параска, бѹдте ласкаві, одчинить та дайте вогню!

Одчинить Ивѹнъ Уласовичъ, увиде молодіца, вигребе пзъ пѣчі жару и засвітить свѣтло. Така росхристана, підтїкана, звисно якъ у ночі. Гляне на себѣ, та й засоромитця, сама бѣ то не знає, що робить: запаскою грѹди закриває. А тамъ якось смілише стѹне и роспитує:

— Якъ вамъ, дядьку, не обридне одному спѹти? Чомъ ви не ожѣнитесь?... Ёй же Бѹгу, правда.

Ивѹнъ Уласовичъ и не слѹха, що вона ёму верзє; тильки визьме її тихѣнько за плечѣ та й скаже:

— Идїть вже, идїть, ато вогѹнь погасне.

Та и вѣ дѣнь не дѹже соромилсь: яка нѣбудь молодіца ви-проводить у поле свого чоловіка, гулькѣ—и несє мїтель до Ивѹ-

на Уласовича, та й захожуєця змивати ёму голову, и рукава за-
сүкує до самїхъ плічъ, а рүки такі півлі, ніжні та білі, якъ
пшенишне тісто. (Звісно, чортяка підводиць, бо самъ зъ Іва-
номъ Уласовичомъ нічого не вдіє).

— Но треба, не турбуйся, — каже Іванъ Уласовичъ: — я
й самъ собі голову змію.

— Ну, такъ и вамъ поськаю, — каже молодїця. И заразъ
сїде и загорне плахту, щобъ не намүливъ щокїи объ жорсткү
одѣжину. А тонкого полотна сорочка такъ и обхватує пишне
стегно; на такій подүсці не погрѣбавъ би виспатись и самъ са-
танъ Турецький. Та ба! не такъ заправила зъ-малку бабуся Іва-
на Уласовича.

Наступїла вісімнадцята весна, після того якъ Івану Уласо-
вичу привїджувалась та чудова дівчина, — досі незабувъ її, бу-
цимъ вчора бачивъ, и досі не одірвавъ її одъ свого сѣрця.

Після святої неділі, зібравши хурп, Іванъ Уласовичъ зъ
наймитами рүшивъ у Кримъ за сіллю. Тепереньки вже вінъ не
такїй бувъ, якъ колись швѣндивъ по степу у сімрязці; теперъ
вже вінъ, якъ багатїй хазїївъ, у брилі, у блакитному жупанї,
шовковимъ поясомъ підперезаний, такїй зъ ёго чоловіяга, що
и панъ не дуже бъ ставъ передъ нимъ кірпу гнүти.

Ідуть вони вже тиждень. Звісно, чумаки завжди рушаюгъ до
зхїдъ сонця, щобъ захопити холодкү. Отъ, разъ піднялись вони
ще удівіта; тільки вирівнялись у стрічку, а тутъ якъ насуне ту-
манъ, такїй густїй, що въ двохъ ступняхъ невідко чоловіка. Зїй-
шло сонечко и розвесло той туманъ; дивляця, ажъ загубїли до-
рогу. Були вже хотїли вертатись назадъ, такъ Іванъ Уласовичъ
и каже:

— Ідте вже, невеликий кругъ зробимо; тутъ, може, буде яка
оселя, — роспитаємо та й вїхопнємось на свій шляхъ.

Ідуть собі та ідуть, — вже бъ поря и скотїну поїасти, — такъ
нема жъ водоюю. Іванъ Уласовичъ идє собі стороною и дүмку
гада, усє одно на умї, ажъ чує — фурщикї гукяють.

— Дїядку, а дїядку: ось криниця!

Глянувъ Іванъ Уласовичъ, ажъ знакома кривїця, а біля неї
стоїть та сама дівчина, що вісімнадцять лїтъ тому стояла, и
такъ саме на ёго дивця, такъ саме ёму й усміхаєця, якъ тоді дивї-
лась и усміхалась. Якъ вінъ її побачивъ, то ажъ грүди ёму за-

ложило, и степъ кругомъ ёго покотівся. Близитця вінъ до неї, а самъ окомъ не змигнув, зъ очей не спуска, щобъ не зникла.

— Ажъ ось відкіля узялись! — обізвалась дівчина: — куди жъ ви ділись, дядьку, якъ я підходила до васъ?

— Де?... коли!... пита Іванъ Уласовичъ. Ажъ задріжавъ, почувши її голосокъ.

— Уранці, біля тернівъ; неслá воду, а ви сидите підъ кущикомъ и такъ пильно на мене дивитесь; я й думала, чи не хочете вапитись, подаю вамъ глечникъ зъ водою, та й кажу: «на здоровья!» ажъ гулькъ — нема нікого!...

— Моя голубонько, — каже Іванъ Уласовичъ, узявши дівчину за білі рúченьки, — не менé ти бачила, не мінí й воду підносила, а моїй душі! Вісімнадцять лítъ тому, оттакъ-саме и на сімъ місці ти мнi привиджувалась! Вісімнадцять лítъ тільки объ тобі й думавъ, одиу тебе винюпувавъ у моєму сёрці! — Де жъ ти живёшь, — пита вінъ, дивлячись у ясні очі своєї суженої, — де питаешъ, мой горлицько?

— Живу у батька-въ матері тутъ подалéчко у балці біля ставочка.

— Якъ же тебе звать?

— Олесею, — одвітала дівчина.

— Эгé, отъ воно що! — такъ я бувъ у тебе й на христіввахъ. Чи живі, чи здорові твої діди — батько, матъ?

— Хвалить Бóга, усі живі й здорові!

— Ходімъ же, мой сужова, до нихъ за благословеннемъ!

Обнялись якъ голубьятчка и пішли собі; а надъ ними такъ и влётца чайка, якъ надъ гвiздóмъ, якъ надъ дiточкамп, и квалить и кигіка; а якъ дійшли вони до хати, то чайка піднялась у гóру, усé вище, вище, по́ки не зникла. Такъ укупі, побравшись за рúки, и ввійшли у хату.

— Здорові були, люди добрі! гукнувъ Іванъ Уласовичъ: — пізнавайте, хто до васъ прийшовъ?

Старá тільки глянула, заразъ и пізнала.

— Се, — каже, — тоб парубокъ, що колись заходивъ до насъ, та привиджувалась ёму якась дівчина.

— Ось яка привиджувалась дівчина, — каже Іванъ Уласовичъ, глянувши на Олесею. — Якою її тогді бачивъ, такою й тепóръ

знайшовъ!... Такъ благословіть же, бо самъ Богъ вже насъ благословівъ!

Поблагословіли їхъ старі якъ слідъ; помолились Бóгу, и посідали, щобъ усé добре сідало. Олесь такъ и тупитця до Півана Уласовича, такъ и дивитця ёму у вічі, непа́че давнó ёго знала, непа́че давнó ёго кохале. Хто бъ на нихъ ні глянувъ, то заразъ би пізнавъ, що Господь давъ їмъ на двохъ одно тільки серце.

Не довго сидів Піванъ Уласовичъ, забравъ усіхъ зъ худобою, бо вони жили підсусідками, та й повізъ до себе. Поїхавъ за сіллю, а привізъ хлібъ пзъ сіллю!

Отъ вамъ и кінець! Нідлячого казати, що вони були щасливи-ми; не даромъ же старі люди кажуть:

»Кого Богъ з'єднавъ,
»Тому й щастя давъ!»

ОЛЕКСА СТОРОЖЕНКО.

ГОЛКА.

За давніх часів, колись на Україні, були люде, що не признавали надъ собою ніякої владзи. Кожний зъ нихъ мавъ старшого за во́рога, рівного за брата, бо въ тій рівні поважавъ самого себе, власну самоїстаость, а меншихъ мавъ за бідло, прахъ, сміття. Усе, що Господь щедрою рукою розсіпавъ по світу, усе те побачили бь у їхъ палацахъ, а кругомъ тихъ палацівъ неприкриті халупи, обідраний, голодний и холодний людъ. Усе добре и чуже, чимъ наділя Господь чоловіка, даючи єму серце и дүшу, усе те въ нихъ заплило глєємъ чванства, гавьби и невѣсти. И якъ то чудно усе въ нихъ зложилось и перекорилось: проповідували вольность, неподлеглость, а тимъ часомъ чухрали батогами свою жь-таки шляхту. Палили слободи, вибивали народъ тисячами, и плакали надъ їхъ безголовьямъ. Строили манастири, костѣли, а дүші свої губили у тяжкихъ грїхахъ. На втиху собі, стріляли, палили и вшали людѣй, безъ виши карали, безъ заслуги награждали, для своєї користи переганяли на лємбикъ чоловічі слєзи, трудовий потъ и кровь, щобъ зъ відрѣ добути хочь одну краплю злата. Хочь би увесь свѣтъ зъ людьми вверхъ дномъ перевернүвся, тільки бь имъ було добре, тільки бь усе робилось по їхъ волі, якъ имъ схотілось. Широко и далєко простягалась та воля; здаєтця, якъ-би вона встала, то й нєба бь достала!... А знаєте, люди добрі, якъ звали тихъ людѣй?... Польськими магнатами!...

Роскажү вамъ дє-що, про одного изъ сєго кола магната, про Потюцького, що колись живъ у Тульчині. Мѳже, ви чували, що вінъ на своєму вікү вироблявъ? Немплосердний вінъ бувъ до всєго люду, а найгірше до жидівъ. Для своєї втихи чогó вінъ зъ

ними не вироблявъ?... Було, намалює вуглемъ на стіні чортяку, се бь то *чарний кіть*, та й приневольоє жйда улучать того коті камінцями, распаленими въ комінку. Тільки жидь доторкнѣтца до камінцїя, и репетує: «вай-вай!» попікъ сердѣшний палці, а той ёго капчукомъ: «улучай», каже, «Продівъ сїну, а не то — до смѣрти зачухраю!» Нічого робить, ханіа неборакъ камінець, шпурнѣ; коли невлучить,—бѣс жйда за те, що промахнуўсь, а влучить, зновъ шмага: «за щос», каже, «бѣшь *чарнею кота*?» Та такъ и граѣтца зъ нимъ, якъ кіть зъ мишшою, покі не замордує бідолашного Шмўля до полусмѣрти. Разъ встрѣливъ вінъ жйда — не свого, а другого якогось пана, такого жъ магвата, якъ и самъ. Та ще якъ кумѣдно и встрѣливъ! Давъ жиду дукать, та й каже: «лізь-лишенъ на вербу и кўкай.» Жидъ злізь, тільки кўкнувъ разъ, вдарує, а Потощкий приложився, якъ торохне, такъ вінъ сердѣшний пукъ объ землю: тутъ ёго й чортї вхопили. «Глянь», каже Потощкий, «кўка на вербі, а я думавъ що зозуля, та й встрѣливъ». Отъ панъ того жйда и розсѣрдивъ за се на Потощкого: «якъ», каже, «ти осмѣливъ встрѣлити мого жйда? хибá у тебе мало своїхъ?» Бачите, вступивъ за чоловіка!.. Такъ Потощкий звелівъ накласти цілісіньку фўру жидівъ, та ще зѣрху и рублѣмъ, якъ снопї, пригнїтивъ и одіславъ до того пана, одписавши: «не сѣрдься, голубчику, отъ тобі за одного цілу копу посвляю!» Бувало й такѣ, що, дѣколи вертаючись зъ полювання, въ осінню тѣмну нічь, запалить слободу, щобъ вѣдко було ёму дорогу, доіхати до свого палацу. Разъ подобалась Потощкому якась дуже гарна молодїця, та не піддалась: чого вже вінъ їй не дававъ, якъ біля неї не захожувавсь. Отъ чортяка и вхопивъ за сѣрце магвата: призвавъ до себе якогось дотѣнного малярá Влоха, и звелівъ ёму списати зъ тієї козачки патрѣть. Якъ скінчивъ Влохъ той патрѣть, отъ и принісъ ёго до Потощкого; привелї й молодїцю. Глянувъ магнатъ на неї и на патрѣть, — стоять передъ нимъ якъ двї сестрі: обидвї такі жъ и гарні, и смутні, и тимъ же гордимъ поглядомъ на ёго дивлятца. Довго Потощкий дивився на патрѣть, а тамъ повўро глянувъ на козачку, та й каже: «Бачишь, якъ и поважаю твою красоту! и унўки побáчять, яка ти була гарна; а за те, що твоѣ сѣрце не приклонїлось до мого кохання, ти повинна смѣрти: коли не минї, то не доставайся жъ нікому!...» Вихопивъ пзъ-за пояса пистоль, та й застрѣливъ небогу!...

Такъ оттакий-то бувъ дзидзивѣрь-зухъ Потюцький!... Тепѣрь вже, якъ почуєте про мою голку, то вона не здастьца вамъ за брехеньку. Отъ слухайте.

Кілька милъ одъ Тульчина, коло одного маѣнтка Потюцького, живъ зъ жінкою, зъ дѣтьми, небагатий шляхтичъ панъ Кондратовичъ. Мавъ вінъ кілька мѳргівъ земельки, фольварочокъ, добре працювавъ, и, хвалити Господа, не прохавъ ні у кого хлѣба. Розсѣрдився на ѣго за щось економъ того маѣнтка, панъ Тридурский, а кожний зъ економівъ тежъ удававъ зъ себе Потюцького, та й вигнавъ бѣдного шляхтича, зъ жінкою зъ дѣтьми, изъ власної хати. Що робить бѣдолашному шляхтичу? не запозиватьца жъ ѣму зъ магнатоми. Отъ вінъ осѣдлавъ коника, и поїхавъ собі въ Тульчинъ до самого Потюцького, щобъ здатьца на ласку и правду ѣго ясновельможности.

Не доїзжаячи мѣлю до Тульчина, Кондратовичъ здалека побачивъ поїздъ Потюцького. Самъ вінъ їхавъ попереду, а за нимъ цілий шкадронъ жовнѣрівъ, козаківъ, доїзжайчихъ, стременихъ и псарівъ зъ гончими и хортѣми. Дуже зрадѣвъ Кондратовичъ, побачивши Потюцького: »сеє, дѣма, самъ Господъ посилѣ ѣго мѣни; може вінъ ласкаво менѣ вислухає и звелить вернути заграблену худобу.« Зупинивъ коня, знявъ шапку и стоить собі, не осмѣлюясь самъ и підѣхати до гетьмана. Ажъ ось самъ Потюцький шпигнувъ коня острогами и підскочивъ до Кондратовича.

— *Хто єстесь?* спитавъ Потюцький.

— Шляхтичъ, ясновельможний пане, одвѣтивъ Кондратовичъ, вахляючись ажъ до лѣки.

— *А маѣшь голку?* зновъ спитавъ Потюцький.

Кондратовичъ виптавъ баньки, дивитца ѣму у вѣчі, не зна, що й казати.

— *Маєшь голке, гѣнствоть, лѣйдакъ?* гримнувъ Потюцький, и брови нахмуривъ и почервонѣвъ: вже й розсѣрдився! такъ зразу ѣго чортѣка и захопивъ за сѣрце.

— *Пѣма!* ясновельможний пане, одвѣтивъ Кондратовичъ.

— *Пѣма!* крикнувъ Потюцький, ажъ зубами заскреготавъ. — *Пѣтшай,* каже, показуючи застрѣмлену въ рукаві голку, обкручену нѣткою, якъ буває у кравцівъ, — *пѣтшай,* я грѣба Потюцький, коронний гетьманъ, надъ панѣми панъ, мамъ сто городѣвъ, и въ мене є голка, щобъ часомъ—розірвеца—зашить, а ти—

ліанець, безштанько, п вь тебе нема?.. А ну те, хлопці, дайте ёму з шкяру.

Не дали ёму бісові котолупи и слова промовить, стягли раба божого съ коня, и почали чухрать канчуками; а Потодцький дивитця та приговорує:

— Оттакъ дурнівъ вчать та на розумъ наводять! оттакъ и ти вчи и лупи їх власною моєю рукою!

Можє бь ще більше всіпали небораку, такъ на ёго щастя схопився зайчпкъ; отъ Потодцький покіннувъ Кондратовича и чкурнувъ за куценькимвъ. Не схаменуєсь бідолаха Кондратовичъ, відкіль ёму и ліхо склалось; думавъ знайти зашїту, правий судъ, а знайшовъ, ні за що, ні про що, люту кару. »Отъ тобі, думає, и наньська правда! запозвай теперъ магната до Божого суду!..« Заплакавъ сердешний и поїхавъ у Тульчїнъ до свого родича, що служивъ у Потодцького конюшимвъ. Приїхавши, розказавъ ёму усє, якъ було, якъ ёго Тридурський ограбивъ и якъ Потодцький одчухравъ.

— Яка жь теперъ у тебе думка? пита родичъ.

— Отъ яка, каже Кіндратовичъ: — теперъ мині вже не до земельки; нехай вона чортамъ достаєтця; жінку зь дітьми оддаю на волю Божу, а самъ — пропаду... а вже оддичу дявольскому сїну!

Нїчого казатъ, завзятий таки зь біса бувъ Кондратовичъ, не зь того десятку, що гоють своєю спїну чужимп дукатами. Та ще, нївроку ёму, и здоровий бувъ: на одну рўку трєхъ би такихъ вклавъ, якъ Потодцький.

— Не журись, каже родичъ, — оддичившъ, коли вже тобі такъ того схотїлось: я тобі и порадѹ дамъ. Чи ти знаєшъ ту капличку, що вь кінці парка?

— Якъ не знати! одвїтивъ Кондратовичъ; самъ ажъ затрусївсь одъ радости.

— Отъ у сю жь капличку, каже родичъ, — Потодцький, перерядившись старцемъ, що-суботн ходить одмолювать, у Почаєвської Богоматери, грїхї, що за тиждень назбираютця. Завтра субота, устанешъ ранєнько, то тамъ ёго застїкашъ, якъ сѹтника вь горосї, и що душі твоїй схочетця, те зь нимъ и зробишъ.

Кондратовичъ, почувши се, якъ на свїть народився. Заразъ и вїгадавъ, що ёму робити. Велика радїсть для чоловіка — помогти томѹ вѹрогу, которого покарала злїя годинна, а ще бїльша —

оддячить мѳцному вѳрогу. Здаѳтця, караешъ ѳго не за одного себе, а за всѳхъ, за все те лихо, що винъ рѳбить людямъ. Ищѳ чортѳ но бѳлиси навулачки, якъ Кондратѳвичъ, узѳвши добрий малахаѳ, потѳгъ у паркъ до каплячки. Не доходячи до неѳ зъ пѳвгонѳвъ, забрався въ гущину, та й стережѳ Потѳцького, якъ той кѳтъ мпшъ. Тѳльки почало трѳшки розвѳднюватьця, ажъ чѳе Кондратѳвичъ — щѳсь залопотѳло; дѳвйтця, — нѳде Потѳцький, такий обѳрваний та обшѳрпавий: у сѳмирязці, щѳе й зъ тѳрбою черезъ плечѳ. Кондратѳвичъ и духъ прѳтаѳвъ, ѳкомъ не змигнѳ; дѳвйтця — увѳйшовъ Потѳцький у каплячку и ставъ молятьця. То простѳгнетця крижѳмъ, то кулаками въ грѳди себе стусѳе, то рѳки догорѳ пѳдѳймѳ — живѳй на нѳбо лѳзе. Уставъ Кондратѳвичъ, ажъ трѳситця, такъ ѳму закортѳло напѳтьця тѳи помѳсти. Давъ Потѳцькому трѳшки помолѳтьця, а тамъ увѳйшовъ у каплячку, удѳривъ кѳлька покѳлонѳвъ и ставъ гѳлосно молятьця:

— *Найсвѳнтша Мѳтка*, кѳже, а самъ свое дѳма: — пошли усякого щѳастя, здоровѳя, талану и довголѳття дѳдвчу нашому, ясневѳльможному пану Потѳцькому, за те, що винъ насъ дѳрнѳвъ вчѳвъ и до рѳзуму доводѳть! Нехѳй винъ и дѳти ѳго панѳють надъ нами до кѳндѳ свѳту!

Потѳцький прѳтулѳвся въ кутѳчку и слѳха; ажъ обѳлизуетця, якъ маслѳмъ по душі ѳго мѳже тѳєю молятьѳю; зѳразъ пѳзнаѳвъ, що се той шляхтичъ, котѳрому вчѳра задаѳвъ винъ шѳаби. Скинѳвши молятьѳу, Кондратѳвичъ обернѳвся до Потѳцького и пита:

— А що ти тутъ рѳбишъ, старцю?

— Молясь, вѳльможний пане, — одѳвѳивъ Потѳцький, низѳнько вклонѳвшисъ и затуляючисъ тѳрбою, щобъ чѳасѳмъ не пѳзнаѳвъ ѳго шляхтичъ.

— *А машъ гѳлку?*

— Бачъ, якѳй розѳумний, подѳмавъ Потѳцький, — мабуть вже у ѳго в гѳлка е.

— Чи машъ гѳлку? гѳнствѳть, лѳйдакъ! грѳйнувъ Кондратѳвичъ, вѳзвѳрпвшисъ на Потѳцького.

— Нѳма, вѳльможний пане, одѳвѳивъ Потѳцький, а самъ мерщѳй до дверѳей, — дѳмае, отъ собѳ на лихо навчѳвъ чоловіка, щобъ не задаѳвъ минѳ такоѳ прочѳханки, якъ я ѳму вчѳра.

— Нѳма! крикнувъ Кондратѳвичъ, простѳгуючи рѳку. — Ось дивѳсь, кѳже: — я говорѳвий шляхтичъ, мамъкѳлька мѳргѳвъ зем-

лі, два коні, корову, чотирі свині, — и у мене є голка, щоб не ходити обірванцемъ, а ти гультіпака. ланецъ. безштанько, а в тебе нема?!..

Та се кажучи, хапъ его за чубъ! віхривъ, віхривъ, далі голову між коліна, ну ёго шмагати малахабмиъ; шмага, шмага, а самъ приговорює: »Оттакъ батько нашъ Потюцький звелів дурнів вчити, и на розумъ наводити! не я тебе бью, а бє власна ёго рука! Супонивъ, супонивъ, поки він не зомлівъ. Вдовольнивши серце й душу, Кондратовичъ плюнувъ на Потюцького, та й пішовъ собі до рідича.

— А що? спитавъ рідичъ, побачивши Кондратовича.

— Знатного перегону задавъ, каже Кондратовичъ усміхаючись: — буде згадувати ту голку по суботахъ!

— Тікай же швидче, — ато, щобъ він на шибиниці тебе ще не провітривъ!

— За що?... хибá жъ не самъ вінъ звелів мнѣ дурнів вчити! Аджé жъ я трощивъ не ёго, а старця и ще власною ёго рукою? Та куди жъ и тікати одъ Потюцького? Хибá на той свѣтъ, а на сѣмъ не сховався!

— Та воно такъ, — тільки гляди: ти самъ знаєшъ, що у тихъ магнатів така правда, якъ у цигана сорочка: и коротка и латана. И правда та у нихъ, якъ кий въ руці: якимъ кінцемъ схоче, тимъ и вдарить.

Оттакъ поговоривши, та й прислухуюцца, яка буде чутка объ Потюцькому. Ажъ ось, зайшовъ до рідича зъ двору служюницы и каже, що гетьманъ вчора на полюванні трюшки застудився и занедужавъ.

На другий день, тільки вернулись зъ костѣла, ажъ прибігъ козакъ.

— Чи тутъ, пита, — гостює панъ Кондратовичъ?

— Тутъ, — каже рідичъ, — а на що вамъ?

— Гетьманъ кличе до себе: нехай швидче йде!

Сміло пішовъ Кондратовичъ до Потюцького, думає собі: що буде, те буде, а буде те, що Богъ дасть.

Тільки побачивъ ёго Потюцький, заразъ и крикнувъ:

— А що, чи маєшъ теперъ голку? — Тільки вже спитавъ не такъ, якъ тоді, а ласкаво, усміхаючись.

— Маю, ясне-вельможний пане! одвітивъ Кондратовичъ, показуючи голку.

Глянувъ на неї Потоцький — неначе не бачивъ, а тамъ вже не тільки очи, и спина бачила ту голку.

— А чи не трапилось тобі ще — навчить якого-небудь дурня? пита гетьманъ, а самъ пильно дивитця на Кондратовича.

— Якъ не траплялось, ясне-вельможний пане? сміло одвітуе Кондратовичъ: — вчора у капличці спиткавъ якогось старця и добре одшмагавъ, — довго буде згадувать ту голку.

Тутъ Потоцький ставъ роспитувать Кондратовича, відкиля вінъ и зачймъ првихавъ. Отъ вінъ и розказавъ ему усє, що треба. Гетьманъ ласкаво єго вислухавъ, узявъ листъ папєру, щось написавъ, та й каже:

— Озьми сей *розказ* и оддай єго *муніму* економіму, то все зробитця, якъ тобі й не снилось!

Кондратовичъ подякувавъ гетьману, поцілувавъ полу єго кунтуша и пішовъ въ кантору. Тільки прочитавъ той листъ гл҃вний економі, якъ вітрищитця, якъ крикне:

— Кілька літ служу єго ясновельможності, а вінъ міні десять грошей не подарувавъ, а тутъ чортъ-батька-зна-кому и завіщо, дає и гроші и зємлю!

— Се жъ моя зємля, каже Кондратовичъ, — ще батьківська. Не свою дає, а ту, що панъ Тридурський заграбивъ!

— Розкажу! — не свою!... Потоцький звелівъ въ придачу до твоєї зємлі дати у-трое стільки, и ще двісті дукатівъ, отъ-що!

— Такъ тобі жаль чужихъ грошей, а не жаль чужої спини? Позавчора Потоцький вєшпавъ міні двісті канчуківъ, а сєгодня одсіпавъ двісті дукатівъ: такъ покуштуй перше канчуківъ, та тоді вже и завидуй ласці єго ясновельможности.

Забравши гроші и *розказ* до пана Тридурського, Кондратовичъ подякувавъ родича за пораду и поїхавъ собі до-дому, весєлий и щасливий. Хочъ спина ще не загоїлась, такъ думка жъ и сєрце вже не щеміло.

Не пройшло и тижня після того, якъ поїхавъ Кондратовичъ, прибігъ панъ Тридурський до Потоцького, и пуць ему въ ноги.

— Змилуйся, ясно освіціний пане, заголосівъ: — ися кровь, гунтсвотъ Кондратовичъ віку міні збавивъ, до полусмерти зашмагавъ канчуками, трѣхи голови не відкритиъ зъ чубомъ.

— За що? спитавъ Потюцький.

— Чортї ёго батька знають, за що! стривъ мене одного у лісі, та й пита: *»машь голку?»* Нема, кажу. А вінъ якъ крикне: *»Ахъ ти голодрабець! патшай, каже, показуючи застрѣмлену у рукаві голку: я азъ ласки пана Потюцького обиватель, а ти наймптъ, приплѣнчачъ, п въ тебе нема?»* за чубъ мене, стягъ съ коня и даваѣ троштить. Та ще й приговорює: *»Оттакъ батько нашъ Потюцький звелівъ дурнівъ вчить и на розумъ наводить! не я тебе бью, а бье ёго власна рука!»*

Панъ Тридурський думає, що Потюцький, почувши се, розлютетця и звелить повисить Кондратовича, а Потюцькому и байдуже: регочетця собі, ажъ за живить беретця. Тридурський, щобъ ёго розжалобить, розказує, яка важка рука у Кондратовича. А Потюцький ще гіршъ сміетця, ажъ ніжками дригá та регочетця. Дє бъ то ёму не знать, яка тамъ рука у Кондратовича! Далі, якъ натішився въ волю, и пита пана Тридурського.

— А въ якій ти школі вчивсь?

— Въ Мпвжиріцькій, у Піарівъ, ясно-вельможний пане, каже панъ Тридурський.

— А якъ ти добре вчивсь и слухавъ своїхъ *науцицьлівъ*, — чи була тобі за се яка винаграда?

— Якъже! патери вишали мни на ланцюжку мідну бляшку, а мати годувала марципанами съ миндалями.

— Ну, якъ вернесся жъ въ маентекъ, то заразъ одішли Кондратовичу сто дукатівъ за те, що вінъ добрий учень.

Панъ Тридурський булò спрпчатыця, такъ куди! Потюцького не переспоришь: що вінъ разъ сказавъ, то такъ и буде. Ёго воля усімъ законъ, вінъ и самъ їй кланяетця, якъ той хлопъ панові.

Довго втішались тією голкою. Далась вона не одному въ знакъ, не одного шпинюла. Булò, якъ хто хоче оддячить своему ворогу, то й присікаетця до ёго: *»чи машь голку?»* Якъ нема, то й бье и товчє ёго. А жалуватыця до Потюцького хочъ не ходи: посміетця, шпє и грошеѣ дасть томۇ, хто бияв. Булò, якъ одъ чорта хрестомъ, такъ одъ ледáчого чоловіка, одъ якого-небудь прочваря, оборонялись тією голкою. Хто бъ куди не іхавъ, та кляба не візьме на дорóгу, а вже голку застрѣмить у рукавъ.

Олєкса Сторожєнко.

ПРОСТАКЪ,

или

ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Сочиненіе Василія Аванасьевича Гоголя,

(ОТЦА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.)

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Читающему обществу было извѣстно, что отецъ знаменитаго Н. В. Гоголя писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ для представленія ихъ на домашнемъ театрѣ своего родственника, бывшаго министра юстиціи, Дм. Пр. Трощинскаго. Въ мнѣхъ *Запискахъ о жизни Гоголя* помѣщены были даже отрывки изъ нихъ, по памяти почтенной матери поэта. Но этихъ отрывковъ было недостаточно для того, чтобы судить о степени комическаго дарованія Василія Аванасьевича. Случай спасъ отъ утраты одну изъ его пьесъ, которую *Основа* спѣшить сохранить какъ дорогой памятникъ родной словесности.

Комедія *Простакъ* написана прекраснымъ украинскимъ языкомъ, обнаруживающимъ въ авторѣ близкое знакомство съ людьми, выведенными имъ на сцену. Въ которомъ именно году она сочинена, намъ еще неизвѣстно, но весьма возможно, что — прежде *Москаля-Чарівника* и *Наташки-Полтавки*. Такимъ образомъ, имя Гоголя связано съ первымъ стремленіемъ Украинцевъ — образовать народный театръ. Стремленіе это, въ авторѣ *Простака*, выразилось почти такимъ же способомъ, какъ и въ *Котляревскомъ*. То было беззаботное время для помѣщиковъ, когда онъ мирно процвѣталъ въ своемъ хуторѣ (разросшемся впослед-

ствіи въ село). Извѣстный порядокъ гражданской и общественной жизни, заведенный въ Россіи и усвоенный украинскими дворянами, достигъ тогда возможно-успокоительнаго совершенства и казался нормою, изъ которой выходить не слѣдовало. Помѣщики вели жизнь — говоря вообще — веселую, и, какъ роскошь еще не стоила ихъ средствъ, увеличенныхъ правительственными пожалованіями ихъ дѣдамъ, отцамъ и имъ самимъ (какъ, напримѣръ, Трощинскому), то у нихъ хватало средствъ навѣзатъ. Устроить домашній театръ, завести собственный оркестръ — въ тѣ времена было дѣломъ довольно-обыкновеннымъ и не встрѣчало ни въ комъ Катоновскаго осужденія.

Недалеко еще отошли отъ насъ десятилѣтія благодатной помѣщичьей жизни, но взглядъ на жизнь и самая жизнь измѣнились въ Украинѣ почти до невѣроятности. Мы еще помнимъ, какимъ *вельможею* жилъ, въ живописной Качановкѣ (Майорщинѣ), Гр. Ст. Т — скій, какія гремѣла у него музыка, какъ разыгрывали крѣпостные украинцы произведенія знаменитыхъ нѣмецкихъ виртуозовъ. Умеръ вельможа, вступилъ во владѣніе наследникъ его дворца, построеннаго графомъ Румянцевымъ-Задубайскимъ, и первымъ его дѣломъ было — распустить доморослыхъ артистовъ, какъ людей, вовсе ненужныхъ для новаго помѣщичьяго быта.

Тоже самое произошло и въ знаменитыхъ Кибинцахъ, — этихъ Аоннахъ временъ Гоголева отца. Нѣтъ больше въ Кибинцахъ домашняго театра; нѣтъ музыки; нѣтъ многолюдныхъ помѣщичьихъ съездовъ. Одна только обширная бібліотека, свидѣтельствуетъ, что тамъ жили, чувствовали и мысляли, согласно съ духомъ своего времени. Говорятъ, что старикъ Трощинскій не лишнъ былъ любви къ родинѣ, что онъ дѣлалъ много добра землякамъ, по своимъ связямъ съ столичною знатью, что къ простому народу онъ относился, какъ помѣщикъ, очень кротко; любилъ слушать украинскія народныя пѣсни и даже, иногда, прослушавъ извѣстную *Чайку*, заливался горькими старческими слезами. Тѣмъ не менше былъ онъ человѣкъ XVIII вѣка и баринъ, созданный по французскимъ образцамъ русскихъ баръ. Отъ этого взглядъ его на простонародье ни комъ образомъ не могъ быть глубже, нежели и у вельможи Т — скаго. Рано было образоваться серьезному взгляду на хлѣборобовъ въ то время, когда у всѣхъ въ ухахъ еще раздавалась пѣсня:

Громъ побѣды раздавался,
Веселился храбрый Россѣ!

когда общая всей Европѣ государственная система такъ прочно, повидному, установилась, а объ общественномъ началѣ въ исторіи и въ государственной жизни никто почти и не заикался. Но недавно еще существовавшимъ понятіямъ объ *общество* и о томъ, кого сдѣдуетъ разумѣть подъ гражданскимъ обществомъ, мы можемъ судить, какъ въ тѣ безмятежныя времена должны были самые добрые и умные люди смотрѣть на простого поселянина. Доброта ихъ доходила, подъ влияніемъ Жанъ-Жака Руссо, Бернардень-де-Сень-Пьера и другихъ французскихъ гуманистовъ, до того, чтобы присматриваться съ любовью къ *отнямъ природы* и подавать имъ помощь отъ избытковъ богатства, пожалуй — даже поднять ихъ быть до подобія съ своимъ собственнымъ (какъ и дѣйствительно пробовали это сдѣлать нѣкоторые бары посредствомъ новозобрѣтенныхъ домиковъ, соломенныхъ шляпокъ и т. п.); но видѣть въ мужикахъ произведеніе старой исторіи и дѣятелей исторіи грядущей, смотрѣть на нихъ, какъ на временно-бездѣйствующихъ согражданъ и сотрудниковъ общаго національнаго дѣла, — куда!... осмѣяли бы тогда философа съ подобными убѣжденіями, въ томъ самомъ кругу, который разыгрывалъ комедіи изъ простонароднаго быта и гдѣ народная пѣсня исторгала кой-у-кого горячія слезы.

Эта-то узкость взгляда на то, что составляетъ *общество*, *народъ* и *націю*, и была причиною, что люди съ большими литературными способностями, каковы Гоголь-отецъ и Котляревскій, производили въ области простонародной словесности такъ мало и такъ слабо, сравнительно съ писателями ихъ времени, пересаженными изъ украинской почвы на великорусскую и изъ области темнаго демоса въ область сословія образованнаго. Эта узость взгляда, мало расширившагося и во времена Гоголя-сына, не дала и ему обнять украинскую жизнь полнѣе, затруднила ему изученіе украинской народности, убѣдила его слишкомъ рано, что на украинскомъ языкѣ писать не слѣдуетъ, а наконецъ и совсѣмъ вывела его творчество изъ сферы украинской. Талантъ его не могъ преодолѣть трудностей, представляемыхъ самою техникою дѣла, въ тѣ времена болѣе пещели сомнительнаго, но не могъ также удовлетвориться и формою *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргородѣ*. Инстинктъ, указывающій писателю, чѣмъ именно, въ какой именно формѣ, онъ можетъ сильнѣе дѣйствовать на современниковъ, внушилъ ему заняться предметами, которые были ясны для него, какъ день, и для изображенія которыхъ подготовленъ былъ для него языкъ Пушкинымъ и множествомъ другихъ писателей. Но возвратимся къ его даровитому отцу.

Василій Аванасьевичъ Гоголь, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени, — вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность карикатуры, ровность хода всей пьесы, ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ не мудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самого положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія.

Извѣстно, какую роль играли въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ, лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутивъ женою глуховатаго и лѣниваго старика, говорятъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, — тѣмъ болѣе, что дьячки при тогданемъ состояніи бурей были, большею частію, люди, изуродованные навѣки... Солдатъ, служившій въ-проголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, — понавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... *Parvte diable*, онъ пускается на смѣшныя штуки, — иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ.

Содержаніе пьесы Гоголя-отца почти то самое, что у Котляревскаго въ *Москаль-Чарівникъ*. Мы не знаемъ навѣрное, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если *Москаль-Чарівникъ*, то комедія Гоголя-отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго. Если же Гоголь-отецъ взялъ сюжетъ *Москаля-Чарівника* и обработалъ его по-своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлавая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь.

У Котляревскаго хозяинъ хаты — зажиточный чумакъ, а роль Ловласа играетъ *судовый панчикъ*. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего.

что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголи. Молодая жена, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго каштеляриста, у него — женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того... Онъ вывелъ на сцену хозяйку чумацкой хаты съ пятиномъ, вовсе не характеристическимъ, тогда какъ Гоголь-отецъ, относясь къ народу въ чистотѣ собственныхъ понятій о мужчинѣ и женщинѣ, заставляетъ своего солдата-постояльца, взглянувъ на мужа влюбленной въ дьячка молодиці, сказать про себя: »Неужели это ея мужъ?.. Ну, такъ она не совсѣмъ виновата.« Въ этихъ словахъ мы слышимъ, можетъ быть, бессознательный протестъ автора противъ современнаго ему порядка вещей, при которомъ сплошь да рядомъ могли существовать жертвы невольной сурружеской жизни.

Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играеть, у Котляревскаго, роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонародьи — самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ, Котляревскаго, въ комедіи. Совсѣмъ другое видимъ у Гоголя-отца. Здѣсь представленъ настоящій дурень, идиотъ-лѣнтяй, который способенъ былъ повѣрить и тому, что поросенокъ можетъ поймать зайца. Такого хозяина хаты весьма естественно дурачить солдату-постояльцу, (имѣя ввиду собственныя выгоды), для достиженія своей цѣли.

Самое изображеніе солдата у Гоголя-отца вышло мягче, артистичнѣе. Онъ не забылъ, что такое солдатъ, какъ существо человѣческое. У него о солдатѣ сказано нѣсколько такихъ словъ, которыя, между прочимъ, показываютъ и добродушіе нашего народа, рѣдко заглушаемое въ конецъ внѣшнимъ гнетомъ, и приходящее извнѣ нравственною заразою.

Словомъ, *Простакъ*, Гоголя-отца, во всѣхъ отношеніяхъ выше *Москаля-Чарівника* и можетъ быть названъ *первою* украинскою комедіею.

II. Кулишъ.

ПРОСТАКЪ,
или
ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ,
ПЕРЕХИТРЕННАЯ СОЛДАТОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Романъ, малороссійскій козакъ, простой и лѣнливый.	Соцкій, кумъ Параски.
Параска, жена его, женщина молодая и хитрая.	Дьячекъ, любовникъ Параски. Солдатъ переходящей команды.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляет малороссійскую избу.

Романъ, одинъ, поднимаясь со скамейки и представляя разслабленно. Врагъ ёго батька знае, здаётца, я щё не дуже й старій, а зовсімъ охрявъ, такъ що ні нігъ, ні рукъ не чую, веначе побитий. (*Зъваетъ*). Кажуть люде, що менё баглаі напали... може прокляті й баглаі; тільки жъ я уже дуже давній — я уже бувъ дебѣлимъ парубкомъ, якъ наші козаки на Лінію въ похóдъ ходили. — Дай Бóже царство пану-сóтинку; для мене дуже панъ добрий бувъ — всіхъ козаківъ у похóдъ витурливъ, — а менё такъ уподобавъ, що оставивъ дома и повеливъ свині пасти, — отоді-то міні рóскішъ була! Не знавъ я ніякого діла; а теперь и не здужаю, да трéба робити, щобъ старá не лаяла. (*Садится*). Спасібі Бóгу, що зайшла десь, а то бъ уже давно досі скреблá мóркву. (*Зъваетъ и чешетъ себѣ спину*).

ЯВЛЕНІЕ II.

РОМАНЪ и ПАРАСКА.

Параска входитъ. Не лихá година! оцѣ ти й досі чухмáрися, и не приймався за роботу! Гóре міні съ тобою! всі люде,

якъ люде; а ти, мовъ віродокъ який, сидишь цілий день у хаті, згорнувши руки. Отъ ужé черезъ твоє недбальство дожились до того, що нічого й істи.

Романъ. А щó я теперъ б́уду робити?

Параска. Ти́бъ ставъ у ко́го молотитъ за корóбку.

Романъ. А якъ ёго теперъ молотити? адже́ б́ачишь, що мо́кро.

Параска. Да́къ ти́ б́ь найшовъ дру́гу яку роботу. Онъ, якъ кумъ Ваку́ла: ні́коли не сиди́ть безъ діла; п сего́дни ране́нько потя́гъ у по́ле.

Романъ. Чо́го в́ь по́лє?

Параска. По зайці.

Романъ. Якъ по зайці? у ёго нема́ ні хортівъ, ні тенігъ, ні ручни́ці.

Параска. Отто́-то й диво. Вінъ поросі́ямъ лóвить зайці.

Романъ. Якъ поросі́ямъ?

Параска. Да такъ. Учóра пішовъ після обідь да й приві́сь дво́хъ зайцівъ.

Романъ. Да́й ёго́ чéсти! я, дáлибі, вні́рше зъ-ро́ду чу́ю, що поросі́ями лóвлять зайцівъ!

Параска. Щó ти́ почу́ешъ, абó побáчишь, на печі́ лежачи, мовъ каба́нъ у прóсі? а я то́бі хочъ забожу́сь шо відъ мого́ кова́ного кабанця́ не втече́ ні одинъ за́сець. Оце́ коли́сь зацькува́ли бу́ли ёго́ попóвичі соба́ками:—якъ же курну́въ відъ ппхъ, да́къ ні одна́ соба́ка я не догна́ла!

Романъ. Ужé що меткий, то меткий! Лиха — ма́тері утну́ть ёго́ попóви соба́ки. Оце́ коли́сь, якъ молоті́въ я на току́, а вінъ добравъ до во́роха да й упи́тає грéчку, такъ що, якъ-би́ не По́котъ туди́ пригоди́вся, то, по́ки б́ь я підня́въ ці́пъ, щобъ ёго́ заці́дити, то ні па́нцура б́ь не оста́лось грéчки. Ужé чо́ртового ба́тька у кума́ б́удуть шви́дчі поросі́ята!

Параска. Отъ бачъ! Чо́го ж́ то́бі ще́́ треба? Ось піді́ лишъ лу́чче в́ь по́ле, якъ ма́ешъ лежа́ти, чи не дасть Бі́гъ п намъ оскоро́митися хотъ за́ячною.

Романъ. Да́ инóсс; тілько́ не зна́ю, чи побі́жить кова́нпй за мво́ю.

Параска. Де ж́ ти́ б́ачивъ; щобъ поросі́́ бі́гло за чо́ви-

комъ? Ти возьми ёго въ мішокъ, а якъ побачишь зайця, тоді й випусти.

Романъ. Хибá въ мішокъ! Такъ піді жъ—піймай, а я обуюсь.

Параска, *всторуку*. Оттáкъ дурнівъ обмáнюють! (къ Роману). Обувáйся жъ хûtче. (*Уходить*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Романъ *одинъ садитса среди сцены и достает постолы*.
Дóбро бъ булó, якъ-би́ пійма́въ я за́йця! (*Патлявая постолы*.)
Э... Э... не еретичі ёго й постолі! якъ же посепхáлись! (*Обовязывая волоком, урывает одну*.) Оттáкъ же! Гай, гай! дай ёго чéсти! Оттопéръ у ліха грáти!... Жінко!... жінко!... Парáско!... Парáско!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОМАНЪ п ПАРАСКА.

Параска. Чогó ти такъ репетуєшь, непáче навіжéний?

Романъ. Чогó ти репетуєшь!... чóртъ-мá воло́ка!

Параска. Да́къ щó жъ бóдемъ робіти?

Романъ. Чи нема́ де ременця́ абб моту́зочки?

Параска. Біда́ мені съ тобою! На́ хоть поворóзку, да обувáйся хûtче, бо не́рано.

Романъ. О, якá жъ бо ти швидка́ дужо!... Аджé бáчишь, якъ постолі́ поссихáлись! насáлу нацупивъ.

Параска. Чому́ жъ ти не вима́завъ?

Романъ *вдруг опускает руки*. Не вима́завъ!... А якъ-би́ вима́зала самá? Не вели́ка есі́ пáні!

Параска *перерывает речь его*. Гóді жъ, гóді! не вóзюмъ тебé зачепі́ла.

Романъ. Тó-то, бáчишь! (*Встает*.)

Параска, *подавая сірякъ*. Ну, нá, надіва́й сіря́къ.

Романъ, *поднимая штаны*. Стривáй!

Параска. Ужé щó провóрний, то провóрний! Тебé бъ тільки за смéрту посилáти.

Романъ, *надывая сірякъ*. Ко́либъ такъ ни́цэ чимъ підперезáтьця.

Параска, *подавая пояс*. Кé-лишь, я підперезу́ тебé.

Романъ. Дóбре, дóбре... (*Параска подполсмаваеть.*) Чи нема́ Парасю, поснідають?

Параска. Нице́ й снідають! Я кажú, що ти по́ки зберéсья, то й смёркне. (*Даєть кусокъ сухою хльба.*) На́ шматокъ хльба. Якъ пійма́єшь зайця, то въ по́лі и поснідаєшь.

Романъ *прлечеть хльбъ за назуху.* Оттеперъ зовсімъ коза́къ! тілько закурить лю́лку, да хочъ и у Кривъ.

Параска, *про себя.* Ужé коза́къ, то коза́къ! Годівсья бъ у ково́плі на опúдало.

Романъ, *надъван шапку.* А дé жъ кова́ний?

Параска. У сinyaхъ.

Романъ. У ми́шку?

Параска. Да дже жъ не якъ! у ми́шку. Да гляди́ тілько, не задуши́.

Романъ *накладываеть люльку и крешеть оцонь.* Коли́б же такъ, що тілько въ по́ле, а тутъ и заецъ!—Да я коли́сь якъ козакува́въ, то съ со́тникомъ разівъ зóдва бувъ на охоті и тютю́каты дóбре навчівсья я. Було́ зберу́ть насъ чоловіка двáдцять абó и бильше, и запúстять у лисъ съ кийка́ми, и вже чóртового ба́тька заецъ улéжить! Якъ гуконú було́: «эй, тю-тю, тю-тю!» то ажъ лисья зъ дуба посиплетця.

Параска *про себя.* Коли́б бувъ тогди́ ти лóпнувъ!

Романъ. Щó ти кажешъ?

Параска. Да то́ я кажú: «нехай́ тобі Бигъ помага́е!»

Романъ. О, спаси́би тобі, мо́я голу́бо! Гляди́ жъ, наварі́ обідать. (*Уходить.*)

Параска. Дóбре, дóбре! (*Про себя.*) Истимешъ лихóй ма́тері. Навари́ла, да не для тебе́.

Романъ, *въ спляхъ.* А ти тутъ, кова́ний! (*смыється глумо.*)
Отъ куди́ вона́ ёго́ зати́рпла!

Параска *смыється.* Проносі́ лвшъ, дурню, кова́ного въ по́ле.

Романъ. Да й важкé жъ зъ биса, яретиче́ порося́!

ЯВЛЕНІЕ V.

Параска. Ха, ха, ха!... Отъ коли́ дурний!... Якъ-таки́ поро́сьямъ пійма́ти зайця?... Бідний Романъ! ёго́ нетрудно обману́ть: хто щó ска́же, то вінъ и повіри́ть. Мені́ вже й жалъ, що кова́-

ипи надсадпть ёму бабсхивъ, да нічого робить: такъ розлѣжався, що ніякъ не виманишь ёго изъ хати. Нехай лишъ трѳхи провѣтриця. Добре, що менѣ кумѣ надоумѣла, якъ Ромѣна випроводити зъ дому. Вона дала менѣ и зайця, щобъ ёго обманить, бѣдло приишь ковѣний, да незнаю, чи до-ладу вонѣ бѣде... Да вже жъ, що бѣде, то бѣде, а я зъ дякомъ погуляю. (*Садится прѣсть.*) Колибъ тѣлько не забарився мѣй чорнявий Хомѣ Григѳровичъ. (*Поеть:*)

Вѣне вишня, посихаѣ,
Що ростѣ пѣдъ дѣбомъ:
Сѣхну, чахну такъ нещѣсна,
Живучѣй зъ нелюбѣмъ.
Прийдѣ, мѣлнѣй, утрѣ слѣзи,
Що я проляваю,
Бо одради ніякѣи
Бѣльшь вѣ свѣтѣ не маю.

При концѣ послѣдняго кумѣта, вхѣдитъ Дьякъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЬЯКЪ и ПАРАСКА.

Дьякъ вхѣдитъ, дѣлаѣтъ знакъ удивленѣя, слушаѣя пѣсню, а при концѣ оной: Ей-ей, ангельскѣй гласъ!

Параска, увидѣвъ. Охъ мѣні лихо!

Дьякъ. Радуюсь сердечно... тѣе-тѣо душевно, что слышу гласъ веселѣя вашѣго сердца и нижайшѣй отдаю вамъ, Параскева Пантелимоновна, добрѣдень.

Параска. А се ви, Хомѣ Григѳровичъ? Цуръ же вамъ, якъ ви мене зякаап!

Дьякъ. Азъ есмъ, тѣе-тѣо... да гдѣ же вашъ возлюбленный сожитель?

Параска. Пішовъ по зайцѣ.

Дьякъ. *про себѣ.* Сѣя оказѣя для меня сладка, яко медъ дивѣй. (*Къ Параскѣ.*) Такъ вамъ удалась выдумка Онисѣя? Онъ... тѣе-тѣо, якъ ёго... направилъ стопы своя на дѣбраву: тамъ бо есть ирѣвѣжнице заяцомъ. Съ оружіемъ или... тѣе-тѣо... съ дрекольямъ?

Параска. И, нѣ! съ ковѣнямъ кабанцѣмъ.

Дьякъ. *слѣтѣся.* Хе, хе, хе! Не мечите бисера прѣдъ сви-

ніями. Сіе есть чудо неизгололанное... Но вы, здається мнѣ, якобы творите надо мною глумленіе.

ПАРАСКА. Ні, дѣлѣбі що правда. Потягъ у поле скільки видно.

ДЬЯКЪ. И такъ вы посвятили своего Романа въ патентовые мысливці?

ПАРАСКА. Нехай лишъ трѣхи провітритця, ато вже такъ розлѣжався, що не хоче ні-за-віщо й прийвѣтця.

ДЬЯКЪ. Ей-ей, премудро! Дакъ теперъ безъ всякаго преткновенія можно мнѣ насладитися всевозлюбленнѣйшею бесѣдою съ вами?

ПАРАСКА. Що такѣ?

ДЬЯКЪ. Моя сладчайшая! вы не висмете глаголу моему.

ПАРАСКА. Одже ви, Хомѣ Григѳоровичъ, такъ говорите по письменному, що я и не вторѳпаю.

ДЬЯКЪ. Я... ей, ей, не избѣру глагола къ уразумленію васъ въ страстяхъ моихъ, которыми любовь моя со дня воззрѣнія на васъ на покловахъ воспламенила мое сердце.

ПАРАСКА. Дѣлѣбі, я не знаю, що ви кажете.

ДЬЯКЪ. О, Боже мой! какъ не уразумѣть глагола моего и не догадаться, что я, то-есть, яко олень къ источнику, къ вамъ прибѣгаю.

ПАРАСКА. Що? Олѣна?

ДЬЯКЪ. Якая тутъ Олѣна? Боже мой! я возлюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ и душою.

ПАРАСКА. Не знати, що ви вигадуете! Я просила васъ, Хомѣ Григѳоровичъ, прийти протвердѣть ту пісню, що ви менѣ на христінахъ у дядини учили, а ви міні провадите не знати що.

ДЬЯКЪ. Очень дѳбре; изрядно. *(Всторону.)* Гласомъ моимъ воззову къ ней и въ пѣснѣхъ возвеличу ея. *(Къ Параскѣ.)* Приклоните ухо ваше и внемлите гласу моему.

ПАРАСКА. А нѣте, нѣте!

Дьякъ поетъ:

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не смыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу;
Быть хочу всегда съ тобою
И съ тобой всегда вѣщать,

Наслаждаются красотой
 П словам твоимъ внимать.
 Жизнь съ тобою провождати —
 Нѣтъ утѣхи мнѣ иной,
 И тебѣ не мнѣмъ стати—
 Нѣтъ мнѣ горести другой.
 Ты одна еоставляешь
 Радость и печаль мою,
 Ты одна заставляешь
 Рѣчь сказать меня сію.

ПАРАСКА *вторитъ за Дьякомъ ту же пѣню.* Я люблю, тебя и стражду, и проч.

Дьякъ. Ей-ей прекрасно! вы совершенно изучились сему сладкому пѣнію.

ПАРАСКА. Спасібі вамъ, Хомѣ Григоровичъ! Да якъ ви хѣроше свиѣаете бѣсомъ!

Дьякъ. Такъ, такъ, моя возлюбленная. А какое же вы сотворите мнѣ воздаяніе?

ПАРАСКА. Я для васъ варѣной наваріла и кѹрочку спекла.

Дьякъ. Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; но... тое-то... щедроты ваши не суть совершенны.

ПАРАСКА. Щѣ такѣ?

Дьякъ. То-есть—бремя тяжкое отяготѣ на мнѣ;—нѣсть мира въ костехъ моихъ; слыкохся до конца, по вся дни сѣтуя хождахъ.

ПАРАСКА. Оджѣ я бѣчу, що ви, Хомѣ Григоровичъ, въ хмѣру захѣдѣте.

Дьякъ, *вдыхая.* Охъ!...

ПАРАСКА. Чого ви такъ вѣжко здихаете?

Дьякъ, *про себя.* Ей-ей, не знаю, какими глаголами вскрыть мнѣ страсти сердца моего: языкъ мой прильпе гортани.

ПАРАСКА. Щѣ вамъ, Хомѣ Григоровичъ, стѣлось? *(Про себя.)* Чи вінъ не сказѣвся?

Дьякъ, *прихилившись къ стѣпѣ, беретъ рукою за сердце, воздыхаетъ.* О, духъ немоци овладѣша мною.

ПАРАСКА. Вамъ, мабуть, чудно, Хомѣ Григоровичъ? може, у васъ сѣвѣшица абѣ завѣйниці? випейте-лишь чѣрочку зашѣкѣнки. *(Становитъ на столъ горілку. Вдрузь слышитъ лай собачій.)* Охъ міні лихо! хтось идѣ! Пѣкотъ не даромъ брѣше! *(Выглядывая въ окно.)* Отъ бѣдѣ! Сѣцькѣй, да ще зъ москалѣмъ, якъ разъ сюді прѣмѣтѣця.

Дьякъ. Проклятии люди! тое-то... яко скимны рыкающий! Теперъ мнѣ остается сотворити благо и направити стопы моя во свояси. (*Хочетъ уйти.*)

Параска. Стрѣвѣйте лишъ, Хомá Григóровичъ, послухайте мене. Теперъ соцькому багачько дѣла: москалі виїшли въ село сѣгодні, дакъ ему треба кватірі відводитъ; то вони не довго тутъ бѣдуть... Сховѣйтесь підъ привалокъ.

Дьякъ. Ей-ей, премудро!

Параска. Швидче жъ ховѣйтесь, бо вже вони въ сїняхъ. (*Подбираетъ его подъ привалокъ и закрываетъ ридномъ.*)

Дьякъ, *подъ привалкомъ.* Ахъ Боже мой! якъ презрѣдно, еслибы и вы, Параскева Пантслемоповна, здѣсь со мною обитали!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАРАСКА, СОЦКІЙ и СОЛДАТЪ.

Соцкій. Помайбі вамъ!

Параска. Здоровенькі були, нано куме!

Соцкій. А кумъ де? чи вже на пічъ забрався, або, може, сѣгодні съ печи и не злѣзивъ?

Параска. Да нема́ дома.

Соцкій. А дежъ вінъ?

Параска. Пішовъ у поле.

Соцкій. Оце, мабуть, уже насильне його вітурлила.

Солдатъ. А что же, здѣсь мнѣ квартира?

Соцкій къ солдату. Здѣсь, тутича. (*Къ Параскѣ.*) Кумо, оце вамъ постоялецъ... да глядѣть, щобъ у васъ все гараздъ було.

Параска. Охъ, міні лихо!

Солдатъ, *скидал амуницію.* Не бойсь, хозяйшка: я добрый человекъ; наше дѣло солдатское. Намъ много ненадо: курица къ обѣду, а другая къ ужину; а если и лавренниками накормишь, то сердиться не стану; отъ меня ты худа не услышишь.

Параска. Якъ-би́ було! (*Къ соцькому.*) Що оце ти, куме, робишь? ти жъ обіцався не ставитъ у насъ постю!

Соцкій. Постій, кумо, не варуй. На сей разъ ослобонитъ тебе відъ постю, дѣлебѣ, не можна: всі хати занялі, а въ ишіи́й но два и по три. Народъ и такъ на менѣ враждуе, що деколи васъ обмицаю; да я жъ тобі и москаля прививъ предоброго. Вінъ

стоявъ у свѣта могó въ Ракосічі, и свать мій нимъ не нахвалитця.

Параска. Бідна мѡя голóвка! а я хотіла хату мазать!

Соцкій. Абó поженухатьця съ кимъ безъ Романа.

Параска. Не знать цѡ ты, кумо, вигадуешь! Я не звѡю, якъ у тебе изикъ не заболить, отакѣ мѣлючи. *(Къ солдату.)* Мѡже бѣ ви, служивий, відпочили?

Солдатъ. Ладно, хозяюшка; однакожь дай мнѣ прежде чего покушать.

Параска. Щó жѣ вамъ дати? ми вже пообідали.

Солдатъ. Ну, чевó-нибудь на первой случай, а тамъ ужъ приймемся дѣлать лавреники. Вить я ужъ болѣе года стою въ Мадоросіи вашей и самъ ихъ дѣлать научился.

Соцкій. Отъ бачишь, кумо, який москаль моторний! вить тобі и варѣнників нарѡбитъ. *(Увидя водку, для дѣяка приотворенную.)* А се щó въ плящці?

Параска, *про себя.* Охъ мѡні лихо! и забўла сховати! *(Къ соцкому.)* Да се для Романа отискала, цѡбъ ночастувати, якъ вѣрнетця съ поля.

Соцкій, *грозитъ пальцемъ.* Эй, кумо! ти лихомъ, бачу, граєшь...

Параска. Ницѣ чогó чи не бѡде? Ужѣ ти мѡні допикъ своїми вигадками.

Соцкій. Ну, гóді жѣ, гóді, кумо! *(Вынимаетъ изъ кармана денги.)* Нѡ тобі грѡші да купи для свогó Романа, а ми сю вѣпьемъ съ служивимъ. *(Садится, наливаетъ въ чарку горілку и потчиваетъ солдата.)* Прощу вѣпить, пѡне служивий.

Солдатъ, *беретъ чарку.* Ай да прїятель! Здрастуй, любезный! *(Выпиваетъ.)* Свать твоей... *(Утираетъ усы.)* какъ бишь ево?

Соцкій. Овѣрко. *(Наливаетъ горілку въ чарку.)*

Солдатъ. Дѡ дѡ, дѡ, Вевѣрко, Вевѣрко!... Правду сказать, такихъ людей мало нынчи на свѣтѣ.

Соцкій, *взявъ въ руки чарку.* Нехай же ёму легенько икнетця. *(Выпиваетъ.)*

Параска, *про себя.* Щобъ васъ чортъ забравъ зо всімъ вашимъ рѡдомъ!

Солдатъ. А хозяюшка?

Соцкій. Приська.

Солдатъ. Дѡ, Приска!... Дай Богъ ей здоровье—какъ мать родная. Право, такихъ хозяевъ не сыщешь по всімъ бѡломъ царствѣ.

Соцкій наливаєть въ чарку юрілку. Кўмо, випий лишъ и ти чарку за здоровье сватівъ моіхъ.

Параска. Да спасібі, кўме! не турбуйтєся мнѡю.

Соцкій. Чогѡ ти такъ зажурілась? Що Романъ пішовъ у поле? Вінъ швидко буде. Нѧ лишъ випий, прошу.

Параска. Не хочю, даллбі не хочю.

Соцкій. О, якá жь бо ти затїнчива! Почастуй же насъ (подаєть єї чарку), коли самá не хочешъ.

Параска, береть въ руки чарку и пляшку и подносить соцкому. Пзвольйте, пáne кўме.

Соцкій. Въ рукахъ маєте.

Параска. Нехай же здорові будуть Оверко и Пріська. (Кланяється и немножко надпиваєть скривившись; доливаєть чарку и подносить Соцкому.)

Соцкій показуєть єї, чтобы она поднесла солдату. Прощу випить, пáne служївнїй.

Солдатъ, взявъ въ руки рюмку. Да здраствуєть Веверко и Прицька!

Соцкій смьєтся. Утявъ Пацькá по штáняхъ!... Якъ, якъ, москáлю?

Солдатъ. Какъ? Да здраствуєть Веверко и Прицька!

Соцкій смьєтся, а потомъ опять наливаєть чарку. Гáрно ти, москáлю, навчївся говоритъ по-нашому. (Выпиваєть, встаєть и выходить на средину сцены.) Гáрно, москáлю, гáрно!... Де ти такъ навчївся?

Солдатъ. Да все же у твоего свата, не только говоритъ, но и пѣть научился вашихъ хохлацєвхъ пѣсєнь.

Соцкій. Чѧ бáчпшь! (Протирая усы.) А ну, будь ласкавъ, москáлю, заспївай, якѡі тамъ сватъ мїй навчївъ тебѧ. Я всї єго пісні знаю и самъ колись булѡ спїваю.

Солдатъ. Изволь. (Поєть)

Ахъ въ полѣ могла
Сь вѣтрьохъ разговаривала:
Не дуй, вѣтеръ, ты на меня,
Чтобъ я не почернѣла.

Соцкій смьєтся до уморы. Гáрно, москáлю, гáрно! Ну, вже втявъ до гаплікївъ! Се вже крáще відъ тієї, що, «въ горбѡді

бузинá, а въ Києві дядько, за те тебе́ полюби́ла, що на руці
пéрстень.»

Солдатъ *продолжаєть.*

Чтобы въ рѣкѣ не плодилась рыба
За то, что я за Дунай забѣхалъ.

Соцкій *смыється до уморы.* Ха, ха, ха! ой, ой, лишенько!
Годи́, годи́, моска́лю! будь ла́скавъ, годи́, а то́, далиби́, кишкы́ порву́
підь сміху!

Солдатъ. Чего ты смѣшеся?

Соцкій. Да якъ же не сміятьця? ти не знать по якому спи-
вaєшь.

Солдатъ. А какъ же?

Соцкій. Слѣхай, я тобі заспівáю (*поєть.*)

У полі моги́ла
Зъ вітромъ говорі́ла:
Не вія, вітре, ти на мене,
Щобъ я не чорні́ла.
Ні вігеръ не віе,
Ні сонце не гріе,
Тільки въ степу́ при доли́ні
Травá зеленіе.

(*Музыка. Потомъ:*)

Соцкій. А що́, моска́лю, чи такъ сватъ мій співа́въ тобі?

Солдатъ. Да́, да́, точно такъ.

Соцкій. То́-то, мосьпа́не! а ти не втнешъ, да́ромъ що въ
гу́здзкахъ.

Солдатъ. А знаєшь ли ты другу́ю?

Соцкій. Яку́?

Солдатъ. Ахъ былъ, да нѣгутъ, да по́халъ на мельви́нцу.

Соцкій. Ха, ха, ха! Бодай тебе́, моска́лю! А сіе́й жь де́ ти
навчи́вся?

Солдатъ. Эту́ часто поєть-бывало При́цка.

Соцкій. Та, мо́же, не такъ?

Параска. Мо́же:

Ой бувъ, та нема́
Та по́хавъ до мли́на?

Солдатъ. Да, да!

Онъ былъ да німа
Да поїхавъ до мліна.

Соцкій. А ти знаєшъ, кумо, сібі?

Параска. Знаю.

Соцкій. Заспівай же намъ, сёрце.

Параска поётъ. *Соцкій аккомпанируетъ. Солдатъ танцуетъ. Когда Параска оканчиваетъ друіой куплетъ,—*

Солдатъ. Ай да хозяйюшка! Спасибо тебѣ (*хочетъ ее обнять.*)

Параска. Геть, москалю! не жартуй! (*Отталкиваетъ его.*)
Оцёго то вже я не люблю и—суча дочка—колі не трісну такъ,
що й очи вилізуть! Отъ якъ хороше! (*Поправляетъ очінокъ.*)

Соцкій. Ось якъ вонó співаєтця! Бачишь, москалю? не такъ,
якъ ти, мовъ коза въ шквірю.

Солдатъ. Да чортъ ево знаетъ; я долго учился, да мудрено,
языкомъ-та не сладишь.

Соцкій. То вже такъ. Московський языкъ дуже гострий, та ба!

Солдатъ. Однакожь я етакъ цѣлой день пробаю;—хозяйюшка!
да-ка чево ишбуди закусить; ноги-та крѣпко болять отъ походу,
нада отдохнуть.

Соцкій. Кумо, пошукай лпшь тамъ у печі: чи нема бор-
щу, або кашп, бо квашн! або лемішки, або пўтри, або затірки,
абó соломахи, абó пампушокъ, абó галушокъ, абó шульківъ, абó
товчѣниківъ. Ужé жъ такі трѣба москаля чимсь нагодувати.

Параска. Дáлибі, кумочку, и въ печі не топїла.

Соцкій. Дáкъ кїнься да зварї чого-небудъ.

Солдатъ. Ну, нѣчево дѣлать. солдатское брюхо привыкло
постыничать (*ложится*); послѣ хозяйюшка меня накормитъ.

Соцкій. Гляди жъ, будь ласкава, кумо, щобъ ти, якъ мос-
каль спочїне, нагодувала служивого; я бъ ёго узївъ до себе, дакъ
у мене копїтанъ квартируе. Прощай. (*Уходитъ.*)

Параска. Иди здорóвь.

Соцкій *смотритъ на солдата.* Ужé москаль и захрїпъ. Зне-
мигся, сёрдыга, відъ походу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАРАСКА и ДЯКЪ.

ПАРАСКА. Насілу убрався! Отъ чортъ гостей принісь не въ піору! *(Засматриваетъ въ глаза сплящему солдату.)* Спасібі москалю, и голодний заснувъ. *(Поднимаетъ рядом.)* Хома Григоровичъ! чи ще ви тута живі?

Дякъ *выходитъ на цыпочкахъ со страхомъ, дѣлая знакъ Параскъ.* А що служивий?

ПАРАСКА. Спить, ажъ харчіть, мовъ чорті ёго давають.

Дякъ. Ей-ей, хорошее я дѣло здѣлавъ... тое-то... що укрився. Блаженъ мужъ, пжэ не пде на совѣтъ нечестивыхъ. А чтобы и паки не послѣдовало какое... якъ ёго... преткновеніе, то треба направить стопы своя—во-своєи.

ПАРАСКА. Постривайте бо. Хома Григоровичъ! треба-таки намъ хочъ вареной покоштувати, бо вже вові и такъ прохолола.

Дякъ. А развѣ вы оной не сокрушили со служивимъ?

ПАРАСКА. Якъ пзъ служивимъ? Оце нехай Бігъ милує! Я тільки для васъ, Хома Григоровичъ, наваріла й напекла. Сідай-те лишъ. *(Ставитъ варену и кушанье.)*

Дякъ. Благодатная Параскевіл! вѣтъ конца добротъ вашей.

ПАРАСКА *потчиваетъ дяка.* Извольте, годуйтесь; а то не вдасца намъ ні попіть, ні поісти: москаль такий голодний лігъ, якъ собака, и якъ прогінетця, то самъ усё потріска. Печеню жъ хотъ возміть съ собою. Чи влізе курка въ кишёню? *(Смотритъ на карманъ.)* Охъ, який же вінъ засмальцеваний... Да тутъ, бачу, и сала кусокъ.

Дякъ. Охъ, Боже мой! и забувъ винять. Се Онисія Гаврловна пожаловала на шболоу.

ПАРАСКА *подходитъ къ окну и кричитъ.* Охъ міні ліхо! Романъ пде! да ще й сердитий! Оттеперъ біда! Що вінъ скаже, якъ тебе застане? Ужэ и такъ вибиває тобою міні очі, що ти мене на улиці йноді зачіпаєшь, а теперъ надсадишь міні бѣбехівъ, да и вамъ, паце Хома, не безъ біди буде.

Дякъ, *подбывая къ окну.* Тое-то... тое-то... яко... ко... ко... левъ рыкающий! Куди міні... тое-то... укрытися отъ поругавія?... Ей, ей, онъ сокрушить и кости моя!... куди міні укрытися?

ПАРАСКА, *прибирая съ стола варену и кушанье. Лізте швидче опя́тъ підъ прывалокъ.*

ДЯКЪ. Дѣбре, дѣбре... тое-то... да какъ же избавлюся отъ поруганія?

ПАРАСКА. Не бійтєсь, Хомá Григóровчъ: я ужé вигадала, якъ дурного Ромáна обманіти. Я зáразъ випроважу ёго до дядька, а васъ тоді и випущу.

ДЯКЪ. Трудъ велій обьяша мя.

ПАРАСКА. Мовчіть, Бóга рáди: Ромáнъ въ сіняхъ *(Вносить проворно зайца, кладеть на стóль и сама садитєся прѣсть.)*

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

РОМАНЪ, ПАРАСКА и СОЛДАТЪ.

Романъ *за кулисами. Відчпні!*

ПАРАСКА, *отвориши дверь. Чого ти репетуєшь? Мовчі, Бога рáди!*

Романъ. Ось я тебѣ замóвчу! Нáщо ти менé одуріла, дідько бъ утісєя твоєму бáтькові? *(Нампреваетъ ударить)*

ПАРАСКА *увертывается отъ удара. Щó ти рóбишь, навіжєнній?*

Солдатъ, *лежа. Хозяйка!*

Романъ. Щó се?

ПАРАСКА. Побáчишь! Я тобѣ казáла, що мовчі! Москаля поставивъ сóцький на квартиру: да тутъ такій презлївї! трóхи не бивъ менé: насїлу ёго ублагáла.

Солдатъ. Хозяйка!

ПАРАСКА. Отъ и бідá!... Зáразъ.

Солдатъ. Не слыхать ли барабана?

ПАРАСКА. Нї, не чутъ.

Солдатъ *засыпаетъ.*

Романъ *осматриваетъ осторожно и усматриваетъ зайца. Гля! зáецъ! де вінъ узївся?*

ПАРАСКА. Щó ти дївїсєя, лўпаєшь?

Романъ. Де ти взяла?

ПАРАСКА. А се жъ той, що ковáний прїшїєь.

Романъ. Чи спрáвді?

ПАРАСКА. Буцїмсь-то ти й не знáєшь?

Романъ. Далебі я не знаю и не бачивъ!

Параска. Одже вінъ притірівъ ёго ажъ до порога.

Романъ. Ну, гараздъ же! атó я заливъ би тобі за шкуру сала.

Параска. За віщо?

Романъ. Я думавъ, що ти мене одурила; бо якъ вийшовъ у поле и тільки-що похиливъ до Стецькової бálки, ажъ мисливці пруть за́йця якъ разъ на мене. Я швидче зъ мішка кованого и дава́й тютю́кати во все горло. За́ецъ же потягъ туди, къ Чми́рові дубині, а кованій прýмо шляхомъ до села.

Параска. То вінъ напередіми пішовъ.

Романъ. Да ма́бутъ такъ: по тій же троні и хортъ оди́нъ увза́вся; а якъ уже ловивъ ёго кованій, далебі не знаю, бо по́ки я ви́брався зъ бálки, то вже ні хортівъ, ні цорося́ти не видно було; я жъ такъ ухóркався, по́ки ви́брався изъ ерипу́днои бálки, що ажъ сорóчка мо́кра.

Параска. Да тутъ хлопці каза́ли, що кованій пийма́въ ёго біля Сви́ридового ві́тряка.

Романъ. Бачъ, ажъ де́ дійшовъ ёго мій голу́бчикъ! те́перъ бу́де печéня.

Параска. Бу́де, тільки піди, мій Рома́не, покáичъ дядька и титку; бо вови́ зъ-ро́ду за́ячпни не іли.

Романъ. Да по́се.

Солда́тъ *встае́тъ и являе́тся на сцену, протира́я глаза.*
 Чтó это за мужи́къ?

Романъ. Да ми тутéшні.

Солда́хъ. Не хозяи́нъ ли?

Романъ. Дадже́жъ не хто—хазя́йи́нъ.

Солда́тъ *про себя.* Неужели это ея мужъ? Ну, такъ она не совсѣ́мъ виновата. (*Къ Параскѣ.*) Чтó же, хозяйо́шка, дава́й те́перь чево покуша́ть.

Параска. Щó жъ тобі да́ти? онъ шма́то́къ греча́ника: іжъ, коли вкуси́шь.

Солда́тъ. Нѣтъ ли чего повкуси́вѣ? небось, старика накормила.

Романъ. Ні, моска́лю! су́чий спивъ, коли и рiска була́ въ рóті, а істи хóчетця такъ, що ажъ ки́шки ко́рчить, да да́сби́гъ-чогó. Оце́ вона́, спаси́бі ій, да́ла шма́то́къ греча́ника, да́къ не вкусу́: не тобі ка́жучи, зуби́въ уже́ лиха́-ма́ти-ма́е.

Солдатъ *про себя*. Бѣдный мужичокъ! (*Къ Параскѣ*) Такъ у васъ и хлѣба нѣту-тѣ?

Параска. А де же ёго взѣти? теперѣ у насъ неврожай. За-робила була трѣхи, да й той старій попрѣдавъ.

Солдатъ. Какъ можно продать послѣдній хлѣбъ? это худо.

Романъ. А що жъ маешъ робити? де жъ би я грѣшей узѣвъ на подуше? Заробить не здѣжаю; нивкѣ и лѣскѣ ужѣ давнѣо роспрѣдавъ; скоть нѣпочому; тѣльки що послѣдній хлѣбъ продати, щобъ прокляті сѣпакѣ не обливали на морозѣ холодною водою. Дѣбре було колись, що продавъ бѣзѣвка, та й расплатився; а теперѣ и корѣву съ телямъ продасѣ, — то тѣлько хибѣ за половину заплаатишь, бо теперѣ та корѣва, що трѣба було рубливъ сѣрокъ заплаати, бѣльшь не дадѣтъ ялишипки, якъ рубливъ дѣсятъ. О такѣ теперѣ на свѣтѣ настало! де жъ намъ грѣші брати?

Солдатъ. Да какъ же ты живешъ?

Романъ. Отакъ, мосьпане: що якъ запрядѣ старѣ шматѣкъ хлѣба, то й имъ; а теперѣ накинѣвъ голова засѣдательскѣ мѣтки прѣсти, то бѣльше того, що нахлищѣсь борщѣ, да голѣдний и спатѣ ляжу.

Солдатъ. Да, худо, старикъ. Однакожъ хозяйшка насъ на-кормить.

Параска. Чимъ? хибѣ трѣсцою?

Солдатъ *про себя*. Постой же, плутовка, я тебя накажу. (*Къ Роману*) Ну, такъ я тебя, хозяйнѣ, накормлю; хочешъ ли?

Романъ. Да спасѣби, москалю; у мѣне дѣлибѣ ажъ сѣрце бо-лѣтъ, що ничѣмъ васъ нагодувати. (*Вынимаетъ изъ кармана деньги*). Параскѣ! пѣди лишъ купи хочъ чвѣртку; мѣже, служивнѣй ви-пѣе зъ дорѣги, да чи не добѣдемъ хочъ у дяка паляницѣ: винъ у васъ, бѣчця, чоловікъ дѣбрѣй.

Солдатъ. Не трудись, старикъ, ненада ничего: я знаю, что ты дѣбрѣй чѣловѣкъ (да безмозглой); у насъ будетъ что пѣтъ и ѣсть безъ денегъ; только чтобы вы обоѣ меня слушали и все то дѣлали, что я скажу.

Романъ. Дѣбре, москалю. Я чоловікъ неретѣвнѣй.

Солдатъ. Послушай же: я буду ворожить, такъ вамъ надѣбно стать вотъ здѣсь и зажмурить глаза. Становитесь. (*Становитъ на срединѣ театра*).

Параска. Що се бѣде? не знати що москаль вигѣдуе.

Романъ. Чи воно жъ, бўдте ласкаві, служивий, не грішно бўде?

Солдатъ. Нѣтъ, ужъ я за то отвѣчаю. Становитесь.

Романъ. Да цнѣсе. Становісь, Парасю, тілько бўдте ласкаві, колибъ воно не тѣе...

Солдатъ. Не бойсь. Ну, зажмурь глаза.

Романъ, *зажмуриєть глаза*. Уже.

Солдатъ *чертитъ кругомъ ихъ палкою*. Беръ... баръ... даръ!

Романъ. Добрѣдію служивий!

Солдатъ. Не бойсь. (*Чертитъ палкою, и говоритъ невнятные слова*).

Романъ. Постійте, сѣдирь, бўдте ласкаві, постійте.

Солдатъ. А что?

Романъ. Я не-нарокомъ в самъ не знаю, якъ расплющивъ очі.

Солдатъ. Экой ты! эдакъ и самъ пропадешъ, я мнѣ бѣды надѣлаешъ.

Романъ. Уже бўду держать рукою.

Солдатъ. Ну, держи покрѣпче.

Романъ. А, добре. Парасю! гляді жъ, не расплющъ очінь.

Солдатъ *между-тѣмъ выноситъ и ставовитъ на столъ кушанье и варену*. Ну, Романъ, теперъ конецъ. Смотри сюда.

Романъ *смотритъ съ удивленіемъ*. Гля!

Параска *всторону*. Не еретичий и москаль, який же хитрий!

Солдатъ. Ну, хозяинъ, милости просимъ покушать. (*Начинаетъ ѣсть*).

Романъ *глядитъ на всѣ стороны*. Де воно взялось?

Солдатъ. Ну, садись да кушай. Ты никогда не ѣдалъ такъ вкуснаго.

Романъ. Чи воно жъ не грішно бўде?

Солдатъ. Да вѣтъ я тебѣ сказалъ, что я отвѣчаю!

Романъ, *приступая со страхомъ къ столу*. Москалю, служивий! чи міні можна перехреститыця?

Солдатъ. Пожалуй, крестись себѣ. сколько хочешь.

Романъ *крестится и шепчетъ молитву*. А страву можна перехреститы?

Солдатъ. Нѣтъ, не можно.

Романъ, *отступая назадъ*. Оджь, далицібі міні мѣторошно.

Солдатъ. Не бойсь. (*Даєть ємѹ въ руки кусокъ*). Вотъ на, кѹшай.

Романъ, *принималсь дрожащею рукою. Гѹсподи, благослові (и крестлсь)*. Да вже жъ, щѹ бѹбі, то те й громадї. (*Вѣтъ; къ Параскѹ*) Парасю! а ти жъ чомѹ не їси?

Параска. Нехѹй Бїгъ мїлюе, щобъ я їла у пѣклї варене.

Солдатъ *зрозитъ Параскѹ пальцемъ*.

Романъ *опускаєть изъ руки кусокъ*. Чи воно жъ, служївий, у пѣклї варїлось?

Солдатъ. Да гдѣ бы ни было, намъ до того дѣла нѣтъ. лишъ бы вкусно. (*Наливаєть варену и даєть Роману*) Нутка, выпей. (*Шосль сею солдатъ встаєть и идєть къ Параскѹ*).

Романъ *надпиваєть самъ и даєть жєнкѹ*. Ось покоштѹй, Парасю, якѣ дѹбре.

Параска. Да вже жъ, коли такъ, то й я бѹду їсти; тїльки будь ласковъ, служївий, змїлуйся надъ нами, не погуби менѣ.

Романъ, *не вслушавшись*. Даджежъ сказавъ, що вінъ за все одвїчає!

Солдатъ, *трепля по плечу Параску*. Не бойсь, все будєть ладно, только впередъ съ солдатами обходись лучше. (*Къ Роману*). Ну, Романъ, кушай.

Романъ, *уплєтая жаркое*. Оттепѣрь наївся, ажъ ненѹче на животї полѣгшало.

Параска *упрашиваетъ солдата выпустить дяка, и онъ сомашаєтья*.

Солдатъ. Хорошо, изволь.

Романъ. Спасїбі тобі, служївий, що ти направивъ трѹхи кѣндюхъ; тїльки тепѣрь, мабуть, трѣба бѹде хѹту посвятити.

Солдатъ. Нєнадо; я тебѣ самъ всѣхъ чертей выгоню; только ни съ мѣста!

Романъ. Ухъ, ажъ шкѹра пїдїмаєтци: такъ страшно. Да вжежъ, коли такъ, то и не тинѹ.

Солдатъ. Ну, станьте здѣсь. (*Становитъ обоихъ среди театра.*) Вотъ такъ. (*Завязываетъ глаза имъ и связываетъ руки.*)

Романъ. Ухъ, стрѹшно!

Солдатъ, *завязывая глаза*. Ну, Романъ, тебѣ надобно выучитъ сїи волшебныя слова: джунъ... беръ... дачъ... дуръ.. вієръ... гапта... де...

Романъ. Не зумію, мосьпане, вічитать.

Солдатъ. Какъ не зуміешъ? Говори за мною: Джунъ.

Романъ. Жукъ.

Солдатъ. Веръ... дачъ.

Романъ. Пепе... перъ бачъ.

Солдатъ. Дурніеръ.

Романъ. Дурній я.

Солдатъ. Гапта... де. Гапта де. Гапта де.

Романъ. Гапка де... Гапка де.

Солдатъ. Ну, смотри же. Романъ, какъ крикну я: ура! то ты тотчасъ долженъ говорить сіи слова самымъ громкимъ голосомъ.

Романъ. Эй, ділибі, москалю, не вічитаю: важкѣ дуже на языкъ.

Солдатъ. Ничего! смотри только, не забудь. *(Уходитъ и раздвѣаетъ Дяка.)*

Романъ. Да колибъ не забудь. Парасю, чи ти перенялѣ?

Параска *печально*. Перенялѣ!

Романъ. Нагадѣнешъ же міні, якъ помилюсь. *(Говорить въ помолосу.)* Жукъ... бе... бе... беръ, бердъ... бачъ... дурній я... Гапка де, Гапка де... Гапка де. *(Берется за животь.)*

Параска О, щобъ тебе побѣла лихѣ годїна!

Романъ. Охъ, охъ, служивий! Мосьпане служивий!

Солдатъ, *продолжая около дяка работу*. Чтѣ ты тамъ?

Романъ. Будте ласкаві, чи ще вонѣ довго бѣде?

Солдатъ, *продолжая работу*. А чтѣ тамъ?

Романъ. Коли довго, то бѣ я на часъ на двіръ пішовъ.

Солдатъ. Зачѣмъ?

Романъ. Прошѣ простїть, міні ненѣче тѣе...

Солдатъ, *прибравъ кафтанъ и выпачкавъ дяка сажею*. Ура,

Романъ!

Романъ. Джу... джу... джу... Парасю, якъ?

Параска. О, щобъ тѣбе побѣла лихѣ годїна!

Солдатъ *подходитъ къ Роману*.

Романъ. Жукъ... бердъ... бачъ... дурній я... Гапка де. *(Топаєтъ ногами и плюєтъ.)*

Солдатъ. Теперъ совѣмъ. *(Развѣзываетъ глаза.)*

Романъ *протираєтъ глаза*. Ухъ, ухъ!

Солдатъ. Ну, смотри, Романъ, какъ чортъ выбѣжитъ. (*Смотритъ на дяка, стучитъ палкою и говоритъ*) Гапта де... Гапта де... Гапта де!

Дякъ, выпачканный, черезъ сцену уходитъ воиъ.

Романъ дрожитъ и крестится. А якій же страшный!

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гвѣздо себѣ возьму. (*Прибираетъ дяково платье.*)

Романъ. О, спасибі тобѣ, добродію служивый! тільки прошу не въ гнівъ: скажіть, бѣдѣ ласкаві,—я чувъ, що нечистый духъ зъ рогами; а у сѣго и рижківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ мнѣ лихо! (*Хватаетъ себя за лобъ.*)

Солдатъ. Ничего, Романъ! (*Треплетъ Романа по плечу:*) и получше тебя бывають съ рогами...

Романъ. Нарасю! Що жъ мнѣ робити?

Параска. Якъ-би ти не лежавъ зъ ранку до вѣчера та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бѣ не було сѣго нічого; ато по-ти лежавъ, поки вилунивъ чорта. Я тобѣ скілько казала: »Эй, Романе, не лінуйся. Ліность до добра ніколи не приводить.«

Занавѣсь опускается.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

БАБА ПРОКОПЧИХА.

(НА ОХОТѢ).

Елень Михайловнѣ Ревякиной.

У Г—скихъ я встрѣтился съ Сарданомъ, восемь лѣтъ не видавъ его. Изъ незамѣтнаго канцеляриста онъ сдѣлался впоследствии, какъ говорили, любимцемъ падшаго теперь Б. Ѣздилъ онъ уже нѣсколько разъ и въ Петербургъ, для того, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько тысячъ верстъ, возвратиться нисколько не интересаеъ. Слабая воля, съ характеромъ, лишеннымъ въ юности энергій, никогда не вынесетъ его изъ среды, назначенной ему воспитаніемъ, которое развилось въ немъ по неудачно выбраннымъ образцамъ. Человѣкъ, забывшій вѣру и политическое положеніе дѣда, одного изъ послѣднихъ сыновей угасшаго королевства, не можетъ далеко пойти ни въ свѣтъ, ни во мнѣніи тѣхъ, которые знали его болѣе, нежели онъ самъ себя. Въ качествѣ фаворита, былъ онъ существо нестойко-плашавшее и влюблявшееся, для того, чтобы писать прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами любовныя письма; въ немилости—будетъ онъ вѣчнымъ страдцемъ или застѣдателемъ, и умереть въ кругу своего безмятежнаго семейства и хлосотливой жены, рассказывая пріятелю подъ вечерокъ, что онъ когда-то былъ въ большой дружбѣ съ такимъ-то губернаторомъ, съ такимъ-то министромъ. Есть люди, гордящіеся страдательною извѣстностью. Имъ пріятно, если какой-нибудь баринъ, или большой человѣкъ, знаетъ ихъ имя. Таковъ и нашъ доволно чисто одѣтый Сарданъ. На одномъ изъ многочисленныхъ и блестящихъ базаровъ въ Кіевѣ когда-то мы встрѣтились, заинтересованные тогда другими дѣлами. Встрѣтились мы и мало обратили вниманія другъ на друга. Теперь колесо перевернулось; Сарданъ бросился ко мнѣ съ открытою, какъ и для всѣхъ, душою, рассказалъ мнѣ свои страданія, ко-

торыми вообще наполнены канцеляріи и полки, замѣтлѣлъ, что живетъ выше своего состоянія, держитъ верховую лошадь, ѣздитъ на ней, какъ Левашевъ, и чуть-чуть не женился, да, къ несчастью, подоспѣлъ женихъ повыгоднѣе его.

Прощаю тебѣ, добрый Сарданъ, твои грѣхи—грѣхи человѣческіе, и соглашаюсь на твою просьбу поѣхать съ тобою въ Семеновку на охоту, гдѣ я буду стрѣлять очень неудачно, а ты—совершенно неудачно. Зато, когда мы будемъ пить чай, своими, иногда порядочными расказами, напомнишь ты мнѣ шумъ свѣтской жизни, *балъ съ увлекательнымъ оркестромъ, лакированной лѣстницей, съ деревьями, цвѣтущими подъ роскошнымъ небомъ Прованса или Андалузіи*, и я представлю себѣ, какъ ты, мой губернской корифей, носился тогда въ вихрѣ вальса съ своею *date du soeur*, на тебѣ непрѣтнно былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и жилетъ, черныя панталоны, лакированные башмаки, часы съ золотой цѣпочкой, сомнительно, но ярко блистающей; ты громко говорилъ тогда пофранцузки и познакомился съ случайно занесеннымъ туда гвардейцемъ, Юліемъ Цезаремъ дѣвнцъ и барышень, и съ гусарскимъ ремонтёромъ, человѣкомъ марціадной наружности, но *бель-омъ и комъ нль-фо*.

Поѣхали; по дорогѣ мы завернули къ нашему доброму Лажіевскому, и вмѣстѣ поѣхали въ Перегоновку, нѣтъ, въ Семеновку, поохотиться на куликовъ и бекасовъ. Никогда не думалъ я, чтобы столько дичи могло быть на одномъ прудѣ. Бекасы стадами слетали передъ нами, Лажіевскій горячился, его глухой Мико портилъ все дѣло. Я убилъ нѣсколько утокъ и десятка полтора другой дичи. Сарданъ только прикладывался и ни разу не выстрѣлилъ. Смѣшно мнѣ было смотрѣть на него, когда онъ бралъ ружье къ щекѣ и, боясь разрыва, судорожно опускалъ стволъ. Лажіевскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ; Сарданъ ушелъ домой, а я еще остался, и встрѣтился, тоже съ охотникомъ — дьячкомъ. Съ нимъ условились мы завтра поутру еще пошляться по рудамъ и очеретамъ. Пошелъ проливной дождь, и пока я усиѣлъ добратся до гостепріимнаго крова, промокъ до костей; но сухая рубаха и кипящій самоваръ скоро меня утѣшили. Сарданъ заглянулъ въ мою охотничью сумку, и протяжно сказалъ: »хорошо!«

Напились мы чаю. Сарданъ легъ на постели, а я на диванѣ (въ Семеновкѣ никто не живетъ теперь въ домѣ), положивъ подъ голову свою старую военную шинель. Онъ попотчивалъ меня славною сигарой *colgado*, и мы начали тары-да бары.

На другой день, чуть-свѣтъ, въ сѣрое утро, мы съ дьячкомъ опять пошли на охоту. Ходимъ мы часъ, два, три, — рѣшительная неудача! Только выются въ вышнѣ длинноногія цапли, испуганныя выстрѣломъ мнимъ по кулику. Я не сержусь на охотѣ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ; неудача меня не сердитъ, но я, разумеется, подумываю: хорошо бы, еслбъ прилетѣла хоть пара утокъ! Дьячекъ, какъ третій калачъ по охотничье й части, встрѣчалъ неудачу равнодушно. Онъ давно уже съѣлъ свое сало съ чернымъ вкуснымъ хлѣбомъ, попотчивалъ и меня, и далъ совѣтъ идти въ Перегоповку.

— Хорошо, отче, говорю я: да будетъ ли тамъ *взятокъ*?

— Милостивый государь! (Дьячекъ отвѣчалъ мнѣ именно такъ), могу васъ заверить, ваше благородіе, что тамъ *кѣчки* видимо-невидимо.

— Курите-же трубку, почтеннѣйшій Варахисій Исаевичъ, сказалъ я дьячку.

— Благодаренъ весьма. Добрые у васъ *мысливскіе* сапоги; должно быть *передъ* двойной. Вотъ въ такихъ цѣлый день броди по водѣ — не промокнуть.

— Дѣ, не промокнуть: на пузырь... отвѣчалъ я.

Намъ надо было идти верстъ пять или шесть. Погода отъ вчерашняго ледя была сыра; капли дождя блистали на камышахъ и востодахъ; дикіе гуси длинными лентами тянулись на югъ. И у меня, и у дьячка ружья были на-изготовкѣ.

Трудно мнѣ позабыть встрѣчу съ Варахисіемъ Исаевичемъ. Я въ жизни не видалъ дьячка съ такими рыцарскими наклонностями. Его положеніе было ему не по вкусу: онъ былъ двойникъ того романтическаго дьячка, который, подобравъ съ героическою неустрашимостью полы своего неизмѣримаго халата, когда Миргородъ или Переяславъ спитъ, перескакиваетъ черезъ плетень въ садикъ, гдѣ обыкновенно, затѣненная вишнями и яблонями, стоитъ бѣлая хата, а въ этой хатѣ — хозяйка. въ вышитой красною заполочью сорочкѣ, — свѣжая какъ кровь съ молокомъ, — ждѣтъ кого-то, и еще не ужинала.

Варахисію Исаевичу лѣтъ около тридцати; его голову обливали пре красные, природой завитые, русые волосы; готическій носъ — зтотъ синдикъ лица человѣческаго — давалъ ему какое-то неоконченное выраженіе — штичь; глаза, опущенные длинными рѣсницами, темно голубые, какъ подъ вечеръ рѣчная вода, съ расширенными до невозможности зрачками, и другими признаками, давали замѣтить, что онъ часто не ночуетъ дома, по двумъ причинамъ: то спанить его волкъ, рыщущій

около овчаренъ зажиточныхъ мужичковъ въ зимнюю ночь; то, въ лѣтнюю, самъ онъ засядетъ на стародавнемъ валу, съ флажкой въ бездонномъ карманѣ, и поджидаетъ дичь иного рода. Ротъ съ африканскими губами, волоса, глаза, носъ, жили на его лицѣ безъ всякой связи, какъ будто Варахисій Исаевичъ всѣ эти члены выпросилъ себѣ у добрыхъ людей. Шея была повязана бумажнымъ синимъ платкомъ; длинная талия завернута въ демикотонный капотъ, стеганный ватой, котораго полы, расходясь отъ его большихъ шаговъ, ежеминутно цѣплялись за завороченныя голенища очень стоптанныхъ сапогъ; въ жилистыхъ рукахъ, какъ бы выкрашенныхъ скорлупою свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, онъ держалъ одно-ствольное ружье съ кремнежь, и часто лазилъ въ карманъ своей зеленой жилетки съ мѣдными пуговицами, за табакеркой, на которой были нарисованы двѣ дѣвушки, прислуживающія двумъ объѣдающимъ офицерамъ, и съ надписью: *объедаютъ*.

Скоро шелъ дьячекъ по межѣ, вьющейся подъ гору; я порядочно отсталъ отъ него. «Какъ только дойдемъ до мельницы, сказалъ онъ оставившись, то оттуда сейчасъ будетъ видѣнь баштанъ Замниусовъ, а дальше на *одну зонь* — и *вершина* ставкѣ.»

Точно: на полугорѣ, у подошвы которой сочился ручеекъ, я увидѣлъ баштанъ. Около соломеннаго куреня, какіе всегда дѣлаютъ у насъ на Украинѣ, разложенъ былъ огонь.

— Вотъ хорошо было бы, Варахисій Исаевичъ, зайти на баштанъ посидѣть около огонька да съѣсть дыню. Какъ думаете, продадутъ?

— И даромъ дадутъ, отвѣчалъ дьячекъ: — человекъ знакомый, прихожанинъ свой; я ему этого году далъ четыре заячьи шкурки. «Помогите, говоритъ: проклятый заяцъ ѣстъ мои дыни, *нѣвечить* кавуны.» Пришелъ я къ нему въ мѣсячную ночь, посидѣлъ около куреня и убилъ пятерыхъ.

Замниусъ, сѣдой, но здоровый старикъ, сидѣлъ передъ огнемъ. Онъ мѣшалъ липовою ложкою пшениую кашу съ саломъ, и длинные концы его усовъ едва не падали въ котелокъ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежала большая рыжая собака, изъ породы тѣхъ — или лучше сказать — такого характера, если только собака имѣетъ характеръ, которыя любятъ, повѣсивъ голову, идти съ чумаками при *хурѣ* и жить отшельниками, въ пасікахъ и на баштанахъ. Она хотѣла броситься на насъ, но, услыша знакомый голосъ: «цить, Борухъ!» опять свернулась въ клубокъ и закрыла носъ оставшимся кускомъ хвоста. Варахисій Исаевичъ поздоровался съ Замниусомъ, какъ давній знакомый, а черезъ минуту жел-

тая, сочная дыня, разрѣзанная складнымъ ножомъ хозяина, лежала передъ нами на чистомъ деревянномъ кружкѣ.

Мнѣ всегда нравилась лѣтняя жизнь честныхъ украинскихъ стариковъ или дѣдовъ. Бывало, съ ружьемъ въ рукахъ, измученный полудневнымъ жаромъ июльскаго солнца, я часто съ удовольствіемъ спѣшалъ къ куреню одного моего любимаго дѣда — анахорета Ничипора. Онъ былъ пасічникъ *par excellence*. Еще далеко отъ лѣса, гдѣ стояли его пчелы, такъ я повѣтъ на меня ароматомъ душистой черемхи или цѣтущей липы. Мой Ничипоръ, всегда въ бѣлой сорочкѣ, дѣлаетъ обручи, сидя верхомъ на своемъ непрехотливомъ станкѣ; въ его куренѣ лежатъ заготовленные ульи для роевъ. Посмотрятъ на меня онъ привѣтливо; потомъ пойдѣмъ мы съ нимъ на пасіку, гдѣ на бархатной травѣ стоятъ чистые ольховые или липовые ульи, оберегаемые то молодой вишенькой, то широколиственнымъ кленомъ, то грушой-*лѣбединкой*, которой вѣтви подперты, чтобы не сломались отъ тяжести урожая. Отъ, говорилъ онъ, якъ Бѣжа бжолá працѣе. Се вона йде на цїргу. Зъ цѣго я вчѣра одібравъ роєкъ, да й накинувъ на цей *слабѣнкий*..»

Теперь не захожу я уже къ тебѣ, Ничипоръ, въ твою тишь, повятную измученной душѣ: умеръ ты, мой добрый старичекъ, и на твоѣмъ мѣстѣ поселился какой-то рыжеволосый черниговскій старовѣръ; я не отыщу уже другого, кто бы кормилъ меня такимъ пахучимъ *липнякомъ*, появля въ знойный день изъ искусно выдѣланной тыквы такую холодную воду, только-что зачерпнутою изъ маленькой, подъ вербою выкопанной, кринички, и рассказывалъ были изъ *давнїхъ давнїхъ* такъ занимательно и живописно. Помню я твою поэтическую повѣсть, когда ты, Ничипоръ, убѣждалъ ребенкомъ отъ длиннаго списа Швачки и спрятался въ будянскіе камыши, а надъ тобою чѣйка, гайдамацкая птица, вилась и кричала!...

Варахисій Исаевичъ спѣшалъ.

— Пойдемъ скорѣе на ставъ, сказалъ онъ, отрѣзывая на дорогу, иля, какъ онъ тогда выразился, на *посохъ*, огромный кусокъ краснаго арбуза: — видите, небо заваливается хмарами и вдругъ сдѣлалось парно; кáчки и лыски теперь будутъ спать подъ самыми берегами, а дождь можетъ и *уливець* будетъ.

— Ничего! отвѣчалъ я: — не боится козакъ непогоды, лишь бы охота удалась.

— Дождь то — пополамъ бѣда, замѣтилъ страннымъ голосомъ Варахисій. — Понастоящему, надо бы къ вечеру поспѣть; ато отецъ Семеновъ

все сердится, консисторіей, духовнымъ правленіемъ, страшаетъ. »Донесу, говорить, что ты не церковнымъ дѣломъ занимаешься, а шляешься, какъ шляхта какая, по болотамъ, съ собакою. «Ну, еще, сказавши слово истины, самъ батюшка ничего, да сынъ его, вотъ въ эти живна, прѣхалъ пзъ Кіева; семинарію кончилъ, богословъ, — такая гордыня! Разъ я съ Пужеловскимъ — тоже оберъ-офицерскій сынъ — пришли къ нему, такъ, *побазікати*. »Нѣтъ, ты, говорить, поиди вонъ, *негодница*, отъ моего общества!«

Вдругъ изъ-подъ самихъ ногъ Варахсія Исаевича вылетѣлъ дубель-шнечъ. Въ одно мгновеніе дьячекъ прицѣлился, на полкѣ завился снѣій дымокъ, и бекасъ, прострѣленный цѣлымъ зарядомъ, не успѣвъ еще совершенно подняться, въ шести шагахъ упалъ отъ него.

— Молодецъ Варахсіей Исаевичъ! (выстрѣлъ былъ мастерской) выпьемъ за уюкою! сказалъ я.

— Жаль только, что вблизи отъ вершины: будетъ птица поосторожнѣе. *Кришики*, правда, штука; а всё лучше бы пустить зарядъ въ стадо утокъ, чѣмъ въ этого длинноносаго.

Ружье было заряжено, тщательно прибитъ огромный до нецѣрности зарядъ орѣховымъ шомполомъ в выбита чарка *старки*. Еще мы прошли немного, и вершина перегоновскаго пруда, закрытая ольхой, какъ частоколомъ, и заросшая камышами, открылась передъ нами.

— Ну, теперь будемъ же идти тихо; не говорите, ваше благороніе, ни слова, да не стѣновитесь на сухія вѣтки, чтобы не хрустѣли подъ номи, а я вылѣзу на этотъ дубокъ да посмотрю, есть ли птица.

Дьячекъ снялъ съ себя свой демикотонный капоть и въ зеленой жилеткѣ съ металлическими пуговицами и въ налевыхъ лѣтнихъ панталонахъ, положивъ ружье на шапку, полѣзъ, съ ловкостью браконьера, на высокое дерево. На другой сторонѣ кто-то выстрѣлилъ. Варахсіей Исаевичъ, внимательно смотрѣвшій вдаль, сдѣлалъ пресмѣшную гримасу и почесалъ голову.

— Богъ его знаетъ, что теперь и будетъ, сказалъ онъ слѣзая. Панъ Бернаръ это выстрѣлилъ:—знаете? А дачи было видимо-невидимо! Вся сиялась и полетѣла туда, на восходъ солнца. Пойдемъ просто; проклятый изъ рукъ взялъ. Какъ у него стальной ружье не отобралъ! когда вся шляхта отдавала ружья.

— Нечего дѣлать, замѣтилъ я, вынимая огниво изъ своего *гаманца* (покурить хотѣлось): — пойдемъ и на восходъ солнца.

Эти слова сказалъ я очень хладнокровно, да въ душѣ-то было не то.

Митъ всегда совѣстно горячиться на охотѣ—на землѣ и на водѣ, но не могу быть совершенно спокойнымъ. Бѣжить противъ меня заяцъ, — подумаетъ себѣ: »что онъ за зыбрь? развѣ трудно убить его, косоого? И точно: приложишься не торопясь, выстрѣлишь и лежишь передъ тобою заяцъ. Если это на облавѣ, — »съ мѣста не сойду, «думаю: такъ гласить охотничій кодексъ», и очень доволенъ собою. Но бѣда, если, выйдя себѣ славную *шалунку*, между двумя горками, и пританчившись въ ней, я услышу, что Порва, славно и долго преслѣдующая лисицу, гонитъ на меня. Занграетъ, забьется, сердце. Но всё еще не теряешь своего убѣжденія, что торопиться грѣхъ, стыдно, слабость души; добро было бы въ восемнадцать лѣтъ! Вотъ собаки ближе, ближе; лисица, истомленная, со впавшими боками, едва дышущая отъ усталости, съ пушистою и красивою трубою, тихо идетъ на меня... остановилась и, поднявши переднюю лапку, острымъ рыльцемъ стягиваетъ въ себя воздухъ... Пропазо тогда все: взволнованный убійца зайца приподнимаетъ дрожащею рукою ружье, грудь его тяжело дышетъ, пульсъ удвоенно бьется, и онъ, вѣсто того, чтобы выстрѣлить, или кашляетъ, или тянетъ ружье за скобку указательнымъ пальцемъ. Такъ въ ту пору, когда лучше живется на свѣтѣ, когда сердце живетъ невыразимую и неукротимую любовью къ барышнѣ, пламенный юноша, переписавъ на розовой бумажкѣ золотыми чернилами страстное объясненіе въ любви, выкуривъ трубку Жукова, съ невѣроятными затыжками и скоростью, спѣшитъ въ тѣнистую аллею сада къ очаровательной Александрицѣ или розовенькой Магіе, отпущенной домой въ субботу вечеромъ изъ образцоваго пансіона благородныхъ дѣвицъ. Юноша даетъ себѣ рыцарское слово быть хладнокровнымъ съ коварной, быть неумолимымъ, сжечь ее молніею своихъ сѣренькихъ глазъ; но, обаянный чуднымъ голоскомъ очаровательной Александрины или хорошенькой Магіе, вѣсто заготовленной тирады и объясненія, говорить ей вовсе не то, что задумалъ.

Дьячекъ, какъ Могиканъ нашихъ луговъ, велъ меня по узкой, едва замѣтной, тропинкѣ топкаго луга, заросшаго папоротникомъ, ольхой и сажеными травами. Горные ключи, бѣгущіе въ прудъ, на каждомъ шагу мѣшали намъ идти скоро, не смотря на мои аршинные сапоги, похваленные дьячкомъ. Я уже нѣсколько разъ едва ихъ не оставилъ въ дѣвственныхыхъ топяхъ. Огромный камышь, еще покрытый влагой обмочилъ намъ съ головы до ногъ. Но, вѣрные своей цѣли, съ вспотѣвшими чубами, выбрались мы изъ вершины перегоновскаго пруда, съ неумокаемымъ жела-

ніемъ перейти на другую сторону. Варахисій перезарядилъ сей-часъ свое замочшее ружье, осмотрѣлъ полку, подсыпалъ мелкаго пороху и мопнѣ огнивомъ оббилъ кремьнь, боясь, чтобы его ружьецо, съ надписью: X. Burda w Szopowiczach, не *завело*.

— Видите ли, говорить мой проводникъ, — вотъ тамъ на серединѣ, ближе нешного къ правому берегу, чернѣеть? Это *кѣчки*, а немного по-дальше, на косѣ, стоятъ двѣ цапли. Когда увидятъ они насъ — слетятъ, дьяволы, и испугаютъ *кѣчню*. Если подкрадемся какъ слѣдуетъ, то *ничего* будетъ.

— Чтó вы, Варахисій Псаевичъ? вѣдь утки передъ дождемъ жируютъ. Какъ же мы подкрадемся? Посмотрите-ка, какіи набѣгаютъ тучи и какъ ими заволокло небо! дождь такъ и виситъ.

— Жируетъ качка передъ лѣтнимъ дождемъ, а въ осень по-подъ берега прячется да спитъ, знаете, подвернувши голову подъ крыло.

И такъ мы составили планъ, какъ повыгоднѣе подобраться къ уткамъ. Я говорилъ, что надо идти на пряжикъ, прятая повозможности ружья; а мой дьячекъ утверждалъ, что надо *перельзть* съ начала черезъ глинистую гору, переправиться черезъ лотоки оставленной, по старости, водяной мельницы, отбійся отъ злыхъ собакъ Прокошца, переходя черезъ его дворъ, и на огородѣ сѣсть въ капусть, отдаленной отъ воды однимъ только аршиннымъ плетнемъ. Планъ былъ труденъ, но построенъ на совершенномъ изученіи сердца утки, и полнымъ знаніемъ мѣстности. Я принялъ тактику дьячка, покорился ей; смѣло полтѣзъ на глинистую гору, и улавъ сверху ея, свалился бы въ воду, если бы онъ не удержалъ меня за патронташъ; переходя лотоки, набралъ полные сапоги воды, и у Прокошца, вѣрно, желтая собака, которая лежала подъ большимъ навѣсомъ коморы, оборвала бы мнѣ полы моего камзола, если бѣ бѣлоголовый мальчикъ, будто облитый сметаной, въ отповскихъ *чоботяхъ*, не закричалъ на нее: *а ну, бісѣвъ собака!* Но зато, минуты черезъ двѣ, я уже сидѣлъ въ капусть, а возлѣ меня въ двухъ шагахъ — Варахисій Псаевичъ. Подползши на четверенькахъ къ забору, сдѣланному изъ давно-высохшаго орѣшника, онъ разсматривалъ черезъ вѣтви его толпу заснувшаго непріятеля и двухъ сторожевыхъ цапель, высохшихъ и худыхъ. Утки, какъ въ старину жителя добраго города Лиггила, жирные Фламандцы, снали, оберегаемые наемными лавдскнехтами, людьми высокаго росту и блондинами.

Дьячекъ былъ недвижимъ, словно окаменѣлый. Я внимательно смо-

трѣль на его готическій сплузть и думаль, не лучше ли было бы Варахисю Исасевичу служить хоть унтеръ-офицеромъ въ славномъ 4-мъ стрѣльковомъ батальонѣ, чѣмъ читать, простуженнымъ голосомъ, невнятно для мирянь паремин, и пр.

— Качекъ, можеть, сотняга будетъ; спячь проклятыя, да и далеко! Нечего стрѣлять: мое ружье не возьметъ (это сказалъ онъ подползши ко мнѣ и снявъ картузь, чтобы онъ не былъ замѣченнымъ изъ-за плетня); шаговъ 90, а можеть и цѣлыхъ сто будетъ: а ваше?

— Мое — Тула, тоже не достанеть; подождемъ.

— Еще у васъ, замѣтять онъ, въ правомъ стволѣ и разстрѣль; должно разсыпаетъ очень. Сдѣлайте и вы себѣ, такъ какъ я, въ тыну дырочку, да вставьте стволъ; ловче будетъ приложиться. Эка какая ихъ *сумма!* Вотъ, когда бы тотъ рыбалка, что ѣздитъ по вершинѣ, поплыль по-подъ тѣмъ берегомъ—хорошо бы было!

— Чтó же тутъ хорошаго? снялись бы онѣ, да и полетѣя; разнѣ въ летъ довелось бы выстрѣлять.

— Гдѣ вамъ! Не бонется утка, проснулась бы только да поплыла къ нашему берегу.

Съ послѣднимъ словомъ, дьячекъ опять подползъ къ своей дырочкѣ.

Но небесная экономія распорядилась лучше: не поплыль съ вершины къ противному берегу *рыбалка*, — онъ между очеретомъ все вытаскивалъ изъ *лтери* карасей, хорошо ловящихся передъ дождемъ и, довольный удачею, втроятно рассчитывалъ, что за труды будетъ у него копѣйка на кварту горѣлки, которую онъ вечеромъ вышьетъ за столомъ въ арендѣ съ чумакомъ или съ постояльцемъ — саперомъ: зато сверкнула такая молнія, ударилъ такой громъ, что я невольно вздрогнулъ; точь-въ-точь будто выстрѣлили козацкія пушки въ Тарасову ночь, когда тѣ, которыхъ поглегло тогда такъ много, одѣтые въ богатые *кунтуши*, съ *сигнѣтами* на пальцахъ и при дорогихъ *карабѣляхъ*, праздновали въ Переясловѣ послѣдній разъ въ жизни римское торжество. Точно, такого громоваго удара я ни разу въ жизни не слышалъ, крошѣ только, когда предъ моими глазами молнія убила одного Пичука, который стоялъ на горкѣ подъ дубомъ, съ коלטуномъ подъ бѣлой валяной изъ шерсти шапкой и съ плетеной коробочкой за плечами.

Я взглянулъ на дьячка. Онъ дѣлалъ мнѣ не совѣтъ поинтиые знаки, грозилъ пальцемъ (изъ чего заключилъ я, что надо быть еще осторожнѣе), указывалъ на плетень и кусалъ палецъ большого пальца лѣвой руки: вѣрный признакъ, что онъ что-то видитъ, соображаетъ и горя-

чится. Я тоже, что называется, заранцовался и выгнанный по землѣ во весь ростъ, приползъ къ Варахисію Исаевичу.

— *Цытѣте, цытѣте!* прошепталъ онъ: утки у самого берега... пусть слывятся... слушайте только, когда я скажу *три*, — съ обѣихъ стволовъ палите!

Какъ сладко слушать такія слова! Какое томленіе разливается по жиламъ! *Млость*, какъ говорилъ покойный Петръ Афанасьевичъ, поидеть по косточкамъ. Просунулъ и ружье въ щель плетня, посмотрѣлъ на ставъ. Ух! и написать пріятно: — недалѣше двадцати-пяти шаговъ плаваютъ стадо проспавшихся утокъ. Вотъ *подгоржалка*, вотъ *крыж-ня*, вотъ *чирка!* Нѣкоторые изъ нихъ будто хлопочуть; другія куаюются, или ныряютъ; третьи, вѣрно постарѣе лѣтами и опытомъ, уже спать или флегматически ищутъ своими носами что-то подъ крыльями. Бѣдныя! Онѣ и не видятъ этихъ трехъ стволовъ, зіяющихъ изъ плетня, не видятъ меня съ ускореннымъ пульсомъ и дльчка — грозу хуже грома. Палецъ лежалъ уже на *собачкѣ*; но Варахисій Исаевичъ еще выдерживаетъ. Вотъ его губы сжимаются... взглядываетъ онъ своими зрачками на меня... изъ его стиснутыхъ зубовъ выходилъ глухой, но понятный для меня звукъ: *разъ*... я схватываю пять утокъ на цѣль... *два* — все готово... *три* — мы выстрѣляли.

Вѣтеръ отнесъ въ сторону дымъ; мы перескочили черезъ плетень; стая удивленная, испуганная, снялась черной тучей; раненныя утки падали съ воздуха на воду.

Дльчекъ (я забылъ сказать, что его собака, конечно—фидель, имѣла привычку проголодавшись уходить домой) со всею возможною скоростью снялъ свой капоть, саногы и со смѣлостью припорожскаго лодмана, бросился въ воду. Не бралъ же онъ тѣхъ, которыя остались на мѣстѣ, вѣтъ; поплылъ сначала за подстрѣлками, нырялъ за ними, поймалъ шесть и вышелъ на берегъ. Убитыхъ и раненыхъ было двадцать-семь.

Онъ отъвалился, а между тѣмъ дождь поплылъ. «Вотъ это у меня значить—*ничего* поохотиться, сказалъ онъ. — Хорошо, что вы цѣляли въ лѣвыя отъ меня; 27 штукъ! Да если только панъ Бернаръ узнаетъ, то онъ всѣ волосы себѣ вырветъ, — такой завидливый!

— Какъ же мы ихъ заберемъ? спросилъ я.

— А у Прокошца-выкущика попросимъ мѣшка, да проливень пересидимъ, отвѣчалъ Варахисій Исаевичъ.

Не тяжело намъ было нести жирныя, сентлѣбрьскія утки; дождь.

правда, вымочилъ насъ; но хата была близко. Опять, когда мы переходили черезъ дворъ, залаяла на насъ собака, не оставляя своего мѣста подъ коморой, и чье-то усатое лицо выглянуло въ квартиру—украинскій was-ist-das. Мы вошли въ свѣтлицу.

— Добрий-вечір! говорилъ дьячекъ;—се ви, Анто́не?

Усатое лицо, которое починало неводъ, былъ самъ хозяинъ, Анто́нъ—Выкущникъ, *багатіръ* перегоновскій — Прокошець. Въ свѣтлицѣ было очень чисто; подъ каждымъ образомъ, которыхъ на *покуті* было болѣе десяти, прилѣплена желтая восковая свѣчка; на бѣломъ, вымытомъ столѣ, закрытомъ *рушникомъ*, лежитъ *паланиці* и соль; у стѣнки — полъ, т. е. нары и на нихъ постель, съ пятью большими подушками; близъ нея—сундукъ, выкрашенный голубою краскою съ желтыми цвѣтами; возлѣ дверей — полка, на которой стояли миски *поливні*, *дѣбенскі*, тарелки съ синими обводками; а на *приличку* большой печи сидѣла старая, престарая баба, вся въ морщинахъ, и прѣла, напѣвая потихоньку, не смотря на нашъ приходъ, извѣстную на Украинѣ пѣсню:

Ты, пане Потобцький,
Еретичий сїну!
Занапаствѣ Польшу, Літву
И всю Україну.
Бузѣ твої думка,
Щобъ королѣмъ стати...
Не такимъ кшамъ, пане-брате,
Въ Польші крулювати.
А той панъ Пулавський
У Турка въ залозі,
Плаче, гужить в сумѣ
О Польші небззі!

Сидѣя, уже пожелтѣвшія пасмы волосъ, нечесанныя, выползали изъ-подъ холщоваго платка, которымъ была повязана голова бабы. Лицо ея все какъ замороженное и въ теплѣ оттаявшее яблоко, было покрыто рѣзкими и глубокими морщинами; изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей смотрѣли два черные, глубоко запавшіе глаза. Старуха не обратила на насъ никакого вниманія, и пока мы у Анто́на, ея сына, просили мѣшка, рассказывали свое *полюванье* и ѣли пшеничную кашу съ масломъ, баба всё продолжала погребальнымъ голосомъ пѣть горькую думу, послѣднюю жалобу уже несуществующаго королевства.

Я люблю старину и бывшья иѣсни нашего Заднѣпровья, оттого ли,

что въ бѣшенную юность, на бѣшенномъ конѣ, лунною ночью, я разбросалъ по ея стѣнямъ, заросшимъ перекати-полемъ и усѣваннымъ курганами, этии шѣмыми свидѣтелями загадочной старшны, много горячыхъ грезъ, которыя тогда ясиѣ понимались, теплѣе ложились на душу; оттого ли, что я много съѣлъ здѣсь сочныхъ славъ и розовыхъ кавуновъ и что у меня есть много знакомыхъ шалпокъ, балокъ, гушовинъ, откуда выкрадывается лисица; оттого ли, что у меня есть еще одна недосказанная причина; но повстрѣчаю ли, въ майскій вечеръ, чумачью *вѣлку*, остановившуюся почевать на одвѣчномъ *Муравскоиъ* или *Черномъ шляху*, широкою и поросшемъ чистою травою, на которой едва замѣтны колени,—я всегда скажу съѣдому, черствому чумаку, сидящему около *баѣтл*: »добріи-вечірѣ, козѣче!« поѣмъ его каши и пшеничныхъ сухарей, спрошу, приставаъ ли онъ или отецъ его, неходяща Конскихъ водъ, у бѣлой хаты Зимовника, надъ рѣчкой, у уединенной балки или у крыницы съ журавлемъ и жолобомъ, и, перешагнувъ за Дитирь, у Никитина перевоза; мазалъ ли онъ свою рубаху легтемъ, заряжалъ ли свою рушницу, вынималъ ли изъ воза пику, вѣшалъ ли онъ на шею гаманъ съ печатнымъ билетомъ, казенною печатью и турецкимъ переносомъ этого яряка; много ли татарскихъ табуновъ встрѣчалъ его батьбо до Перекопской *башты*, и обижали ль его на соленыхъ озерахъ дыздары, иманы и каймаки. Увижу ли въ лѣтній жаркій полдень, возвращаясь съ охоты, дѣда, сидящаго на широкой *присѣбі*, любующагося божиымъ солнышкомъ и своими внуками, а можетъ и правнуками, пересыпающими песокъ на улицѣ, — я всегда подойду къ нему и узнаю: »чи плаче козѣкъ старѣсенъкій, та по своей молодості,« увидѣвши, какъ говорить пѣсня, орла летающаго высоко надъ берегомъ синяго моря; поинить ли онъ *руину*; сидятъ ли еще гдѣ-нибудь на наперти церковной *бувальци* съ отрубленными на-крестъ рукою и ногою, по сулу одного человѣка, жестокость котораго сеймъ долженъ былъ унимать особымъ декретомъ; большой ли былъ онъ въ Великую зиму? Встрѣчу ли я, ѣдучи къ Василью Васильевичу, въ стѣрый денекъ, козака, въ кобелякъ, въ барашковой шапкѣ и съ *каптуромъ*, ѣдущаго частой рысью, на поджаромъ рыжемъ конѣ,—миѣ уже такъ и кажется, что онъ свою жінку променявъ на тютюнъ та люльку, или везетъ дукаты куда-нибудь далеко, къ пузатому пауу. Точно, любить Украину — моя болѣзнь — моя *maladie du pays*, и потому когда я все свое вниманіе у Прокоща сосредоточилъ на бабѣ и разсматривалъ ее съ жадностью, подобною той, съ какой смотритъ нумизматъ на старую антикапейскую монету, а диле-

тантъ на фрески Мурильо и фламандскіе скиць-фрески Рубенса и Вандика. Пѣтъ для меня красоты опаснѣе 80 лѣтней старухи, живої развалшны, которая надорванными, неровными, но очаровательными для меня голосомъ поетъ старинный народный романъ, и трясется отъ дряхлости.

Мой козакъ, совершенно мокрый, сохъ на печи. Варахнсій Исаевичъ давно уже вложилъ утки въ мѣшокъ, а дождь не переставалъ, но все еще увеличивался.

Антонъ былъ человекъ большого практическаго ума, только съ свойственной нашей почвѣ логикой. Въ разговорахъ нашихъ, была большая вѣжливость, особенно когда дьячокъ, на вопросъ его: кто я? отвѣчалъ ему, что должно быть офицеръ и дворянинъ, только не шляхтичъ.

Говорили мы о холерѣ.

— Теперь на всѣй околицѣ нѣкого нема старѣйшого одъ моєї нѣні, продолжалъ Антонъ. — Старый Юзеѣицький Заецъ давъ дѣба, пѣвно, не видъ холеріи. а одъ лѣтъ. Отъ коліи бували ви въ Макіевській цѣркві, то одъ прѣвого криласа, може бачили икону Спаса, що Заецъ пожертвувавъ Богу на викущъ грѣхивъ, ще за королевство, якъ чумѣ грасовала. Старый бувъ дѣже чоловікъ. Мати говорять, що йому було лѣтъ сто; притомный и вмеръ, все памятавъ. Бувало розказуе, що тутъ у насъ по степахъ були такі озера зъ рибою, и трава, що вѣлъ якъ зайде, то й не видно.

— А нѣнци вашій, пане Анто́не, скільки лічите? спросилъ я.

— Дѣ, лѣтъ девятьдесѣтъ може имъ и буде. Ви самі, пане милостивий, роснитайте ихъ; пошануйте вашою горілочкою... ну, горілка!.. то нини вамъ такѣ скажуть, що ви ище ні видъ ко́го и не чу́ди.

— Ихъ матушка, прервалъ дьячекъ, благодаря Анто́на за обѣдъ, отъ які старі, а що-неділі бувають у хрѣмі.

— Ще зъ унѣками, сказаль 65 лѣтний сынъ, то-рѣкъ на городі полѣли. Тільки глухі трошки, да сердита така: все свѣритца. Сказано, христіаннові уже мабутъ важко віку доживати.

Старуха, переставъ напѣвать свою лебединую пѣсню, безсознательно смотрѣла на насъ. Умолкшее веретено лежало на ея колѣняхъ. Я взялъ у хозяйина, вмѣсто своей охотничьей чарки, рюмку, разрисованную желтою масляною краскою, вытеръ ее рушникомъ, налилъ своей водки, и поднесъ старухѣ.

— Вікушайте, бабѣю, на здоровья.

Старуха, поклонившись, выпила.

— Що, бабѣю? зима на-дворі, скѣшно вамъ буде сидѣти на печі?

— Байдуже! отвѣчала она.

— Хвѣба все одно, що въ садѣ сидѣть, що на печі!

— Старому все рѣвно. аби костямъ тепліишъ.

— Будто жъ ви уже такі старі?

— Дѣ, старѣнька-такі. Якъ Швачка бувъ у насъ у селі, то я носила ёму, дитиною, суніці та полупіці.

— Бѣдто жъ ви, бабѣсю, гайдамаччину зазнаєте? спросилъ я съ тайною радостью.

— Отъ такъ-такі, цѣне, чи якъ васъ! да Швачка жъ при моїхъ очѣхъ Гроздовському-кателіку красні чоботки пошивъ! За православіе підвѣясъ, щобъ насъ та пошивъ нѣшихъ не мѣчили базиліане та уніа. Ёму, бачите, царіця грамоту золотѣ дала; у скриньці вінъ її возивъ и намъ показувавъ. Оттаки кнѣтиці (1).

— А що, бабѣсю, страшно було, прервалъ я ее, наливая еще рюмку aquae vitae — этого зликсѣру, воскрешающаго и убивающаго.

— Православію нічого, а жидови и кателікамъ було тѣжко щобъ цѣркви не отдавали и не брали, якъ корчми, въ орѣнду, такъ якъ за Хмельницького.

— Хто жъ се бувъ Хмельницький? спросилъ я.

— Хто! Гетьманъ, король козацький. Дідъ мій за ёго розказувавъ. Войну, каже, съ Ляхами точивъ за православіе. Въ Білій Цѣркви и замокъ ёго обварований бувъ.

— Вона вамъ, цѣне, що й не те розкаже, сказавъ мнѣ Антонъ, когда я, занятый крутыми историческими отвѣтами бабы, самъ незнаю для чего, налилъ ему рюмку водки: — вона все знає, що бувало въ старовинѣ не за нашої памѣяти. Бувало, що-неділі ходить до покійної шамбелянової въ Василівщину, тамъ и ночѣе, все пронежъ собою *балѣкають*, якъ-то колись у свѣтахъ діялось. И тепѣрь мовчѣть день, два, три, та вже якъ и зѣчне розказувать, то тѣлько слѣхай!

— ...Вишъ и Кіивъ и Україну до царя привернувъ, та посли якогъ изновъ царіця крѣлю Станиславу подарувала Україну, а Кіивъ изъ святими цѣрквами, ажъ по самую Митвицю, и съ чернѣчими сѣлами, бувъ Московскій.

(1) Извѣстно, что для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, гайдамаки составили поддѣльную такъ-называнную въ народѣ *золотую грамоту*. Подлогъ приписывали лицу, озлобленному противъ цновѣрныхъ соперниковъ. Гайдамаки, безъ сомнѣнія и сами (кромѣ немощныхъ) вѣрвали въ неподдѣльность кроваваго акта. *Ред.*

«Вотъ какай ты баба!» думаю себѣ.

— Бўдто, бабўсю, ужэ такъ вѣжко булэ вамъ пїдэ Польшею одэ панївъ?

— Одэ панївъ ще не дўже: панївъ — дїлчївъ нїкѡли й не бачили; маїнткомъ правїли губернїатори. Оддамѡ булэ *данїну*, десїтїну всѣго, а *панїцини* — хїбѡ тїлько дрѡва возїть. За вїру, за благочѣстїе бїльше всѣго терїли. Мўчять булэ унїти. Отъ недалѣко въ Мѡшнахъ, чи въ Мѣдвїнї, — забўла я, — зїбрали унїть сїмъ благочестївїхъ пошївъ: «клїнїйтесь, кѡжуть, панїжу рїмському!» — «Не хѡчемо,» говорїть. Вошї взлїта и посадїли їхъ пїдэ сажь, де годѡванихъ кабанївъ держїть...

— Вїхлѡдїть, бабўсю, якъ тї говорїшь, гайдамїщина за вїру постѡла.

— А тожь чѡго? Тїлько що москалї вїшѡались, не далї ходу Максїму Залїзняку: — боїлись, щѡбъ зновѣ не зробїлось козѡщїни.

— Великїй бувъ смўтокъ, бабўсю?

— Смўтокъ бувъ Ляхѡмъ та Жидѡмъ; а якъ утихомїрїли, то зробївся смўтокъ и намъ; — шукѡли виновѡтїхъ и ще гїрше почали напїратї на благочѣстїя. Отъ усї цї сѣла: Макїевка, Перегонївка, Деремознѡ, Василївщїна, тодї перевернўлись на ўнїю.

— Такъ и ти, бабўсю, булѡ унїткою?

— А якъже! Вїра все, здаѣтца, однакова, тїлько пошї безъ борода ходїли въ *реверѣндї*; понѡшому невѡче слўжять, а *крыжѣмъ* якъ у костѣлї падають; и дзѡни бїли, вечѣрню, ўтреню служїли. Дїтѣй малїхъ збїрають, катехїза ўчїть...

— И ти, бабўсю, учїлась?

— А якъже! Такъ зѡразъ и питѡе: «А щѡ е Пань-Бугъ?» Скѡжешъ їмў, — вїнъ ѡблуко абѡ рїжкївъ изъ кишѣнї вїйме та и дасть.

— И довго була унїя?

— Гу-гу, я вже зѡмужомъ булѡ; Антѡна могѡ ще унїтський шївъ хрестївъ; а вїнъ у мене не первїй: булѡ пѡрва-шѡкїйна Гѡлька, Самїйло; а вїнъ у мене трѣтїй.

— Значить, якъ уже Польшу роздѣлили?

— Правду кѡжете. Бо якъ круль бувъ у насъ въ Василївщїнї; то добре памятаю, що ще не булѡ благочѣстїя.

— Ти и круль, бабўсенько, бѡчпла? Роскажї, моѡ зозўленько, усѣ якъ булѡ!

— Отъ якъ се булѡ, панїчу. Се булѡ въ одїнь годъ зъ великою зїмою (1787); пнѡ она булѡ, вамъ, панїчу, шѡбуть, случѡлось чувѡти. Снїгї булї такї, шо не доводї. Гѡсподї! Изъ хѡти дверѣй не мѡжна булѡ одчпїить.

Одчѣстишь снѣгъ у-день, а вночі зновъ такѣ завіе, що черезъ дірку въ криші треба вилізати на двірѣ. Худоби нічимъ було кормити, топити нічимъ. Такъ, якъупала зіма на Покрову, то лежала до самого Юрія. Памятѣю добре, передъ самиймъ Благовіщенягъ пройшла чѣтка, що король у Кіивѣ иде, щобъ побачитись изъ царіцею. Вінъ, розказували, бувъ її братуха въ арѣгнхъ; а въ Кіивѣ, бачте, ёго не пускали пани: боялись, щобъ вінъ не втікъ. И нашъ панъ *грабл* Тарновскій првіхавъ, зъ жінкою, въ Василівщину, и напросивъ короля, якъ буде їхати зъ Хвастова, то щобъ и до ёго вступивъ. Оттамъ, де теперъ будинокъ пана Левандовського, въ ті часи бувъ замокъ и *зводзоний* мість и гармати, а кругомъ вода обливала; на *висні* стоявъ; тільки одинъ бувъ до ёго вхідъ черезъ мість, та на нічъ ёго піднімали; нельзя було нікому увійти, якъ ёго, бувало, звелуть. Послі палаць той згоривъ; граба маєнтокъ продавъ шамбеляну Проскурі: не залотивъ, знаєте, підъ Москалемъ оставатись. Ужѣ й *жовнири народові* прийшли, почали зъїзжатиця пани, чѣмъ — у дзвони дзвонять, въ гармати бьють; треба було и собі подивитиця. А тугъ ужѣ и закъазъ есть: бігають по сѣлахъ осауля на коняхъ и всі громади, чоловіківъ, жінокъ, дітей вигонять, щобъ на ранокъ у Василівщини стали привітати крѣля. Кому було далеко йти, то може, ще зъ вѣчора вийшовъ, а нашъ недалѣко, більшъ однихъ гоней нема изъ Перегонівки въ Василівщину; да ще заказують одигнѣтиця въ саму крѣшу одѣжину, а одгались тоді куді лучче противъ тѣразнійшого: все, бувало, въ жууанахъ сїнихъ та зелєнихъ. Пішла и я съ дїтьми... Нарѣду видимо-невидимо! и жіночого, мѣжечького—якъ маківъ цвѣть горить. Бігае губернаторъ и всякі економн, щобъ народъ поставити зъ обѣхъ бѣківъ *Трихвальної брѣми*. Коля якъ почали палити изъ гарматъ, тоді и догадались усі, що значить круль ввійджае та виходять въ палацу на гѣнокъ; увесь народъ такъ и *ревѣ*, а гармати бьють! Переїхавъ вінъ черезъ мість, бачить у трихвальної брѣми недалѣко стоїть вїль зъ золотими рогами, громади зъ хлібомъ сіллю, ужѣ значить на пожегнѣння; вийшовъ вінъ изъ *карити*, кланялетця народѣ; такий пристѣйний, висѣквий, у *фрѣаці*, въ церѣці, привітливий. Народъ ёму кланялетця, а вінъ народѣ, и поїхавъ зъ Богомъ на Потѣкъ.

— И ти, бабѣусю, своїми очима все те бачила? сказавъ я, для того только, чтобы прислушаться къ послѣднему тону ея вѣрнаго историческаго расказа, который такъ безошибочно сохранился въ ея памяти.

— Своими, своими, паничу, якъ піби вчѣра все те діялось. Старѣнька и дѣже, дѣже... на що менѣ Богъ милосѣрдний на свѣті держить....

— ..... Ну, Варахсiи Исаевичъ пора и домой! къ вечеру опять, дождь будетъ. Забирайте охоту нашу. Спасiоі, Антоне, за хлѣбъ, за сiль! Спасiоі тобі, бабусю, за старѣ слово....

Какъ была исторически вѣрна, въ своемъ разсказѣ, моя бабуся, Прокочиха, скажетъ для любопытныхъ Парушевичъ и графъ Платеръ. (Podróż Króla Stanisława Augusta do Kaniowa. Wilno 1860 года).... »Король рано прѣхалъ въ Бердичевъ. Онъ остановился въ палацѣ княгини, коюшныи Литовской, Радзивиловой, урожденной Камеиской. Эти четыре мили изъ Чуднова король ѣхалъ въ каретѣ; снѣгу было такъ мало, что въ саняхъ было неудобно ѣхать. Когда король въѣзжалъ въ городъ, его уже не встрѣчали пушечными выстрѣлами изъ Бердичевской крѣпости, потому что, заранѣе предупредили ксендзовъ Кармелитовъ, чтобы они оставили въ покоѣ свою артиллерiю; шесть лѣтъ назадъ зарядъ чуть не попалъ въ королевскую карету. Во время обѣда, его величество сиранивалъ: какъ великъ у Кармелитовъ ихъ крѣпостной гарнизонъ? Отвѣчали, что онъ состоитъ только изъ 24 человекъ; а когда рѣчь зашла о богатствѣ мѣстечка, Потоцкiй, старостичъ Гузовскiй, отвѣчалъ: что болѣе всего мѣстечку благоприятствуютъ ярмарки, пѣз которыхъ значительнѣйшая Ивановская, во время которой, торговля между купцами русскими, польскими и турецкими, такъ бываетъ значительна, что въ торговомъ оборотѣ можно считать до нѣсколькихъ милiоновъ злотыхъ.

»19 марта, въ день св. Юсефа, въ половинѣ восьмого поутру, король изъ замку отправился къ обѣднѣ, а послѣ простившись съ княгиней Радзивилл и Ворошичевой, каштеляновой Белаской, съ сенаторами и помѣщиками, прежде чѣмъ сѣлъ въ экипажъ, велѣлъ себѣ показать крѣпость. На обѣду, отца-коменданта не было дома, а прiоръ не умѣлъ ее хорошо представить. Пайяснѣйшiй панъ, имѣя въ немъ дурного проводника, ничего не увидѣвши, выѣхалъ изъ Бердичева въ дурномъ расположенiи дула. По этому поводу, думалъ я, добавляетъ Платеръ, что для от. Кармелитовъ было бы плохо, еслибы кто-нибудь подалъ ему мысль, отобрать отъ монаховъ крѣпость и назначить коронаго коменданта, съ приличнымъ гарнизономъ, такъ какъ сдѣлано въ Ченстоховѣ, гдѣ Паулины имѣли прежде свою команду и содержали praesidium; а теперь, избавленные отъ этихъ житейскихъ хлопотъ, имѣютъ майора комендантомъ и сто человекъ гарнизону, которыхъ содержать изъ своихъ доходовъ. Желая развеселить короля, мы, съ генераломъ Комаревскимъ, разсказывали ему дорогою о войнѣ Бердичевскихъ

Кармелятовъ съ Любельскими Домниканами, которые долго тягались съ ними за тѣло Януша Тишкевича воеводы Кіевскаго, умершаго въ Люблинѣ во время войнъ Хмельницкаго, изъ которыхъ первые, по суду приобрѣвши прахъ своего фундатора въ 1759 году, рѣзной мавзолой тому же Тишкевичу въ своемъ костелѣ сдѣлали..... какъ потомъ, во время послѣднихъ конфедератскихъ волненій, всѣ женщины собравшіяся изъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, должны были перенугаться, когда Кречетниковъ, осаждая конфедератовъ, запершихся въ кляшторѣ, пустилъ бомбу, а она, пробивши сводъ церкви, влетѣла въ нее и упала среди толпы.

»Такъ разговаривая, мы доѣхали до *Бѣлополя*, родового имѣнія Викентія Тишкевича речендаря Литовскаго, который былъ женатъ на племянницѣ короля, родной сестрѣ Юзефа Понятовскаго. Народъ радостными кликами приветствовалъ короля; но онъ, не останавливаясь и минуя мѣстечко, поѣхалъ прямо въ *Чернорудию*, имѣніе каштеляна Каменецкаго, Свейковскаго. Здѣсь только завтракали, переѣхали лошадей и поѣхали далѣе. Ча у въ первомъ по полудни на мѣсто бискуна Нарушевича, который испросилъ у короля позволеніе ѣхать въ *резервъ*, въ его карету сѣлъ генералъ Любовицкій и такъ ѣхали до *Паволочи*. Здѣсь Зѣлискій, каштелянъ Бецкій и Цыринъ, староста Тарабовскій встрѣтили короля въ ратушѣ, гдѣ ему приготовленъ былъ ночлегъ. На другой день, 20 марта въ 8 часовъ утра, король выѣхалъ изъ *Паволочи* по сухой дорогѣ, немножко попорошенной снѣгомъ и черезъ два часа прибылъ въ *Почуйки*, деревню Рыльскаго, гдѣ, встрѣченный владѣльцами, вышелъ на нѣсколько шаговъ изъ кареты. Неожиданно нашелъ онъ, среди украинскихъ степей, иректасно мебелированный домъ, хотя и деревянный, и въ немъ хозяевъ и гостей не льстецовъ придворныхъ и не дикихъ домохозяевъ. Два родные брата Рыльскіе, владѣльцы Почуекъ, были сыновья того Рыльскаго, который при жизни Мнишка, каштеляна Краковскаго, нѣсколько лѣтъ управлялъ Бѣлоцерковщиной, и, какъ главный губернаторъ, получая 12,000 злотыхъ жалованья, при воздержномъ образѣ жизни, по смерти своей оставилъ дѣтямъ двѣ деревни.

»Въ этомъ безлѣсномъ краѣ чрезвычайно трудно обзавестись деревянными строеніями; поэтому и отопленіе здѣсь много стоитъ; но нужда — мать изобрѣтеній, пишетъ Платеръ: я, съ истиннымъ удовольствіемъ, увидѣлъ здѣсь подражаніе открытію, которое до этихъ поръ приписывалъ себѣ, это — огрѣваніе двухъ изъ однимъ огнемъ.

»Король выѣхалъ въ 10 часу отъ Рыльскихъ, и переѣхавши за ми-

лю отъ Хвастова валь раскопанный на дорогѣ и тянуційся далеко по обѣимъ сторонамъ ея, прїѣхаль, въ первомъ часу, въ *Хвастовъ*, мѣстечко принадлежащее Кіевскому бискупу. Его принимали въ бискупскомъ дворцѣ: каноники Кіевскіе: Палуцкій, архидіаконъ Черниговскій, и официалъ Стецкій, коадьюторъ архидіакона Кіевского, и Островскій, каноникъ Кіевскій, управляющій бискупскимъ ияѣніемъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся уманской рѣзни (*rzeź humańska*); разказывали королю, что въ тѣхъ самыхъ коопатахъ, въ которыхъ онъ находится, и на дворѣ, во время этой страшной рѣзни, семьсотъ человекъ пали жертвой.... Послѣ ксендъ Палуцкій говорилъ о кристалахъ, находящяихся подъ Бѣлоподемъ, краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, которыхъ образцы показывалъ и ошлифованнымъ въ перстнѣ и въ природномъ видѣ. По этому поводу ксендъ Островскій разказывалъ, что когда Маршалкова Сангушкова, лѣтъ 30 назадъ, дѣлала фундаментъ для своего Заславскаго замка, то рабочіе нашли окаменѣлый скелеть слона, который, выкапывая, по неосторожности, разбили на куски. По хуже этого то, что народъ, преврата эти кости въ порошокъ, какъ лекарство уцреблялъ отъ поноса.

Послѣ обѣда и кофе, часу въ пятомъ, неожиданно прїѣхаль изъ Кіева фельдмаршалъ князь Потемкинъ, намѣстникъ Тавриды и Екатеринослава, послѣ покушки Смѣлянщины, за два милліона рублей, польскій шляхтичъ и пошѣщикъ, вмѣстѣ съ графомъ Штакельбергомъ, русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, гетманомъ Браицкимъ и принцемъ Нассаускимъ, засвидѣтельствовать королю свое уваженіе.

Для короля, истомленнаго четырехъ-недѣльной дорогой и получившаго насморкъ, прїѣздъ этихъ неожиданныхъ гостей былъ прїятнымъ и успокоительнымъ случаемъ; а какъ они, рано выѣхали изъ Кіева, и нигдѣ не обѣдали, то король приказалъ подать кофе куда будетъ для нихъ къ 7 часамъ приготоуленъ ужинъ. Его величество, хотя и не ужиналъ, но сядѣлъ за столоть, пилъ за ихъ здоровье, и полный попечительной доброты, пошелъ самъ съ ними во флигель, для нихъ назначенный, простился съ ними и уходя, не велѣлъ безпоковтсѣл провожать себя обратно. Передъ ужиномъ еще найяснѣйшій панъ познакомилъ съ княземъ Потемкинымъ бискупа Нарушевича, который, чрезъ свое новое сочиненіе *Taurika*, былъ для намѣстника этого края еще болѣе замѣчательнымъ; князь задержалъ его у себя болѣе часу, разговаривая съ нимъ объ исторіи Скивовъ, Хозаровъ, Гуиновъ, Угроувъ и другихъ, ко-

торые когда-то заселяли эти мѣста, и о родствѣ или сходствѣ языковъ греческаго съ латинскимъ, турецкаго съ арабскимъ.

»Король зная, что гости его, только на другой день послѣ завтрака располагали выѣхать, рѣшился слѣдующій цѣлый день пробывать въ Хвастовѣ.

»21 марта въ 8 часовъ, всѣ были уже одѣты. Графъ Штакельбергъ ивѣлъ аудіенцію у короля. Послѣ дали знать князю, что онъ можетъ уже представиться королю. Потемкинъ сообщилъ тогда пріятную для Польши новость, что императрица, въ день своего рожденія, даровала крымскимъ гаванямъ порто-франко, выгодное для Польши и для Черноморской торговли. Послѣ, кіевскіе гости сѣли за вистъ, а король занимался въ кабинетѣ, игра продолжалась до полудня; а какъ князю надо было поскорѣе возвращаться въ Кіевъ, то онъ и намекнулъ объ обѣдѣ, который король велѣлъ подавать въ цоловинѣ перваго. Потемкинъ, пишетъ Платеръ, выказалъ за обѣдомъ глубокое знаніе исторіи русской и граничившихъ съ нею государствъ, ихъ вѣры, языка и обычаевъ; но все же пріятнѣйшимъ разговоромъ былъ для него Крымъ.... Король шлъ за его здоровье, — Потемкинъ всталъ и не хотѣлъ сѣсть, отвѣчая наяснѣйшему нану пріятнымъ комплиментомъ, что онъ обыватель польскій.

»Послѣ обѣда князь Потемкинъ откланялся, а на предложеніе дружбы, сдѣланное королемъ, обѣщавъ ему свое доброжелательство и, поцѣловавъ руку въ знакъ покорности (!), отправился обратно въ Кіевъ.

»Мы также на завтра, говоритъ староста Инфляндскій, выѣзжаемъ изъ Хвастова, который припомнитъ потомкамъ нашимъ дни пребыванія въ немъ короля польскаго и вниманіе, оказанное ему особой сивною въ европейской политикѣ. Къ этому еще надо припомнить, что ханъ крымскій Шейхъ Гирей, поддавшійся Россіи со всѣмъ своимъ краемъ, неизвѣстно почему, оставивъ (въ Кагулѣ) спокойное мѣстопробываніе и 80,000 пансіону, отдыхалъ въ Хвастовѣ на пути въ Турцію, десять дней, сопровождаемый двумя своими канцлерами, двумя маршалками двора, тремя стами слугъ татаръ и конвоемъ русскихъ изъ восьми-десяти человекъ, подъ командою полковника.

»Король, выѣзжая изъ Хвастова 22 марта, взялъ въ свой экипажъ принца de Ligne и графа de Dillon. Предъ Мытиницей, половина которой принадлежала гетману Браницкому, а другая Руликковскому, его встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Потоцкій, воевода русскій, начальникъ украинской дивизіи, съ почетнымъ карауломъ и отсалютовавъ его палашемъ,

верхомъ провожалъ на станцію. Тамъ, простившись съ тѣми, которые ѣхали въ Кіевъ, король въ одномъ экипажѣ съ Потоцкимъ, Нарушевичемъ и Платеромъ, ѣдучи почти по чертѣ русской границы, часу въ третьемъ гдѣ пріѣхалъ въ *Василевцуну*, отъ владѣльцевъ ее графа Тарновскаго и супруги его, урожденной Устрицкой, былъ радушно принять.

»Палацъ здѣшній окруженъ водою, а большая деревня, его окружающая, тянется далеко яромъ. Это мѣстоположеніе припомнило мнѣ (я позабылъ записать), что почти отъ самого Чуднова, ѣхавши низинами и степями, на пространствѣ трехъ, четырехъ и пяти большихъ украинскихъ миль, мы не видали ни одной деревушки; онѣ всѣ скрывались отъ насъ въ ярахъ, гдѣ жители удобнѣе могли пользоваться водою, текущею въ долинахъ. Другая замѣчательность въ степяхъ украинскихъ, — это разсыпанныя по полямъ могилы, обыкновенно называемыя курганами, которыхъ значительное число останавливаетъ любознательнаго путника. Общее мнѣніе относитъ ихъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ и козачьихъ бунтовъ, которыхъ театромъ была Украина; но безчисленное множество этихъ могилъ, выкапываемыя изъ нихъ кости, уже обратившіяся въ бѣлый порошокъ и въ мѣло-подобную массу, кажется доказываютъ, что тѣ старѣе набѣговъ татарскихъ. Къ этимъ замѣчаніямъ привели насъ чаще обыкновеннаго сегодня замѣчаемыя могилы. Историческая проникательность Нарушевича, знакомство короля съ мѣстностью и нѣкоторыя замѣчанія Потоцкаго, склоняли гипотезу къ тому, что могилы могли быть указаніемъ войнъ Дарія, потому, что онъ, по Геродоту, гнавши Скивовъ, переходилъ Дунай и Гвишанисъ, нынѣшній Бугъ, протекающій въ Украинѣ. Его многочисленныя полчища могли быть причиною и сраженій и могилъ; теперь еще попадаются, выкапываемыя въ разныхъ мѣстахъ мѣдные наконечники скивскихъ копій; а Геродотъ упоминаетъ, что оружіе Скивовъ было — копіе съ мѣднымъ остриемъ. Прибывши въ *Василевъ*, король пообедалъ въ третьемъ часу и поговоривши съ подскарбіемъ Литовскимъ, по причинѣ кашлю и головной боли, удалился въ свои покои, предоставляя обществу полную свободу. Часу въ шестомъ послѣ обѣда найяснѣйшій панъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, несмотря на сильную боль головы. Въ залѣ былъ сдѣланъ гротъ, украшенный сосновыми вѣтвями и гирляндами, а посреди его стоялъ алтарь, сдѣланный съ дерну. Передъ вензелемъ короля, стоящемъ на алтарѣ, графиня съ панной *Puzynianka, staroscianko Upińska* и другими дамами, пѣли приличныя этому случаю строфы; а въ

стороні, старець, аллегорическое Время, держалъ раскрытую книгу и писалъ въ ней слѣдующее: »Въ 1787 году 22 марта его величество Станиславъ Августъ король Польскій, великій князь Литовскій, при проѣздѣ своемъ въ Каневъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ графа и графини Тарновскихъ въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи Василевщинѣ, въ воеводствѣ и повѣтѣ Кіевскомъ находящейся, на память вѣкамъ, и собственноручное воспоминаніе этого радостнаго дня оставилъ» :

»Послѣ окончанія куплетовъ, графиня положила у ногъ короля своего малютку-сына, а прочія дамы — букеты цвѣтовъ.

»Когда Тарновскіе просили короля подписать написанное, онъ не только исполнилъ ихъ желаніе, но еще собственноручно прибавилъ: »и орденъ св. Станислава давно служащему отечеству и королю, хозяину дома графу Тарновскому, племяннику, вѣчной памяти, Мокроновскаго, воеводы мазовецкаго, друга короля, пожаловалъ» .

»Король, говорили мнѣ», пишетъ Платеръ, »едва могъ написать эти слова такъ у него болѣла голова; поэтому, онъ ранѣ простился съ хозяевами, не принявъ участія въ ужинѣ, которыми угощали его свиту; кубки за здоровье его величества сопровождались частыми пушечными выстрѣлами. Проснувшись ранѣ всѣхъ, я узналъ, что король еще спитъ; но черезъ часъ докторъ Беклеръ увѣдомилъ всѣхъ присутствующихъ въ залѣ, что король, не спавши до часу по-полночи, послѣ до семи часовъ утра спалъ спокойно. и это благотѣтельно подѣйствовало на его здоровье.

»Въ Васильевѣ представлялись королю: Анкута, судья брестъ-литовскій, Федоровичъ вице-регентъ житомирскій, Мровчинскій поручикъ коронныхъ войскъ, Островскій чесникъ сановскій, Піотровскій скарбникъ нурскій, Ржеплинскій войскій трембовльскій, Володкевичъ чесникъ новгородскій и два Выговскіе подсудки кіевскіе.

»Въ девять часовъ король вышелъ, одѣтый по дорожному, простился съ Тарновскими, которые пожелали еще проводить его до слѣдующей станціи и выѣхалъ изъ Василева, взявши съ собою меня и Нарушевича; мы проѣзжали черезъ триумфальные ворота, для этого случая сдѣланные. на которыхъ была надпись: »Станиславу Августу — народъ.»

»Мы опять проѣзжали черезъ тотъ самый валъ, который идетъ около Паволочи и, по преданіямъ, называется Траяновымъ, пли Змѣвымъ. На пространствѣ трехъ миль дороги по голой степи, засѣянной только моголами, глаза ни на чемъ не могли остановиться; только въ половинѣ перваго мы начали спускаться въ яръ и пріѣхали въ деревушку, въ которой, еще

разъ на нѣсколько минутъ, Тарновскіе принимали короля. Подали завтракъ; лошади отдохнули, и всѣ тронулись въ Каневъ. Не дожидая полинии до *Потока*, мы видѣли приготовленную иллюминацію на столбахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на нѣсколько сажень, на которыхъ прикрѣплены были связки лучины, омоченной въ смоль. При вѣздѣ въ Потокъ, короля встрѣтилъ народъ, стоящій рядами по обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ хотя въ деревенскомъ вкусѣ, но по правиламъ архитектурнымъ, и священникъ греко-россійскаго исповѣданія, съ кляромъ и крестомъ, привѣтствуя короля короткою рѣчью на славянскомъ языкѣ; потомъ шли многолѣтне и раздавались клики народа.

»Предъ домомъ, приготовленнымъ для короля, встрѣтили его: Дѣлушницкій писарь латовскій, Деболи министръ польскій, изъ Петербурга, и Заблоцкій консулъ херсонскій, которые приглашены были къ обѣду. Послѣ кофе, король, поговоривши съ Деболи, ушелъ отдыхать, а мы разошлись по квартирамъ. Правда, насъ, было, пригласилъ князь подскарбій къ себѣ и предложилъ висгъ; но какъ моя квартира была за 1150 шаговъ и я положительно рѣшился, чтобъ въ моемъ дневникѣ *nil la dies sine linea* не проходилъ, то оставивъ всѣхъ и пошелъ домой.

»Въ восемь часовъ 24 марта, всѣ мы собрались къ выходу, потому что отъездъ былъ назначенъ попозднѣе; въ девять король сѣлъ въ экипажъ съ тѣми же, съ кѣмъ пріѣхалъ. Въ Потокъ, одинъ крестьянинъ хотѣлъ привѣтствовать короля рѣчью, но какъ того же добивались и два другіе, а времени не было, то ничего и не вышло. Король, узнавши объ этомъ на другой день, приказалъ остановиться экипажу и выслушалъ рѣчь. Эта встрѣча стариками, избранными гронадой, предлагавшей хлѣбъ-соль, пару сѣрыхъ жеребцовъ, пару сѣрыхъ воловъ, пару сѣрыхъ овецъ, и барашковъ, очень понравилась королю; онъ далъ имъ поцѣловать руку, и выѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

»Въ Степанцахъ, двѣ мили за Потоккомъ, еще разъ привѣтствовали его толпы народа; наконецъ показался — *недостижимый Каневъ*....»

II. Ревякинъ.

ПОЛЯКАМЪ ОБЪ УКРАИНЦАХЪ.

(ОТВѢТЪ НА БЕЗЫМЕННОЕ ПИСЬМО.)

Пишущій эти строки получилъ письмо, на польскомъ языкѣ, безъ подписи автора и безъ означенія, куда адресовать отвѣтъ. Письмо, между тѣмъ, вовсе не такого содержанія, чтобы отвѣчать на него не следовало. Кто бы ни былъ мой таинственный корреспондентъ, но его мнѣнія, очевидно, принадлежать не одному ему, а выражаютъ убѣжденія цѣлаго кружка, а, можетъ быть, и общества. Это обстоятельство стоить того, чтобы посвятить нѣсколько времени на печатную переписку.

Прежде всего я долженъ сказать, что безымянное письмо обнаруживаетъ въ его авторѣ человека хорошо воспитаннаго. Какъ ни предубѣжденъ онъ противъ моей литературной дѣятельности, онъ вездѣ сохранилъ формы рѣчи, приличныя публичному объясненію, и если выразился кое-гдѣ рѣзко, то не иначе, какъ въ интересахъ своей общественной идеи. Автора поразили два стихотворенія мои, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ *Основы*: именно *Солониця* и *Кумѣйки*. Признавая за ними, съ свойственною просвѣщеннымъ Полякамъ любовью, достоинства литературныя, онъ говоритъ, что цѣль ихъ ошибочна и, притомъ, умышленно-ошибочна. Авторъ письма не допускаетъ мысли, чтобы мы, украинскіе писатели, не знали нынѣшнихъ отношеній украинскаго простонародья къ шляхтячамъ-Полякамъ правой стороны Днѣпра, а между-тѣмъ, въ стихотвореніяхъ моихъ, равно какъ и въ разныхъ статьяхъ украинскаго вѣстника *Основы*, онъ видитъ желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье. Вотъ его собственныя слова, въ переводѣ:

Мы умѣемъ оцѣнить, сколько благородныхъ побужденій въ трудахъ вашихъ... Мы не только не подавляли никогда, съ нашей стороны, этого стремленія, но всегда ему сочувствовали, и вѣрите мнѣ — не Поляки будутъ васъ порицать. Но что намъ больно, и больно по справедливости, такъ это то, что вы положили въ основаніе вашихъ трудовъ убѣжденія ошибочныя и стараетесь ихъ утвердить на счетъ нашего прошедшаго и настоящаго. Вы смѣтрите на насъ, какъ на шляхту XVII вѣка, навязываете намъ титулы и убѣжденія, которымъ мы ужъ не придаемъ никакого вѣсу, не хотите разсудительно понять того преобразования, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, не хотите уразумѣть, во имя какой идеи страдалъ онъ... и бросаете въ него обвиненія вмѣстѣ съ его врагами. За что? спрашиваю васъ. За то, что стоитъ онъ передъ вами... со слезами на глазахъ... и равною въ сердцѣ? Не пустыя фразы вамъ говорю, а правду, не презрѣніе выражаю, а сердечную боль. Не полемика также занимаетъ меня, когда я вижу, какъ искусительно стараетесь вы растревлять инстинкты народа и даете ему ножъ въ руку. Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что вы не знаете нынѣшней Польши, что нынѣшнюю шляхту считаете такою, какою была она во времена Хмельницкаго, и потому съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваетесь. Тогда бы одна искренняя наша бесѣда съ вами объяснила все дѣло. Но я не могу такъ думать о людяхъ, пишущихъ исторію и разныя другія сочиненія. Не могу также допустить мысли, что вамъ не извѣстно нынѣшнее положеніе Украинско-русскаго народа и что вы не знаете, на какую ступень поднялся онъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Вы должны знать, что онъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости и что унижительныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ болѣе не существуютъ. А если вы это знаете, то за что же стараетесь поддерживать въ народѣ ненависть къ шляхтѣ, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны? Эта ненависть не оправдывается ужъ теперь ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ ея больше, нежели въ сердцахъ народа. Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣе поймете наши достоинства и недостатки. На шляхтѣ лежитъ ответственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но... за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что ужъ не она тутъ распоряжалась... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими

словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите(?) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолкъвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ также Костюшки и Ружичкіе... Въ вашей исторіи и въ убѣжденіяхъ вашихъ, польскій шляхтичъ — какая-то вредная личность. Пора бы выразумѣть ее безпристрастиѣ. Вы привыкли отличать шляхтича отъ народа и считать его чужимъ народу, пришлымъ. Кромѣ сословныхъ привилегій, шляхтичъ у васъ не имѣетъ за собой ничего и на Руси играетъ исключительную роль угнетателя, а народъ постоянно находится въ борьбѣ съ нимъ, какъ элементомъ, препятствующимъ цивилизаціи и общественному благосостоянію. Это убѣжденіе утвердилось вашими историками, и за него вы ухватились тѣмъ охотнѣе, что оно чрезвычайно упрощало вопросъ о народныхъ правахъ согласно съ демократическими понятіями, а численное меньшинство шляхты совершенно подчиняло этимъ правамъ. Между тѣмъ, вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ, по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый Русинъ, какъ и всякій другой; что туловищемъ, исключительно простонароднымъ, покрывать Украинско-русскую землю не возможно, если хотите въ этомъ вопросѣ относиться къ историческому праву. Такой выходъ ставить весь вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею помѣстныхъ правъ единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порпцать эту цивилизацію, можете опровергать привилегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони-русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые роднились съ первыми и, заселяя эту землю, устранивали города и слободы. Извѣстны судьбы обитателей этой земли: два раза войны обращали ее въ пустыню, а южная часть Украины населена не болѣе ста лѣтъ назадъ. Поэтому не думаю, чтобы вопросъ о земской давности могъ тутъ въ чемъ-нибудь поддерживать права народа, который, въ большей

части примѣровъ, поселялся на этой землѣ въ силу правъ, данныхъ ему наследственной шляхтою. Тѣмъ болѣе не понимаю, какъ это вы отказываете шляхтѣ въ правѣ на обладаніе землею, или лишаете ее наследства въ пользу народа.»

Такъ пишетъ ко мнѣ незнакомый корреспондентъ и приводитъ свою рѣчь къ тому, что развитіе украинскаго народа въ интересовъ шляхетскаго меньшинства въ западной Украинѣ не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человечества, и что судьбы югозападной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ они были неразлучны въ прошедшемъ.

Прежде, чѣмъ подвергну безпристрастному разбору выписку изъ его письма, считаю нужнымъ заявить, что о прошедшемъ нашемъ мы, Украинцы, судимъ по своему, и понятія наши объ историческомъ правѣ не совпадаютъ съ понятіями шляхетско-польскими, а будущаго мы себѣ не чертимъ опредѣлительно, какъ дѣлаютъ Поляки, не чертимъ по той простой причинѣ, что въ будущемъ все зависить отъ множества непредвидимыхъ явленій и комбинацій. Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ-себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обусловливаются его внутренними достоинствами. Не говорите намъ, гг. Поляки, что вы, какъ сословіе цивилизованное въ западной Украинѣ, можете вести дѣло народное впередъ, что вы, какъ потомки людей политическихъ, замѣните намъ недостатокъ понятій гражданскихъ, etc. etc. До тѣхъ поръ, пока мы сами собою не придѣмъ къ убѣжденіямъ, похожимъ на ваши, мы для васъ — или безжизненная, апатичная масса, или — толпа фанатически враждебная. Вы любите свой языкъ, свои преданія народныя. Позвольте и намъ замять своимъ языкомъ и изученіемъ всего того, что съ нами когда-либо происходило. Вы любите свой языкъ за то, что онъ развитъ великими писателями, а свои преданія за то, что они исполнены славныхъ воспоминаній и героическихъ бѣдствій. Предоставьте же намъ сравнитель-

но незавидное право — любить свою прстонародную рѣчь, какою былъ когда-то и вашъ развитой уже языкъ, и углубляться въ воспоминанія о нашемъ политическомъ и гражданскомъ ничтожествѣ, которое нѣкогда, во времена вами забытыя, было и вашею участію. Вы много вѣковъ ужъ играете роль видную; мы не играемъ такой роли. Но поддались ли вы преобладавшей нѣкогда тевтонской народности, будучи невѣжественны и слабы? Нѣтъ, при всемъ своемъ тогдашнемъ варварствѣ, вы захотѣли быть Поляками, и устояли на своемъ. Какъ же это вы желаете, чтобы народъ не того языка, характера и даже не той религій, что вы, слиялся съ вами во имя польской цивилизаціи? Зачѣмъ вы вовлекаете только-что пробуждающійся изъ многовѣковаго оцѣпененія народъ въ игру, которой исходъ вамъ самимъ неизвѣстенъ? Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутренніи наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше. Вы рассчитываете на племя иноязычное, инохарактерное, иновѣрное. Очевидно, что ни нашъ политическій возрастъ, ни наши понятія о томъ, что такое вы и мы, не сходятся. Мы не ищемъ союзниковъ, какъ вы; намъ они не нужны. Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и не достойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы. Въ нашихъ усиліяхъ — познать себя вы намъ не союзники, а другіихъ усилій мы не имѣемъ дѣлать. Это значить, что ваши нынѣшнія потребности могутъ возникнуть для насъ нескоро. О чемъ же вы хлопчете? Намъ ваши попеченія объ украинской Руси тягостны, потому-что всякое усердіе требуетъ благодарности, а благодарить васъ намъ не за что: вѣдь вы собственно о себѣ хлопчете и, еслибъ могли обойтись безъ насъ, то, вѣрно, и не вспомнили бы о нашемъ существованіи. Что за симпатія такая къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: *rsia krew!* Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются. Это можно видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльныхъ личностяхъ. Доказательствъ вашей симпатіи вы не представили даже и въ 1855 году, когда былъ случай — не говорю сдѣлать намъ пользу (пользы не могло выдти изъ вашей помощи), но дружески, человѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело. Не прошло и десятка лѣтъ — уже вы родные братья украинской Руси! Нѣтъ, и въ одножъ нашемъ предположеніи, что мы вамъ повѣримъ, таятся уже свойственное шляхтѣ отъ вѣковъ

пренебреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ. Судьба ваша была ужъ, и долго была, въ вашихъ рукахъ. Наша судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. Доживъ до идеи самосознанія, мы впервые почувствовали себя творцами нашей будущности. Дайте же намъ утвердиться на своемъ основаніи, не сбивайте насъ съ него политическими системами. Вы сами низвели себя до нынѣшняго своего положенія; сами извольте и возвышаться, а мы вамъ не помощники.

Что касается до обвиненій и сѣтованій моего незнакомаго корреспондента, то въ нихъ много правды, когда смотрѣть глазами польскаго шляхтича, и мало, когда смотрѣть глазами антишляхетнаго Украинца. Взглядъ каждаго народа, каждаго сословія и каждой отдѣльной личности усваивается опытами прошедшаго, каково бы оно ни было. На основаніи этого взгляда, народы, сословія и единичныя лица устанавливаютъ свои отношенія другъ къ другу. Ошибки, свойственныя той и другой сторонѣ, по пословицѣ: *всякая рука къ себѣ крива*, исправляются теченіемъ жизни, или караются силою вещей. Вѣчно и вѣчно идутъ позвы, суды и пересуды, пока неутомимое чувство правды не успокоится или сознаніемъ своей несостоятельности, или пассивною покорностію неодолимой силѣ, или отдаленными надеждами восторжествовать при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Рѣшать въ данный моментъ, кто правъ, кто виноватъ, могутъ посторонніе, но никакъ не тяжущіеся. Поэтому писатель, защищающій права своего народа, естественно долженъ мало разсчитывать на противную сторону. Его прямое дѣло — утвердить свою сторону въ ея понятіяхъ, такъ какъ, при всей, кажущейся со стороны, несправедливости этой цѣли, въ достиженіи ея вся его надежда. Такимъ образомъ, признавая за своимъ корреспондентомъ право говорить отъ лица народа, котораго онъ — живой, мыслящій членъ, прошу его дать и мнѣ право выражать мнѣнія моего народа настолько, насколько я связанъ съ нимъ общими ему и мнѣ понятіями. Если оба наши народа устоятъ на высказанныхъ нами начзлахъ, между ними произойдетъ все то, что обыкновенно происходитъ между притязающими на извѣстныя права сторонами, а сила вещей будетъ ихъ верховнымъ судьей безъ апелляціи. Тужить объ этомъ нечего, потому что исторія не представляетъ никакого моральнаго и матеріальнаго завоеванія безъ тяжкихъ усилій и великихъ жертвъ. Всякая сила стремится занять принадлежащее ей мѣсто; равновѣсіе же между силами поставлено общими для всего міра закономъ. Оно будетъ отыскано и нашими потомками изъ естественнаго общаго стремленія къ самосохраненію.

Теперь приступимъ къ разбору того, что я старался перевести изъ безыменнаго письма въ возможной полнотѣ.

Говоря *мы*, авторъ письма конечно, разумѣетъ самую просвѣщенную часть польскаго общества. На этой части не лежитъ упрекъ подавленія нашихъ стремленій — оживить нашъ дремлющій народъ посредствомъ грамотности, улучшенія его быта и пробужденія въ немъ нравственнаго сознанія. Что касается до Поляковъ, цивилизованныхъ только посредствомъ фрака и бѣлыхъ перчатокъ, то прошу автора вспомнить статью одного изъ парижскихъ журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣрамъ прибѣгли кіевскіе Поляки для подавленія первой *Грама́тки* на украинскомъ языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихотвореній Шевченка и другихъ воспитательныхъ для Украинскаго народа книгъ, въ брошюркахъ, прямого и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣстной шляхты? Вспомнимъ также поднятую ею поживовски возню по поводу погребенія нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ и все то, что до сихъ поръ происходитъ въ Кіевѣ между представителями украинской и польской народности. Доходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печальной истинѣ, что значительная часть дѣятелей польской народности въ Кіевѣ состоитъ изъ прямыхъ наследниковъ іезуитовъ XVII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы Кіевляне были униатами и католиками. Во все время нашего политическаго существованія, не было ни одного случая, чтобы мы, Украинцы, пытались, посредствомъ воспитанія или религій, сдѣлать Поляка Украинцемъ; тогда какъ вы, гг. Поляки, съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго дня не перестаете хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что бы то ни стало. Мы cadaго, кто пересталъ быть Украинцемъ, извергали изъ своей народной среды, назвавъ его *Ляхомъ*, *недолшкою* или *перѣвертнемъ*; тогда какъ вы готовы были всосать въ свою націю самыхъ презрѣнныхъ нашихъ отступниковъ и измѣнниковъ, изъ любви къ несчастной политической системѣ, которую проповѣдуете, не смотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра (разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей).

Что касается до вашего сочувствія, то оно не того рода сочувствіе, которое могло бы насъ радовать. Говоря вообще, Полякъ сочувствуетъ въ нашей словесности только тому, что подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Мы для него всё еще козаки, встрѣчающіе на окраинѣ Польши первый порывъ, первый натискъ врага

Рѣчи Посиолитой. Лишь только дѣятельность наша выходитъ изъ этой узкой рамки, она безпокоитъ Поляка и кажется ему щелѣною. Чтобы выразить мою мысль яснѣе, укажу на то, какъ, подъ вліяніемъ патріотическаго стремленія въ одну только сторону, великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ известнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось всё выше и выше. Такъ часто судятъ Поляки и объ украинскіихъ писателяхъ. У нихъ, въ собственной литературѣ, существуетъ цѣлый украинскій отдѣлъ, котораго альфа Мальчевскій, а омега — Богданъ Залѣскій. Первые стихи поэмы Мальчевскаго, по ихъ мнѣнію, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: «Куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ поляхъ? не врага ли настагаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданье?» и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: «Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану.» Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но у него они выходятъ никакъ не лучше тѣхъ картинокъ, какія часто попадаются на нотахъ польско-украинскихъ виртуозовъ, любящихъ украшать свои произведенія пляшущими и конными козаками. Украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; Украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ Поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польскою литературою. У Поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся Полякамъ украинскими, что историкъ Запорожской Січи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народныя думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о расцѣтѣ издателя на сочувствіе польской публики. Пѣсни Падурѣ распространены по Днѣстру и Бугу между напорными панскими козаками и чиншовой шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульныхъ пановъ-холостяковъ, покровительствующихъ простонародной пѣсенности и подражающихъ созданнымъ въ воображеніи Запорожцамъ. Всё таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣ-

тилъ въ Украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они стонутъ отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность Поляковъ быть съ ними за панибрата. Печальный фактъ представляетъ безуспѣшность босоногихъ шляхетскихъ мисіонеровъ XVII и XVIII вѣка, ходившихъ изъ села въ село и проповѣдывавшихъ народу ученіе вѣры въ католическомъ духѣ: народъ отвѣчалъ шляхтѣ на проповѣди Кошівщинною; еще печальнѣе эти попытки побрататься съ Украинцами во имя его козачества, перелицевавшаго наизнанку! Я польское и я украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что Полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру Украинца, а Украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные престоавители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и пѣз любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бестѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа.

Авторъ письма напрасно говоритъ, что Поляки всегда сочувствовали «благороднымъ побужденіямъ», управлявшимъ нами въ нашихъ трудахъ. Эти слова справедливы только въ такомъ случаѣ, если къ словамъ *благородныя побужденія* прибавить слова: *по мнѣнію Поляковъ*. Ни одинъ народъ не сознаетъ себя подлымъ. Каждый народъ подвизается за свою правду, но эта правда для другого, соперничающаго съ нимъ народа — неправда. Благородные подвиги одного народа опровергаются гремящими батареями другого, и если одинъ батарея уничтожатъ другія, то за благородство подвиговъ побѣдитель раздѣетъ въ побѣжденномъ народѣ не лавровые, а скорѣе терновые вѣнки. Развѣ признавали Поляки XVII вѣка благородство за Хмельницкимъ и его сподвижниками? а между тѣмъ козаки имѣли, въ собственномъ мнѣніи, такое же право на благородство, какъ и Вишневецкій съ королевскою шляхтою. Мы наследники того, что сдѣлали для насъ взбунтовавшіеся противъ магнатовъ козаки; почему же намъ не думать, что, опровергая польско-шляхетскія тенденціи, мы поступаемъ такъ же благородно, какъ и они поступали, когда крушили матеріальную силу магнатовъ? Чтобъ сочувствовать благороднымъ побужденіямъ нашихъ трудовъ, надобно понимать ихъ благородство въ безусловномъ значеніи. Иначе — мы въ глазахъ

вашихъ то самое, что были козаки въ глазахъ автора извѣстной брошюры: »O kozakach, iesli ich znieść, czy nie, discours.« Убѣдись въ невозможности уничтожить козаковъ *до насъ*, политикъ XVII вѣка рѣшился ихъ терпѣть. Точно такъ, можетъ быть, и вы, господа, потому насъ терпите и щите съ нами союза, что не можете насъ уничтожить; въ противномъ случаѣ, едва-ли признали бы благородство нашихъ побужденій даже и на половинныхъ условіяхъ. Мы, напримѣръ, откровенно скажемъ, что не признаемъ особеннаго благородства за вашими тенденціями колонизовать западную Украину, но даемъ право вашему народному згонамъ. Вамъ свойственно желать, чтобы Польша была даже и тамъ, гдѣ ею только изрѣдка пахнетъ; попробуйте, сможете ли вы это сдѣлать съ Украиной, которую вы нѣкогда предполагали заселить чужестранцами, истребивъ и разогнавъ туземцевъ, которую обратили-было почти въ пустыню и которую теперь склоняете содѣйствовать возстановленію прежней Польши. Что касается до насъ, то борьба нашихъ предковъ съ вашими предками, часто слѣпая и нелѣпая, но въ общемъ необходимая для нашего самосохраненія, не пропала для насъ безслѣдно. Если вы — смиренные и озаренные духомъ вѣка шляхтичи, то и мы — дышашіе новою, современною жизнію козаки. Если для васъ дороги мѣста, на которыхъ ваши предки торжествовали, то и для насъ дороги мѣста, за которыхъ ваши предки гибли. Вы внесли, говорите вы, въ нашу сахарскую хату европейское просвѣщеніе. Спасибо вамъ за трудъ, хотя вы вносили его собственно для себя; но если бы даже и для насъ, то всё-таки хата — *наша* и вы въ ней — *чужіе*. Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію и собственно для себя, для блага своей земли, а не для поддержанія переформированной вами по проэктору 3-го мая 1791 года, по неосуществимой, системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами »jedność i równość«, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политически-соціальныхъ плановъ; мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣжденій. Если вы цѣните благородство управляющихъ нами побужденій, зная все это, то вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на собственные внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои.

Авторъ письма говорить о превращеніи, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ. Въ чемъ должны мы видѣть это превращеніе? не въ сочиненіяхъ ли польскихъ эмигрантовъ? не въ тѣхъ ли утопіяхъ колонизованія русскихъ областей, которыми онъ болѣзненно бредитъ? Мы знаемъ, каковы были свободные Поляки. Ихъ настоящее положеніе внушаетъ намъ участіе; но мы никакъ не поручимся, что, съ возвращеніемъ бѣльшей свободы, не возвратится старый польскій духъ, подъ иными формами. Въ этомъ сильно заподозриваютъ ихъ въ нашихъ глазахъ эти дикія мечты, которыя мы и читаемъ въ польскихъ писаніяхъ, и слышимъ изъ живыхъ польскихъ устъ, — мечты о расширеніи Польши по Смоленскъ и Двѣпръ, о предводительствѣ Славянскимъ міромъ, о политическомъ мессіанизмѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще. Люди, до такой степени не завоевательные, какъ мы, желающіе каждому быть, чѣмъ онъ хочетъ и какъ ему угодно, должны отшатнуться отъ сосѣда, который проситъ развязать ему руки. можетъ быть, съ готовымъ уже планомъ повернуть подъ себя освободителей.

Изъ этого корреспондентъ мой долженъ убѣдиться, что современная Польша намъ не безызвѣстна, что мы ее не воображаемъ такою, какою она была въ XVII вѣкѣ, но при всемъ томъ не имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ удостовѣрились бы въ ея превращеніи. Я готовъ думать, что мой корреспондентъ самъ по себѣ — почтеннѣйшая личность и что кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ представителей новой, преобразовавшейся Польши; но поручится ли онъ, что его гуманныя идеи относительно Украинскаго народа, это признаніе правъ равенства, это желаніе братскаго единства, будутъ закономъ для большинства? Въдъ и въ XVII вѣкѣ были люди, въ самый разгаръ козацкихъ войнъ, совѣтовавшіе сейму предоставить козакамъ въ ихъ земли и обществѣ полную свободу управленія. Я самъ нашелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ между рукописями Петербургской публичной библіотеки и напечаталъ въ приложеніяхъ къ одной изъ моихъ думъ (*Основа*, за октябрь; 10-е прим. къ *Дунайской Думѣ*). Но извѣстно, какъ разошлось въ XVII вѣкѣ самое дѣло съ этими *ria desideria*. Кто поручится намъ, что мой почтенный корреспондентъ и его пріятели не будутъ вопіять въ пустынѣ посреди возстановленной Польши? Увѣщанія, которыми онъ меня почтилъ, сами по себѣ трогательны; но мы въ нихъ не слышимъ голоса всего *шляхетскаго народа*, а еслибъ и слышали, то, помня хорошо прошедшее и

не видя ничего убѣждающаго въ настоящемъ, мы бы заткнули уши и пошли своимъ путемъ.

О томъ, что народу Украинскому теперь хорошо у Поляковъ-земле-владѣльцевъ, я не могу распространяться, потому что долженъ быть бы войти въ несовѣмъ удобныя для печати историческія подробности изъ недавняго времени, но спрочу: любить ли вообще народъ польскую шляхту въ западной Украинѣ? Нѣтъ, и сами вы говорите, что будто бы мы «старася поддерживать въ народѣ *ненависть* къ шляхтѣ.» Вы говорите, впрочемъ, что этой ненависти больше въ нашихъ сочиненіяхъ, нежели въ сердцахъ народа. Откуда же вошла она въ наши сочиненія? Вы забываете, что состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую. Народъ нашъ не пойметъ политики; онъ способенъ сочувствовать только тому, что составляетъ его повседневность. Если наши поэмы и думы о старыхъ временахъ, о временахъ его страданій отъ польской шляхты, живо его интересуютъ, значить въ сердцѣ у него есть чувства, а въ головѣ преданія, соответствующія этого рода поэзіи. Да и чѣмъ это вы воображаете поэта, говоря, что онъ долженъ залечивать старыя раны? Вѣдь поэтъ есть не что иное, какъ прямой продуктъ народнаго чувства, народныхъ понятій. Какимъ же образомъ онъ можетъ выражать не то, что ему внушаетъ жизнь его народа и чего жаждетъ его народъ? Залечивать раны! — да развѣ Миккевичъ залечивалъ ваши раны? Почему же долженъ залечивать ихъ Шевченко? Да сами они были вопіющими ранами своихъ народовъ, сами болѣли сердцемъ такъ, какъ ихъ народы! Нѣтъ, всѣ страданія и всѣ торжества своей націи долженъ сливать поэтъ въ своей пѣснѣ и посредствомъ прошедшаго будить настоящее. Пикто въ этомъ случаѣ не подержитъ моихъ словъ больше вашего Миккевича.

O wieści gminna, ty arko przymierza
 Między dawnemi i późnemi czasy,
 W tobie lud składa broń swego rycerza,
 Swych myśli prędze i swych uczuć kwiaty.
 Arko! tyś żadnym nie złamana ciosem,
 Póki cię własny twój lud nie znieważy.
 O pieśni gminna! ty stoisz na straży
 Narodowego pamiątek kościoła;
 Z archanielskiemi skrzydłami i głosem,
 Ty czasem miewasz i broń archaniola....

Вспомните еще дальнѣйшіе стихи:

A jeśli podle dusze nie umiecia
 Karmić ja żalem i poić nadzieją...

Вотъ что говоритъ поэтъ, поддержавшій польскую народность лучшимъ ея выраженіемъ и увѣковѣчившій память о существованіи Польши. Мы не обвиняемъ его въ народномъ фанатизмѣ, а вы, едва слышали нѣсколько свободныхъ звуковъ украинской бандуры, уже боптаете за свое будущее, уже видите противъ себя въ рукахъ народа ножи, уже требуете, во имя цивилизаціи, замолчать о кровавыхъ преданіяхъ старины украинской. Этимъ самымъ вы осуждаете свою народность больше, чѣмъ мы въ своихъ стихахъ и прозѣ. Что это за законное и прочное положеніе шляхты среди Украинскаго народа, когда она боится его воспоминаній, затуманенныхъ вѣками безграмотности? Что это за терпимость шляхетская, когда просвѣщеннѣйшіе люди обращаются съ упреками къ автору, которому, по ихъ мнѣнію, народъ будетъ живо сочувствовать, и убѣждаютъ его замолчать о томъ, что составляетъ единственное достояніе Украинца? Корреспондентъ мой, въ другомъ мѣстѣ своего письма, говоритъ, что польскую шляхту «поддерживаютъ преданія, права, просвѣщеніе, родовое мужество и доблести» и что, потерявъ польскую шляхту, Украинцы «потеряли бы вмѣстѣ съ нею ту степень цивилизаціи и тѣ историческія преданія, которыми она обладаетъ исключительно.» Мы увѣрены, что битвы съ Хмельницкимъ также входятъ въ число преданій шляхты. Отчего жъ эти преданія принадлежать ей одной исключительно? Почему намъ не дано права помнить хоть то, какъ насъ Ляхи били, если ужъ мы лишены права вспоминать, какъ мы ихъ побѣждали? Странное дѣло: поднимается въ XVII вѣкѣ украинское простонародье подъ предводительствомъ Павлюка, пять тысячъ падаетъ въ одной битвѣ, и событіе это считается до такой степени темнымъ, что просвѣщенный Полякъ XIX вѣка упрекаетъ своего современника Украинца, зачѣмъ онъ вспоминаетъ о немъ въ стихотворной думѣ? Были же какія-то причины со стороны шляхты, заставлявшія земледѣльческій народъ сказать: «лучше смерть, нежели золь животъ!» Былъ же какой-то жизненный смыслъ въ этомъ событіи, если Украина, въ то время сравнительно малолюдная, теряла за одинъ разъ по пяти тысячъ убитыми, изъ ненависти къ своимъ колонизаторамъ! Было, видно, за что сражаться съ шляхтою, когда все Заднѣпріе, главное жерло возстаній народныхъ, превратилось буквально въ пустыню послѣ Дорошенка!... Прошло лѣтъ около двухъ-сотъ, народъ, размножившійся на кровавыхъ пепелищахъ, на мѣстахъ гибели предковъ, желаетъ знать, за что гибли предки; желаніе его удовлетворяется самымъ естественнымъ образомъ, къ историческимъ думамъ присоединяются современ-

ныя свидѣтельства самихъ Поляковъ, — и это называютъ дѣломъ лукавымъ, дѣломъ недостойнымъ просвѣщеннаго вѣка! Что жъ, послѣ этого *Spięwy historyczne* (историческія пѣсни), Нѣмцевича?.. Нѣтъ, судья тутъ одинъ народъ, для котораго эти думы пишутся. Если онъ имъ сочувствуетъ, онъ этихъ даетъ имъ значеніе жизненное, и какъ бы ни огорчилось ими маленькое меньшинство изъ своихъ личныхъ видовъ, преданіе о старинѣ не умолкнетъ. Если нынѣшняя шляхта не похожа на старинную, пусть она это докажетъ, пусть она заставитъ народъ забыть, что это потомки тѣхъ «душмановъ», о которыхъ писалъ Павлюкъ, возбуждая поселянъ къ возстанію; пусть она сольется съ народомъ въ нераздѣльное тѣло, которое одно бы чувствовало и одного желало. Это лучший способъ заставить народъ позабыть старые счеты съ шляхтой. Польша для него отодвинется тогда за черту Руси, и не пойдетъ нашъ народъ безъ вызова напоминать ей времена Павлюка и Хмельницкаго. Но иначе судить польско-украинская шляхта. Вмѣсто того, чтобы слиться самой съ Украинцами, она хочетъ слить Украину съ Польшей и ополячить потомковъ тѣхъ козаковъ, которые дали имъ такой жестокий урокъ за посягательство на народную волю. Они говорятъ, что по крови они съ нами одно и то же; а кто выдумалъ слова: *psia krew*? Они говорятъ, что они съ нами одно и то же по заслугамъ; — передъ кѣмъ? Народу не служилъ никто въ XVII столѣтіи, — ни даже наши гетманы, а если мы служили шляхетскому сословію, то давно въ этомъ раскаялись. Увѣряютъ они, что мы вмѣстѣ приносили жертвы. Нѣтъ, что было съ нашей стороны жертвою, то со стороны шляхты чистымъ выигрышемъ. Если же приносила шляхта нашему народу жертвы, то развѣ со слезами на глазахъ, — со слезами злости, стыда и сожалѣній о потерѣ всякихъ крулевщизнъ и не-крулевщизнъ. Увѣряютъ они, наконецъ, даже въ томъ, что они тѣ же Русины. Почему же они говорятъ въ своихъ семействахъ попольски, проповѣдуютъ ненавистный народу папизмъ и тянутъ всю Украину къ Польшѣ? Русинъ у польской шляхты значить *живущій въ Руси*, все равно какъ Мазуръ значить *живущій въ Мазовіи*. Будучи Русиномъ, онъ такой же Полякъ, какъ и Мазуръ, будучи Мазуромъ. А по нашему, кто Русинъ, тотъ ужъ не Полякъ, и кто Полякъ, тотъ не Русинъ. Живутъ Поляки въ Украинѣ давно и всегда были чужими для народа, потому что поднимали его интересы своимъ собственнымъ. Пока они не отрекутся отъ имени польскаго и отъ мертвящаго всякую жизнь папизма, пока не назовутъ себя *Украинцами* въ нашемъ значеніи слова, до-тѣхъ-поръ она будутъ, въ гла-

захъ народа, пришельцы, иностранцы, однимъ-словомъ — чужіе, и судьбы наши не будутъ ихъ судьбами.

Въ сочиненіяхъ нашихъ мы не заводили еще рѣчи объ аграрномъ законѣ; но шляхта польская видитъ уже для себя опасность и съ этой стороны. Мы только скажемъ, что, называя своимъ отечествомъ Польшу, а себя потомками старорусскихъ родовъ, она сама опредѣляетъ на будущее время права свои на то, чѣмъ владѣетъ наследственно въ Украинѣ. Мы не касаемся вопроса о сословіяхъ, не говоримъ также о томъ, чтобы, какъ выразился мой корреспондентъ, накрыть всю украинскую Русь исключительно простонароднымъ туловищемъ: это покажется не наше дѣло; но мы не можемъ допустить мысли, чтобы душою нашего народа могли быть иностранцы, называющіе себя Русинами только въ полемическихъ статьяхъ. Мы предполагаемъ въ народѣ его собственную—не-шляхетскопольскую—душу. Если опъ не мертвая масса, то въ немъ откроется все, что необходимо для его дальнѣйшаго развитія. Такимъ-образомъ мы вовсе не дорожимъ присутствіемъ въ Украинѣ непрошенныхъ цивилизаторовъ ея и не сомнѣваемся, что безъ ихъ участія дѣло наше пошло бы вѣрнѣе. Но цивилизаторы наши никакъ не хотятъ обойтись безъ насъ и усердно набиваются съ своими благодѣяніями, въ которыхъ мы не нуждаемся. Въ нашихъ рукахъ, говорятъ они, просвѣщеніе и деньги, а у васъ нѣтъ ни того, ни другого; что вы безъ насъ сдѣлаете? Если мы захотимъ что-нибудь сдѣлать завтра, то, конечно, мудрено обойтись безъ того и другого; но вѣдь мы не такъ нетерпѣливы, какъ воображаютъ Поляки, а просвѣщеніе и деньги не есть нѣчто доступное однимъ и недоступное другимъ. Время даетъ народамъ то и другое при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и на самыхъ скудныхъ и тѣсныхъ пространствахъ земли. Вы—по-вашему—просвѣщенное и богатое общество XIX вѣка, а мы будемъ такимъ обществомъ, можетъ быть, въ XX. Изза этой разницы не стоить сворачивать съ своего яснаго пути на чужой, призрачный.

Корреспондентъ мой, воображая, что мы довольны нынѣшними взаимными отношеніями украинскаго народа и польской шляхты, и что мы уважаемъ глухую дѣятельность польскихъ политиковъ послѣдняго времени, спрашиваетъ меня съ упрекомъ: »Зачѣмъ же, зная обо всемъ этомъ, вы пишете думы, возбуждающіе давнишній народный фанатизмъ и представляете насъ народу не такими, каковы мы теперь, а такими, какими были нѣкогда?« Отвѣчаю: потому пишу я думы, основанныя на событіяхъ старины украинской, что воспоминанія о нихъ меня воодушевляють. Въ глазахъ Поляковъ, любовь народа къ такъ-называемымъ гайда-

мацкимъ пѣснямъ (отъ Наливайка до Гонты) есть фанатизмъ, а въ нашихъ глазахъ это дѣло столь же законное, какъ и любовь Поляковъ къ собственнымъ историческимъ преданіямъ. Поляки, кара я ожесточенный ими народъ за возмущенія, превратили Украину въ пустыню, заставили козаковъ собственными руками выжигать свои города и села. Исторія не живетъ на пепелищахъ; она создается въ благоустроенныхъ городахъ; она пишется въ безопасныхъ книгохранилищахъ. Тамъ, гдѣ листки лѣтописей и документовъ разлетѣлись въ вихрь пожаровъ и забытыя городскія улицы заросли дикими деревьями, тамъ живетъ одна поэзія. Она одна хранитъ отъ забвенія печальныя преданія безпомощнаго народа, и Полякамъ ли упрекать Украинцевъ за то, что они украшаютъ цвѣтами воображенія незаписанную ими во время дѣйствительности, или записанную наскоро, чтобы помнить только годы и имена? Вы написали множество подробныхъ лѣтописей и исторій. Вы не переставали писать ихъ въ то время, когда на мѣстѣ Корсуня, Черкасъ и Чигирина лежали только груды пепла. Мы, напротивъ, *jak słowik z ogniem zaiętego gmachu* (1), уходилъ съ своими пѣснями въ недоступныя для васъ мѣста, и какъ предки наши во времена андрусовскаго мира пѣли про Наливайка, такъ мы во время политическаго уничтоженія Польши пѣли про Хмельницкаго и его предшественниковъ, и поемъ до сихъ поръ. Между тѣмъ сохраненныя вашею насильственною для насъ цивилизаціею склады бумагъ очутились вдали отъ васъ и отъ насъ на сѣвер'. Въ нихъ мы находимъ забытую нашимъ народомъ старую свою исторію, и что же? Не смотря на то, что мы, читая польскія рукописи, узнаемъ ее изъ устъ нашихъ старыхъ враговъ, она совпадаетъ съ нашими народными пѣснями больше, чѣмъ съ сочиненіями вашихъ цивилизованныхъ историковъ и лѣтописцевъ. Сквозь предрасудки шляхты пробиваются чистыя понятія угнетеннаго ею народа о своихъ человѣческихъ правахъ, и даже изъ среды бурныхъ шляхетскихъ сеймовъ доносятся къ намъ голоса, оправдывавшія наши несчастныя возстанія. Не понимаемъ послѣ этого, какимъ образомъ вы даете своимъ писателямъ право утверждать польское общество въ его любви къ преданію, и не даете украинскимъ писателямъ права опираться свою народность на печальныхъ фактахъ, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ вашихъ собственныхъ бумагахъ. Вы видите, что наше простонародное общество не дожило еще до историческаго возсозданія своей прошедшей жизни. Оно только-что открыло глаза на про-

(1) Т. е. какъ соловей изъ объятаго огнемъ зданія. Стихъ Мицкевича.

шедшее и настоящее; естественно ему руководствоваться покаместъ историческою пѣснью, предоставляя только немощимъ изъ среды себя уяснять свою исторію при посредствѣ чужихъ литературъ. Мы помнимъ время, когда за пѣсню о Хмельницкомъ или другомъ героѣ козачества, Поляки бросали бандуриста въ тюрьму и лишали жизни. Я самъ, во время странствованій моихъ по убогимъ хатамъ въ западной Украинѣ, слышалъ множество разказовъ о томъ, какія были приняты мѣры польскою полиціей къ заглушенію въ народѣ памяти о давнемъ и недавнемъ козачествѣ. Слыша теперь упрекъ отъ просвѣщеннаго Поляка за историческія думы, писанныя въ народномъ духѣ, не въ правѣ ли мы заключить, что только одна невозможность удерживаетъ цивилизаторовъ Украйны отъ угашенія народнаго духа въ лицѣ писателей украинскихъ? Вы говорите, что въ этихъ думкахъ больше ненависти къ Польшѣ, нежели въ сердцахъ народа. Слѣдовательно, по-вашему, онѣ полны неправды. Какая же неправда можетъ имѣть вліяніе на живую, народную массу? Оглянитесь на свои католическія миссіи въ Украинѣ. Не смотря на всѣ вспомогательныя средства, ихъ проповѣди не произвели въ народѣ никакой перемѣны, не сроднили его ни съ католичествомъ, ни съ польскою народностію. Посмотрите на вашего Падуру, который льститъ Украинцамъ всевозможными мѣрами. Украинскіе стихи его для народа то же самое, что и польскіе стихи Богдана Залѣскаго. Будутъ ли приняты мои стихи народомъ, этого я не знаю, но не вижу ничего предосудительнаго въ моемъ желаніи оживить ими народную память, утвердить въ немъ здоровыя понятія о самомъ себѣ и о тѣхъ сосѣдяхъ, которые много разъ стлали ему очень мягко и, не смотря на то, что у него до сихъ поръ болятъ бока отъ доврчиваго спанья на польской постели, всё еще заманиваютъ его соснуть маленько.

На вторую половину вопроса моего корреспондента я долженъ отвѣчать: что мы не знаемъ довольно фактовъ, которые бы убѣдили насъ въ томъ, будто бы нынѣшніе Поляки вовсе не похожи на своихъ предковъ. Они не имѣли возможности доказать это относительно Украинцевъ цѣлою націею, тогда какъ порознь представили довольно грустныхъ примѣровъ своей шляхетской спѣси, своего равнодушія къ судьбамъ народа и даже презрѣнія къ его матеріальнымъ нуждамъ. Исчислить эти примѣры я не имѣю возможности, но исторія ничего не забудетъ. Чтобы заставить украинскихъ писателей изображать Поляковъ, каковы они теперь, надобно Полякамъ поразить украинскіе умы своими достоинствами въ такой сильной степени, въ какой ихъ предки поразили эти самые

умы своими недостатками, пороками и злодѣйствами; надобно, чтобы самъ народъ переимѣнилъ о нихъ свои понятія и, вмѣсто ненависти, которую будто бы мы только зажигаемъ, загорѣлся къ нимъ благодарною любовію. Пока это явленіе не совершится, до тѣхъ поръ не перестанутъ писатели украинскіе вызывать изъ прошедшаго окровавленныя тѣни своихъ предковъ, завѣщавшихъ потомству стоять за правду, которой они не были въ силахъ защитить отъ польскихъ магнатовъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ появились у насъ поэтическія произведенія въ пользу примиренія съ Поляками, тогда-какъ народъ еще съ ними не примирился, т. е. не увѣровалъ въ ихъ пересозданіе, то они произвели бы не больше впечатлѣнія на массу, сколько способна провазвестъ, напримѣръ, книга: «Kozaczyzna w Turcyi», изданная, лѣтъ пять тому назадъ, въ Парижѣ очень роскошно на счетъ какого-то мечтателя-эмигранта. Они были бы достоинствомъ извѣстнаго кружка и никогда бы не пошли въ массу, чуждую вашимъ политическимъ соображеніямъ. Всего лучше можно это видѣть на безчисленномъ множествѣ книгъ, издаваемыхъ въ теченіе столѣтія въ видѣ букварей, учебниковъ, басенъ, поэмъ, повѣстей, романовъ, драмъ, проповѣдей и всяческихъ иныхъ внушеній не во вкусъ и не въ духъ народа. Вся эта туча печатныхъ листовъ пронеслась надъ простолюдинами, какъ шелестящая и помрачающая воздухъ масса саранчи, и народъ остался почти при тѣхъ же чувствахъ, понятіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ до екатерининскаго времени. Даже привилегированныя сословія, принявшія на вѣру выработанныя въ академіяхъ понятія, подвергають ихъ теперь строгому пересмотру и возвращаются, въ своихъ убѣжденіяхъ, къ тому пункту, съ котораго они повернули въ сторону отъ неграмотной массы. Къ чему же пригодились бы наши сочиненія, написанныя по предвзятой системѣ, мимо вѣдома нашего народа и въ упоръ нажатымъ вѣками его убѣжденіямъ? Требовать этого отъ писателя, желающаго быть народнымъ, значитъ не уважать вдохновляющаго его сочувствія къ народу и не вѣрить добросовѣстности его наблюденій надъ народомъ. На то, чтобы сродниться съ народомъ въ словѣ и чувствѣ, онъ отдалъ лучшую часть жизни: какія же внѣшнія побужденія могутъ быть достаточно сильны, чтобы повернуть его въ другую сторону? Если мы, по мнѣнію Поляковъ, стоимъ на ложномъ пути, то имъ остается только махнуть на насъ рукой, какъ мы махнули на шляху, на ея шляхетскія преданія и на ея шляхетскія тенденціи. Наша исторія представляетъ намъ печальное утѣшеніе:

Нехай знають на всімъ свѣті,
 Якъ ми погыбали
 И, гинучи, свою правду
 Крѣв'ю записали.

Но и этого утѣшенія готова лишить насъ цивилизованная шляхта, во имя своихъ яко-бы болѣе человѣчныхъ традицій. Нѣтъ, мы не стыдимся своей исторіи, не смотря на то, что мы были варварами въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Уже одинъ фактъ, что мы не снесли насилія цивилизаторовъ Украины, оправдываетъ насъ предъ судомъ всѣхъ современныхъ народностей. Хороши были бы мы, еслибъ, въ XVII вѣкѣ, допустили деспотическому католичеству разлиться до Чернаго моря и Глухова, а въ XIX удовольствовались такими похвалами отъ польской музы, какою начинается знаменитая въ новѣйшей польской литературѣ поэма Мальчевскаго! Нашъ духъ въ XVII вѣкѣ былъ крѣпче, чѣмъ воображали его Поляки, и идеалъ нашъ въ XIX-мъ выше идеала современной польской шляхты. Если корреспондентъ мой убѣжденъ, что «вернуть шляхту съ ея исторической дороги — дѣло невѣроятное» (*zawrócenie szlachty z historycznego jej toru jest nierobowiem*), — о чѣмъ мы мало заботимся, — то почему же можетъ быть возможно для нея повернуть насъ съ нашей исторической дороги (о чемъ она заботятся сильно)? Новѣйшее просвѣщенное общество не представляетъ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ въ ряды польско-украинской шляхты, тогда-какъ самъ корреспондентъ мой указываетъ — конечно съ презрѣніемъ — на нѣсколькихъ кievскихъ студентовъ, которые *szlachciców się zararli, a chłopami nie zostali*. Да они и не желали сдѣлаться хлопами, а просто — Украинцами, объявивъ безнадежными шляхетскія тенденціи. Много ихъ или мало, по это люди, постигшіе, гдѣ возможенъ прогрессъ жизни, при нынѣшнемъ всемірномъ воскресеніи народностей, и гдѣ онъ не возможенъ. Тянуть куда-то малочисленному сословію цѣлый народъ — дѣло странное. Соединиться съ этимъ народомъ, слиться съ нимъ своими симпатіями — дѣло естественное. Украинскіе Поляки соглашаются, что они, большою частію, тѣ же Украинцы, превращенные католичествомъ и польщиизмомъ въ иную народность. Что можетъ быть натуральнѣе для просвѣщеннаго мыслителя, какъ воротиться на ту прямую дорогу, по которой шли ихъ предки, не совращенные еще іезуитами и варшавскими политиками? А впрочемъ мы обойдемся и безъ нихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Въ-заключеніе, я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколь-
ко словъ, которыя будутъ вполне понятны только моему корреспон-
денту. Подозрѣнія его на счетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей неспра-
ведливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государ-
ственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель,
какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго прави-
ла: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды, мы на-
дѣемся мирными путями: путемъ просвѣщенія и справедливости, пу-
темъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ нена-
дежными...

П. Кулишъ.

17 января, 1862.

С. Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

по поводу

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ.

Въ *Воронежской Бельдѣ*, г-жа Кохановская помѣстила статью, въ которой сравниваетъ и объясняетъ нѣсколько народныхъ пѣсень; однакожь, несмотря на остроумныя догадки, статья эта остается только одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, а мнѣ кажется, наступила уже пора серьезной разработки произведеній народа, которыя должны разъяснить многое въ его жизни.

Почему мы, изучающіе народъ, любяще его, сознавая всю важность подобнаго изученія, будучи увѣрены, что только этимъ путемъ дойдемъ до разумнаго уясненія себѣ народной жизни, — такъ мало обращаемъ на это вниманіе, и собирая тысячи пѣсень, оставляемъ ихъ сырымъ матеріаломъ, не пользуемся своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ? Откуда это молчаніе? Вялость ли это? сосредоточенье ли силъ, переработка ли внутренняя? или, просто, родная наша лѣнь?.. Но слово *лѣнь* для меня слишкомъ многозначуще. У насъ лѣнны всѣ: крестьяне на барщинѣ, чиновникъ на службѣ, литераторъ, художникъ, ученый, землевладелецъ; у всѣхъ валяется дѣло изъ рукъ и въ руки не просится.. Слово *лѣнь* тутъ не у мѣста. Это глубоко грустное явленіе — не лѣнь; такая всеобщая безгласность и бездѣйствіе не что другое, какъ нравственно беспомощность, немощь. Но пусть же раздастся живой звукъ, пусть вырвется хоть едва вынятый стонъ, — онъ наведетъ на путь, какъ вѣха, какъ тычина на мятель, хоть и занесло ее на-половину снѣгомъ.

Кромѣ бездѣйствія отъ изнеможенія, мы бездѣйствуемъ отъ неуменья взяться за дѣло; мы отвыкли отъ дѣла и наконецъ пришли къ тому, что все молчитъ, поглощенное апатіей, — не сохранивъ даже сознанья настолько, чтобъ различить дѣло отъ бездѣлья.

Но пускай же начнутъ говорить всѣ: незначѣмъ бояться промаховъ, незначѣмъ ребячески считать печатное слово то откровеніемъ безошибочнымъ, то бояться его, какъ пугала. Ошибки неизбежны, но они-то и ведутъ къ толкамъ, къ пересудамъ, — къ распахнѣ той нетронутой цѣлпы, которая встрѣчается у насъ повсюду.

Мнѣ кажется нелишнимъ — уяснить себѣ, для чего мы изучаемъ народность, что привело насъ къ этому изученію и какія послѣдствія могутъ быть изъ этого, теперь почти всеобщаго, стремленія?

Сила, влекущая всѣхъ къ изученію народа, преимущественно заключается въ томъ общественномъ переворотѣ, который поставилъ всѣхъ и каждого лицомъ къ лицу съ народомъ, въ постоянное съ нимъ столкновение. Тѣ, которые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ крестьянина, теперь обращаются къ нему, вынужденные необходимостью знать того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Иные изучаютъ теперь, изучали народъ и прежде; какъ могли и какъ умѣли. Одни изъ книгъ, другіе въ переднихъ, отъ извозчиковъ, въ лавкахъ, на большихъ дорогахъ, изъ окна багскаго дома, по проселкамъ, въ пѣзахъ и хатахъ; одни глядѣли на народъ и разсматривали его на разстояніи, другія сквозъ микроскопъ, а кто жилъ съ народомъ заодно, въ одну нуту тянулъ съ нимъ унылую пѣснь, скорбѣлъ и плакалъ по немъ горячими слезами роднаго брата. Однихъ и теперь влечетъ къ изученію народа только необходимостью, у другихъ, какъ тогда, такъ и теперь, сердце бьется однимъ съ нимъ биеніемъ, сливается въ одно чувство съ нашей братьей. Всѣ эти разнообразныя взгляды, различныя побужденія, время привело къ одному заключенію — къ потребности изучать народъ, и теперь-то можно его изучать, теперь-то надо ждать любопытныхъ выводовъ, каждому дѣлиться съ обществомъ своими выводами и наблюденіями. Мы всѣ и видимъ и сознаемъ это дѣло по-своему; каждый изъ насъ имѣетъ въ своемъ взглядѣ свой собственный оттѣнокъ, въ каждомъ оттѣнкѣ есть своя правда; натура каждого чувствуетъ и анализируетъ по-своему. Всѣ эти единичныя заключенія составляютъ одну силу или одну цифру, въ которой всякій отдѣльный знакъ, стоящій на своемъ мѣстѣ, играетъ назначенную ему роль, и не только важенъ, но необходимъ. Поэтому-то трудъ, взглядъ, мысль каждой отдѣльной личности, всякое едва сознанное ощущеніе — дороги и важны. Пишите все, съ разсужденіями или безъ разсужденій — какъ угодно, но пишите; только тогда мы узнаемъ народъ, а пока — мы его не знаемъ, или знаемъ стояко же, какъ и онъ насъ. Изученіе поведетъ насъ къ сближенію, сближеніе къ слитію, и тогда

развитіе пойдетъ лучшимъ путемъ. Мы народу необходимы, также какъ и онъ намъ. Всѣ недостатки наши — только послѣдствіе былаго; у многихъ изъ насъ не совершенно еще порвались и перегнили корни, связующіе съ родной почвой. Не на западъ наше мѣсто и не на востокъ, а здѣсь, — здѣсь и нигдѣ болѣе. Здѣсь мы крѣпче стоимъ, здѣсь мы можемъ принести пользу человѣческому развитію; только здѣсь наша дѣятельность способна проникнуть во всѣ поры жизни, только здѣсь мы вполне способны употребить въ дѣло всѣ наши силы, и вслѣдствіе этого только здѣсь мы сами можемъ вполне развиться.

Да, писать долженъ каждый: каждому долженъ быть открытъ путь къ печатному слову; каждому должна быть дана свобода высказать свое мнѣніе гласно. Печатаніе должно обратиться въ разговоръ, въ которомъ могутъ и должны участвовать всѣ безъ исключенія. Какъ поучительно для молодого поколѣнія выслушивать старческій споръ, или споръ зрѣлыхъ мыслителей, процѣживаемый черезъ опытъ, такъ точно для стараго поколѣнія и опытныхъ людей полезно слушать споръ молодежи, полный огня, порыва, идеальной чистоты и теорій, безъ уродливой и уродующей практики. Нѣтъ! Я не того мнѣнія, какъ И. С. Аксаковъ, чтобы не допускать юность на мірскую сходку, — нѣтъ, это ошибочно; всякъ пусть идетъ и толкуетъ, всякъ пусть подаетъ голосъ, и юноша, и женщина, и старецъ. Всѣ имѣютъ одни права, и зажимать ротъ юношѣ то же чинопоклоненіе, которое вы такъ презираете. Грустно и жалко встрѣтить такой деспотическій взглядъ на молодежь, такую мертвящую холодность тамъ, гдѣ думали встрѣтить привѣтъ новой жизни и воззваніе ея къ дѣятельности; но г. Аксаковъ, выступивши подъ знаменемъ народности, часто поражаетъ своими мертвящими словами, своимъ каноническимъ тономъ. Въ то время, когда мы сами начинаемъ только познать, но еще не познали, когда мы сами еще не знаемъ, какой дать отвѣтъ на вопросы времени, кто имѣетъ право говорить отъ имени каждаго изъ насъ? Теперь именно то время, когда каждый русскій начинаетъ думать по-своему и когда еще отъ насъ самихъ скрыто время, въ которое всѣ мы, одушевленные одной мыслию, проникнутые однимъ чувствомъ, заговоримъ однимъ желаніемъ. Я отказываюсь отъ многого, навязаннаго мнѣ, въ числѣ всѣхъ русскихъ; я оскорбляюсь многимъ и многимъ, приписаннымъ всѣмъ русскимъ, я наконецъ совершенно отказываюсь отъ такой любви къ народу, какую проповѣдуете вы, г. Аксаковъ. Доказывая полякамъ неосновательность ихъ притязаній, вы идете тѣмъ самымъ путемъ въ своемъ московскомъ журналѣ, недопуская воз-

возможности самобытнаго развитія южно-русскаго языка. Гдѣ же тутъ любовь? гдѣ народность?—Или вы, въ своей безпредѣльной любви къ народу, разрѣшаете себѣ даже насліе и презрѣніе его воли?!

Вы требуете, чтобы народъ развивался самъ, — слѣдовательно своими собственными силами и побужденіями. Отчего же вы презираете народный голосъ, и сливая южную Русь съ кровною и нераздѣльною Великою Россіей, въ безразличное тождество, оставляете всторонѣ—мгнѣніе объ этомъ самомъ народѣ? Или вы забыли, что русскій мужикъ, отправляясь на заработокъ въ Малую Русь, говоритъ, что идетъ въ Малороссію, къ хохламъ; а малоросъ въ свою очередь говоритъ, что онъ былъ въ Россіи, идетъ изъ Россіи, купцы изъ Россіи,—это русскіе и проч. и проч.? Какъ тотъ, такъ и другой, совершенно различаютъ себя другъ отъ друга, и каждый стоитъ за свое крѣпко.

Въ вашемъ взглядѣ я вижу не любовь, а деспотизмъ, привычку самовольнаго распоряженія, противъ котораго вы такъ негодуете. Вы, возстающій на Петра за его насильственное преобразование, вы дѣйствуете по его системѣ. Вы точно также насильственно проводите дороги, по своему личному усмотрѣнію и кабинетному мышленію; вы желаете провести желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ: *желѣзную дорогу во что бы то ни стало!* Да ваше рѣшеніе хуже Петра: у Петра была нѣмецкая государственная система въ головѣ; ему надо было во что бы то ни стало связать сѣверъ съ югомъ посредствомъ чиновничества. Онъ о простомъ народѣ думалъ, какъ о безответномъ матеріалѣ, а вы простой народъ уважаете, вы защищаете его права и — готовы распорядиться послѣдними его средствами (еслибы они были въ вашемъ распоряженіи), чтобы притянуть къ себѣ, съ помощію желѣзной дороги, ничего невѣдающихъ хохловъ не спрашивая на то ихъ согласія. У васъ нѣтъ уваженія къ народу, когда распоряжаетесь съ нимъ такъ нецеремонно. Никогда не слѣдуетъ вѣсть народъ; надо, чтобы онъ шелъ самъ, а теперь и въ особенности, потому что вы не знаете еще качествъ его, слѣдовательно не знаете, что для него лучше. До сихъ поръ онъ тщательно скрывался отъ насъ, и только теперь выходитъ на свѣтъ, только теперь для него наступаетъ *день*, — но — не *вашъ*, гдѣ презираютъ и юность и волю и національность.

Я охотно перехожу отъ вашей любви къ народолобію г-жи Кохановской. Порадуюсь тому, что женщина съ такою теплотою изучаетъ народъ, подаетъ свой голосъ въ *сромадѣ* и обсуждаетъ пѣсни такъ тепло и такъ хорошо.

Г-жа Кохановская, разбирая нѣкоторыя пѣсни изъ сборника г. Якушкина, уясняетъ ихъ вариантами малороссійскими. Но, мнѣ кажется, заключенія, которыя она дѣлаетъ, требуютъ большаго доказательства. — Напр. пѣсня на стр. 397, начинающаяся такъ:

Оцъ, похавъ королѣвичъ на погулянья,
Та я покѣнуй Марусеньку на горюванья...

привела къ заключенію, что пѣсня эта происхожденія литовскаго. Точно также и пѣсня про Ваньку-ключника доказываетъ вамъ ее литовское происхожденіе, и вы утверждаете свое мнѣніе на томъ, что въ Россіи въ то время (?) былъ извѣстенъ одинъ король: король Литовскій. Кромѣ слова *король*, доказываетъ ли еще что-либо въ этой пѣснѣ ея литовское происхожденіе? Вариантъ этой пѣсни, записанный мною, не имѣетъ въ себѣ слова *король*, но положительно указываетъ на мѣсто дѣйствія въ Вадахіи, у князя Волоханскаго.

Какъ жилъ себѣ, я охъ! князь Волоханскій,
Имѣлъ онъ себѣ дѣвухекъ, я охъ! преможество.

Далѣе, очевидно, пѣсня потеряла нѣсколько стиховъ, смыслъ которыхъ долженъ быть таковъ: жилъ себѣ Ванька-ключничокъ, да и полюбилъ онъ княгинюшку; — но на Ваньку довели:

Скажу и доведу я, охъ! князю Волоханскому,
Что Ивась ли ключничокъ я охъ! жилъ три годочка,
Зъ вірною княгинюю, охъ! да Ванька познакомился,
Онъ то скажу, то доведу ой князю, князю Волоханскому.
Охъ какъ закричитъ князь Волоханскій
Своимъ громкимъ голосомъ охъ! на своихъ на сто слуговъ закричалъ:

«Что, слуги мои вѣрные!
Охъ, возьмите лопатушки,
Лопаты зеленые,
Охъ да копайте да канавушки—
Канавы глубокія,
Охъ и урывайте столбочушки—
Столбы поточаванны,
Охъ да убивайте колечушки,
Колечки злоченыя,
Охъ да чепляйте вы гужовушки,
Охъ да гужи шолковые.
Возьмите Ванюшку, ой да подъ бѣлыя рученьки...

Подробностей всхода Ваньки на висѣлицу, описанныя такъ прекрасно въ одномъ изъ приведенныхъ вами вариантовъ, у меня нѣтъ, но слѣдуютъ стихи тѣже, что и въ первообразѣ (по вашему мнѣнію):

Ванька на релли качается.
 — Охъ да и молода княгинюшка,
 молода княгинюшка —
 Охъ да въ комнатѣ кончается...

Въ вашемъ вариантѣ, также какъ и въ приведенныхъ вами, пѣсня этимъ оканчивается; у меня слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ княгинюшка вспоминаетъ свое житіе съ Иванкомъ, и въ такихъ словахъ, которыя, безъ всякаго покрова, изображаютъ ихъ любовныя отношенія.

Пѣсня эта записана мною отъ цыгана въ Черниговской губерніи; при этомъ онъ говорилъ, что пѣсня занесена ихъ предками издалека, изъ Валахій, занесена подъ большимъ секретомъ, потому что ее запрещали пѣть, и однажды одного изъ нихъ посадили въ тюрьму за то, что онъ пѣлъ ее на ярманкѣ. Голосъ ея оригиналенъ и грустенъ. — Но нѣтъ сомнѣнія, что наберется еще нѣсколько вариантовъ, которые могутъ представить дѣло въ другомъ видѣ и пополнять пѣсню еще болѣе. Слѣдовательно, заключенія ваши о происхожденіи пѣсни остаются только догадками, точно такъ же, какъ и заключеніе о первообразахъ.

Сличая варианты пѣсенъ великорусскихъ съ малороссійскими, вы не указали на малороссійскія варианты пѣсни подъ названіемъ «*Татарскій полонь*», между тѣмъ такіе варианты существуютъ въ печати, и это особенно любопытно потому, что пѣсня эта есть также и въ средней и восточной полосѣ Россіи; вездѣ она равно хороша, вездѣ свѣтится первообразомъ. На всемъ юговосточномъ протяженіи Россіи были одни и тѣже столкновенія пограничныхъ жителей съ татарами, и драма, выраженная въ пѣсни *Татарскій полонь*, могла случиться вездѣ и послужить поводомъ къ созданію этого повѣстическаго произведенія; но гдѣ именно она создалась, едвали, пока, можно указать безошибочно. Напѣвъ могъ бы навести на первообразъ, но въ известныхъ мнѣ вариантахъ напѣвъ гармонируетъ вполне съ словами и носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Мотивъ ея, въ средней Россіи, сохранилъ въ себѣ ясно свой срединный характеръ, а на востокѣ въ немъ слышатся татарскія звуки. Сравнивъ только эти три варианта, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, который изъ нихъ назвать первообразомъ? Какъ нельзя указать первообраза въ этой пѣснѣ, такъ точно почти и во всѣхъ другихъ. Первообразовъ мы еще указать не можемъ; средства наши недостаточны, да къ тому же и тотъ матеріалъ, которымъ пользуемся — неразработанъ. Множество пѣсенъ, находящихся въ сборникахъ велико-

русскихъ, и которыя великороссіане считаютъ своими собственными произведеніями, не могутъ назваться ихними потому, что варианты этихъ пѣсенъ находятся у Южноруссовъ и точно также считаются ими своею принадлежностью. Пока всѣ сборники пѣсенъ, отъ портфелей ученаго до альбома деревенской барышни, не сдѣлаются достояніемъ общимъ, пока не исчерпаемъ мы до дна народныхъ пѣсенъ, пока не сличимъ ихъ, да не только въ складѣ рѣчи, но и въ музыкѣ, пока наконецъ пѣсни всѣхъ Славянъ не войдутъ въ это общее дѣло.—до тѣхъ поръ нѣтъ возможности найти первообразъ, до тѣхъ поръ всѣ наши старанія, попытки разъяснить народную пѣснь—останутся однѣми, болѣе или менѣе удачными, догадками.

Какъ рано дѣлать заключенія о происхожденіи пѣсни, о ея первообразѣ, точно также, мнѣ кажется, рано еще дѣлать *заключеніе* и о современной народной поэзіи.—Я невольно остановился надъ слѣдующей вашей фразой: »А между тѣмъ основной первоначальной звукъ этихъ, постоянно падающихъ, тоновъ народнаго творчества есть очень и очень древняя пѣсня (стр. 384).«—»*Постоянно падающихъ* тоновъ народнаго творчества«... На страницахъ *Воронежской Бесѣды* въ статьѣ М. де-Пуле, о Кольцовѣ, тоже сказано: »Что бы ни говорили о нестарѣющей живучести русской простонародной пѣсни, но она *видимо дрихлетъ и дожидаетъ свой послѣдній вѣкъ* (стр. 427.) Наконецъ припоминаю и слова Н. И. Костомарова, сказанныя имъ въ »Воспоминаніи о двухъ малярахъ« (*Основа*, апрѣль, стр. 52): »Народная Украинская поэзія *видимо* приближается къ угасанію.« Останавливаюсь надъ этими рѣшеніями и спрашиваю себя: неужели все это правда?!...

Мнѣ нехочется поддаться этимъ прискорбнымъ заключеніямъ. Почему вы, сознавшіе такъ ясно упадокъ народной поэзіи, не указали его ясно намъ, чтобъ разрѣшить наше сомнѣніе и вывести насъ изъ самообольщенія?.. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этомъ остановиться и серьезно побесѣдовать съ нами какъ о состояніи современной народной поэзіи, такъ и о причинахъ ея упадка.

Я невольно задумываюсь надъ вашимъ печальнымъ выводомъ, протѣряю свои мысли, вспоминаю пѣсни въ устахъ народа и сомнѣваюсь въ справедливости вашего приговора.

Любовь и чувство къ пѣсни еще въ полной силѣ въ народѣ. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня поется не только по привычкѣ, но и съ полнымъ участіемъ, поглощая все существо поющего. Можно ли тутъ со-

мнѣваться въ недостатокъ любви и сказать, что теперь чувство народа къ своимъ пѣснямъ падаетъ, *«пѣсня дряхлѣетъ, а первоначальный звукъ ея падаетъ»*. Пѣсни историческія, я согласенъ, современникамъ ихъ пѣлись съ большимъ пониманьемъ, хотя и теперь нельзя сказать, чтобъ ихъ не любили и не чувствовали: я часто видѣлъ плачущихъ парней, когда бандуристы имъ пѣли старинныя думы. А пѣсни семейныя? пѣсни дѣвочкия, бурлацкія, обрядныя, сиротскія, поются развѣ не такъ, какъ пѣлись, развѣ значеніе ихъ для народа устарѣло? Бездомный бурлака нашего времени также грустно затянетъ: *«Та ишовъ козаць зъ Дону»*, какъ бывало пѣлъ ее бурлака въ старину. Такая любовь къ пѣснямъ, такое ея животрепещущее пониманье успокоительно, и доказываютъ, что поэтическое чувство въ народѣ очень сильно... Но въ народѣ есть и попытки творчества. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня заходитъ далеко отъ мѣста своего рожденія и часто теряетъ первоначальный свой образъ; иногда доходитъ отрывкомъ, и что же?—погостивъ гдѣ-нибудь нѣсколько времени, она является очень часто въ новомъ видѣ, убранныя и осмысленная. Это доказываетъ, что поэтическое чувство въ народѣ доходитъ до творчества, которое не принимаетъ пѣсню въ искаженномъ и ему неопытномъ видѣ, а пересоздаетъ въ форму для него живую. Пѣсня постоянно теряетъ на пути одно, пріобрѣтаетъ другое. Не зная всѣхъ видоизмѣненій, которыя она потерпѣла во время своего странствованія, можемъ ли мы утвердительно сказать, что новѣйшія добавленія и измѣненія народа хуже прежнихъ? На чемъ мы провѣримъ свое заключеніе??

Въ пѣсняхъ каждая эпоха оставила по себѣ слѣдъ, — это правда. Но однѣ изъ нихъ дошли до насъ, другія дошли въ маломъ числѣ образцовъ, третьи въ искаженномъ видѣ, четвертыя очень не полныя, — какой же послѣ этого вѣрный приговоръ мы можемъ сдѣлать?

И когда пришелъ тотъ несчастный часъ, что народная поэзія дойдя до своего апогея, начала спускаться?!.. Древность полна поэзіи, времена Грознаго, Стеньки Разина, оставили прекрасныя поэтическія рассказы, пѣсни и мощные звуки. Время Хмельницкаго? — тоже; Петра? Екатерины? — и эти періоды оставили въ поэзіи ясный слѣдъ творческой силы!... Крѣпостное состояніе, рекрутскіе наборы хотя и тяжело ложились на народъ, но духъ творчества въ немъ еще не изсякъ, онъ живъ, и поэзія народная не умерла, она сильно напомнила о себѣ раздражающими стопами рекрутскихъ пѣсней или пѣснь крѣпака. Если не явились пѣсни въ большомъ количествѣ (это быть можетъ), то не отъ упадка поэтическаго творчества въ народѣ, а оттого, что жизнь его была

все та же и та же; однообразный ходъ ея не вызывалъ новой формы; разъ вылившись, унылые звуки, переполненные тоской, безъ измѣненія носились отъ конца до конца Россіи, всюду находя отголосокъ, сочувствіе, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ однообразное, иногда жалкое положеніе.

Мнѣ могутъ сказать, что я успокоиваю себя общими фразами, что дѣло надо высказать на чистоту, слѣдуетъ доказать примѣрами. Извольте. Наблюдая за пѣньемъ народа, не одинъ я замѣчалъ, что пѣвица или пѣвецъ иногда вставляетъ въ пѣсню такое слово, которое точнѣе выражаетъ состояніе его дула въ то время. Развѣ это сознаніе пѣсни, дошедшее до усвоенія ея собѣ, не приближается къ творчеству? Во время плачу надъ любимымъ существомъ, надъ рекрутомъ или умершимъ, развѣ стоны вырываются заранѣе приготовленные? нѣтъ, они импровизируются, и въ эту минуту творчество на самой высшей своей точкѣ. Я былъ свидѣтелемъ самаго разнообразнаго, самаго теплаго творчества дѣвчатъ, когда онѣ пѣли отъ тоски и когда каждая додавала свое слово въ общій раздирающій плачь, прерванный рыданьями. Мать, когда она утѣшаетъ ребенка, сколько въ ней бываетъ изобрѣтательности, доходящей тоже до импровизациі! А бандуристъ, представитель народной поэзіи, мой другъ Остапъ, развѣ не кладетъ всю свою душу въ думу, которую поетъ? не создаетъ въ это время новыхъ звуковъ, не прерываетъ пѣнья по вдохновенію? Онъ творитъ; избирая думу, ощущаетъ каждое ея слово, варьируетъ, выпуская, что не по душѣ въ ту минуту, добавляя тѣмъ, что вырывается изъ души: — не полны ли художественности тѣ звуки, на которыхъ онъ отдыхаетъ, — это ли не творчество?! Но мы всего этого не записываемъ, не изучаемъ, часто даже не замѣчаемъ.

Есть доказательства осязательнѣе, а именно—примѣры современной поэзіи. Привожу здѣсь тѣ *позднѣйшіи* пѣсни, которыя мнѣ извѣстны:

1.

Онъ горе, бѣда, — не Гетьманщина!
Надоучила вже вража панщина.
Я на панщину йду — торбу хліба несу,
А изъ панщини йду — дрібні слѣзп роню....
Послѣе мене панъ въ велику дорѣгу,
Въ велику дорѣгу—на степь, на сторѣжу,
Та й дає мнѣ панъ коня вороного —
Неізджаłego.

Послѣе козакъ молодого —
Небувалою.

Та и дає жь міні панъ три копійки грошей,
Щобъ було и упійтьца, та и ще и похмілїтьца,
Міні молодому ві вь чімъ не журїтьца.
Он сїна купїти, конї накормїти. И т. д. (*)

2.

Сонъ головочку схиляє,
Мїлий мїлу покидає
Та зь дрібними діточками.
»Дітки мене изсушіли,
Красоту зь лиця зміїли...
Он якъ вїйду за ворота —
Летїть воронъ свзокрілий.
»Скажи, воронъ, де мїй мїлий?»
—»Десь твїй мїлий на роббі
Та у сáхарнімъ заводї;
Он тамъ дїює, тамъ ночує,
Дзвонї дзвонють — вївъ не чує.
Вїзьме топоръ, та и майструє. (**)

3.

Иза горї вгерь вїє,
А вь долинї тїхо.
Було колись отгуть добре,
А тепера — лїхо.
За молодїхъ панївъ стáло
Трудно на роботу:
Увесь тїждень на панщїнї.
А собї вь — суббту.
А вь недїлю, до схїдъ сонца,
Вь усї дзвонї дзвонять:
Десятчїки пїдъ вїконню,
На панщїну гонять:
Чоловікамъ за неведомъ
Раєнько вставати;
Старїмъ бабамъ круїй дрáти.
Та ще и плаття прати,
Малїмъ дітямъ шїрѣ дрáти
И тютюнъ вязати...

(*) Записана вь Прилуцк. уездѣ Полтав. губ..

(**) Запис. вь Чернигов. губ. и уездѣ.

4.

Въ неділю раненько у всі дзвіни дзвонять:
 Сибірського десятчики на панщину гонять.
 «Ой годі-жъ вамъ, Рашавчане, до церкви ходити,
 Беріть мішки та лопати, идіть майдану копати!»
 Та й у тому майдані набіті кілочки,
 Та вже ходять Рашавчане глі, безъ сорочки!..
 Ой у того Сибірського біленькі оуці,
 Заплакали Рашавчане на панщину идучи!..
 Та зазичпвъ панъ Сибірський десять тисячъ гробшей,
 Да вістроївъ у Рашовці караванъ хорбший.
 Та якъ пішли, ой якъ пішли чепшовіі жбп,
 Вклонїлися Сибірському пизеньку у нбгп!
 «Ой пане же нашъ добродїю, пождї жъ намъ хочъ трбхи!»
 Та пизеньку Сибірському вклонїлись у нбгн..
 Та й насїявъ панъ Сибірський пшенїці ланами,
 Та назганївъ на панщину батьківъ изъ снами.
 Летїть крячбкъ на той бїчбкъ, та й летючі кряче:
 «За старїми, за панами вся Рашевка плаче!» (*)

5.

Наступає чорна хмїра,
 А другїя сїна,
 Не заступить синъ за батька,
 А батько за сїна.
 Женуть батька въ степь косїти,
 Сїна молотїти,
 Трїтю дбчку-панїночку —
 Тютюну садїти,
 А невістку зъ свекрїхою
 У лапъ жїта жїти.
 Сїли вони обїдати, —
 Гїркїй нашъ обїде!
 Озирнїтця позадь себе,
 Ажъ окбмомъ пде.
 Підїжджає панъ окбмонъ,
 Капчїкъ роспускає:
 «Чому, чому, Вілозїрці,
 Усїхъ васъ немає?»
 —«Окбмоне, добродїю,
 Щб маємъ робїти?
 Покїдали малїхъ дїтокъ,
 Нікому глядїти.»

(*) Подтаве. губ. Гадячскаго уїзда.

—А я велю малихъ дітокъ
 Въ ставкахъ потопити,
 Та всімъ же вамъ, Білазірцямъ,
 Въ роботу ходити.^а
 У нашої окомонши
 Червона спідниця;
 Ой влходять Білазірці,
 Якъ сходить зірниця.
 У нашого оконома
 Сивая кобіла,—
 Ой побіла Білазірцівъ
 Лихая годіна.
 У нашого Білообра
 Червоня хустка —
 Остається въ Білообра
 Не два хата пуста.
 У нашої окомонши
 У подвѣжъ мерѣжки, —
 Йдуть до-дому Білазірці,
 Якъ не видно стѣжки. (¹)

6.

Ой Содома, пане брате,
 Содома! Содома!
 Немá въ мене свіпкá жита
 Ні въ полі, ні дома.
 Було въ мене, куме, жито,
 Зелене-зелене...
 Заіхали вражі пані,
 Забрали відъ мене.
 Було въ мене, куме, жито
 Ой скрізь по-надъ річку;
 Заіхали вражі пані —
 Забрали на січку.
 Охъ пішовъ я, пане-брате,
 Плати поминати.
 А вінъ мене вбиивъ добре,
 Та й вигнавъ изъ хати.
 А що жъ маємъ, пане-брате,
 Тепѣра робити?
 Іде черга до винниці
 Весь тиждень ходити.
 Охъ пішовъ я въ понеділокъ,
 Пішовъ у вівторокъ,
 Ажъ вліхавъ панъ комисаръ,

(¹) Черниговс. губ. Борзенск уѣзда.

Давъ нагаївъ сѣрокъ.
 Ой ходївъ я увесь тїждень,
 Ходївъ до субѣти,
 Ажъ виїхавъ и самъ дїдичъ:
 «Чортъ-мá зъ васъ робѣти!»
 А въ педїлю дуже рано
 Усі дзвѣни дзвѣнять.
 Осаули съ козаками
 До вїппиці гонять.
 Отъ думавъ я, пане-брате:
 Бѣгу помолюся;
 Осаула бере за лобъ,
 Бѣе кїемъ по ушахъ.
 Въ чужїмъ селї дзвѣни дзвѣнять,
 А въ нашому тїхо;
 Въ чужїмъ селї чортма добра,
 А въ нашому ліхо.
 А наши осаули
 Знають паньску ласку:
 Зъ чоловіка деруть штанї,
 А зъ жїнки — запаску.
 Ой ходїмо, пане-брате,
 Та за крутї гѣри,
 Нехай тута вивдятця
 Крукї та ворѣп!
 Ой ходїмо, пане-брате,
 Въ степъ та въ гайдамаки, — —

Вотъ нѣсколько примѣровъ современнаго народнаго творчества. Я имѣю однакожъ полное право предполагать, что это не лучшіе образцы. Новыя пѣсни должны быть и въ чумачествѣ, ибо они создаются вездѣ, отъ мирной хаты до поселеній и острога. Народъ, оттолкнутый и униженный, не охотно дѣлится своими сокровенными чувствами, да еще съ нами. Мы не знаемъ состоянія его поэзіи, какъ не знаемъ вообще его нравственнаго развитія; доказательствомъ тому могутъ служить постоянныя противорѣчія въ сужденіяхъ о народѣ; напримѣръ: одни говорятъ, что онъ глубокой атеистъ, другіе — что онъ религіозенъ. — Когда народъ почти для всѣхъ насъ — новость, какъ же мы можемъ положительно говорить о немъ? Будемъ его изучать, вновь изучать, безъ охлажденія и усталости, — какъ изучали въ первую пору своей любви къ нему; теперь имено то время, когда мало помалу народъ высказывается тѣмъ, что онъ есть, а не тѣмъ, кѣмъ мы его считаемъ.

Теперь настала пора, когда каждый, имѣющій у себя не только тысячи пѣсень въ кабинетѣ, а хоть одну, долженъ передавать ее намъ, а не

держатъ у себя для полнаго обдуманнаго труда. Мнѣ кажется, пустивъ ихъ въ оборотъ, онъ самъ расширитъ кругъ своего взгляда и выполнитъ заданную себѣ задачу еще лучше. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что у того-то 500 пѣсень, у другого 1000, у третьяго тысяча, и чтожь?— проходятъ года, — а эти массы пѣсень все лежатъ безъ пользы. Въ этомъ дѣлѣ не худо вспомнить пословицу: *Печено сулить журавля въ небо, дай синицу — да въ руки.*

Что касается до *Воронежской Бесѣды*, то въ ней такъ много хорошаго, такъ вѣтъ отъ нея свѣжимъ сельскимъ воздухомъ, что я привѣтствую ее отъ всей души, а равно желаю всякаго успѣха и развитія другимъ изданіямъ, рождающимся во всѣхъ мѣстахъ южной, западной и великой Россіи: — это отрадно и многозначуще въ будущемъ!..

Л. Жемчужниковъ.

28 декабря, 1861 г.

ВСЕГДА ЛИ ВЪРПО СВПСТЯТЬ ВЪ »СОВРЕМЕННОСТЬ?«

И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе магригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда...
E sempre bene, господа!

Въ январской книжкѣ *Современника*, въ отдѣлѣ *Свистка*, мы прочли слѣдующія замѣтки:

»Н. И. Костомаровъ находитъ, что мы слишкомъ уже далеко пошли, и что *не худо поворотить назадъ*..... »Сейчасъ мы получили его *Тысячелѣтіе* и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что, въ настоящее время, *нѣтъ никакого движенія*, а лишь только иражъ движенія, иллюзія, обманъ; что и передовыхъ людей—*людей идей*—*вовсе нѣтъ*, а есть передовые люди *моды*—личности наиболѣе неспособныя и пустыя. *Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе*, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ.... »Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять модную фразу: »впередъ!« — лучше: »назадъ!« »Даже—назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ.«

Кто думалъ видѣть въ *Свисткѣ* серьезную, правдивую мысль, тотъ на этотъ разъ сильно ошибся. На этотъ разъ, *Свистокъ* до избытка преисполненъ самовосхваленія и — клеветы: сказанія его о *Тысячелѣтіи*, которое по его словамъ, будто бы написано »въ стилѣ яростно-возвышенномъ« (у Костомарова — стиль »ярко-возвышенный« !? Какой вздоръ!) не заключаютъ въ себѣ ни внутренней, ни даже внешней, правды. Статья г. Костомарова, изъ которой выхвачено и извращено нѣсколько выраженій, имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой ей приданъ *Современникомъ*: стоить прочесть ее, чтобъ убѣдиться въ неправдѣ *Свистка*. Г. Костомаровъ не возражалъ *Современнику*, а это было нужно; ибо, къ сожалѣнію, въ нашъ — по видимому — критическій и скептическій вѣкъ, еще слишкомъ много людей, —

которые рабки, по принципу, поддаваясь чужому уму, часто принимают на веру то, что съ умысломъ или совершенно извращается, или представляется въ невѣрномъ свѣтѣ.

Авторъ *Свистка*, г. Зоіопъ, такъ же оригинально поступилъ и съ статьями *Основы* по поводу слова *жидъ*, какъ и съ *Тысячелѣтіемъ*, г. Костомарова: онъ или вовсе не читалъ ихъ, или прочиталъ такъ какъ ему было нужно, чтобъ показать, будто есть варвары, которые еще сомнѣваются: — брать ли съ собою (если идти впередъ) все безчисленныя національности, входящія въ составъ русскаго народа, — напр. Евреевъ... Мы почти увѣрены, что г. Зоіопъ не читалъ нашей статьи, (*Основа*, июнь, 1861 г.), вызвавшей *Сіонъ* на патріотическій подвигъ... Какъ ни усомнились мы въ правдивости *Свистка* послѣ поступка съ г. Костомаровымъ, но на-столько вѣримъ г. Зоіопу, что — думаемъ — если бы онъ прочелъ то, что дѣйствительно напечатано въ *Основѣ*, то не рѣшился бы отнестись къ намъ выписаннаго выше вопроса. Къ повтореніямъ, съ чужаго голоса, мы вообще привыкли; мы не удивлялись бы этому и въ *Свисткѣ*, и не остановились бы на его толкахъ по поводу Евреевъ, толкахъ, ничего не объясняющихъ и не рѣшающихъ; но насъ поразила надменность, съ которой *Свистокъ* отнесся къ *Основѣ* вообще: «*Основа* родилась недавно... да и что *Свистку* за дѣло — какъ думаетъ о разныхъ предметахъ *Основа*? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ! Не возражать же противъ всякаго...» О *Свистокъ*! о *Олимпіецъ*! вотъ гдѣ оно — барство-то! подъ покровомъ свисту — журнальное барство — самое чванное и — самое противное!... Печальный, старческій признакъ... Для собственнаго спасенія, *Свистку* слѣдовало бы отнынѣ же хорошенько запомнить украинскую пословицу: «*зто високо літає, той нязько сидає*». Право, это и для свисту полезно: слишкомъ высоко возьмешь, — смотри — и оборвешься. Вотъ и теперь: какую взялъ *Свистокъ* фальшивую ноту, заговоривъ о Костомаровѣ, объ *Основѣ*... Но, положимъ, говорить объ *Основѣ* что вздумается — простительно; *Основа* для *Современника* — вопросъ частный, мѣстный; *Современникъ* занятъ собой, вообще — мировыми явленіями, и легко могъ забыть, что, въ январѣ и даже въ августѣ 1861 г., великодушно призналъ за *Основой* право на «уваженіе», потому что въ ней видна дѣло, видно стремленіе разъяснить живые вопросы, поддержать живую связь съ народомъ. Но — что не простительно — такъ это противорѣчіе *Современника* самому-себѣ да еще — въ сужденіяхъ о такомъ предметѣ, которому нужны многіе годы, чтобъ переиѣниться, именно — о дѣломъ народѣ, о Малороссахъ. Помните

ли, братья-земляки, — какъ мы были удивлены, какъ мы краснѣли отъ удовольствія и—еще больше—отъ сознанія своихъ недостатковъ, — читая, въ июльской книжкѣ *Современника* слѣдующія слова г. Чернышевскаго: »Если есть племена, могущія привлекать къ себѣ симпатію больше, чѣмъ другія племена, то — именно — Малороссы — одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно-настоящаго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, — такъ-что иноплеменникъ становится малорусскимъ патриотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ«.

Такъ говорилось въ *июль*. Послушайте же, что говорится, въ томъ же *»Современникѣ«*, о тѣхъ же Малороссахъ, въ *январь*: »Сыны благословенной Малороссіи, изучая, самымъ усерднымъ образомъ, философію, все-таки не могли уразумѣть — чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что — кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки — для человѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія.« (*Свистокъ* этимъ доказалъ, что, для его собственнаго благоденствія, потребно знаніе исторіи, въ особенности, исторіи того народа, о которомъ онъ судитъ)... Ну, можно ли такъ себѣ противорѣчить, такъ клеветать на цѣлый народъ? Откуда вы взяли, будто Малороссы не умѣли »различать жидъ отъ собаки« и не понимали потребности знаній? Да этого нельзя сказать ни объ одномъ въ мірѣ народѣ съ демократическими началами, а тѣмъ болѣе о Малороссахъ — народѣ вѣротерпимомъ по-преимуществу. Жидовъ не любилъ не потому, что они — жиды, а потому что они не хорошо поступали съ народомъ: даже фанатикъ, отецъ *Климентій* — стихослагатель конца XVII в., осуждая Жидовъ и Цыганъ, не касается ни ихъ народности, ни вѣры: онъ говоритъ только, что они «*злонравні; (бо въ нихъ стільки есть правди, якъ въ шёлгу сребра)*; что они живутъ обманомъ, не имѣютъ земли, домовъ, постояннаго мѣста жительства; Климентій даже благосклоннѣе къ жидаямъ нежели къ цыганамъ, потому что первые ведутъ болѣе-общественную, осѣдную жизнь. Не меньше жидовъ (и цыганъ), Малороссы не любилъ и *перѣхристовъ*, и *перѣвертней*, и *пидбляшковъ*, если они измѣняли своимъ изъ-за выгоды; но ни одному человѣку, къ какому бы народу, сословію и вѣрованію онъ ни принадлежалъ, не былъ совершенно закрытъ доступъ, напр., въ козацкую общи-

ну, какъ только убѣждались въ честной преданности его народнымъ пользамъ.

Любопытно было бы знать, къ какому вѣку вы приурочиваете ваше сказаніе, будто бы мы, изучая философію, не умѣли цѣнить другихъ знаній? Это ужь сушая клевета, или—крайнее незнаніе нашей исторіи. Вспомните конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, когда, во вѣсѣхъ концахъ Южной Руси, основались *братства*, членами которыхъ были, большею частію, люди свѣтскіе (дворяне, мѣщане): главною ихъ заботою были школы, образованіе народа (прочтите хоть начало X тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева); вспомните, что *Гадяцкимъ* договоромъ, 1658 года, (Гетманство Выговскаго, Н. И. Костомарова), постановлено — основать, въ Южной Руси, *два академіи съ университетскими правами* и Кіевскую академію обратить въ университетъ, — также учредить въ разныхъ мѣстахъ *училища*, не ограничивая ихъ числа; дозволено заводить каждому *типографіи*; объявлено совершенновольное *книгопечатаніе*; даже *относительно вѣры* допускались всякія возраженія и мнѣнія *безпрепятственно*; вспомните, что въ Малороссіи, до половины XVIII вѣка, изъ *воисковыхъ* суммъ часть отдѣлялась на школы; что, вздревле, основаніе училищъ признавалось тамъ дѣломъ благотворительнымъ; что даже у Климента вы встрѣчаете уваженіе къ школъ! Что все это было въ народномъ духѣ, указываетъ украинская поговорка: *лучче зъ розумнимъ у пѣклі, ніжъ зъ дурнімъ у раю*«. Подмѣчая, вѣроятно, эту склонность къ умственному саморазвитію въ нашемъ народѣ, взвѣсивая его нравственныя свойства, Полякъ — врагъ Украины — *Окольскій*, въ XVII вѣкѣ, писалъ (Contynuasua Dyaguzza Wojennego.): »хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть межъ ними такіе мужики (chłopi), что еслибъ не законы *contra plebejos*, то нашлись бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинциннатамъ и Θεμισстокламъ (aby ich et Qu. Cincinnato, ab agrato ad dictaturam huī wezwany, atque Themistoeli virtute par, nazwano)«.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что въ Малороссіи философія не была мертвой наукой: наша жизнь не позволяла ей остаться набальзамированнымъ трупомъ. Сковорода, котораго вы, кажется, не очень жалуете, потому что знаете только слабую его сторону, Сковорода, благодаря своей любви къ философіи, постоянно занятъ былъ мыслью — *»якъ би умѣрти не безъ ума*«, и посвящалъ всю свою жизнь на служеніе обществу, на просвѣщеніе народа. Философія помогла ему стать выше со-

словныхъ и другихъ современныхъ предразсудковъ, ходить въ простонародной одеждѣ и учить народъ, на родномъ языкѣ, вездѣ, гдѣ были слушатели: на рынкахъ, на ярмаркахъ, по дорогамъ, у корчемъ и шинковъ, — относиться равно и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ вельможамъ и крестьянамъ, и остаться всю жизнь вѣрнымъ своимъ честнымъ началомъ, не смотря на насмѣшки, на клеветы, которыя распускались о немъ за правдивость его и любовь къ нему народа. «И они люди», говорилъ онъ въ укоръ. «Люди! Нѣтъ смѣшнѣе, какъ красивый ликъ съ пустою головою, и нѣтъ дорожѣ, когда въ смѣшной видѣнности является утаенная разумность; и во вретнщѣ иногда кроется дражайшій камень: *красна хата не улами, а пирогами*. Не люблю тѣхъ людей, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *Шумитъ, гремитъ... А что тамъ? — Кобыльа мертвая голова бѣжитъ*. Не любя мнѣ пустая надменность и пышная пустошь.»

Около 1770 г., Сковорода уже ясно сознавалъ потребность народной науки, «науки для себя, которая была бы достояніемъ не однихъ жрецовъ науки, но проникла бы весь народъ, водворилась бы въ души вѣщихъ, кому не чуждо человѣческое».... «Для народа русскаго», писалъ философъ, — «нужно явить новое знаніе, *взявъ содержаніе для него изъ жизни самого же народа*, — знаніе, основанное на самопознаніи. Это самопознаніе, по ученію Сковороды, должно выразиться познаніемъ себя 1) какъ самостоятельной (индивидуальной) личности, 2) какъ бытія народнаго, связаннаго съ другими, себѣ подобными, и 3) познаніемъ всеобщимъ, какъ человѣка, связаннаго со всѣмъ человѣчествомъ, со всѣмъ бытіемъ». «Русь не-русская», — говорилъ Сковорода, — «видится мнѣ диковинкою, какъ еслбы человѣкъ родился съ рыбьимъ хвостомъ, или собачьей головою». «Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное. Нужно лишь умѣть найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ обратить его въ нашу же жизнь. Это знаніе, этотъ огонь кроется у насъ, какъ огонь въ кремнѣ: подставь трутъ, и ударь огнивомъ, и явится у тебя твой домашній огонь, и не-за-чѣмъ тебѣ будетъ ходить по сосѣднимъ хатамъ, съ тряпницею, — кланяться и одоляться чужимъ огнемъ».

Видите ли: нашъ философъ проповѣдывалъ, за 100 лѣтъ назадъ, то самое, къ чему стали приходять въ наше время.

Надо еще прибавить, что не одинъ простой народъ, но и образованный слой общества, оцѣнилъ Сковороду и дорожилъ имъ, какъ на-

роднымъ гениемъ: чуть ли еще не при его жизни, было награвировано два или три его портрета.

Какъ же сказать о народѣ, гдѣ были подобныя явленія, будто онъ дофилософовался только до сала и напивока??

Не пренебрегайте *исторіей*: иначе важъ вѣрять не стануть; не взводите несправедливости ни на человека, ни на народъ, — даже — во имя нашей собственной пользы: по неволѣ, не по правдѣ, намъ и самое счастье противно. На этомъ мы выросли, на этомъ стояли, стоимъ — и стоять будемъ.

Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ.

ВСТРѢЧА НА УКРАИНѢ КИРИЛЛА РАЗУМОВСКАГО И ИЗБРАНІЕ ЕГО ГЕТЬМАНОМЪ. (1)

ЖУРНАЛЪ

о происхожденіи и приездѣ в Малую Россію обрѣтающихся при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, отправленныхъ, въ 1745 году, отъ всей Малороссійской Націи для прошенія о бытіи в Малой Россіи, по прежнему, Гетману и о прочихъ Малороссійскихъ нуждахъ, Господь Депутатъ, и о прочемъ слѣдующемъ дѣйстви.

К оной депутаціи отправлены были из Глухова Обозній Войсковій Генералній *Яковъ Лизогубъ* и знатній Бунчуковій Товарищъ *Василій Гудовичъ*, а обрѣтающомусь до того для своихъ нуждъ в Санктпетербургѣ Хорунжому Войсковому Генералному *Николаю Ханенку* тажъ депутація обще з вищеписанными чинами поручена была, а когда вищепомянутій Обозній Генералній *Яковъ Лизогубъ* жизнь свою в Санктпетербургѣ, 1749 годя генваря, окончилъ, то оніе два в той депутаціи состояли.

Сего же 750 году генваря 3 дня, оніе — Хорунжій Войсковій Генералній господинъ *Ханенко* и Бунчуковій Товарищъ *Гудовичъ* в Глуховъ прибили, з данною имъ із Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи Высочайшею отпускною Грамотою.

(1) Старинный подлинникъ, съ котораго списанъ предлагаемый журналъ, хранится въ архивѣ Выдубицкаго монастыря. Ред.

Оную Высочайшую Грамоту, надписанную къ присутствующимъ Генеральной Войсковой Канцеляріи Членамъ, того жъ Генваря 4 в Генеральной Войсковой Канцеляріи подали, которая в томъ состоитъ, яко Ея Императорское Величество, на всеподданнѣйшее отъ всей Малой Россіи прошение, Всемилостивѣйше соблагонзволило быть въ Малой Россіи Гетману, на основаніи бывшаго Гетмана Скоропадскаго, и для избранія оного изъ Малороссійскаго народа волними голосами, отправленъ Ея Императорскаго Величества Лейбъ-компаньѣ-подпоручикъ, Ея Императорскаго Высочества Государини Великой Княгини камергеръ и ординавъ сятаго Александра и святія Анны кавалеръ, Графъ *Иванъ Симоновичъ* господи́нь *Гендрикозь*, со особливомъ Императорскою грамотою. Помянутіе жъ деутати, съ Всемилостивѣйше-пожалованнымъ имъ награжденіемъ, отушени.

Того жъ 6 генваря, високопомянута Грамота в Глуховъ в Соборной церквѣ, по литургіи и зъ молебниамъ къ Богу за всевысочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе пѣніемъ, публикована, и во весь Малороссійскіе полки и госиодамъ полкѣвникамъ оной высочайшей грамоти копіи, а особливо и изъ Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи во всякой порознь полкъ надписаніе грамоти жъ, чрезъ нихъ же Господъ Деуторовъ присланіе, по Генеральной Войсковой Канцеляріи нарочными войсковыми канцеляристами при указѣхъ и зъ повелѣніемъ, дабы и въ оныхъ Малороссійскихъ полкахъ тѣмъ же образомъ публиковано было, разосланы. И хотя еще о слѣдованіи Его Снятелства Графа *Ивана Симоновича* господина *Гендрикова* в Малую Россію извѣстія не имѣлось, однако Сотнику Глуховскому съ козаками сотиѣ своей, для встрѣчу Его Снятелства, веленно состоять въ готовности и держать въстовихъ в Сѣвскѣ, кои заременно могли бѣ дать знать о приближеніи Его Снятелства. Особливо жъ отправленно Атамана Компаньѣскаго зъ дванадцать человекъ компаньѣици в Сѣвскъ и веленно имъ дожидать прибитія Его Снятелства, а изъ Сѣвска имъ предъ каретою Его Снятелства слѣдовать.

У числа генваря получено госиодами Генеральною Старшиною отъ Его Графскаго Снятелства, чрезъ нарочного куриера Глуховскаго гарнизона сержанта *Биховскаго*, писмо, пущенное отъ 6 числа того же генваря изъ Калуги, котория изволилъ объявлять, что уже находится в слѣдованіи в Глуховъ, і требовалъ о надлежащемъ къ прибитію его приуготовленіи.

Того жъ числа отъ присутствующихъ в Генеральной Войсковой Кан-

целарін членовъ отуравленъ къ Его Графскому Сіятелству Сотникъ Глувскій *Антонъ Крижановскій* с писменнымъ къ Его Сіятелству поздравленіемъ новаго года и благополучнаго в Малую Россію шествія, і при томъ з донесеніемъ, что къ прибытію Его Сіятельства все потребное приуготовленіе в совершенной исправности состоитъ.

Но имѣнію же вышеписанной о слѣдованніи Его Сіятельства в Глуховъ ведомости, для встрѣчи и проваженія Его Сіятельства, учрежденъ слѣдующій распорядокъ:

1. На границіи Малороссійской, подь селомъ Товстогубовомъ, поставленъ Сотникъ Глуховскій *Туранскій* с козаками сотиъ своей до трехъ сотъ человекъ.

2. Отъ того мѣста вереть за четири Сотникъ *Кролевецкій Ольгевскій* со сту человекъ козаками.

3. Ближе къ селу Ясманѣ Сотникъ *Воронѣжскій Холодовичъ* со сту человекъ козаками.

4. Да еще ближе подь Ясмань Сотникъ *Ямпольскій Калевецкій* з своєю сотнею, и при всѣхъ оныхъ сотнахъ сотеніе били знаменѣ.

13 генваря упомянутой Сотникъ *Крижановскій* возвратился в Глуховъ зъ писмомъ отъ Его Сіятельства къ Генераліи Старшинѣ, котрымъ Его Сіятельство, за поздравленіе его и за прудное донесеніе ему о приуготовленіи извѣстіе, объявляетъ свое удовлетвіе; а онъ Сотникъ словесно объявлялъ о приближеніи Его Сіятельства к Сѣвску, да в подтвержденіе того, тоей же ночи противъ 14 числа чрезъ нарочнаго, послученно извѣстіе, что Его Сіятельство прибылъ уже в Сѣвскъ.

Того жъ 14 генваря зутра, какъ присутствующіе в Генераліи Войсковой Канцеларіи Члены, такъ и прочая Генералная Старшина и другіе всѣ имѣющіеся въ Глуховѣ чини въехали в село Ясмань, состоящее отъ Глухова в 17 верстахъ, и при нихъ находилася команда Компанійская, называемая Надворная Короговъ, и войсковая музыка, где прибытія Его Сіятельства и дожидались. А та компанійская команда, з войсковою музыкою, при в'ездѣ въ село Ясмань поставилна била. И таковыми порядкомъ, какъ оне команды оставлены били въ тѣхъ мѣстахъ, Его Сіятелству надлежащую стрѣчь учини генваря 13, порядочно одна за другою командою упередѣ слѣдовали.

Когда же къ селу Ясманѣ зблизжились, то упомянутіе Генераліи Войсковой Канцеларіи Члены, Генералная Старшина и прочіе всѣ бывшіе тамо чини въехали, і предъ онымъ селомъ Ясманю поклонъ Его Сіятелству і поздравленіе благополучнымъ его прибытіемъ учинили, гдѣ і

войсковая музика на литаврах і на трубах играть начала; а Его Сиятельство притомъ ис карети вписель и показавъ свое благодарствіе. Паки сѣлъ въ карету и поехалъ в село Ясмань до назначенной квартиры, куда его обѣ тѣ чини провожали і в квартиру učinили поклонъ. В ономъ же селѣ Ясманѣ, взявъ Его Сиятельство малой ростахъ, выехалъ в Глуховъ, и предъ нимъ всѣ вышесписаніе сотники з своими командами такимъ же порядкомъ, какъ и прежде, ординавали, и Назворная Компанійская Короговъ з войсковою музикою слѣдовали в Глуховъ, а помянутіе Генералией Канцеляріи Члены, Генеральная Старшина и прочіе всѣ чини провождали жъ в Глухову.

За прибітіемъ же Его Сиятельства к Глуховскому форстату учинена из города салютація не пушекъ в 31 выстреле.

Въездъ в городъ слѣдующимъ порядкомъ: были всѣ вышесписаніе сотники, впередъ Глуховскій, потомъ Кролевецкій, Воронѣжскій и Ямпольскій, с командами своими і з сотенными знаменами, ехали всякъ предъ своею сотнею з облаженными саблями, а козаки з ружемъ, держа оное на караулъ, такожъ и компанійская команда из своихъ командиромъ; притомъ войсковая музика на литаврахъ и трубахъ играли обикновенній маршъ.

Внутрь города, от Сенискихъ воротъ до квартиры Его Сиятельства, по обомъ сторонамъ улицы, поставленъ былъ Глуховскій гарнизонній полкъ, со своими офицери и з распущенными знаменами.

В свитѣ Его Сиятельства слѣдовали:

В 1-й каретѣ секретарь і переводчикъ.

В 2-й каретѣ Его Сиятельство з своимъ адютантомъ. При сей каретѣ по сторонамъ ехали, на верховихъ лошадахъ, два лейбъгвардіи сержанта.

В 3-й каретѣ Ея Сиятельство з своею фамилією.

В 4-й каретѣ дѣти ихъ Сиятельства.

В прочихъ же коляскахъ другіе от свиты Его Сиятельства чини.

И з такимъ провоженіемъ, генваря 15 числа, пополудни второго часа, Его Сиятельство благополучно в городъ Глуховъ прибылъ.

В домѣ Его Сиятельства в собраніи уже были господъ Генеральной Старшины и прочихъ чиновъ дами, которіе ихъ Сиятельство стретили на крылце, и притомъ всѣ вышесписаніе чини, которіе встрѣчали, пришли и отдали в домѣ Его Сиятельства надлежащій комплементъ. А посля духовніе чини, архимандритъ, протопопъ Глуховскіе з своими соборами к

Его Сіятелству пришли жъ, по которихъ архимандритъ краткое, а протопопъ пространнѣйшее, Его Сіятелству привѣтствіе говорили.

ФОРМА ЦЕРЕМОНИАЛУ,

какимъ образомъ должно быть произведенію церемоніи ко избранію Гетмана, февраля 22 сего 750 году.

В назначенный к тому день, то есть сего февраля 22, для знація всѣмъ чинамъ и собраніи в городъ Глуховъ, учинени имѣютъ быть три сигнала пушечной стрѣльби.

Первій сигналъ тотъчасъ по отбитіи утренней зори. Послѣ котораго сигнала Глуховскій гарнизонный полкъ имѣеть быть поставлень упреди на мѣстѣ гетманскаго избранія близь театра, гдѣ удобнѣе разсудится; а Малороссійскіе всѣ полки, в указномъ козачомъ числѣ, при старшинахъ своихъ (кои уже должны до того сигнала состоять за городомъ в готовности), имѣютъ слѣдовать с ружьяхъ исправнымъ и при сабляхъ, в строю пѣшо в городъ, с распущенными подковками и сотенными знаменами и с полковою музикою, играя маршъ и з боемъ на литаврахъ по войсковому порядку. А оіе малороссійскіе полки должны входить в городъ одинъ за другимъ порядочно, и по старшинству полковниковъ, а именно: 1, Лубенскій. 2, Миргородскій. 3, Галаяцкій. 4, Переяславскій. 5, Прилуцкій. 6, Стародубовскій. 7, Полтавскій. 8, Пѣжинскій. 9, Чернѣговскій. 10, Кіевскій. И всѣ оіе полки, по приходѣ в городъ, к тому жъ мѣсту, гдѣ устроенъ к избранію гетмана театръ, имѣютъ в присутствіи тутъ же, а сѣмимъ полковникамъ стать на своихъ мѣстахъ, по распорядженію квартирмейстровъ ихъ, каждому полку распредѣленныхъ, по первенству полковниковъ и устронется шаренгами у добромъ порядки, а потомъ оными полками командировать имѣеть одинъ з старшини генеральной, господинъ *Якубовичъ*, и об ономъ к полковникамъ указы посылать из Генеральной Канцеляріи.

Вторій сигналъ будетъ в 9 часу, по которому Генеральная Старшина и с ними Бунчукові Товарищи и протчіе чины должны собраться в домъ к Его Сіятелству, господину министру; а преосвященнымъ архiereямъ и протчему духовенству с'ехатся должно в церковь чудотворца Николая.

Третій сигналъ в 10 часу, послѣ котораго из дому Его Сіятелства господина министра слѣдовать будетъ к театру избранія гетманско-

го карета пугонъ, в которой секретарь, з Височайшею Ея Императорскаго Величества грамотою, ездѣть имѣть, а предъ каретою компанейскій одинъ старшина; з ними 6 членъ выборныхъ компанейскихъ козаковъ с ружьемъ пѣшо.

Позади же той команды предъ самою каретою музика гетманская, с играемъ на трубахъ и з боемъ на лѣтарахъ слѣдовать будутъ и трубачамъ или товарищамъ ихъ на лошадяхъ в убранствѣ, около той же кареты, по сторонамъ пѣють пѣи с ружьемъ гарнизонные гранадери 12 человекъ.

За каретою несли бытъ имѣють гетманскіе клеймоты слѣдующимъ порядкомъ:

Большое знамя подъ російскимъ гербомъ, которое данно было прежде бывшему гетману Данилу Апостолу, нещено будетъ Бунчуковымъ Товарищемъ однимъ, а по сторонамъ оного два Бунчуковыхъ Товарищя; начальствующій же притомъ генералій хорунжій в ассистенціи да дванадцать Бунчуковыхъ Товарищей.

Гетманскую булаву, на красной бархатной подушке, нести имѣють два Бунчуковіе Товарищя, а притомъ начальствовать имѣеть Судья Генералій господинъ *Горленко*, да тутъ же и прочая Старшина Генеральная, и за ними слѣдовать имѣють 24 человекъ Бунчуковыхъ Товарищей, в рядъ по 4 человекъ.

Потомъ несенъ будетъ бунчукъ, на бархатной красной подушки, двома Бунчуковыми Товарищя; потомъ начальствующій Генералій Бунчужній, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе и Войсковіе Товарищя в протчее шляхетство порядочно.

Войсковій прапоръ имѣеть нести сотникъ с надлежащею ассистенціею.

Потомъ слѣдуетъ большая гетманская печать войсковая на красной бархатной подушке; оную несутъ два Бунчуковіе Товарищя, а начальствовать имѣеть при немъ тутъ же Генералій Писарь, да в ассистенціи двадцать Бунчуковыхъ Товарищей и Канцелярсти Генеральной Войсковой канцелярія.

За реьми тѣми клеймотами имѣеть ехать Его Сіятелство господинъ министръ пугонъ в карете, з надлежащею ассистенціею отъ свиты Его Сіятелства верхами на лошадяхъ.

А въ заключеніи 16 человекъ компанейскихъ козаковъ з однимъ старшимъ, при руже пѣшо.

Отъ дому его сіятельства министра до мѣста элекціи будутъ стоять

компанѣйци или солдаты по обонямъ сторонамъ улицы, дабы изъ сегого церемонїи отъ народу стѣсненїи и помѣшательства бити не могло.

По принесенїи к театру вышеисанныхъ гетманскихъ клейнотовъ, взнестъ ошіе на театрѣ і положить ошіе на столѣ, который будетъ поставленъ в лѣвой стороны, а знамя держать при томъ же столѣ тому жъ Бунчуковому Товарищу, который его несетъ; грамота же Ея Императорскаго Величества положена будетъ на другомъ столѣ, по правую сторону.

По приездѣ к театру господина министра, архiereя Кіевскій и Чернѣговскій, а архимандрити і прочіимъ духовенствомъ, ияють приступити к театру с правой стороны, а Генералная Старшина съ лѣвой; Бунчуковіе Товарищи и прочіе чины стануть в назначенномъ имъ мѣстѣ.

Когда вчлняется обраніе гетмана, в то время выпалитъ ис пушекъ, мортырѣ и из ружа бѣглимъ огнемъ.

После совершения элекціи, духовніе и мирскіе чины ияють пойти в церковь, для учиненїя молебствїа о Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества здравїи, куди внесени будутъ, при грамотѣ Ея Императорскаго Величества, клейноти гетманскіе и такъ положатся на столѣ, какъ на театре, на конхъ ияють лежать во время молебного шїнїа, а при сходѣ ис церкви отнесенїи будутъ какъ кушно із грамотою къ Его Сїятелству господяну министру на дворѣ с тоєю жъ церемонїєю, какъ и прежде з двора на мѣсто обранїа били несени.

ЖУРНАЛЪ,

какимъ образомъ проиэишло обраніе гетмана войскъ Запорожскихъ обоихъ сторонъ Днепра 1750 году февраля.

За прїобрѣтїемъ в Глуховѣ на 15 день сего февраля все в Богу пресвященнѣйшаго архіепіскупа митрополита Киевскаго, Галицкаго і Малїи Россїи, господина *Тимовел*, пресвященнаго епискупа Чернѣговскаго господина *Амеросїа*, такожъ архимандрита *Лаври* Киевскаго епископа господина *Иосифа* и другихъ обителей архимандритовъ и разнихъ духовнихъ знатнихъ особъ, за собранїемъ Малороссійскихъ Полковникивъ, Бунчуковивъ Товарищевъ, старшихъ полковивъ сотниковъ з сотеннимъ старшиннами, Значковими Товарищами, многими рядовими козаками, а особли-

во войсковыхъ Товарищѣй и прочега шляхетства малороссійскаго, учивена била отъ министра его сїятельства господина генерала-маіора, Ея Императорскаго Величества лейбъ-компанїи-подпоручика и Ея Императорскаго Высочества Государынѣ Великой княгинѣ камеръ-гера, графа *Ивана Симоновича Гендрикова*, ко вѣсмъ онихъ чинамъ повѣстка, даби онѣ всѣ чиновніе персони собралися на 18 того жъ февраля поутру в домъ, гдѣ имѣется канцелярїя по комисіи его сїятельства о избранїи гетмана, и когда онѣ духовніе, тако жъ всѣ мирскіе чины, какъ Генеральная Старшина, Полковники, Бунчукові товарищи, старшини полковіе и сотники и прочее малороссійское шляхетство, якихъ всѣхъ персонъ було до тысячи, в тотъ домъ собрался, то его сїятельство изволялъ словесно объявлять, яко онихъ вѣсмъ чинамъ уже извѣстно, что онъ, по Высочайше му Ея Императорскаго Величества указу, прибылъ для избранїя въ Малой Россїи гетмана волими голосами по прежнимъ объявленїямъ, и требовалъ ихъ ведать мнѣніе, кого они бытъ гетманомъ в Малой Россїи обще желаютъ?

На что всѣ онѣ, какъ духовніе, такъ и мирскіе чины объявили единогласно, яко желаютъ бытъ в Малой Россїи гетманомъ его сїятельству графу *Кирилу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, о чемъ и на трекратной его сїятельства господина министра вопросъ тожъ всѣ велегласно объявили, а по совершенїи того опредѣляли публично с надлежащею церемонїею избранїю бытъ того жъ февраля 22. И для того февраля 21 отправленъ отъ его сїятельства Глуховскаго гарнизону адютантъ и при немъ войсковая музыка, которой, езда по городу Глухову и за городомъ с играющею музыкою, объявлялъ о будущей завтренняго дни публичной церемонїи благополучнаго гетманскаго избранїя, и к полковникамъ ихъ для таковаго жъ объявленїя ездилъ.

А назначеннїи к тому избранїю день того жъ февраля 22 дня для знанїя всѣмъ чинамъ и собранїя в городъ Глуховъ учинени были три сигнала.

Первой сигналь послѣ отбитїя утренней зори.

По которому сигналу поставленъ былъ Глуховскїи гарнизонїи полкъ по одной сторонѣ у нарядъ противъ устроеннаго для избранїя гетманскаго театра между церквами новостроящейся Живоначальной Троицы и Святителя Николая; з западной стороны по серединѣ того мѣста устроенъ былъ театръ з лѣсницами и перилами, покрытъ краснимъ тонкимъ сукномъ.

Потомъ малароссійскіе всѣ полки, кои уже до того сигнала за городомъ собрались были, в городъ к тому устроеному театру шли в строю иѣшо, с распущенными полковыми и сотенными знаменами и с полковыми музиками, вгравя маршъ з боемъ на литаврахъ, полкъ за полкомъ по старшинству полковниковъ, яко то: первый полковникъ Лубенскій господинъ *Аностаъ*, держа обнаженную шпагу, а старшина полковая и значковіе товарищи за нимъ з обнаженными шаблями, тако жъ и сотники — всякъ передъ своею сотнею с саблями, а козаки с ружемъ шли.

А равнымъ образомъ и всѣ полковники предъ своимъ полкомъ и старшинами слѣдовали: Миргородскій господинъ *Капильсъ*, Гадацкій — господинъ *Галецкій*, Переяславскій — господинъ *Сулима*, Прилуцкій — господинъ *Галаганъ*, Стародубовскій — господинъ *Максимовичъ*, Нѣжинскій — господинъ *Кочубей*, Чернѣговскій — господинъ *Божичъ*, а в Киевскомъ і Полтавскомъ за небытіемъ полковниковъ, яко то Полтавского господина *Горленка*, за отлучкою в Санктштербургъ, а в Киевскомъ полку за неимѣніемъ полковника, командировали обознѣ полковіе с протчою полковою старшиною.

Онѣ полки по приходѣ в городъ к тому жъ мѣсту, гдѣ устроень театр, порядочно полкъ за полкомъ поставлены шеренгами около театра.

По правой сторонѣ близь церкви святителя Николая, зачавъ отъ гарнизонного Глуховского полку, полкъ Лубенскій, Миргородскій, Гадацкій, Переясловскій, Киевскій; по левой сторонѣ близь церкви Живоначальной Троицы, зачавъ отъ Глуховского гарнизонного полку, полкъ Прилуцкій, Стародубовскій, Нѣжинскій, Чернѣговскій і Полтавскій, совокупясь вмѣстѣ с Киевскимъ. Оными полками командировалъ Асаулъ Войсковій Генералній господинъ *Якубовичъ* на лошади.

В 9 часу по полуночи учинень второй пушечной сигнала.

По которому Генералная Старшина, с ними Буичуковіе і Войсковіе Товарищи и протчое шляхетство собрались в домъ к Его Сіятельству господину министру графу Ивану Симоновичу *Гендрикову*.

А преосвященній архиепископъ, митрополитъ Киевскій, тако жъ архимандритъ Киевопечерскій и другіе архимандрити и знатніе духовніе особи, сѣхались в церковь святителя Николая, гдѣ преосвященній митрополитъ и литургію отправлялъ з своимъ освященнымъ соборомъ, а преосвященній Чернѣговскій, за болѣзнію своею, битъ не могъ.

В 10 часу унинець былъ третьей пушечной сигналъ.

Посля того изъ дому его сіятельства господина министра слѣдовала впередъ на лошадахъ компанійская команда в шестнадцати человекѣхъ с однимъ старшиною.

За тою командою карета цугомъ, в которой сидѣлъ секретарь Государственной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи, *Писаревъ*, держа в рукахъ на серебряномъ блюдѣ и на красной бархатной подушке Высочайшую Ея Императорскаго Величества грамоту. Около кареты по сторонамъ шли с ружьемъ Глуховскаго гарнизона дванадцать человекѣхъ гранадеръ.

За каретою слѣдовала войсковая музыка, играя маршь з боемъ на литаврахъ; потомъ несени гетманскіе клейноты слѣдующимъ порядкомъ:

Первое большое знамя подъ россійскимъ гербомъ, которое данно было гетману Апостолу, несено Бунчуковымъ Товарищемъ *Иваномъ Гамальею*, а по сторонамъ оного, два Бунчуковіе Товарищи *Григорій Лизоубъ* да *Павель Ложиковскій* шли.

За ними Генералній Хорунжій господинъ *Ханенко* да в ассистенціи дванадцать человекѣхъ Бунчуковыхъ Товарищей.

2. Несена была Гетманская булава на красной бархатной подушке двома Бунчуковыми Товарищи, *Яковомъ Марковичемъ* да *Федоромъ Шираемъ*. За оною шел Судія Войсковій Генералній господинъ *Горленко*, Подскарбій Генералній господинъ *Скоронадскій*, Писарь Генералній господинъ *Безбородко*, Асаулъ Генералній господинъ *Валкевичъ*; ассистовали 24 человекѣхъ значныхъ Бунчуковыхъ Товарищей.

3. Несень гетманскій бунчукъ, на бархатной красной подушке двома Бунчуковыми Товарищи *Илією Лизоубомъ* и *Петромъ Искрицкимъ*; притомъ Евералній Бунчучній господинъ *Оболонскій*, а в ассистенціи всѣ Бунчуковіе Товарищи и прочее Малороссійское шляхетство.

4. Большая національная серебряная и визолоченная печать, на красной бархатной подушке, несена двома Бунчуковыми товарищи *Петромъ* и *Григоріемъ Горленками*; а за ней ассистовали Писарь Суда Войскового Генералнаго съ Канцеляристами Войсковыми.

5. Войсковій прапоръ несень Бунчуковымъ товарищемъ *Павломъ Марковичемъ*; за нимъ шли всѣ Войсковіе Товарищи.

За всѣми тѣми клейнотами ехалъ его сіятельство господинъ министръ графъ *Иванъ Симоновичъ Гендриковъ* цугомъ в каретѣ с надлежащею ассистенціею отъ свиты его сіятельства, а в заключеніи того 16 человекѣхъ компанійскихъ козаковъ с однимъ Старшиною. Отъ дому его

сіятельства до мѣста елекціи поставлени были компанѣйци и солдаты по обѣимъ сторонамъ улицъ, дабы шествию церемонѣи отъ народа утѣшенія и помѣшательства быть не могло.

И когда та карета, в которой везена високопомнутаая височайшая грамота к Малороссійскимъ полкамъ между шаренги вступила, то тотчасъ какъ отъ Глуховскаго горнѣзоннаго полку, и отъ всѣхъ малороссійскихъ полковъ, дана была честь: наклонивъ знамена до земли, играли полковіе музики и били на литаврахъ, а козаки держали ружье на караулъ, и сія отдача чести продолжалась по то время, пока височайшая грамота секретаремъ, а гетманскіе клейноты вясшеписанными чинами внесени бли на театръ и его сіятельство господинъ министръ къ театру прибылъ.

На ономъ театре приуготовани были два столы, покрытѣе красною камкою.

С которихъ на одномъ столѣ, съ правой стороны, положена секретаремъ Височайшая Ея Императорскаго Величества грамота.

А гетманскіе клейноты на другомъ столѣ з левой стороны положени жъ были.

По приездѣ к оному театру господина министра, ис церкви святителя Николая, по отправленіи уже святой литургіи, митрополитъ Кіевскій с архимандрити и прочіимъ духовенствомъ у священномъ ихъ одѣяніи вишли и имѣли мѣсто с правой стороны на ономъ театре.

А Генеральная Малороссійская Старшина с левой стороны, Бунчукові жъ Товарищи и прочое шляхетство стояли по сторонамъ оного театра за нижними перилами, а Малороссійскіе Полковники отъ всѣхъ полковъ приступили ближе к театру.

При такомъ всего духовенства и мирскихъ чиновъ собранія, его сіятельство господинъ министръ вслухъ всему собранію объявилъ Височайшее Ея Императорскаго Величества на прошеніе всей Малой Россіи всемилостивѣйшее соизволеніе о битіи в Малой Россіи гетману, какъ о томъ де в Височайшей Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственна Ея Императорскаго Величества руки черезъ его, министра, прислашной грамотѣ изображенно.

И потомъ заразъ онаа Високомонаршая Всемилоствѣйшая Грамота всему собранію чтена была вслухъ объявленнымъ секретаремъ.

А по прочтеніи той грамоти за Височайшее Ея Императорскаго Величества Малороссійскому народу милосердіе и высокоматеринское призрѣніе преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ говорена краткая благо-

дарственная рѣчь; такожъ и Генералная Малороссійская Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи и прочіе всѣ высшешисаніе чины за такоу Височайшую Ея Императорскаго Величества милость учинили всеняжайшее благодареніе.

По окончаніи того, Его Сіятелство господиць министръ, при такомъ объявленіи отъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи, требовалъ волнями, по прежнему обыкновенію, голосами избранія, кого пожелаютъ, гетманомъ.

На якое его требованіе во-первыхъ его преосвященство митрополитъ Кіевскій з архимандритами и всѣми духовными чинами, такожъ Генералная Старшина, Полковники, Бунчукові Товарищи, полковая Старшина и всѣ чины, и собранное отъ полковъ войско и многой народъ единогласно объявляи усердное желаніе о битіи в Малой Россіи гетманомъ Его Графскому Сіятелству *Кириллу Григоріевичу* господину *Разумовскому*, что і трекратно велегласнымъ объявленіемъ подтвердилы.

По тому трекратному объявленію и желанію, Его Сіятелство господиць министръ *Гендриковъ* всѣхъ чиновъ онимъ избраннымъ гетманомъ по-здравлялъ и словесно объявлялъ, что о такомъ согласномъ избраніи в гетмани его сіятелство *Кирилла Григоріевича* господина *Разумовского* имѣеть взищать к Ея Императорскому Величеству.

Послѣ чего, в знаменіе того всерадостного и благополучнаго совершеннаго избранія Гетмана, начата палба и учиненъ с пушекъ войсковой артилерія и мортировъ 101 вистрѣлъ, а посла Глуховскій гарнизонъ и все Малороссійское войско с иѣлкаго ружья бѣглимъ огнемъ палили.

И тако уже ис театра оная Височайшая грамота, а за нею высше-изображенніе гетманскіе клейноты понесени в церковь святителя *Николая* і положени на поставленныхъ в той церквѣ убранныхъ двухъ столахъ; духовніе же и мирскіе чины ввошли в ту жь церковь, гдѣ заразъ говорена предика чрезъ архидіакона катедрі *Софійской*.

А по окончаніи предики, о Височайшемъ Ея Императорскаго Величества здравіи всѣмъ собраннымъ духовнымъ чиномъ отиѣтъ благодарственній молебень с трекратно пушечною и мелкого ружья палбою.

По молебномъ цѣнии тѣ жь Височайшая грамота и гетманскіе клейноты из церкви несен были такою жь церемоніею и порядкомъ в квартиру его сіятелства господина министра, какъ из квартери его сіятелства к театру. А послѣ і всѣ Малороссійскіе полки из города к своимъ станціямъ порядочно, какъ і в городъ, входили.

И в тотъ день какъ духовніе, мирскіе всѣ чины трактовани были сто-

домъ: знатнѣйшіе чины в домѣ его сіятелства господина министра, а другіе нижнихъ классовъ, и за невѣщевіе тамо, в другомъ дворе, гдѣ канцелярія по коммисіи его сіятелства іѣтается. И при столѣ палили за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и ихъ Императорскихъ Высочествъ здравіе и знатныхъ персонъ, в томъ числѣ новоизбраннаго его ясновельможности господина гетмана, при чемъ производима была пушечная палба, і продолжалось все то до полуночи.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

ЧОРНОМОРСЬКІ КОЗАКИ (1).

Тенеръ що живуть въ Чорноморні козаки, то все то покоління тихъ Запорозцівъ, що колись жили въ Січі. Ужанція (2) у нихъ однакова. Сказано, йолучко відъ йолубки не далеко відкóтитця. Въ 38-му году я своімъ сѣдломъ перевозивъ изъ Тамані на Кашкасъ: вáршию, сіно, овесъ, гармати и всякі военні снаряди. Насъ Херсонськихъ судовщиківъ було багáто; возили ми по контракту съ казнюю; бáчите, помієшлино договóривались. Отъ, знаєте, яничий часъ — козаки тільки жіно́къ однихъ по-зоставляють до́ма; а самі підуть до бéрега грузитъ суда; якъ-же покінчають робóти, — повертаються до до́му — ажъ до́ма ні скотинки; — де що у ко́го було, все Черкеси поугоняють. Що жъ би ви думали, зажу́ряться вони? якъ би не такъ. А що, хлѣнци, кажутъ, збулись худобки; дітямъ молока нема; а ну лишень на роздобúтки. Посідали заразъ на коней, та за Кубань; а Кубань одъ нихъ не далеко течє. Отто́, гляді въ почі, ажъ земля гудє: — жевуть скотини вдвоє бiльшъ, якъ було. Той часъ и по-ділять, — и кутью таку зададуть, що держись.

---

(1) Записано слово въ слово отъ Херсонського купця Гната Степановича Рябокона. Съ пятадцяти літъ зачавъ вінъ ходити на морськихъ лоткахъ; та и промікався по Чорному и Азовскому моряхъ, почитай, літъ до шідесяти. «Де вже я не вiходивъ!» Казавъ не разъ мiні повiствовагель. «Бувъ я въ 38-му и въ 39-му годахъ въ Румеліи, бувъ въ Анадоліи, бувъ и на Кавказі. Приходилось бачити багáто дóброго и лихóго».

Гнатъ Степановичъ живий ще и досі. Нехай ёму легенько знадєтця. Бiльшъ усе́го лю́бе вінъ розказувавъ про Чорноморцівъ. Бо той народъ ёму якось дуже по душі прии́шовся. И не дiво-жъ то: звiсно — своё.

(2) Ужанція: тобъ-то звичай.

I.

Якъ спалили Чорноморці Очжибей, що теперъ Одесомъ зветця.

У мене бувъ товаристь; зъ нимъ ми мали въ товаристві сѣдно. Отъ, того товариста жінки дідъ служивъ ще при Потѣмкину та при Суворові въ Чорноморіі козакомъ; то вінъ було часто намъ розсказауе, якъ спалили Очжибей, теперішній Одесь, — вінъ першъ Очжибеємъ звався.

Суворовъ, каже, пославъ Доньцівъ, щобъ ті спалили непременно Очжибей. Тамъ у Турка було багато заготовано: сина, хліба, пороху и всякої-всячени. Отъ Доньці й пішли; та ба, — побоялись Турка; не зробили нічого. Якъ ёго, мовляли, запалити? Турка тамъ сила. Днемъ на явну смёрть — не підешъ; а вночі цешъ обляже округі, — тожъ страшно; — застѹкають, — тамъ и капѹтъ; понюхали, понюхали, та съ чимъ пішли, съ тимъ и вернулись. Суворовъ розсердився; — пославъ їхъ вдарѹге, — вони и вдарѹге тежъ; вінъ опяť въ трѣте — вони и въ трѣте вернулись нічого не загодивши. Тоді Суворовъ бачивши, що не Доньцямъ утнуть се діло, вярядивъ Чорноморцівъ. Отъ Чорноморці вѣбравши таку нічъ, що ні згі — темненá, хочъ око виколи — підійшли по близче, та й послали, стільке тамъ чоловікъ, розвідать, де що и якъ що обстоїть; а самі давай збирать помацки сухий бурьянъ, щобъ те звісно було, де хто находитьця, давали кресевомъ премітку. Де який кресне, то й ввидно. Тó бѣ-то за для того, щобъ не дѹже розбрóдились, та щобъ голо-су оди́нь-дру́гому не подавали. Отъ якъ узнали відъ тихъ, що посилати розвідувать, въ якімъ місці можна цешъ пройти; — кого оставили стерегти коней, а хто въ оберемо́къ сухого бурьяну — та въ Очжибей; — якъ-же туді пробрались, шопідтика́ли, шідъ яку тільке було можна стріху, сухою баділля, та якъ запалили зо всіхъ кінцьівъ, то на вдáку, чи въ самому пѣклі такъ клекотить, якъ тамъ заклекотіло. Все до тла вигоріло; — а Чорноморці живісенькі всі до óдного повтікали. Оттоді Суворовъ и каже: «Ай да ребята, вотъ маладцы, не Данца́мъ чета. Спасіба, удружили», и Патѣмкину сказавъ: «эта народъ — маладцы.» Правда, що молодці, замітивъ розсáщикъ, все народъ відний, крѣпкий, глянешъ на старóго — ёму́ бѹде лѣтъ шідъ сімдосѣтъ, а дай ще трѣхъ нашіхъ молодихъ, то каналья бѹду, коли не справитьця. А пані у їхъ — не то що наші: бідний чоловікъ и шідстунить бо́итця; а тамъ — любо та гарно поглядіть.

II.

ПРОСТОТА ЧОРНОМОРСЬКОЇ АРЕСТОКРАТІЇ.

Коло Тамані у Чорноморців є свої солоні озера. Опріччє козаків, казані нікому не одукає. Не знаю, чи и теперъ такъ? А тоді такъ було. Отό деві, — валкі ідуть наберать сіль; а коло жадної вѣлки и хазині. Подівисся було, та й думашь, що то хазині такъ собі, прости козакі: одѣжина на їх незаможня, тільки що не въ однихъ сорочкахъ — а въ каптанкахъ; якъ-же распитаєся, то гляді — той сотникъ, той хорунжий, або ще й вище. Отъ понаберавши, порослачуютця въ кавціляріи и одправлять хлопців продавать сіль; — а ні, то який и самъ за вѣлкою піде; які-жъ позаостаютьца дома, — то це въ празникъ и поназдѣть въ Тамань; та вже не въ простихъ каптанахъ а въ каптанахъ Ангелійського сукна дорогого съ вилѣтами; пошідерізувані гарними поясами въ смушєвахъ набекрєнь шапкахъ и шаблі зъ боку; — у другого грудя такъ и усипані всі кавалерією, ажъ горить; — инчий сивий якъ лунь, а молодцємъ такинь диветця — и Господи. Отό попреходять перш до бєрега, де инчий часъ и въ празничний день видє така робота, що й дихнуть ніколи. Звісно, воєнне діло. Тоді сама гаряча робота йшла съ Черкєсомъ... Постановлятця въ рядъ и гукнуть до своїхъ козаків: »здорові були, хлопці!« — »Здравія желаемъ,« — ті обізвутьця; ажъ земля дрогне. »А що, чи сіно дүшете?« (Козакі тоді вязали въ кіши и полукіши сіно, въ кішу вбивали по 12 пудъ, а въ полукішу по 6.) — »Дүшємо, вѣші високоблагородія.« — »Дүшіть, дүшіть та глядіть, якъ підете підъ Черкєса, то и єго здушіть такъ, щобъ ажъ не піснувъ.« — »Якъ Бігъ поможє, то не вивернетця зъ нашихъ рукъ.« Дадуть одвітъ молодці, та заразъ и вдеруть такі пісні, — що слүхаешъ — та й не наслүхаєся... Ії багато їх пісєнь знавъ — та на лихо позабувавъ усі. Тільки и остався въ памѣті кінець однієї.

»Ой полеті, галко, ой полеті, чорна, та на Дінъ рїбу їсти,
Ой пренєси, галко, ой пренєси, чорна, відъ кошового вїсти;
Ой ужє гальці, ой ужє чорній та изъ Дону не вертатця...
Ой ужє намъ, братці, славне Запорожє. та съ кошовимъ не видатця.

Цей варіантъ, въ Запискахъ о Южной Руси Куліша, въ пісні объ Швачці; — записанъ інче. И читавъ її моєму повіствователю, щобъ то довідать, чи не переинчивъ вінъ єго часомъ. »Такъ ні, каже, слова ні

дуже врізались въ моєї пам'яті, якъ-би то я їх тільки вчора чувъ. Чого вже не знаю, або що забувъ, объ тїмъ и спорить не буду; а це вже що такъ, то вірно.» Закінчавъ вінъ, та й ставъ розказувать далі:

«Ото, знаєте, постойть, постойть було те панство; побалакають съ хлопцями та попрощавшись — всі гай до Дончика. Дончикъ бувъ купецъ; мавъ вінъ у Тамані бакалійну лавку и різні иностранны віна; та якъ заберутьця туди, то не скоро вийдуть; зададуть тамъ такий бенькетъ, що ажъ чортамъ дивно стане. Що міні любо, такъ те, що не жаденъ изъ їхніхъ панівъ, передъ найбільшимъ піки въ гору не задерє; съ посліднімъ козакомъ, мовляли, розговоритця, дасть єму совіть, якъ въ воєннимъ, такъ и въ домашнімъ ділі. Про тежъ на службі — ані чиркъ, — а ні, то нгааівъ покуштує.»

III.

Якъ пропівшихся козаківъ знаряжають: конемъ, муніцією и всімъ, що треба въ похідъ.

Инциі козакъ сірєша догуляетця до того, що попрощає одєжену, коня и зброю; — а тутъ похідъ на носі висять. Що єму бідоласі робить? А такихъ тамъ инчий разъ чимало знайдетця. Начальство-жъ зна їх удадь, отъ и велить поспісувать, у кого чого не достає. И дадуть той списъ старшому. Старший звелить закупить усєго по тому спису, — не знаю, за чї вже гроші, мабуть за обществени, — а далі, передъ тїмъ якъ виступать, постановлять въ одїнь рядъ коней, закупленихъ по спису, розкладуть муніцію; а въ другімъ ряду, на зустрічъ, постановлять горемікъ, що попрощавались; то це по спису й викликають: Грицько Тарана, або Демьянъ Кўля, а кє лешинъ сюди! то визваний и виходять; «отцє, каже старший, тобі кїнь, оцє збрўя, а оцє муніця; щобъ-же ти умівъ шанувать своє добре, та не забувъ мого наказу, то дайте єму, хлопці, на памятку пятдесять тамъ, або сто нагаївъ; то вінъ памятуватиме лўчче.» Якъ-же хлопці зачнуть піжить, — то ажъ пїрєя летить. Бо за таку *проштранність* козаки бьють не жалкўючи. Отъ, якъ одбуде неборака своє, то встане та ще й поклонетця старшому и подякує за наўку; старший же прочитає ще єму довгу ратацію. — Тоді за другого; та такъ переберуть до остатнєго; якъ-же роспіраву и розділъ учинять, тоді помоятця Бєгу, посїдають на коней, гаркнуть лобру пісьню — и мārшь у похідъ.

IV.

Домашній побіть чорноморських козаківъ.

Жили Чорноморські козаки тоді не дуже-то заможню. Та коли їмъ сердегамъ було щось и придбать? Хибя теперъ, якъ съ Черкесомъ война утихомирилась, то може и поопиривсь тріхи; тоді жъ, якъ я бувавъ въ їхъ містахъ, то їмъ ніколи було свого доглядать... Якимъ чєрга, ті ідуть на Кавказъ воювать, зносять крепості, кошать канави, земляні стіни видвигать — якъ гори. Робота була зазвонна — нічого сказать. Тяжъ, которі оставались дома, тожъ на пічі не лежали. На березі по всякь часъ було діло. За хазійствомъ ганділи одні жінки. Стєпу жъ у їхъ було доволі. Отъ, якъ підійде робоча поря, то неділі за дві, або й більшъ, понаходять въ Чорноморію на заробітки Анашці. Въ Анаші було багато різного, забрєдшого зо всіхъ кінцівъ, люду, — та все біднога. Оцє-жъ, поприходивши въ Чорноморію, поговорюютьца зъ жінками убрають їхъ хлїбъ — чи, тамъ, за плату, чи съ коніці; то шоке прийде робоча поря, то вони їмъ и хаті пооправляють и по хазійству дадуть всякий порядокъ; а тамъ поскошуютъ и хлїбець и сіно, хто скільке спромігся зєсіяти. Коли-жъ повертаютьца козаки до дому, то звісно, — дє вже видержать, щобъ не курнути! — не така натуря. То жінки їхъ и лають: «А чортї-бъ убивъ вашого батька, та зъ вашими козаками! колибъ не Анашці, то хатї и досі бъ були покривані вітромъ. А їмъ чортъ ма й гадки; аби горілка була».

V.

Гайдамаки.

«Чи не чували ви часомъ, Гнять Степановичъ, чого про Гайдамакъ відъ Чорноморця діда, вашого товариста жінки? Слытавъ я якось у Рябокониа. «Та дє вамъ!» той відвітувавъ. «Багато бувало кой-чого розказує; та я на лихо позабувавъ все до чиста. Одно те, шо то давнє було; а другє—шо не те вже въ голові седить, щобъ помитувать такі давні річі. А ось щось, такъ якось задєржалось; а ще й давнїшъ чувавъ. Таки рідна баба моя бувало розказує. Тоді міні було лїтъ дванадцять — не більшъ. Забувъ тільки, зъ якого села вона була. Тамъ дєсь біля Черкасъ жили

вони тоді — здається. Зібралось, каже, насъ въ хату трѣ дівчатъ; ми-жъ не то, щобъ ужѣ були дівками; а такъ, якъ то кажуть, підлітками. Старі наші всі були въ полі... Отъ сидемо. коли чѣмо—въ селі піднявсь такий галасъ — крий Мате Бѣжа: біготня, гамъ, крикъ, брязкотня; на-че свѣта преставленіе... Оце-жъ лишечко, ой нечечко! та що жъ намъ на свѣті Бѣжому робить?.. Що намъ робить? Питаемо одна въ одніе; та трѣсемось мовъ въ лихоманці. На двір-же й носа боїмость висунуть... Оце Гайдамаки прийшли люди́н ризать, каже одна изъ насъ; а тоді вже чу́тка була, що вони скрізь вѣштаютьця та ліхо рѣблять; бо старі якъ позиходятьця, то тільки й рѣчі, що за гайдамакъ... Поріжуть вони й насъ, кажемо. Дежъ-то мій батько! кричить одна, та ломле руки; де моя мате? жалібно питае друга... Матусенько жъ моя ріднесенька, ужѣ міні съ тобою не ба́чипця, а може вже тебе й на свѣті нема́, може вже тебе зарізали! Такъ преговорюючи та ридаючи, — бігаемо та здіймаемо до неба руки; а далі вибігли и въ сѣни; а изъ сѣней виведений бувъ въ стріху димарь; ми туді, — та не нивши, не івши двоє сутѣкъ тамъ и просиділи. . Проїшла та й буча, — стихомірилось въ селі; а ми сидім, боїмость и поворушитця... Коли на треті сутки чѣмо—опять гомінъ и брязкотня шаблями. О теперъ-же, кажемо, пропали наші бідні голівоньки. Заколотило насъ зно́ву. Стало було одлягати відъ сѣрця потро́хи. Такъ ні жъ, — опять біда. Защитивъ, кажемо, одинъ разъ насъ царь небесний; — а теперъ ма́бутъ не помілуе. Коли такъ воно й е: чѣмо—забразкотили въ сіняхъ шаблі. Якась изъ насъ съ переляку й поворушильсь. »А ну, хло́пці, подивітьця, чи нема́ кого въ димарі,« хтось каже, »бо щось тамъ шелестить.« Тутъ ужѣ ми не здѣржались; якъ закричали въ одинъ го́лосъ: »батьчки, ріднесенькі, зжалійтесь надъ нами, — не ріжте насъ; пустіть наші ду́ші на пока́яння...« Підбігло до насъ стільке тамъ чоловікъ, та й кажуть: »мовчіть, голубочки, ми васъ не займемо; не бійтесь насъ, бо не бійть, а спасать ми прийшли сюді. Злізайте лишень мерщій. Такъ дежъ-бо, такъ то́бъ и уніть насъ! — не ймемо віря, а ще дужчий гвалтъ піднялі... Постягали вони насъ, та все уговорюють, щобъ їхъ не боялись; а далі підійшовъ и старший и пані якась изъ нимъ, — и ті стали ублагать. »Дурні дівчата, каже старший, чого-ще ви такъ жахаєтесь? кажү-жъ бо вамъ: насъ нічого боятьця; бо ми не гайдамаки а козаки.« И пані, така ласкава, такъ насъ голубе та заспокоюе... »Чиі ви?« питае у насъ. Трусячісь та кризь слези ми розказали. »Дежъ ваші батькі, та неньки?« — »Не знаемо, паночку голубчику, не знаемо, ба́ренько; якъ пішли въ поле, коли въ селі було ще тихо, — то й до́сі нема́.« По-

хита́въ голово́ю повко́вникъ (бо то бувъ цовко́вникъ, а па́ні — ё́го жи́нка), а да́лі й ка́же: »поси́дьте-жъ ви тро́хи въ ха́ті, та нічо́го не жаха́йтеся, ми за́йдемо ще до васъ.« Отъ тро́хи зго́домъ захо́дять и ка́жуть: »та́къ я́къ тепе́рь у васъ нема́ рі́дні ні жа́дної душі, то ми візьме́мо васъ до се́бе.« Попри́падали ми до сто́лу та гірко, гірко зашл́акали, и пла́кали ми вже тоді не відъ переля́ку, а звісно, чо́го ми пла́кали.

Лю́ди ка́жуть: оте́ць небесни́й печётця обь си́ротахъ... Щи́рая тому́ пра́вда. Не забу́въ вінъ и насъ би́днихъ, а посла́въ всімъ трёмъ одно́го ба́тька и ма́тірь. Що́ то за до́бри лю́ди були — и Го́споди... Пере́везли вони́ насъ всі́х трёмъ у Миргоро́дъ; та́мъ и за́мижъ всі́х поода́вали. Мене́ за ва́шого ді́да, вінъ гна́въ тоді табу́нъ и за́німа́вся кушні́рствомъ; — а тилъ за дякі́въ, за́раза-же і́х чоло́віківъ постри́гли въ діяко́ни и пере́вели въ Херсо́нъ... Оди́нь изъ нихъ діяко́номъ и вмеръ, а дру́гий дослу́жився протопо́пи. Мій-же чоло́вікъ, та́мъ го́дівъ чере́з сті́льке, то́ж пере́хавъ въ Херсо́нъ, та тутъ и обжи́вся. Въ Херсо́ні всі́ три наре́ченні се́стри дру́жно та мирно и віку́ дожи́ли.»

Васи́ль Тищенко.

1864 року, 21 фе́врала,
Новогеоргі́вскъ (Херс. губ.),
що ко́лисъ бувъ Крми́въ.

П Л А С Т У Н И.

Старі козакі-січовики (юки ще не попереводились) було розказують такъ: що въ запорозцівъ на Дніпрі піхота сиділа въ Січі, а комінники жили въ Великому Лузі, для доброї паші конямъ. Тамъ вони пускали коні въ табуни. Кошовий насилавъ військового ста́дника (бо тоді ще не звалось табушниками). Військовий ста́дникъ мавъ піриачъ залізний⁽¹⁾; ёму комінники наряджали зъ себе підпасичівъ, котрі змінялись другими по черёжно. Якъ піхоті, такъ и комінникамъ, вільно було въ мирне вре́мня займатьця—кому рибальствомъ, кому пластуництвою; а ремесні козакі⁽²⁾ зоставались въ Січі. Пластуні стріляли дикий звірь, яко́го тоді въ дніпровихъ пла́вняхъ було доволі. Пластуніми, ка́жуть, звались за те, що непосидячі були, все вештались по пла́вняхъ и якъ більше їмъ приходилось мисить грязь, ніжъ ходити по сухому, спречъ пластать, то й прозвались пластуніми. Що зробилось зъ Січю и запорозцями—всі знають (бодай не згадувать). Двана́дцять ро́ківъ ні Січі ні Запорожжя не було. На тринадцятому Турчинъ піднявся, стався розмиръ; почали вилкати козацтво. Ось коли ёго ви́ють ста́ло треба!—Пішовъ и старій и молодій, зібралось військо; зробили й кошь: два ро́ки звали ёго *кошемъ вірнихъ козаківъ*. Якъ же посідала піхота на лотки підъ Очаковомъ, та зайшовши зъ Чорного моря, взяла сама безъ помічі відъ московської вярми, на острові Березані турецьку крі-

(1) Залізний ста́дницький піриачъ и теперъ е, підъ охраною Еяського ліжурства, въ Чорномбріі.

(2) Сидільники, лямарі, ковалі, слюсарі, кравці, шевці и инші. Такъ було зпёршу и на Чорномбріі въ Новій Січі

ність, то тоді її прозвано їх *вірнимъ військомъ Чорноморськимъ*. За те, баччъ, що вони на Чорному морі зъ своїхъ лотокъ пушками, з'бадірували Тўрчина: не виробивъ буліголова, здавъ кріпость нашимъ зъ усіма пушками, знаменами и всімъ заіасомъ.

Въ сѣмѣ рѣзмирі, пластуні були и въ піхоті и въ комінникāхъ, алє не було їхъ відко. Якъ же замиривъ Тўрчинъ, Чорноморці приишли на Кубань. Тамъ на Кубані, знайшли вони такі жъ плавні, якъ и на Дніпрі. Жонатихъ стали обселить слободами, а сирѣма — хто ремєсний—въ Нову січъ, по куреняхъ⁽³⁾, а охочі до звіря—розсипались по плавнихъ и на запорозьквій гшталтъ добувались. При пластунāхъ були охочі хлопці, при нихъ вони й зростали, а вивчавшись характерствā, робились пластунами. Цілу осінь и зиму, поки звірь порошоківий⁽⁴⁾, пластуні жили въ плавняхъ, а весною, приїхали въ слободи и приїсмили свою добиччъ, звірячі смўхи, продавали їхъ, купували пороохъ, олїво и пзъ одєжі що треба. На останню жъ копійку, поведівши музикъ на підпитку, інші зоставались до осєні на літню роботу въ слободахъ и хуторāхъ, а інші заразъ одходили въ плавні: хто стрільцувать, а хто рибалчить. Плавні въ Чорноморіі, не тільки на одній Кубані, вони закривають мѣло не половину бєрега Азѣвського моря; въ нихъ водатця: олєні, дикі кози, дикі свині, вовкі, лисїці, віднїхи, харсуїї⁽⁵⁾, а въ рідкостъ попадаютья й бобрї. Пластуні, окривъ стрїльбї зъ ружжā, ставляють всякі самолѣви: кашкани, стўшницї⁽⁶⁾, цївкї⁽⁷⁾, пружїни⁽⁸⁾, сїльця, няткї, або тенєта. Пластунъ не зна роскоши, не гарāздъ одїжний, поневірїєтця, а пластунства не кїдаєтця. Високі камїші, полома, мїстами чагаръ, зхищють єго. Однѣ небо въ плавні пластунъ бачить, якъ глїєчє вгѣру; по єго яснихъ зоряхъ, въ ночі, мїркїє вінъ собі дорѣгу, а якъ хмѣрно, то по вїтру, котрїй нагнїєє верхї очерєтївъ високїхъ. У вїтеръ, якъ у день, такъ и въ ночі, сама

(3) 1793 году Кошь Чорноморський на Кубані зробивъ кріпость, курєні, отѣ и звали до сєго Чорноморці Січью. Тодїжъ гѣродь Катєрїнодаръ.

(4) Порошкїї звїрь щїтаєтця відъ 1 пѣздєрника до 1 берєзбїла.

(5) Барсуки.

(6) Деревїна снаєсть, замїсть кашкана, хїтро пострѣбєна, — звїрїну хапѣє за пѣльці відъ лапи.

(7) Пружїни сь вїрєчатїми сїльцїми, на вїрєвку дўдка, абѣ цївка для того, що якъ пїйма звїрїну сїльцє за нѣгу, то дўдка по бичѣвцї прїсїєнєцѣ де нѣги и звїряка перегрїзма бѣ вєрєвку, такъ мусїть грїзти дўдку, абѣ цївку.

(8) Тежъ, тільки безъ цївки стѣвица похвѣтанъ.

лучча охота. Як вітеръ подихає, зашелестить комишъ, пластунъ идє ходомъ сміло, а якъ вітеръ оддыхає, то вінъ стоїа наслухає. Отакъ идучи наткнєтця близько на звіряку. Підъ вітеръ пластунський вистрілъ не полоха звіря; бо пластунъ идє противъ вітру, то вітеръ одъ єго и луну зносить за собою. Коли жъ вітру не буває, то пластунъ підбармюветца, ходомъ тієї звіряки, яку вінъ по місту сподіваєтця знайти. У кожного звіря въ плавні є свій похідъ, примір: олень має хідъ рівний; свиня прошелестить ходомъ рівнимъ, становитця и наслухає и виить тежъ; коза — прийшовши рівно разівъ два, три, скочить; вовкъ має хідъ рівний, та якъ мєнший за оленя, то й шуму одъ єго въ комиші мєнше. Такъ пластуні приминившись, з'учають похідъ прочеого звіря. Підпустивши звіря близько, пластунъ не даєтця єму въ знаки, щобъ не сподохати, а понявши, яка звірина, стріля на тріскъ и мусить поваляити. Отожъ и пластунъ, що, не бачивши звіря очима, застрєлить єго цєвно, та ще такъ угадає, щобъ вистрілъ не пропавъ; приміри: дикого кнуря бєе по лопатахъ, або шідъ вухо; нещовалений на місті кнуръ кидаетця на димъ и своїми здоровеними иклами порубає пластуня, якъ не всіє зхєбитесь. Убиту дичъ мусить вибандурити, щобъ не спортилась, и, зробивши скілько накрутокъ на комиші, щобъ після можна було знайти, идє дальше. На другий, николи на третій день, пластунъ зъ хлопцемъ або зъ товаришемъ, идуть заберати побиту дичъ, якої пластунъ самъ забравъ не змігъ. Зъ незвідомого жъ звіря, примір: вовка, харсуня и проче, деруть одні смухи. Тимъ времємъ, якъ пластунъ ходить на охоту, єго хлопецъ зъ куриня оббига розставлені по стежкахъ кашкани, чи ступиці, сільця; повиберає що попалось; познїма смухи; перебаньтє ловучий посудъ (бо звірь на закривавлений кашканъ або ступицю не шїде), та зновъ розставить по стежкахъ. Інші пластуні, чоловіка по два и по три живуть въ односумстві, въ однімъ курені, то отакъ односуми розіходятця на охоту по сєкту въ різні сторони, щобъ одинъ на другого не наткнувся. Бо траляєтця въ-рідкостъ, що инший не здєржавъ сєкту, та й поверне въ ту сторону, де вже ходить одинъ товаришъ, а якъ всякий пластунъ въ плавні держить похідъ тії звірини, шідъ котру бармюетца, то, обманившись обидва, убиває товариша той изъ іхъ, хто поспішитця попереду вистрєлить.

Въ плавняхъ бувають сухі гряди. На нихъ роблятця пластунські курені.

Пластуні, въ прикубанськихъ плавняхъ, стали часто натикаєтця на Черкєсъ, котрі прокрадаюця плавнями черезъ Кубанъ (Чорноморську

границю) въ нашу сторону, щобъ украсти корову, або вола, або й чоловіка. Якъ набредуть на шляху, або въ полі, то, вставивши йому жеребокъ въ ротъ, та на бичовці и затягнуть до себе въ неволю, або й порубають. Отъ сямь-то пластунамъ уже не до охоти; имъ охота випадати вже на чоловіка зъ такимъ же розумомъ, якъ и вони. Затимъ обходъ пластунські роблять по два, або й чатами: одинъ за однимъ йдуть не близько, бо буває, якъ Черкеси засядуть, то, вдаривши заломъ зъ ружжя, можуть побити, або кинувшись раптомъ похапати, то и йдуть, кажуть, пластуні, хотя въ день, хотя въ ночі чатаю: одинъ за однимъ рідко. Коли передній стане, то й другий и третій и всі тежъ, а чи присяде — то й всі. Якъ передній вислухає, такъ и всі. Хто когось підстереже: чи пластуні вперёдъ замітять черкесъ, то їх и верхъ, а якъ що черкеси, то й пластунамъ біда. Хибя не сила тихъ, що вперёдъ замітять, то й пропустять сильнішу чату, сидачи мовчки. Якъ же черкеси, то після такого случая, або жъ вертаються назадъ, або йдуть скоріше на дришанину дальше; а якъ пластунська не-сила, то, пропустивши черкесъ, бьють зъ потилиці. Одъ такої пинги гаспидська орда губить рахубу, падає, де хто цопавъ. Паризуватця на черкесъ тецерь не приходитця, треба умкнутъ, бо пластуні себе визначили, що мало їх, и якъ би имъ одкрито вдаритця на черкесъ, то їх ружжя не вистрелене и всякий їх вистріалъ буде безъ промашки, алежъ вони дальше не підуть, треба вернутись, бо одъ пластунських вистріалівъ границя зтревожилася, то черкесамъ вдаті не буде.

Найлучче пластуні шюндрують черкесъ на їх стороні. Тамъ вони въ себе не бережутьця и якъ разъ ниший нарижетця на пластуня, то й аминь йому.

Щобъ написати всі пластунські порядки, то булабъ ціла книжка. Може знайдутця молодчі, до того охочі. Я жъ, здається, сказавъ стільки, що видно буде жодному, що то за пластуні?

Спражній пластунъ загавка якъ лисиця, зачмише якъ кабанъ; крикне якъ олень, або якъ коза дика, заспіває дикимъ шивнемъ, захарчить харсуномъ, завне вовкомъ, забреше собакою. Жоденъ пластунъ хочъ одно, або двоє зъ такихъ удачъ въ собі має. Воно буває нужно подати, який буде у нихъ по секту, голось; або якъ розсіпавшись у плавні, нужно буде швидко зібратця до кущи; чи по якій мові треба подати другому гасло.

Такъ якъ пластуні ходять отъ жодного кардона и жодна чага мусять обходити своє займище, то у їхъ есть по секту прекімента: або суха вер-

ба, або кущъ чагарію, озірце, підкова, цакрутка на комішю, або прімо комішъ клячений ^(*). Тамъ лежить схована прикмета: або цур'уналочокъ, або що піше; яка чата вспіла дійти вперёдъ, то та, знайшовши прикмету, перекладá її на другий ладъ и вертається. А якъ прийде після друга чата, то заразъ и пойме, що товариство зъ другого кардона дошло до того місця; переложивши зновъ прикмету, вертаються назадъ другимъ обходомъ, або розсипаються на охоту по плавні.

Під засідку на стежкахъ кидаютъ противъ ноці сухого комішю, або дрібнихъ сухихъ гиллячокъ, котрі на огні засушуются вперёдъ. Памятаєте, панове, якъ пластунъ б'є на тріскъ звіря? Отожъ, накидавши на стéжку сүші, пластуні залагають, и якъ крадецца черкесь по тій трісці, то підъ ногами въ ёго сушъ и трісне, то отуть ёго и пластунъ трісне....

Наші пластуні одягаються въ черкеську одéжу и, підъ їхъ барм'ючись, запускають бороди, хто хоче; на поясі ремінному носять: кінжалъ зъ ножемъ, жарівницю, чабалтасъ кулішницю, відвертку. За поясомъ пістоль и збоку черкеську шабельку. На ногахъ онучі суконні, або портвни съ шерстяними, або прядів'яними волюками. Черевіки, або постільці, більшъ свинячі навёрхъ шерстю, щобъ не шамтіло въ траві.

Не диво пластунами́ бути и прудкими и чуткими, второпними и проворними. Зимю на холоді, а літомъ на комаряхъ та зъ голодомъ. Не бачивши луччого, думали, що такъ на всімъ світі. Трапилося їмъ бути въ Севастополі, якъ Турки, Франці та Британці держали зъ нами розмірь. Тамъ, кажутъ, годували насъ добре, давали горілку; нужди такої не прийняли, якъ у себе на кардонахъ. Вікъ би такъ служили й до-дому не пішли бъ. Насъ тамъ хвалили, та не знаємъ за що, бо ми привикли рівно тягти службу, якъ той віль, не хибали з'родусъ.

Я. Г. Кухаренко.

(*) Для бспіху клячють комішъ: охвативши въ оберёмокъ стоичого на пні комішю и стиснувши ёго кріпко руками, переломлюють: комішъ, випущений зъ рукъ, розступается и, зоставшись переломленимъ, покаже признаку.

На-добра-вiчъ усiмъ на вiчъ!
Дайте одпочiти...
Хто кохае мене щiро—
Не бiде будiти.
Не будiте, миле брiття,
Мене зъ домовини:
Ой не хочу я до сiду
Бачити Вкраiни!
А на сiдi знову бiду
Гiспода благати,
Щобъ вернiтсь працювати
До вбiгоi хати:
»Ой не живъ я, Бiже правнiй,
На бiлому свiтi:
Рвавъ тернiй я по дорiзi,
Не рожеви квітн.
Не дознавъ я, Бiже правнiй,
Любiго впокою
За неправдою людською,
Дiлею тяжкою.
Вернiй, Бiже, дорогiй
Лiта молодiй,
Що звалили, отрули
Ворогi лихiй.
Вернiй, Бiже, мою сiлу,
Що гнiлась-хпiлась,
На наругу, на забаву
Людямъ знадобiлась.
Вернiй Бiже, мене зъ раю
До рiдноi хати,—
Бiду, вь хати працювати,
Тебi прославляти.»

Т. Вешнякъ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ГУБЕРНСКИХЪ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЙ ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАѢ.

До-сихъ-поръ, въ отдѣлѣ правительственныхъ распоряженій, касающихся южно-русскаго края, мы помѣщали и главнѣйшія постановленія правительства, относящіяся до крестьянскаго дѣла. Съ нынѣшняго года мы нашли полезнѣе, согласно желанію многихъ, ввести важнѣйшія распоряженія правительствъ въ нашу лѣтопись, и обратить особенно вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Постановленія губернскихъ присутствій южно-русскаго края будутъ сообщаться въ *Основы* постоянно. Они имѣютъ важное значеніе: служа какъбы дополненіемъ и разъясненіемъ общихъ основаній, изложенныхъ въ «Положеніяхъ», эти постановленія указываютъ на мѣстныя потребности и особенности, и дѣлаются обязательными для помѣщиковъ и крестьянъ той губерніи, гдѣ они состоялись, получаютъ такимъ-образомъ силу мѣстнаго закона.

На первый разъ мы помѣщаемъ, извлеченія изъ постановленій мѣстныхъ губернскихъ присутствій за первые восемь мѣсяцевъ со времени ихъ открытія.

Постановленія Черниговскаго губернскаго присутствія, открытаго 16 марта (*).

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Началомъ лѣтнаго полугодія считается: а) въ уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ, и Ковтопскомъ — 1 апрѣля; б) въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ, Глуховскомъ и Новгородсѣверскомъ — 10 апрѣля;

(*). Эти постановленія извлечены изъ *Лѣтописи Сельскаго Благоустройства*, издававшейся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

в) въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ—15 апрѣля; г) въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ—23 апрѣля.

Оцѣнка рабочаго дня. Установлена слѣдующая оцѣнка мужскихъ рабочихъ дней:

А) Въ уѣздахъ Борзенскомъ, Козелецкомъ, Копотопскомъ, Нѣжинскомъ и Остерскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 1 апрѣля по 15 іюня . . . . 25 к.
— 15 іюня — 1 іюля . . . . 40 —
— 1 іюля — 15 августа . . . 60 —
— 15 августа — 1 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 1 октября по 1 апрѣля . . . . 17 к.

Б) Въ уѣздахъ Городницкомъ, Глуховскомъ, Кролевецкомъ, Новгородсьерскомъ, Сосницкомъ и Черниговскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 10 апрѣля по 29 іюня . . . . 25 к.
— 29 іюня — 10 іюля . . . . 40 —
— 10 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 10 октября . . . 30 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 10 октября по 10 апрѣля . . . . 20 к.

В) Въ уѣздахъ Новозыбковскомъ и Стародубскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 15 апрѣля по 29 іюня . . . . 30 к.
— 29 іюня — 15 іюля . . . . 40 —
— 15 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 15 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 15 октября по 15 апрѣля . . . . 20 к.

Г) Въ уѣздахъ Мглинскомъ и Суражскомъ:

а) Лѣтнее полугодіе:

Съ 23 апрѣля по 29 іюня . . . . 30 к.
— 29 іюня — 20 іюля . . . . 40 —
— 20 іюля — 23 августа . . . 50 —
— 23 августа— 23 октября . . . 35 —

б) Зимнее полугодіе:

Съ 23 октября по 23 апрѣля . . . 20 к.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи даѣе сѣточного пути, харчевое и кормовое продовольствіе полагается по 1 коп. сер. на каждую версту и подводу.

Размѣръ пособія, назначаемато увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. Владѣлецъ, увольняющій отъ обязательныхъ отношеній неспособнаго къ работѣ двороваго человѣка, безъ его на то согласія, обязанъ, при самой вылачѣ ему увольнительнаго акта, внести мировому посреднику, для передачи

увольняемому, денежное вознаграждение, равняющееся стоимости того полного содержания, которое означенный дворовой человекъ получалъ отъ бывшего своего помѣщика. Сумму этого вознаграждения должна составлять совокупная стоимость продовольствія и одежды, которая получалъ увольняемый; мѣра же вознаграждения за помѣщеніе и отопленіе, которыми онъ пользовался, опредѣляется мировымъ посредникомъ по мѣстнымъ соображеніямъ. Вознагражденіе выдается на все время, остающееся со дня выдачи увольнительнаго акта, до истеченія 2-хъ лѣтняго срока, по мѣсячному расчету, причѣмъ неполный мѣсяцъ принимается за полный. Точное опредѣленіе суммы вознагражденія, слѣдующей увольняемому, неспособному къ работамъ, дворовому человеку, предоставляется мировому посреднику, который при этомъ случаѣ руководствуется средними, существующими въ каждой мѣстности на всѣ предметы содержанія цѣнами.

Постановленія Полтавскаго губернскаго присутствія, открытаго 12 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнее полугодіе считается съ 1 апрѣля, а зимнее съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, хозяйственный годъ раздѣляется на три періода: 1) отъ 1 июня по 1 сентября; 2) отъ 1 апрѣля по 1 июня и отъ 1 сентября по 1 октября, 3) отъ 1 октября по 1 апрѣля. Кромя того, уѣзды Полтавской губерніи раздѣлены на два разряда: къ первому изъ нихъ причислены уѣзды Полтавскій, Кременчугскій и Константиноградскій; ко второму всѣ прочіе уѣзды Полтавской губерніи. На основаніи этихъ 2-хъ дѣленій, цѣнность рабочихъ дней опредѣляется:

	Въ 1-й мѣстности	Во 2-й мѣстности.
Въ теченіе 1-го періода	50 коп. сер.	35 к. сер.
— — — 2-го — —	25 — —	20 — —
— — — 3-го — —	20 — —	15 — —

Плата за подводы. Подводчику на его харчи и на кормъ лошадей или воловъ, при посылкѣ помѣщикомъ подводъ на разстояніе далѣе суточного пути, выдается: въ лѣтнее полугодіе т. е. съ 1 апрѣля по 30 сентября подводчику съ одноконною подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 25 коп. на каждыя сутки; а въ зимнее полугодіе, т. е. съ 1 октября по 15 марта 1862 г. подводчику съ одноконной подводой по 25 коп. и съ пароволовою по 30 к. на каждыя сутки.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ. При увольненіи неспособныхъ дворовыхъ людей, владѣлецъ обязанъ внести по 10 руб. на каждую ревизскую душу, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семействѣ заключается болѣе одной души; если же увольняется калѣка или старикъ безсемейный, то ему назначается по 12 р. въ годъ.

Урочное положеніе.

Размѣръ дневнаго урока для одного работника.

I. Обработка поля подъ посѣвъ или посадку.

1. Работникъ съ парюю воловъ долженъ наложить и вывезти навоза, на-
кладывая на каждый возъ до 30 пудовъ:

	въ лѣтній день		въ зимн. день:	
а) На разстояніи не болѣе	1 вер.	10 возовъ	7 возовъ	
б) — — —	1 ¹ / ₂ —	8 —	6 —	—
в) — — —	2 —	7 —	5 —	—
г) — — —	2 ¹ / ₂ —	6 —	4 —	—
д) — — —	3 —	5 —	3 —	—

Примѣчаніе. Работникъ съ одноконной подводой долженъ набирать до 20 пудовъ навоза въ разъ, и сдѣлать однимъ концемъ больше противу вышеозначеннаго урона.

2) Вспахать поля, при глубинѣ вспашки — Если мѣсто работы удалено отъ селенія до 4-хъ вершковъ и при ширинѣ лѣня далѣе 6 верствъ, то на проходѣ борозды до 5 вершковъ. туда и обратно изъ урона вычитается:

	При разстояніи отъ селенія до						
	7-ми верс.	8-ми верс.	9-ти верс.	10-ти верс.	11-ти верс.	12-ти верс.	
	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	
а) Мягкаго поля	¹ / ₂ дес.	50	100	150	200	250	300
б) цѣмнистаго или глинистаго	¹ / ₂ —	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200
3) Заразить однозубнымъ разломъ:							
а) Свѣжей вспашки	¹ / ₂ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Прошлагодной вспашки	¹ / ₂ —	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200
4) Заборонить разъ вдоль и два раза поперекъ: одной парой воловъ или одной лошадыю							
	¹ / ₂ дес.	50	100	150	200	250	300

Примѣчаніе 1. Каждому работнику можетъ быть поручаемо 2 бороны, причѣмъ двумя боронами онъ долженъ заборонить вышеозначеннымъ порядкомъ цѣлую десятину.

Примѣчаніе 2. Всѣ вышеозначенныя работы производятся орудіями и скотомъ помѣщика; кромѣ того при вспашкѣ помѣщикъ обязанъ давать, къ плугамъ, по одному погонщику къ двумъ парамъ воловъ.

II. Уборка хлѣба и другихъ растений.

б) Скосить въ день:

На голую косу:

а) Озимаго и яроваго хлѣба, при плохомъ урожаѣ	¹ / ₂ дес.	50	100	150	200	250	300
б) Яроваго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ	² / ₃ —	40	80	120	160	200	240
в) Озимаго	¹ / ₂ —	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200

На грабли:

а) Озимаго и яроваго хлѣба при плохомъ урожаѣ	² / ₃ дес.	40	80	120	160	200	240
б) Яроваго хлѣба при хорошемъ урожаѣ	¹ / ₂ —	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200

Примѣчаніе. Хлѣбъ совершенно лег- шій, вслѣдствіе дождей и вѣтра, а так- же покрученный вихрями, можетъ быть съ успѣхомъ убираемъ только на сер- пы, а потому къ уборкѣ такого хлѣба на косу урочное положеніе не можетъ быть приимлемо.

6) Связать въ снопы скошенный хлѣбъ и поставить въ копы всякаго хлѣба 4 копы . . . . . 10 сноп. 20 сп. 30 сп. 40 сп. 50 сп. 1 коп.

Примѣчаніе. Въ копѣ должно счи- тать 60 сноповъ, мѣрою каждый 20 верш- ковъ въ окружности.

7) Сжать, связать въ снопы и поста- вить въ копы:

При плохомъ урожаѣ . . . 1 копу 2¹/₂ сп. 5 сп. 7¹/₂ сп. 10 сп. 12¹/₂ сп. 15 сп.
 При хорошемъ урожаѣ . . 1¹/₂ — 3³/₄ — 7¹/₂ — 11¹/₄ — 15 — 18³/₄ — 22¹/₂.

8) Положить хлѣба въ стогъ или скирду и собрать осыпавшіяся при сжа- тѣ зерна:

	к. сп.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.	к. с.		
Озимаго . . . . . 30 копѣ	1	15	2	30	3	45	5	6	15	7	30
Яроваго . . . . . 40 —	1	40	3	20	5	6	40	8	20	10	

Примѣчаніе 1 Исполненіе этого уро- ка обязательно только въ томъ случаѣ, если копы будутъ подвижными безоста- новочно.

Примѣчаніе 2. Скирды, не вывершен- ныя въ одинъ день по причинѣ дождя или вслѣдствіе какихъ либо другихъ постороннихъ препятствій, должны быть вывершиваемы на другой день, безу- рочно или съ слѣдующимъ уменьше- ніемъ вышеозначеннаго урока:

	сноп.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.		
Озимаго хлѣба . . . . . 15 копѣ	37 ¹ / ₂	1	15	1	52 ¹ / ₂	2	30	3	7 ¹ / ₂	3	45
Яроваго — — — — 20 —	50	1	40	2	30	3	20	4	10	5	коп.
9) Скосить травы:	кв.	саж.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	к.	с.	
а) Степной . . . . . 1/2 дес.	50	100	150	200	250	300					
б) Луговой и болотной нетопкаго бо- лота . . . . . 1/3 дес.	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200					
в) Болотной, на топкомъ бо- лотѣ . . . . . 1/4 —	25	50	75	100	125	150					
10) Сгрести покосы:											
а) На степномъ сѣнокосѣ съ 1/2 —	50	100	150	200	250	300					
б) На луговомъ и болотномъ нетоп- комъ . . . . . съ 1/3 дес.	33 ¹ / ₂	66 ² / ₃	100	133 ¹ / ₃	166 ² / ₃	200					
в) На топкомъ болотѣ . . 1/4 —	25	50	75	100	125	150					
11) Скласть, сгребенное сѣно въкопы:											

а) На степномъ сѣнокосѣ съ 3 дес.	300	$\frac{1}{4}$ дес.	900	$\frac{1}{2}$ дес.	1800	$\frac{3}{4}$ д.
б) На луговомъ и болотномъ степномъ . . . . . съ 2 —	200	400	к. с. $\frac{1}{4}$ д.	$\frac{1}{2}$ д.	1000	$\frac{1}{2}$ —
в) На топкомъ болотѣ. съ $\frac{1}{2}$ —	150	300	480	к. с. $\frac{1}{4}$ —	750	900

12) Скидать сѣна въ стогъ или скирду (считая въ концѣ около 10

пуд.) . . . . . 30 копницъ $1\frac{1}{4}$ к. $2\frac{1}{2}$ к. $3\frac{3}{4}$ к. 5 к. $6\frac{1}{2}$ к. $7\frac{1}{2}$ к.

13) Скосить камыша и сложить въ к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. сажень въ зимній день . $1\frac{1}{2}$ куб. с. $\frac{3}{4}$ $1\frac{1}{2}$ $1\frac{1}{2}$ $2\frac{3}{4}$ 3 $3\frac{3}{4}$

14) Сжать камыша и связать въ кули мѣрою каждый въ 16 вершковъ окруж- куля куля куля куля куля куля куля ности . . . . . 50 кулей $2\frac{1}{12}$ $4\frac{1}{6}$ $6\frac{1}{4}$ $8\frac{1}{2}$ $11\frac{1}{12}$ $13\frac{1}{2}$

III. Приготовление продуктовъ къ продажѣ или потреблению.

15) Смолотить въ день лѣтняго полугодія:

Ржи и пшеницы . . . $1\frac{1}{2}$ копы

Прочаго хлѣба. . . . 2 — —

Въ день зимняго полугодія:

Ржи и пшеницы . . . 1 — —

Прочаго хлѣба. . . . $1\frac{1}{4}$ — —

Примѣчаніе. Вымолоченное зерно должно быть, при этомъ, сложено въ ворохъ (кучу), солома же должна быть убрана съ тока и сложена въ очередь на разстояніи, впрочемъ, не далѣе 30 саж. отъ мѣста молотбы.

16) Остричь овецъ . . . 12 штукъ $\frac{1}{2}$ ш. 1 ш. $1\frac{1}{2}$ ш. 2 ш. $2\frac{1}{2}$ ш. 3 ш.

17) Нарубить дровъ и сложить на к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. к. ар. мѣстѣ рубки . . . . $\frac{1}{2}$ куб. саж. $\frac{1}{2}$ 1 $1\frac{1}{2}$ 2 $2\frac{1}{2}$ 3

18) Выдѣлать сыраго кирпича изъ шт. шт. шт. шт. шт. шт. готовой вымѣшанной глины 500 штукъ $20\frac{2}{3}$ $41\frac{2}{3}$ $62\frac{1}{3}$ $83\frac{1}{3}$ $104\frac{1}{3}$ 125

Съ поправкою сдѣланнаго на канушѣ.

Примѣчаніе. Мѣра выдѣлываемаго по урокамъ кирпича должна быть слѣдующая: длина 6 вершковъ, толщина $1\frac{1}{2}$ вершка.

VI. Земляныя работы.

19) Уроки для земляныхъ работъ устанавливаются лишь для копанія рововъ и канавъ и притомъ не глубже $2\frac{1}{2}$ ар. отъ поверхности почвы.

а) При прорытѣ рововъ и канавъ не глубже $1\frac{1}{2}$ арш., каждый работникъ долженъ выкопать:

Въ лѣтній день . . . 24 куб. арш.	1	2	3	4	5	6
Въ зимній день . . . 18 — —	1	2	3	4	5	6

б) При глубинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ар.:

Въ лѣтній день . . . 18 куб. арш.	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$
Въ зимній день . . . $13\frac{1}{2}$ — —	$\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{4}$	3	$3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{2}$

Примѣчаніе: Неподлежитъ урочному положенію копаніе рововъ и канавъ: а) на низменной, бодотистой почвѣ, б) на почвѣ каменистой, в) при мерзлой землѣ и г) въ мѣстахъ, гдѣ древесные корни и пни мѣшаютъ успѣху работы.

По желанію одной изъ двухъ сторонъ, введеніе урочнаго положенія обязательно лишь по введеніи уставныхъ грамотъ; до введенія же уставныхъ грамотъ это урочное положеніе можетъ быть введено лишь по добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

*Постановленія Екатеринославскаго губернскаго присутствія,
открытаго 13-го марта.*

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Для крестьянскихъ работъ по всей губерніи (кроме Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго) началомъ лѣтнаго полугодія считается 1-е апрѣля, и началомъ зимняго 1-е октября; а для Ростовскаго уѣзда и южной части Александровскаго, началомъ лѣтнаго полугодія 15-е марта, а зимняго 15-е сентября.

Оцѣнка рабочаго дня. Для оцѣнки рабочихъ дней, губернія раздѣлена на 3 мѣстности. Къ первой отнесены уѣзды: Верхнеднѣпровскій и Новомосковский, въ которыхъ цѣны рабочихъ дней установлены такія: мужской лѣтній день 50 коп., женскій лѣтній день 30 коп.; мужской зимній день 25 коп., женскій зимній день 15 коп. Ко второй мѣстности относятся уѣзды: Екатеринославскій, Павлоградскій, Бахмутскій и Славяносербскій, въ которыхъ рабочие дни оцѣнены такъ: лѣтній мужской 60 коп., а женскій 35 коп.; зимній мужской 35 коп., а женскій 20 коп. Къ третьей мѣстности отнесены уѣзды Александровскій и Ростовскій, въ которыхъ лѣтній мужской день оцѣненъ 65 коп., а женскій 40 коп.; зимній мужской день 40 коп., а женскій 20 коп.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніи далѣе сутачнаго пути, а именно: конныхъ подводъ далѣе 30, а на волахъ далѣе 20 верствъ отъ того селенія, гдѣ живетъ крестьянинъ, помѣщикъ выдаетъ подводчику, на его харчи и на кормъ пары воловъ, по 10 коп. сер. въ день (или на каждыя 20 верствъ), а для подводчика съ лошадыю по 15 коп. въ день (или на каждыя 30 верствъ.)

Размѣры пособія, назначаемаго увольняемому до срока дворовому люду. а) На каждаго неспособнаго къ работѣ двороваго человѣка выдается въ мѣсяць по 2 р. сер., а на таковаго же малолѣтнаго по 1 р. сер.; б) возрастъ для взрослага считается, по мѣстному обычаю, съ 14 лѣтъ; в) если взрослый человѣкъ семейный, то съ нимъ вмѣстѣ должны быть уволены его жена и дѣти; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ обязанъ вносить установленную плату за тѣхъ только членовъ семейства увольняемаго, которые также къ работѣ неспособны.

Урочное положеніе. Каждый работникъ и каждая работница обязаны, въ одинъ день, отработать одинъ изъ слѣдующихъ, свойственныхъ ихъ полу, уроковъ: (въ этомъ урочномъ положеніи для измѣренія вездѣ принята десятина казенной мѣры (2400 кв. сажень).

I. Обработка земли, оранка и бороньба.

1) Заорать (запахать) нигкогда вспаханной (цѣлинной) земли одну треть десятины.

2) Заралить однимъ райомъ (отъ трехъ до пяти зубьевъ), въ одинъ слѣдъ двѣ десятины.

3) Заорать многозѣбный залежь и мягкую землю $\frac{1}{2}$ десятины.

4) Забороновать, въ три слѣда, одну десятину.

Примѣчаніе 1. При всѣхъ этихъ работахъ, при которыхъ употребляются волю или лошади, рабочіе приставленные за погоничей, на выше указанныхъ расстояніяхъ, ведутъ и погоняютъ рабочихъ животныхъ.

Примѣчаніе 2. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

II. Посѣвъ и уборка хлѣба.

1) Посѣять всякаго рода хлѣба на четырехъ десятинахъ.

2) Скосить всякаго рода хлѣба и льна полдесятины.

3) Связать снопы и сложить въ копны одну треть десятины.

4) Сжать серпомъ, связать и сложить въ копны всякаго рода хлѣба одну девятую часть десятины.

5) Скошеннаго и несвязаннаго въ снопы хлѣба и льну стрести и сложить въ копны полдесятины.

6) Выдержатъ льну и связать въ снопики или горстки — одну пятнадцатую десятины.

7) Привезти сжатого или скошеннаго хлѣба съ поля въ токъ (гумно) и выкидать снопы зъ скирды:

При разстояніи отъ 4 до 5 верстъ 3 раза

— — — — — за 3 версты 4 — —

— — — — — 2 — — 5 разъ

— — — — — 1 версту и менѣе 6 разъ.

При разстояніяхъ промежуточныхъ между вышеуказанными—среднія количества изъ помянутыхъ цифръ.

Примѣчаніе. Количество копень на возахъ обыкновенныхъ полагается по роду хлѣба, отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$, а на гарбахъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 4-хъ. Для складки же привозимыхъ копень полагается на каждыя шесть возовъ и на каждыя четыре гарбы по одному складчику.

III. Косовица и уборка сѣна.

1) Скосить сѣна полдесятины.

2) Стрести сѣна въ валки одну десятину.

3) Сѣно, нагроможденное десятью гребнями, складываютъ въ копны, загроможиваютъ, загребаютъ и отправляютъ три работника и одна работница.

4) Сложить сѣно въ полускирдъ, длиною въ 6 сажень, шириною въ 2 и чрезъ верхъ въ $8\frac{1}{2}$ саж.—шести человѣкамъ при двухъ парахъ воловъ. При кладкѣ же скирдъ, полускирдъ или стоговъ другихъ размѣровъ полагается: на 16 копень одинъ работникъ съ паромъ воловъ.

IV. Молотьба хлѣба, стрижка овецъ, копка земли и прочія мелочныя работы.

1) Вымолотить цѣпкомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, съ *лѣтнее полугодіе*, въ день: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго $1\frac{1}{2}$ копны; арнаутки—30 сноповъ; съ *зимнее полугодіе*: озимаго хлѣба—одну копну; яроваго—одну копну; арнаутки 40 сноповъ.

2) Остричь овецъ:

Взрослыхъ — — — — — 15 штукъ

Ягнятъ годовалыхъ — — — — — 20 — —

Барановъ — — — — — 10 — —

3) Выкопать канаву:

а) Глубиною въ 1 арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ въ одинъ арш.—погонныхъ сажень 9.

б) Глубиною $1\frac{1}{4}$ арш., шириною въ верхнемъ разрѣзѣ $1\frac{1}{2}$ арш., погонныхъ сажень 4.

4) Вырыть ямъ: въ мягкой землѣ 10 кубическихъ аршинъ; въ твердой землѣ—7.

5) Перекопать грядъ для огорода въ одинъ штихъ: въ мягкой землѣ 20 квадр. сажень, въ твердой землѣ 12.

6) Вырѣзать въ овчарий князю, въ одинъ штихъ, толщиною въ 4 вершка мужничъ—9 кв. саж.

7) Вывезти изъ сарая князю для просушки 9 кв. саж.

8) Выполоть руками, или истребить сорными травами: женщинъ $\frac{1}{15}$ десятины.

9) Забить колья и заплести лозою огорожу, высотой въ 2 арш.—погонныхъ сажень 5.

10) Напрясть для простаго крестьянскаго холста изъ льну, пеньки, поскочин, на мотовило въ 2 арш.—5 пасемъ.

11) Выткать десятки 6 аршинъ; выткать сукна и ряденъ 8 аршинъ

12) Наломать, съ надлежащими отъ экономіи инструментами, и сложить въ сажени: мягкаго камня $\frac{1}{3}$ куб. сажени, твердаго камня $\frac{1}{9}$ куб. сажени.

Всѣ прочія работы, какъ неподходящія подя правильнаго учета, производятся поденными работами.

Постановленія Херсонскаго губернскаго присутствія, открытаго 19-го марта.

Плата за подводки. При посылкѣ крестьянскихъ подводъ на разстояніе дѣлѣе суточного пути, владельцемъ выдается въ сутки: подводчику на харчи 10 коп., на кормъ пары воловъ 10 коп., и на каждую лошадь 10 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людемъ. Мужничъ и женщинъ свыше 14 лѣтъ полагается 36 р. въ годъ или 3 р. въ мѣсяць; отъ 9 до 14 лѣтъ—27 руб. въ годъ или 2 р. 25 к. въ мѣсяць и дѣтямъ моложе 9 лѣтъ—18 р. въ годъ или 1 р. 25 к. въ мѣсяць.

Урочное положеніе.

1) Вспахать въ день, мягкаго (переложнаго) поля, при плугѣ въ 6 воловъ, должно полдесятины (1200 кв. сажень).

2) Твердаго поля (цѣлинны) при 8 волахъ—полдесятины.

Примѣчаніе. Пашня (оранка) должна быть ровная, безъ пропусковъ, огрѣховъ и заломовъ.

3) Передвонить (перепашать или перералить) десятину малымъ плужкомъ въ $1\frac{1}{2}$ дня; однопалымъ раломъ въ одинъ день; трехпалымъ, при двухъ парахъ воловъ, въ день—два десятины.

Примѣчаніе. Когда поле заросшее (пырейное), то работа перепашки уменьшается на одну треть.

4) Боронить (заволочить) два раза одной бороной, при парѣ воловъ, переложнаго поля, въ день, одну десятину; цѣлиннаго поля, на десятину въ день $1\frac{1}{2}$ бороны пароволовой или 1 борона пароконная.

в) Засѣять одинъ человекъ долженъ, въ день, всякаго рода хлѣбомъ, 4 десятины; кукурузой—8 десятинъ.

б) Сжать серпомъ хлѣба, туго связавъ въ снопы и сложивъ по мѣстному обычаю, въ полукопы или кисеры, съ одной десятины должны 10 рабочихъ.

Примѣчаніе. При урожаѣ, на десятинѣ болѣе 10 копъ, каждый рабочій долженъ сжать серпомъ 60 сноповъ, тугой вязъ, мѣрою въ обхватъ $1\frac{1}{2}$ аршина.

7) Убрать хлѣбъ косою, съ одной десятины, при урожаѣ отъ 10 до 15 копъ, въ день, должны 2 косаря и 4 вязальщицы; при меньшемъ урожаѣ $1\frac{1}{2}$ косаря и 3 вязальщицы.

8) Спать (спрашивать) десятину кукурузы, сильно заросшую въ день—10 рабочихъ; менѣе заросшую—8; баштана десятину заросшую—12, менѣе заросшую—10.

9) Наломать и вычистить кукурузы въ день, на каждаго рабочаго,—4 четверти кочановъ.

10) Скосить льна 10 дес. въ день—18 косарей; сгрести и сложить въ копны—4 копчичника и 4 гребца.

11) Скосить травы 10 дес. въ день—17 косарей; убрать въ копны—11 гребцовъ и 3 копчичника съ 1 загребальщицей.

Примѣчаніе. Тамъ, гдѣ убираемая поля не будутъ обѣдраны, уборка хлѣба и сѣна производится поденною работою.

12) Сложить сѣно въ скирду, длиною 10 саж., шириною 2 и чрезъ верхъ $7\frac{1}{2}$, въ день 7 работниковъ и 5 рабочихъ, при 5 парахъ воловъ, для стягиванія копницъ.

13) Вымолотить цѣпомъ, съ очисткою зерна и уборкою соломы въ скирду, въ лѣтніе мѣсяцы, въ день, рабочій долженъ: озимаго хлѣба—одну копу; яроваго $1\frac{1}{2}$ копы; арнаutki 40 сноповъ; въ зимніе мѣсяцы: озимаго хлѣба—50 сноповъ; яроваго—1 копу; арнаutki—40 сноповъ; кукурузы сухой, въ лѣтніе мѣсяцы, 10 четвертей въ кочанахъ.

14) Остричь въ день работникъ долженъ 25 овецъ; работница—20.

15) Нарубить и сложить трехполѣнныхъ дровъ въ лѣсу и на плавняхъ работникъ долженъ въ день $\frac{1}{4}$ кубической сажени, или 4 работника—одну сажень; причеиъ вѣтви должны быть сложены въ кучи.

16) Камыша пажать, въ сырыхъ плавняхъ безъ воды, или набить по льду въ день—90 пучковъ, въ $\frac{3}{4}$ аршина вязъ, со складкою въ кучи на берегу.

17) Хворосту или лозы парубить или бурьяну накосить осенью и зимою и привезти, на разстояніи 5 верстъ, въ день—одинъ возъ; на разстояніи же 2 и менѣе верстъ—2 воза.

18) Вырыть каналы въ обыкновенномъ, не каменистомъ, грунтѣ, глубиною въ 1 арш., шириною сверху 1 арш. и на днѣ 6 вершковъ—рабочему въ день полагается 3 саж. въ длину. При той же ширинѣ, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ арш.—3 саж. При поправкѣ старыхъ каналов—10 саж.

19) Выкопать ямокъ, для посадки деревьевъ, глубиною и шириною въ 1 аршинъ, въ обыкновенномъ грунтѣ, въ день—12, въ твердомъ—8. Открыть такихъ же ямокъ, когда деревья не припались, на слѣдующій годъ — 20 въ день.

20) Перекопать земли, въ саду или въ огородѣ, въ 3 вершковъ глубиною, въ первый разъ, всесою на рабочаго полагается 16 квадр. саж.; во второй разъ—24.

21) Вырѣзать кизляку (скотскаго кирпича), одинъ рабочій, въ день, долженъ на пространство 18 квадрат. саж.

22) Привозить снопы въ токъ, на разстояніи отъ 4 до 5 верстъ, должно три раза, за три версты—пять разъ, за 2 версты—шесть разъ; за версту и меньше—семь разъ. Свыше пяти верстъ разстоянія—опредѣлять возку сноповъ, приѣхавшая къ этому же расчету.

Постановленія Кіевскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Лѣтнимъ рабочимъ временемъ, для отбыванія надѣльной повинности, считается періодъ съ 24 марта по 24 сентября, а періодъ съ 24 сентября по 24 марта считается зимнимъ временемъ.

Плата за подводы. При посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе сутагошаго пути, до 15 марта 1862 года, выдаются слѣдующія платы: подводчику на харчи, какъ въ лѣтній, такъ и въ зимній день по 10 коп. ср.; на кормъ одной лошади въ лѣтній и зимній день по 20 коп., на пару воловъ въ лѣтній день по 10 коп., а въ зимній по 20 коп. ср.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людемъ. При увольненіи неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей ранѣ истеченія 2-хъ лѣтъ, владѣльцы вносятъ для обезпеченія ихъ по расчету на каждый мѣсяць, до окончанія двухъ обязательныхъ лѣтъ: а) одиночкамъ обоюго пола по 1 р. 50 коп.; б) женщивъ при мужѣ или родственникѣ по 1 р.; в) малолѣтнимъ обоюго пола до 12-и лѣтнаго возраста по 75 копѣекъ.

Урочное положеніе. Каждый работникъ обязанъ въ одинъ день: 1) Посѣять на трехъ десятинахъ зерно—въ одинъ переходъ, а на двухъ десятинахъ—въ два перехода. 2) Сжать и сложить въ копны озимой пшеницы съ $\frac{1}{12}$ десятины, а ржи или яроваго хлѣба съ $\frac{1}{12}$ десятины; или же (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) сжать, при хорошемъ и среднемъ урожаѣ, 1 копну, а при худомъ, безъ урока, сколько успеютъ. При этомъ каждый, туго связанный снопъ, долженъ имѣть въ объемѣ у перевази не болѣе $5\frac{1}{2}$ четвертей аршина.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено съ достаточною вѣрностью пространство земли и количество посѣва, каждый работникъ обязанъ сжать озимаго хлѣба, при хорошемъ урожаѣ, одну копну въ 60 сноповъ, въ показанномъ выше объемѣ, или яроваго полторы копны, а при худомъ того и другаго хлѣба безъ урока, сколько успеетъ.

3) Скосить озимаго и яроваго хлѣба $\frac{1}{3}$ часть десятины; сѣна на перекогахъ и посѣвной травы $\frac{1}{2}$ десятины, а на низменныхъ лугахъ и болотахъ съ кочками $\frac{1}{2}$ десятины.

4) Собрать и сложить въ конны сѣно на лугахъ поемныхъ и заливныхъ съ $\frac{1}{2}$ десятины и на прочихъ сѣнокосныхъ поляхъ съ $\frac{1}{2}$ десятины.

5) Связать и сложить въ конны кошениаго хлѣба озимаго на $\frac{1}{6}$ и яроваго на $\frac{1}{4}$ части десятины.—Въ имѣніяхъ, гдѣ неопредѣлено пространство земли, равно въ 6-ой и 7-й мѣстностяхъ связать и сложить озимаго и яроваго хлѣба три конны.

6) Обмолотить въ лѣтніе дни 60 сноповъ озимаго и яровой пшеницы и 90 прочаго яроваго хлѣба, а въ зимніе 40 сноповъ озимаго, столько же яровой

пшеницы и 60 прочаго ярого. Причемъ вывѣять съ этаго числа сноповъ вымолоченное зерно и убрать его въ магазинъ, также отнести солому на узавное въ гумнѣ мѣсто.

- 7) Раскидать навозъ на $\frac{1}{4}$ десятины.
- 8) Посадить картофеля на приготовленной для сего землѣ на $\frac{1}{7}$ десятины.
- 9) Выкопать картофеля при хорошемъ урожаѣ $2\frac{1}{2}$, а при худомъ $\frac{1}{2}$ четверти.
- 10) Обсыпать кукурузу на $\frac{1}{12}$ части десятины.
- 11) Выложить и очистить качановъ кукурузы $3\frac{1}{2}$ четверти.
- 12) Наколотъ дубовыхъ кольевъ для изгородей 60 штукъ; обтесать такихъ кольевъ 30 штукъ.
- 13) Вбить колья въ землю и заплести хворостомъ на пространствѣ 4-хъ сажень, высоту въ $2\frac{1}{2}$ аршина.
- 14) Связать четыре копы сноповъ изъ готовыхъ кулей ржаной соломы для покрытія кровель.
- 15) Нарубить $\frac{1}{4}$ кубической сажени трехполъныхъ дровъ. Урокъ этотъ не распространяется на дубовыя и другія твердыхъ породъ дрова, рубка которыхъ производится безъ уроковъ.

Примѣчаніе 1. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пространство земли въ точности не измѣрено, работы, показанныя въ пунктахъ 3, 4, 7, 8, 9, 10 и 11 производятся безъ уроковъ.

Примѣчаніе 2. Работы, здѣсь непоименованныя, на основаніи 189 ст. мѣст. полож., производятся безъ уроковъ и при такихъ работахъ число рабочихъ часовъ въ рабочемъ днѣ, на основаніи 190 ст. того же положенія, не должно превышать въ лѣтнее полугодіе 12, а въ зимнее 9 часовъ. — Въ число это не включается время, назначенное для отдыха рабочихъ.

Примѣчаніе 3. При урочной работѣ, каждый крестьянинъ, окончившій заданный ему урокъ, а при безурочной, отработавшій положенное число часовъ, не можетъ быть затѣмъ удерживаемъ на работѣ.

Примѣчаніе 4. На пяти верстахъ разстоянія отъ села, въ которомъ живутъ крестьяне, они обязаны выполнять работы по урочному положенію, безъ всякаго вычета изъ уроковъ за употребленное на проходъ время. Если мѣсто работы удалено отъ селенія далѣе 5-и верстъ, то работа производится безъ назначенія уроковъ, а на проходъ къ мѣсту работы и обратно каждой версты, сверхъ 5-и верстъ, полагается полчаса.

Постановленія Харьковскаго губернскаго присутствія, открытаго 11 марта.

Сроки лѣтнихъ и зимнихъ работъ. Начало лѣтнаго полугодія считается съ 1 апрѣля, а зимняго съ 1 октября.

Оцѣнка рабочаго дня. Въ отношеніи оцѣнки рабочихъ дней губернія раздѣлена на три части и для каждой изъ нихъ положены рабочему слѣдующія платы:

- 1) Въ уѣздахъ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Лебединскомъ и Сумскомъ.
- а) Въ мѣсяцахъ: мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ . . . . . 22 к. . . . . 20 к.
и октябрѣ . . . . . 35 к. . . . . 20 к.
- б) Въ мѣс. июнѣ, июлѣ, и августѣ . . . . . 20 к. . . . . 10 к.
- в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ . . . . . 25 к. . . . . 14 к.
- 2) Въ уѣздахъ Валковскомъ и Харьковскомъ:
- а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ . . . . . 40 к. . . . . 25 к.
б) Въ мѣс. маѣ, июнѣ и июлѣ . . . . . 18 к. . . . . 10 к.
- в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ . . . . . 25 к. . . . . 12 к.
- 3) Въ уѣздахъ Волчанскомъ, Змиевскомъ, Пяюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ:
- а) Въ мѣс. мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, и октябрѣ . . . . . 60 к. . . . . 40 к.
б) Въ мѣс. июнѣ, июлѣ и августѣ . . . . . 20 к. . . . . 10 к.
- в) Въ — ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ . . . . . 25 к. . . . . 12 к.

Оцѣнка коннаго или волового дня увеличивается въ полтора раза.

Плата за подводы. Подводчику, посылаемому помѣщикомъ на разстояние далѣе суточного пути, выдается на харчи и на кормъ лошадей или воловъ: пароконному по 37 коп., а пароволовому по 32 коп. въ сутки, полагая въ этомъ числѣ на продовольствіе крестьянина 20 коп. и на кормъ лошадей 17 коп., а воловъ 12 копѣекъ.

Размѣръ пособія, назначаемого увольняемымъ до срока дворовымъ людемъ. Для обезпеченія увольняемыхъ дворовыхъ людей, выдается на каждого изъ нихъ, безъ различія пола и возраста, сумма, соответствующая платежу по 2 рубля въ мѣсяцъ за все время, остающееся до 19 февраля 1863 года.

Урочное положеніе: I. Сельскія работы.

	Ч и с л о л и н е й .		
	Съ раб. скот.	Пшеницъ.	Женск.
Запахать одну десятину (Въ лѣтнее полугодіе	2	«	2
сохою или плугомъ. { — зимнее —	3	«	3
Засѣять и забороновать 1/3 десятины	1	«	«
Посѣять хлѣбное зерно на 3-хъ десятинахъ	«	1	«
Скосить хлѣбъ на одной десятинѣ и связать въ снопы	«	2	3
Сжать хлѣбъ на одной десятинѣ	«	7	«
или «	«	«	8
Смолотить двѣ копны сушенаго озимаго хлѣба	«	1	«
Смолотить 1 1/2 копны яроваго или сыромолотнаго хлѣба	«	1	«
Примѣчаніе. Въ одной копнѣ хлѣба полагается 60 сноповъ, имѣющихъ въ объемѣ у перевязки 1 1/4 аршина.			
Скосить сѣна на одной десятинѣ	«	2	«
Собрать сѣна съ десятины въ копны	«	1	1
Скдать стогъ въ 12 саж. кругомъ и 9 саж. черезъ верхъ	4	4	«

Разгрузить навозъ на одной десятинѣ.	«	2	«
Нарубить кубич. сажень трехполѣшныхъ дровъ	«	2	«
Остричь 10 овецъ разнаго возраста.	«	«	1

II. Перевозка лошадьми.

На расто- яніи одной версты.	15 возовъ навозу . . . . . 10 копень озимаго хлѣба (со склад- кою въ скирды). . . . . 15 копень яроваго хлѣба. . . . . 10 возовъ сѣна, каждый не болѣе 12 пудовъ. . . . . 1 саж. трехполѣшныхъ дровъ	1	«	«
		1	«	«
		1	«	«
		1	«	«
		1	«	«
		1	«	«
6 копень озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи трехъ верстъ	1	«	«	
3 копны озимаго хлѣба (со складкою въ скирды), на разстояніи 6-ти верстъ	1	«	«	
1 конна хлѣба на разстояніи 12-и верстъ.	1	«	«	

III. Перевозка хлѣба (со складкою въ скирды) во- таин.

10 ¹ / ₂ копень на разстояніи одной версты	1	«	«
6 ¹ / ₂ — « — двухъ верстъ	1	«	«
4 ¹ / ₂ конны « — трехъ —	1	«	«
3 — « — отъ 4 до 5 вер.	1	«	«
2 — « — шести верстъ	1	«	«

Постановленія Подольскаго губернскаго присутствія, откры- таго 13 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. За стогонный пѣшій день платится, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ по 20 коп. ср., а за тяглый день по 30 коп.

Размѣръ пособія, назначаемаго увольняемымъ до срока дворовымъ людямъ:
а) дворовымъ людямъ, состоящимъ въ услуженіи при лицѣ владѣльца, въ обя-
занностяхъ камердинеровъ, дворецкихъ, буфетчиковъ, лакеевъ, ключницъ,
горничныхъ, пняекъ и другихъ подобныхъ—мужчинамъ по 5 р., а женщинамъ
по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; б) состоящимъ въ услуженіи при дворѣ владѣльца
или въ экономической службѣ въ обязанностяхъ кучеровъ, атамановъ, досмотр-
щиковъ за скотомъ и другихъ—мужчинамъ семейнымъ по 5 р., одиночнымъ
по 3 р. 34 коп. въ мѣсяцъ; в) малолѣтнимъ обоимъ разрядовъ въ половину
противъ совершеннолѣтнихъ, но съ тѣмъ, чтобы малолѣтние круглые сироты
изъ дворовыхъ, согласно прим. къ ст. 21 Пол. объ устр. двор. людей, были
увольняемы владѣльцами не иначе, какъ по желанію ихъ родственниковъ, за-
свидѣтельствовавшему мировымъ посредникомъ или уѣзднымъ предводителемъ;
но если кто либо изъ прислуги, по усердію своему или за особыя помѣщичьи
услуги, получалъ жалованье въ размѣрѣ, выше опредѣленнаго симъ поста-
новленіемъ, то при исчисленіи и выдачѣ такимъ дворовымъ людямъ денежнаго
пособія, должно сообразоваться съ окладами этого жалованья.

Постановленія Таврическаго губернскаго присутствія, открытаго 15 марта.

Оцѣнка рабочаго дня. а) Трудъ пѣшаго крестьянина цѣнится, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, въ день: въ январѣ—30 коп., въ февралѣ—33 коп., мартѣ—40 коп., апрѣлѣ—50 коп., маѣ—60 коп., июнѣ—75 коп., июлѣ—1 р., августѣ, 1 р., сентябрѣ—75 коп., октябрѣ—60 коп., ноябрѣ—35 коп., и декабрѣ—35 коп. б) Женскій трудъ въ день цѣнится: съ 1-го января по 1-е марта—20 коп., въ мартѣ—25 коп., апрѣлѣ 30 коп., маѣ—35 коп. июнѣ—40 коп., июлѣ—50 коп., августѣ—50 коп., сентябрѣ 40 коп., октябрѣ 35 коп.; съ 1-го ноября по 1-е января—20 копѣекъ. в) Дневной трудъ крестьянина, на параволовой или пароконной подводѣ, для расчета собственно съ крестьянами за неотработанные или излишніе дни, цѣнится: въ январѣ—75 коп., съ 1-го февраля по 1-е июня—1 р., съ 1-го июня по 15 августа—1 р. 50 коп., съ 15 августа по 1 ноября отъ 75 до 80 коп., и съ 1 ноября по 1 января—1 р.; г) Примѣняясь къ цѣности параволовой подводы, взыскивается съ крестьянина такая же плата, если онъ не выйдетъ съ плугомъ, считая отъ каждой пары воловъ.

Плата за подводы. Размѣръ платы за подводы крестьянъ, посылаемыхъ съ сельскими произведеніями помѣщика на разстояніе далѣе суточного пути, назначать сообразно мѣстностямъ, въ конкхъ подводы будутъ посылаемы и большому или меньшему удобству продовольствія въ нихъ людей и скота, именно: въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи—Дніпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ признана необременительною для помѣщика и безобидною для крестьянина плата въ сутки на содержаніе воловъ или лошадей 20 коп. и на продовольствіе подводчика 15 коп., всего 35 копѣекъ; въ Крымскихъ уѣздахъ—на содержаніе воловъ или лошадей 30 коп. и подводчику 15 коп. всего же 45 коп. сер.

Числ. раб.   Числ. дней.

Урочное положеніе.

Вспахать экономическую, въ 3,200 кв. сажень десятину земли—цѣлны въ пять паръ воловъ. . . . . 3.   3.

Сообразно качеству земли и мѣстному обычаю, должны вспахать, при упряжкѣ отъ 2 до 4 паръ воловъ. . . . . 2.   3.

Примѣчаніе. Гдѣ казенная десятина въ 2,400 кв. саж., введена въ хозяйство, по желанію можно перейти съ экономической на казенную. Засѣять 3 казенныя десятины по 2,400 кв. сажень. . . . . 1.   1.

Засѣять 2¹/₄ экономическія десятины. . . . . 1.   1.

Взборонить желѣзными боронами въ 2 или 3 пары воловъ отъ 1 до 2-хъ десятинъ земли цѣлны. . . . . 1.   1.

Взборонить землю мягкую деревянными боронами, въ 2 пары воловъ, отъ 2 до 2¹/₂ десятинъ. . . . . 1.   1.

Сжать хлѣбъ съ экономической десятины и сложить въ снопы крѣпкой вязи. . . . . 8.   »

Примѣчаніе. Если жинцы имѣютъ грудныхъ дѣтей, то на каждую десятину прибавлять по два рабочихъ.

Скосить экономическую десятину хлѣба подѣ косу на грабли, 2 косца и 4 вязыльщика. . . . . 6.   »

Скосить экономическую десятину хлеба на косу без грабков и сложить в копны.	3.	»
Скосить экономическую десятину густой травы, выше одного аршина.	3.	»
Сгрести и сложить в копны, от 40 до 50-ти пудов каждая, десятину травы.	3.	»
Пересадить на приготовленные гряды один корень от другого на пол аршина на 80 гряд.	1.	1.
Выполоть садами 80 гряд мужских или 60 гряд женских.	1.	1.
Намзать 16 ниток, 6 аршин каждая, переброшенных готовых табачных листов. . . .	1.	1.
Табачные листья, 16 ниток, обратить в папуши, каждая от 12 до 13 листьев.	1.	1.
Работы, в урочном положении непоименованные, производятся без уроков, по числу рабочих часов: в летнее полугодие—12-ти, и в зимнее—9 часов.		

ВІСТІ.

НАБЛЮДЕНІЯ МІРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

О нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда.

Какъ мировой посредникъ, я, каждый день, по моей обязанности, рассматривалъ дѣла, въ которыхъ раскрывалась картина прежнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и между собою; и какъ исполнитель закона, устанавлиющаго и охраняющаго вновь возникающія права, я всегда справлялся съ возрѣніемъ крестьянъ на данное отношеніе, стараясь примѣнить новый законъ, съ наибольшимъ, по возможности, удобствомъ для тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Вращаясь въ этой, главнымъ образомъ, юридической сферѣ, мнѣ постоянно приходилось останавливаться съ удивленіемъ на кажущейся рѣдкости, если не сказать, совершенномъ отсутствіи, юридическихъ обычаевъ у крестьянъ. До такой степени крѣпостное право, въ прежнее время, охватило собою весь гражданскій бытъ закрѣпощеннаго южнорусскаго земледѣльца, и такъ рѣшительно уничтожило въ его жизни всякую индѣивидуальность личности и общества. До 19-го февраля, кажется, не легко было отыскать мѣстность, гдѣ бы крѣпостное право доходило до такой крайности, какъ здѣсь. Крестьянинъ лишень былъ возможности располагать съ увѣренностію однимъ днемъ въ недѣлѣ. Даже въ воскресенье онъ долженъ былъ идти па панщину, если его требовали, съ тѣю, впрочемъ, разницею противъ другихъ дней, что, по непонятной силѣ уцѣлѣвшаго обычая, въ этотъ день можно было дѣлать, по народному выраженію, готовую работу, т. е. грести и метать сѣно, возить снопы и сѣно, вѣять, но не пахать землю, косить, жать и мо-

лотить. Нельзя забыть всей горечи отчаянія, съ которым крестьянинъ на вопросъ, какъ онъ хозяйничаетъ у себя дома, говоритъ: «господарую» — законническій отвѣтъ, который другими словами можно выразить такъ: итъ силъ хозяйничать, работая день въ день на пана. Вслѣдствіе этого, въ гражданскомъ быту крестьянина, могли остаться только слабыя черты юридическихъ обычаевъ, какъ намеки на существовавшій прежде порядокъ гражданской жизни, какъ слабые слѣды народнаго разума, едва пробивавшагося сквозь гнетъ крѣпостнаго права. Дѣйствительно, только послѣ продолжительной практики можно открыть немногіе обычаи—и то касающіеся, по большей части, сферы имущественныхъ отношеній. Въ области же уголовного права, карающая власть пана убивала всякую инициативу самихъ крестьянъ, такъ что: наказаніе вора, заключавшееся въ хожденіи по селу съ повѣшеною на спишѣ вора краденною вещію, при ругательствахъ и побояхъ, пѣніе срамныхъ пѣсень толпою, плущее за человѣкомъ, пойманымъ въ прелюбодѣяніи, всенародное срываніе шапки съ должника, что значитъ на народномъ языкѣ «грабувать якъ злѣдін,»—все это являлось какъ что—то случайное, какъ рѣдко повторявшійся прологъ драмы, которая разыгрывалась надъ преступникомъ, когда его постигало карающее правосудіе пана. Самъ народъ, кажется, мало вѣрнѣ въ серьезное значеніе этихъ наказаній, и даже теперь, по уничтоженіи помѣщичьяго суда, предпочитаетъ прибѣгать, гдѣ только удобно, къ становымъ приставамъ и урядникамъ общественныхъ управленій, судящимъ и показывающимъ по другимъ, болѣе новымъ, началамъ. Гораздо болѣе замѣтно прочности и юридической опредѣленности въ обычаяхъ, касающихся имущественныхъ отношеній. Конечно, немного было гарантій, силы и долговѣчности этихъ обычаевъ съ той стороны, гдѣ они соприкасались съ имущественными интересами помѣщика и его всеисильной волей.

Нечего думать объ уваженіи помѣщиковъ къ обычаю—отдѣлять крестьянамъ такую или иную часть своей земли; распределять ее по твердой, болѣе или менѣе всеобщей нормѣ, или давать крестьянамъ тотъ или другой снопъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что голова, то разумъ, что село, то свой законъ. Только въ имущественныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою и съ посторонними лицами замѣчаются обычаи, имѣющіе большую или меньшую степень прочности. Замѣчательно, что обычаи, которые прежде всего встрѣчаются въ быту свободныхъ козаковъ, непремѣнно существуютъ и у крестьянъ.

Въ этомъ сказалась историческая сила того единства политичес-

квѣхъ и гражданскихъ правъ козаковъ и посполитыхъ, въ послѣдствіи помѣщичьихъ и казенныхъ (незначительныхъ, впрочемъ, въ Малороссіи своимъ числомъ) крестьянъ, которое нарушено актомъ присоединенія Украинны къ Россіи и готово было потеряться при дѣйствіи крѣпостнаго права. Крестьяне вѣрять въ благотворное дѣйствіе обычаевъ, потому что въ нихъ выразился народный разумъ. И если они отвыкли отъ примѣненія ихъ, то только потому, что, при существованіи крѣпостнаго права, это было невозможно. Козаки и посполитые, по понятіямъ аристократической Польши и ея законодательства — «хлопы и подданные», до присоединенія Южной Руси къ Великодержавіи, не составляли двухъ сословій, рѣзко раздѣленныхъ политическими и гражданскими правами. Существовало, правда, слабое различіе въ правахъ, заключавшееся главнымъ образомъ въ томъ, что козаки несли военную службу, но это было такъ неважно, что не уничтожило общности интересовъ козаковъ и посполитыхъ, такъ-что во время междоусобицы въ Украинѣ вождь козацкой дружины Богданъ Хмельницкій могъ видѣть въ лицѣ посполитыхъ народъ и свое войско, говоря, что у него гдѣ кракъ, тамъ и козакъ, или отвѣчая польскимъ комиссарамъ: «я чернь не выдамъ, чтобы вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили.» Эти два класса, прежде различенные только слабыми и постоянно колеблющимися признаками, по Переяславскимъ статьямъ образовали два особенныя, раздѣльныя, сословія: «кто козакъ — тотъ козацкую вольность имѣеть, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ несетъ обычную государеву повинность». Несмотря на это, единство двухъ сословій оставалось въ семейныхъ и экономическихъ связяхъ и въ сдѣлкахъ, по которымъ передавались имущественныя права отъ козаковъ крестьянамъ, и обратно. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, стало рѣзко замѣтно стремленіе козаковъ и крестьянъ обособиться въ два замкнутыя круга; названіе *крепака*, крѣпостнаго челоуѣка породило отчужденіе, и вмѣстѣ жалость къ подавленной личности. По послѣ освобожденія крестьянъ, все стремится возвратиться въ прежнюю колею; козаки и крестьяне идутъ другъ другу навстрѣчу.

Начало сближенія ихъ, выразившееся тотчасъ, по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, частыми браками между козаками и крестьянами, будетъ рости по мѣрѣ развитія крестьянскаго хозяйства и развитія ихъ гражданскихъ отношеній. Едва ли есть, въ обрѣшномъ русскомъ государствѣ, страна, гдѣ бы, по освобожденіи

делені крестьянъ, рѣшительнѣе и рѣзче высказались юридическіе
 обычаи, существованія которыхъ не подозрѣвали. Въ этой воскре-
 сающей старинѣ все болѣе и болѣе оживасть прежнее сослов-
 ное единство козаковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, по объявле-
 нии манифеста о свободѣ, обнаружено, что южнорусскіе крестьяне
 покупали, продавали, мѣняли, дарили, завѣщали земли между собою
 и съ лицами другихъ сословій и владѣли ими на правѣ собственности,
 какъ козаки. Этотъ фактъ, обреченный прежде на безвѣстное суще-
 ствованіе подъ покровомъ общихъ законовъ, по которымъ не предос-
 тавлялось крестьянамъ ни право владѣнія недвижимымъ имуществомъ,
 ни право приносить жалобу на своего помѣщика, вынырнулъ на свѣтъ.
 По положенію о крестьянахъ, земли, дома и вообще недвижимыя иму-
 щества, приобретенныя крестьянами въ прежнее время, на имя ихъ по-
 мѣщиковъ, укрѣпляются за крестьянами, или ихъ наследниками, окон-
 чательно, по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самими помѣщи-
 ками, при рѣшеніи мѣрноваго учрежденія (общ. полож. о крестья-
 ст. 32). Въ дополненіе къ этой статьѣ приложены правила разсмотрѣ-
 рнія и утвержденія мировыми учреждениями актовъ, непризнанныхъ
 самими помѣщиками. Въ этомъ постановленіи заключается развитіе той
 мысли русскаго законодательства, что, до указа 3-го мая 1848 г.,
 которымъ разрѣшено помѣщичьимъ крестьянамъ приобретать недви-
 жимыя имѣнія въ собственность, они могли покупать ихъ только на имя
 помѣщиковъ. Но законъ этотъ не охватилъ собою существующихъ въ
 дѣйствительности, на Украинѣ, поземельныхъ отношеній помѣщиковъ
 и крестьянъ, потому что тамошнее посольство, получившее, по при-
 соединеніи Южной-Руси къ Великой Россіи, полную гражданскую пра-
 воспособность и участвовавшее даже на радахъ, при избраніи гетма-
 новъ, (отъ чего эти рады назывались черными или черневыми), при-
 обрѣтало и отчуждало недвижимыя имѣнія, не только въ первое вре-
 мя по присоединеніи, но въ теченіи всего прошлаго столѣтія, даже и
 въ настоящемъ столѣтіи, въ первой, а быть можетъ и во второй его
 четверти. Окончательную потерю крестьянами этого права, кажется,
 слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда вполнѣ прекращено въ Юж-
 ной Русіи дѣйствіе Литовскаго Статута съ распространеніемъ на нее
 общихъ велико-русскихъ законовъ, т. е. къ 1843 году. На это, вѣр-
 но, имѣло вліяніе какъ ослабленіе родственныхъ и другихъ связей меж-
 ду помѣщичьими крестьянами и козаками, такъ и рѣшительное запре-
 щеніе, въ 1832 году, козакамъ продавать свои предковскія земли ко-

му—либо, кромѣ лицъ своего сословія. По прямого закона, которымъ бы положительно запрещалось помѣщичьимъ крестьянамъ въ Южной Руси пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, сколько намъ извѣстно, не было до послѣдняго времени. Такимъ—образомъ, въ настоящее время обнаружено въ Южной Руси множество актовъ, хранившихся у крестьянъ цѣлое столѣтіе и болѣе, по которымъ они пріобрѣтали земли въ собственность. Въ числѣ этихъ актовъ мнѣ удалось видѣть древнѣйшій, писанный въ 1689 году на одномъ мѣстскомъ (городовомъ) урядѣ. Акты эти писались, какъ простая росписка, при свидѣтеляхъ и безъ свидѣтелей. Иногда въ текствѣ ихъ писалось «при упрошенныхъ свидѣтеляхъ продалъ или уступилъ,» но подписовъ свидѣтелей на роспискахъ не имѣется. Другіе писались въ сотенныхъ канцеляріяхъ, или на сотенныхъ урядахъ; въ экономическихъ правленіяхъ коронныхъ посполитыхъ, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, за подписями сотника и смотрителя; на городовыхъ, или мѣстскихъ, урядахъ; въ экономическихъ конторахъ помѣщиковъ за подписями управляющихъ, атамановъ и проч. Въ этихъ актахъ почти всегда встрѣчается выраженіе: «продалъ или уступилъ съ позволенія помѣщика или экономія.» Это выраженіе также попадаетъ и въ домашнихъ роспискахъ между крестьянами, на которыхъ нѣтъ подписей довѣренныхъ отъ владѣльца лицъ. Наконецъ, есть акты, совершенные въ повѣтовыхъ судахъ и изъ числа ихъ мнѣ удалось видѣть два, относящіеся къ 1820 и 1822 годамъ. Участниками въ сдѣлкахъ по всемъ этимъ актамъ были какъ отчуждатели недвижимыхъ имѣній, коронные посполитые, до пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и крестьяне—послѣ пожалованія, передававшіе свои земли между собою или крестьянамъ другихъ имѣній; козакъ, духовенство, впоследствии дворяне, лица другихъ свободныхъ состояній и, наконецъ, сами помѣщики, которые мѣнялись землями съ своими крестьянами, или покупали у нихъ тѣ, которые признавали за собственныя. Въ повѣйшее время, главнымъ образомъ, уже во второй четверти настоящаго столѣтія, помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ коснулись права собственности крестьянъ на земли, пріобрѣтенныя ими по такимъ актамъ, производя разверстку всѣхъ вообще крестьянскихъ земель между домохозяевами по какой либо напередъ определенной нормѣ. Другіе помѣщики не задумались отобрать отъ крестьянъ эти земли и отдать ихъ въ постороннія руки; наконецъ третьи оставляли за собою земли, переведши крестьянъ въ свои отдаленныя имѣнія, или продавъ ихъ на выводъ. Но не смотря на это, право собственности крестьянъ на земли не было совсѣмъ

уничтожено. Въ настоящее время есть много имѣній, въ которыхъ эти земли признавались издавна и теперь признаются за собственные крестьянскія. Земли эти, въ некоторыхъ имѣніяхъ, отдѣлены на планахъ отъ экономическихъ, подъ названіемъ собственныхъ крестьянскихъ, или записаны такими по конторскимъ книгамъ и описямъ. Къ—сожалѣнію, при всей заботливости, съ которою крестьяне сохраняли свои документы на принадлежащія имъ земли, (1) весьма многіе изъ нихъ потерялись. Множество пріобрѣтеній дѣлалось крестьянами безъ документовъ, такъ точно, какъ и сами помѣщики, еще очень недавно, передавали другъ другу недвижимыя имѣнія, по однимъ словеснымъ сдѣлкамъ. Не говоря о давнихъ пріобрѣтеніяхъ, въ настоящее время очень часто можно встрѣтить, во владѣніи помѣщичьихъ крестьянъ, земли, которыя достались имъ отъ матерей козачекъ, получившихъ ихъ въ приданое безъ документовъ. Само собою разумѣется, что и кромя ихъ во владѣніи крестьянъ теперь есть много земли, которую они считаютъ своею, хотя не имѣютъ на нее документовъ. Въ некоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики почему бы-то ни было не успѣли регулировать крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне, владѣя такими землями за урядъ съ тѣми, съ которыми они пожалованы и съ надѣленными впоследствии отъ помѣщиковъ, потеряли память о томъ, гдѣ оканчиваются одни и гдѣ начинаются другія; смѣшали всѣ виды находящихся въ ихъ владѣніи земель и распространяютъ, въ равной мѣрѣ, на всю совокупность своего владѣнія, понятіе собственности, называя безразлично всѣ свои земли «предковскими.» Происхожденію такого понятія о предковскихъ земляхъ, конечно, очень благоприятствуетъ то обстоятельство, что въ Южной Руси ни до присоединенія ея къ Великой-Россіи, ни послѣ, поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ не было установлено никакими официальными актами, подобными писцовымъ книгамъ московскаго государства и инвентарнымъ описямъ, составленнымъ на основаніи устава о волокахъ Сигизмунда Августа 1566 года, устава, никогда, какъ извѣстно, не примѣнявшагося въ Южной Руси. Такимъ-образомъ, владѣніе послоптыхъ землями, за которыя они исполняли повинности, какъ прежде пожалованія ихъ помѣщикамъ, такъ и послѣ, опредѣлялось первымъ займомъ.

(1) По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ одного имѣнія, документы эти берегались крестьянами въ скриняхъ, завязанные въ лубкѣ.

Что касается воззрѣнія массы крестьянъ на отношенія ихъ къ землѣ, то она, кажется, держится принципа частной собственности, такъ серьезно, сколько можно желать, при настоящемъ экономическомъ развитіи страны.—Дѣйствительно, въ первое время, по объявленіи манифеста, даже изрѣдка и теперь, можно слышать отъзывы крестьянъ, что чрезъ два года, или когда придетъ, по ихъ выраженію, *слушній* часъ, имъ отдадутъ помѣщичьи земли въ собственность, въ вознагражденіе за даровый ихъ трудъ на пановъ въ теченіи многихъ лѣтъ.—По словамъ другихъ крестьянъ, они хотя и признаютъ право помѣщика получать выгоды съ своей земли, но ограничиваютъ распоряженіе тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ не долженъ никому отдавать въ наемъ принадлежащихъ ему земель, кромѣ своихъ крестьянъ. Впрочемъ, такое отрицаніе права собственности помѣщиковъ на ихъ земли встрѣчалось, и теперь еще встрѣчается, не какъ всеобщее и искреннее убѣжденіе крестьянъ, а болѣе какъ случайное предположеніе, какъ протестъ противъ существовавшаго крѣпостнаго права.—Вообще у крестьянъ нѣтъ искренняго убѣжденія въ правѣ ихъ на помѣщичью землю. Противное этому мнѣніе явилось у нихъ какъ результатъ отвычки владѣть землями на правѣ собственности, какъ плодъ самого крѣпостнаго права. И по мѣрѣ того, какъ въ народный бытъ возвращаются начала, освященные исторіей, въ ихъ сознаніи утверждается уваженіе въ частной собственности на землю вообще и къ помѣщичьей въ — частности. — Крестьяне нѣкоторые мнѣній, называя, какъ выше сказано, всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи земли, предковскими, объясняютъ это право тѣмъ, что козацкія земли всегда были свободны отъ повинностей. Такимъ образомъ, они присвоиваютъ эти земли себѣ потому только, что, по ихъ словамъ, они козаки или *гетьманьці*. — Впрочемъ, въ одномъ изъ такихъ мнѣній состоящемъ изъ 500 душъ, мнѣ удалось встрѣтить человека, который, въ объясненіи крестьянскаго права на земли, пошелъ далѣе козачества, его славы и паденія, говоря, что «люде перше одъ панівъ стали, и что они уже жили на своихъ земляхъ, когда наѣхали къ нимъ паны.» Деревенскій историкъ не выводилъ изъ сказаннаго имъ никакого заключенія, и остановился на недоразумѣніи, родственномъ съ скептицизмомъ козаковъ, которыхъ мнѣ удавалось слышать, безпечно раздумывавшихъ на тему: «чудно якось сталоє що всі землі підъ паніами, а у насъ нема нічого.»

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, высказываютъ

предположеніе о своемъ правѣ на помѣщичьи земли только какъ за-
 поздалый протестъ противъ существовавшаго прежде крѣпостнаго пра-
 ва; они не имѣютъ, въ этомъ отношеніи, глубокаго, болѣе или менѣе
 определеннаго, убѣжденія и весьма далеки отъ предвидѣній тѣхъ суро-
 выхъ послѣдствій строгаго развитія принципа частной собственности,
 съ которыми теперь борется западно-европейское общество.—Напро-
 тивъ, получивъ съ манифестомъ больше свободы и больше обезпече-
 ности труда, крестьяне, какъ-будто, стремятся отдѣлать себя отъ
 помѣщичьей земли, лишь бы сохранить личную независимость.—При
 строгомъ исполненіи въ прошедшемъ лѣтѣ закона о трехдневной бар-
 щинѣ, помѣщики волею-неволею должны были предоставить крестья-
 намъ большія противъ прежняго выгоды при уборкѣ хлѣба и сѣна.
 Напримѣръ: они отдавали имъ снокосы съ третьей копцы и съ
 половины, что прежде бывало только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ;—
 должны были предоставить сногъ изъ хлѣба, сверхъ крестьянской за-
 пашки, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые упорствовали, и пытались
 заставить крестьянъ жать по три дня, за панцицу, безъ снопа, понес-
 ли потерп, такъ-какъ ихъ посѣвы остались нежатыми до наступленія
 зимы. Въ виду этихъ и имъ подобныхъ экономическихъ явленій, крестьяне
 ободрились. Изъ нихъ засношники (крестьяне, немѣвшие падыла и рабо-
 тавшіе у помѣщика за сногъ, подобно свободнымъ жпецамъ), чтобы отдѣ-
 лить себя отъ помѣщичьяго хозяйства, настойчиво требовали отъ помѣщи-
 ковъ отдѣленія земли для своей запашки, на настоящей хозяйственный
 годъ (пока продолжается трехдневная барщина), получили ее, и
 обработали, нанимая рабочій скотъ у козаковъ—въ чемъ нельзя не
 видѣть большой, съ ихъ стороны, энергій. И при всемъ этомъ они
 платятъ подати, съ такою аккуратностію, какой никогда не было за-
 мѣчено за помѣщиками. Этотъ послѣдній фактъ, въ глазахъ нашихъ,
 заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ краснорѣчивѣйшее доказа-
 тельство любви къ порядку южно-русскаго крестьянина, на котораго
 приказъ: «подушне дай» дѣйствуетъ какъ бы магическою силою, ис-
 ключающею всякую возможность прекословія. — Платить онъ по-
 душе по весьма незатѣливому побужденію «щобъ не чпшався урядъ.»
 По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ растетъ сознаніе независимости,
 они меньше и меньше гоняются за помѣщичьею землею. Есть имѣнія, въ ко-
 торыхъ всѣ или нѣкоторые крестьяне отказались отъ падыловъ: одни
 потому, что хотятъ переселиться на казенныя земли; другіе въ гор-
 домъ сознаніи своей независимости, говоря, что безъ насъ «панн пос-

качуть».—Крестьяне съ большимъ отвращеніемъ смотрятъ на издѣльную повинность за земли, какъ невыгодную вообще въ экономическомъ отношеніи, и напоминающую имъ крѣпостную зависимость; но они легче впрятятъ съ денежнымъ оброкомъ за надѣленную землю. Такимъ образомъ, въ одномъ имѣніи моего участка они перешли на оброкъ, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ и до представленія имъ уставной грамоты, что, само собою разумѣется, рѣдкій, и, быть можетъ, исключительный случай, а въ другомъ имѣніи, рѣшившись платить оброкъ, они никакъ не хотѣли подчиниться требованію помѣщичьи оставаться на издѣльной повинности, въ теченіи настоящаго 1862 года. Признаніе права собственности помѣщиковъ на земли такъ сильно, что крестьяне вызываются брать помѣщичьи имѣнія въ аренду въ цѣломъ ихъ составѣ. — До сихъ поръ въ моемъ участкѣ въ одномъ имѣніи сдѣлано было такое предложеніе помѣщичьи крестьянами, но аренда пока не состоялась, потому что не сошлись еще въ цѣнѣ.—Быть-можетъ, такіе примѣры стануть повторяться чаще.

Крестьяне, правда, не охотно вступаютъ во всякія сдѣлки съ помѣщиками, а тѣмъ болѣе въ соглашенія объ уставныхъ грамотахъ, и рѣшительно не хотятъ подписывать послѣднихъ. Но это происходитъ отъ недовѣрія къ помѣщикамъ, изъ боязни опять попасть въ крѣпость и отъ нерѣшимости. Въ большей части имѣній уставныя грамоты могутъ быть введены только по приказанію начальства.—Перехожу къ другимъ, замѣченнымъ мною, юридическимъ обычаямъ въ быту крестьянъ.

Во-первыхъ, замѣчу, крѣпостное право, кажется, совсѣмъ вытѣснило обычай, установившіеся относительно наслѣдованія имуществъ между родственниками. До сихъ поръ я не встрѣчалъ примѣровъ раздѣла наслѣдства собственной крестьянской земли и потому мнѣ рѣшительно неизвѣстно примѣненіе какихъ либо твердыхъ правилъ наслѣдованія въ быту крестьянъ, если не возводить въ общее правило двухъ-трехъ подмѣченныхъ примѣровъ, гдѣ, при наслѣдникахъ мужчинахъ и женщинахъ, одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, нитки и проч. наслѣдовала непременно женщина. У козаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наслѣдуетъ меньшій братъ.—Но если изъ нѣсколькихъ братьевъ одинъ пошелъ въ солдаты, то право на отцовскій домъ принадлежитъ ему. У помѣщичьихъ крестьянъ эти обычай, какъ само собою разумѣется, не могли имѣть примѣненія при дѣйствіи крѣпостнаго права. По по-

положенію о крестьянахъ, усадьба, оставленная въ наследственномъ пользованіи крестьянъ, принадлежитъ всѣмъ лицамъ въ ней живущимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это правило впоследствии подвергнется измѣненіямъ, сообразно съ существующимъ юридическимъ возрѣніемъ крестьянъ на этотъ предметъ. До сихъ поръ мнѣ встрѣчалось видѣть примѣры, что въ избѣ живутъ сыновья умершаго домохозяина и ихъ зять. По положенію, усадьба принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней, хотя, по понятіямъ крестьянъ, зять—не наследникъ отцовскаго достоянія. Такое столкновение положительнаго и обычнаго права, въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта крестьянъ, по всей вѣроятности разрѣшится въ пользу обычнаго права.

Замѣчательно существующій у казаковъ и у крестьянъ порядокъ взысканія долговъ. У Южно-Руссовъ существуетъ обычай «править» и «грабовать». Долгъ *правится* до тѣхъ поръ, пока должникъ не уплатитъ его деньгами, тою вещію, какою онъ взялъ, или пока онъ не пойдетъ на соглашеніе о замѣнѣ одной вещи другою. *Грабуютъ* же тогда, когда за неимѣніемъ у должника денегъ, приходится брать у него вещи, или, по выраженію писаннаго закона, когда взысканіе обращается на имущество. Грабуетъ земская полиція, когда она угощаетъ скотъ, или беретъ какую нибудь движимость изъ имѣнія, для продажи на пополненіе долга. Грабуютъ сборщикъ податей и староста, когда они уводятъ овцу отъ должника и берутъ у него одежду, съ тѣмъ, чтобы продержатъ ее, пока хозяинъ принесетъ взыскиваемые долги. Наконецъ грабуетъ самъ кредиторъ, когда онъ, во дворѣ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, беретъ его вещь и уноситъ ее къ себѣ.—Такимъ образомъ всякое взысканіе, обращенное на имущество, какъ бы строго ни были соблюдены, при исполненіи его, всѣ законныя формы, называется грабежемъ. Въ названіи этомъ, надо замѣтить, нѣтъ ничего, какъ это кажется съ перваго раза, пугающаго воображеніе или оскорбляющаго чувство свободы. И это потому, что названіе и самое дѣйствіе взысканія рассчитаны на высокой чести, кротости и уточненномъ чувствѣ справедливости, лежащемъ въ правахъ южно-русскихъ простолюдиновъ. Въ грабваніи нѣтъ физической силы, противъ которой не возможно сопротивленіе со стороны должника. Напротивъ, его самосудъ только потому и возможенъ, что должникъ всегда сознаетъ неправоту своего дѣла, и молча подчиняется, во имя нравственнаго закона, волѣ своего кредитора. Мнѣ извѣстенъ примѣръ удовлетворенія кредиторомъ своего дол-

га мѣшками борошна, принадлежавшаго должнику. Послѣдній отдавъ въ мельницу зерно, но прежде чѣмъ успѣть получить муку, приходитъ туда кредиторъ. Узнавъ, чье борошно, онъ спокойно поджидаетъ должника. Когда пришелъ должникъ, то кредиторъ, поднимая на свою спину мѣшки, сказалъ ему: «Виbachай за борошно! Візьму ёго за те, що ти мені виновать.» Озадаченный такимъ поступкомъ должникъ попробовалъ было - шумѣть: «Хіба я не хотівъ тобі оддати? Та якъ же бъ ёго й оддати, коли въ мене перше дитина вмёрла, а далі корова пропала, та треба було разомъ и грошей позичать у добрихъ людей и волівъ одроблять. Про такой случай можно бъ и въ самого чорта вѣпросити пильги, а не то що... Се якъ би всі такъ грабували, то й на свѣті бъ не жить.» — Такъ говорилъ должникъ, пока его противникъ вынесъ изъ мельницы мѣшки. Въ слѣдъ за нимъ поплелся домой и должникъ, почесывая затылокъ, да облегчая свою душу жалобой знакомымъ на то, что землякъ «безневинно наробиъ ёму сору.» — Отъ начала до конца этой встрѣчи двухъ поссорившихся земляковъ, въ словахъ недовольнаго должника—ни одной увертки, направленной къ тому, чтобы освободиться отъ платежа долга, ни одного гнѣвнаго выраженія души, оскорбленной самимъ фактомъ насилія.

Это явленіе изъ жизни южно — русскаго народа, представившееся намъ такимъ, какъ оно здѣсь описано, заслуживаетъ вполне серьезнаго вниманія историковъ—юристовъ. Важность его, въ исторіи гражданскаго права страны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ-болѣе, что указанный нами порядокъ взысканія долговъ съ неисправныхъ должниковъ примѣнялся не только въ гражданскомъ быту между частными лицами, но даже въ распоряженіяхъ правительственныхъ какъ это видно изъ слѣдующаго, сообщеннаго мнѣ Р. П. Витавскимъ, универсала Гетмана Мазопы, 1703 года: «Пану Полковникови войска Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества Запорожскаго Полтавскому и всей старшинѣ тамошней, а особливе нанамъ Державцамъ, около Полтавы маестности свои мѣючимъ, и всѣмъ кому бы колекекъ о томъ вѣдати надлежало, ознаймуемъ. Ижъ предположилъ Панъ Алексій Черніакъ товарищъ войсковый, же многіе люде околичныхъ селъ тамошнихъ задолжавшися ему, то готовыми позычаючи грошми, то за напитки, не хотятъ въ тихъ долгахъ унщатися. Зачимъ яко всякий должникъ инакичъ способомъ долгу своего збути не можетъ, тлько повинень его вѣрителеви своему выплатити, и жаденъ державца подданного

своего заступати и охоронити отъ плаченія долгу не есть мощь подлугъ права, такъ мы много всемъ должникамъ приладуемъ, аби всякій, кто колескъ есть долженъ ему, пану Черняковѣ, конечно безъ вымовки и жадной сиреки, въ тихъ долгахъ своихъ выплачивался и ушася, що отъ кого доведется. А если бы хто не мѣлъ чинити, тому досить, то позволимъ ему, пану Черняковѣ, таковыхъ противныхъ и волѣ нашей непослушныхъ людей должныхъ грабити, и грабешовъ до выкупленія нѣмъ не ворочати. Въ чомъ аби никто волѣ нашей не былъ противникомъ, и повторе много приказуемъ. » Какъ ни странно кажется намъ, усвоившимъ юридическія понятія писаннаго закона, такая правительственная санкція насилія, и какія бы ни заслуживалъ порицаній правитель, дающій судъ въ собственномъ дѣлѣ лицу, которое, по своему общественному положенію, находится въ большей или меньшей возможности располагать средствами физическаго принужденія съ явнымъ нарушеніемъ справедливости; но мы были бы несправедливы къ Мазепѣ и къ его универсалу, тотчасъ приведенному, если бы не приняли во вниманіе всего здѣсь нами сказаннаго. Безъ этого мы не поняли бы тѣхъ оправданій допускаемаго насилія, которыя находилъ гетманъ, издающій универсалъ, въ хорошо извѣстныхъ ему правахъ южно-русскаго общества и въ своемъ, надо сказать, безошибочномъ убѣжденіи, что кредиторъ, настаивающій объ уплатѣ законнаго долга, кромѣ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, а быть можетъ и никогда, не будетъ поставленъ должникомъ въ необходимость прибѣгнуть къ могуществу физической силы.

Все заимствованія изъ европейской цивилизаціи сдѣланы были у насъ тѣмъ классомъ общества, который впоследствии образовалъ изъ себя привилегированное сословіе; а масса народа оставалась тогда, какъ и теперь, такую, какъ она была прежде: простою, безхитростною, исполненною кроткой и нелицемѣрной покорности всему, что она приняла считать справедливымъ. Этотъ характеръ южно-русскихъ простолюдиновъ—крестьянъ обнаружился еще и въ производствѣ дѣлъ на вновь-открытыхъ волостныхъ судахъ. На основаніи положенія о крестьянахъ, въ волостныхъ правленіяхъ заведены книги для записки рѣшений волостныхъ судовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи волостей, книги эти были совершенно пусты, и на вопросъ, — почему не записываются въ нихъ судебныя рѣшенія, писаря отвѣчали: что все дѣла на судъ прекращены миромъ. Дѣйствительно, южно-русскій простолюдины очень миролюбивы и участіе общественной власти, или

частнаго человѣка, когда онъ завелъ споръ съ противникомъ, нужно только для того, чтобы убѣдить его въ справедливости требованія противника и напомнить о неизбежности судебного рѣшенія.

Кромѣ юрисдикціи полостныхъ судовъ, узаконенной положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависности, и съ большою или меньшею подробностью имъ опредѣленной, существуетъ у крестьянъ другой подзаконный судъ, судъ громады. Этотъ послѣдній судъ, всегда ближайшій къ мѣсту совершенія противозаконнаго дѣйствія, распространяетъ свою юрисдикцію на дѣла, въ которыхъ громада, по увлеченію страсти или по убѣжденію разсудка, видитъ особенно-чувствительное оскорбленіе общественной правды, и всякую проволочку признаетъ неумѣстною. Такъ, громада изрекаетъ свои приговоры о ссорахъ и дракахъ съ какимъ-либо особенно — задирающимъ свойствомъ, о домашнихъ расправахъ супруговъ, о прелюбодѣйствѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ воровства. Рѣшенія громадскихъ судовъ, по большей части, какъ мною замѣчено, приговариваютъ къ тѣлесному наказанію, и часто очень строгому, что объясняется участіемъ въ этихъ рѣшеніяхъ страсти, и непривычкою массы къ денежнымъ штрафамъ — по бѣдности ея.

Вотъ примѣръ громадскаго суда, — единственный по роду рѣшеннаго имъ дѣла. Крестьянинъ началъ шланговать и продать сельскому старостѣ за 12 руб. корову, которая стоила больше. Собравшаяся громада наказала запившагося крестьянина розгами, отобрала оставшіяся у него непропитыи 6 руб., возвратила ихъ старостѣ и приказала ему отдать корову хозяину, говоря, что не слѣдовало ему покупать у того, кого »Богъ покарáвъ;« петраченные наказаннымъ крестьяниномъ 6 руб. также велѣла возвратитъ старостѣ и распорядилась, чтобы шикаръ не давалъ невоздержному водки.

Переходя къ другимъ юридическимъ обычаямъ южно-русскихъ крестьянъ, мы замѣчаемъ наибольшее число установившихся правилъ касательно личнаго найма, что совершенно — естественно при бѣдности массы и маломъ числѣ принадлежащихъ ей правъ на вещи. Первая, главная и общія черта вольнонаемнаго труда, составляющая существованіе его отличіе отъ *панщины*, есть та, что поденщикъ и постоянный работникъ, получаютъ ли плату деньгами и вещами или нѣтъ, всегда довольствуются отъ хозяина.

За поденную работу платитъ больше натурою, чѣмъ деньгами. Косаря, молотника, нару воловъ съ погонимемъ и плугъ воловъ еще

можно панять за деньги. Но на полотье, пряжу нитокъ и другія женскія работы панимаются за деньги весьма рѣдко. Воскъ и медъ, столь необходимыя въ религіозныхъ обрядахъ, также соль, чаще всего служатъ орудіемъ найма. Предпріимчивые хозяева, зная эту черту народнаго характера, съ усиліемъ спекулируютъ, запасаясь въ большіхъ размѣрахъ такими продуктами, такъ-какъ расплата солью, медомъ и воскомъ стѣбитъ имъ гораздо меньше, чѣмъ еслибы они заплатили деньгами. Кромѣ поденной работы за плату, отдаваемую въ руки работнику, здѣсь въ большемъ ходу толоки, или работы за харчъ, конечно хорошую, изобильную, — дорогую въ быту поселянъ — и за водку. Водка при этомъ употребляется въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ. Напримѣръ, косари и женщины-мазальщицы домовъ выпиваютъ ея, по отзывамъ хозяевъ, по квартѣ и больше. Есть наконецъ одна работа, за которую ни въ какомъ случаѣ не бберутъ денегъ: — это рытье могилы для покойника. Относительно найма погонича къ плугу существуетъ правило, что за пять дней работы, хозяинъ на 6-й отправляется съ плугомъ пахать его шву. Такой способъ вознагражденія для погонича очень выгоденъ, если сравнить денежную поденную плату за этотъ трудъ — отъ 10 до 15 к. съ платою за дневную работу плуга — отъ 1 до 1½ руб. сер. Несмотря на это, упомянутый обычай соблюдается у крестьянъ и не поддается измѣнившимся экономическимъ условіямъ времени.

Наемъ работника или работницы въ годовое услуженіе (наймитъ, наймичка) имѣетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ свои особенности, не лишенная большаго интереса для наблюдателя. Наемная плата, получаемая нанимающимися, называется «роківщина», «рокове» и отдается, по принятому обычаю, по окончаніи года. Плата эта заключается въ деньгахъ, хлѣбѣ и одеждѣ. Въ теченіе года хозяинъ водитъ наймита въ своей одеждѣ, которую наймитъ, отходя, по окончаніи года, оставляетъ у хозяина для наймита, имѣющаго поступить на его мѣсто. Годовой срокъ считается обыкновенно отъ праздника до праздника, хотя бы послѣдній приходился не въ одинъ и тѣ же числа гражданскаго лѣтосчисленія, напр. отъ Великодья до Великодья. Прогулы надбываются послѣ срока, а за утрату и порчу порученныхъ вещей дѣлаются, по окончаніи года, вычеты изъ наемной платы, которые нерѣдко бывають очень велики. Если панявшійся отходить отъ хозяина, не прослуживъ года, то онъ долженъ возвратитъ носимую одежду и не имѣетъ права на плату за прослуженное время, — а если хозя-

ипъ, по обстоятельствамъ, не имѣть надобности въ работникѣ и отпускаетъ его до истеченія годоваго срока, то долженъ заплатить за прошедшее время его службы. Продолжительныхъ сроковъ найма не существуетъ; избирается только мальчикъ, пока не придетъ время женитьбы, да человекъ, постигнутый несчастіемъ, хотя и этого послѣдняго никогда не покидаетъ надежда собраться на свою хату и жить якъ люде.

Въ прежнее время, случаи поступленія южнорусскихъ земледѣльцевъ въ наймиты, по всей вѣроятности, были болѣе рѣдки, а надежда — сдѣлаться хозяиномъ изъ наймитовъ, при большемъ просторѣ и привлекательности земледѣльческаго быта, — была живѣе и энергичнѣе. Народная муза—всегда вѣрный отголосокъ задушевной жизни общества—сохранила намъ, въ этомъ отношеніи, живущую въ устахъ поселянъ нѣсню, про наймита—нетягу, въ которой этотъ идеальный наймитъ—бѣднякъ, прослуживши многіе годы, безъ платы, хозяйкѣ—вдовѣ, вознаграждается правомъ выбора: завестись своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, получивши отъ вдовы многочисленное скотоводство, или сдѣлаться домочадцемъ, женившись на ея дочкѣ.

Ой нетяго, нетяго,
А нетяженько моя,
А де заслужнина твоя!

Ой служивъ я у удова,
Ой служивъ у небога,
Сорокъ годъ ше й чотири.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жь мені, удова,
Бо я въ тебе служивъ дового.

Ой вивела удова,
Та вивела небога
Сорокъ коней ше й чотири.

Ой дивітєся жъ, люде,
И суди жъ ти, громадо,
Чи несходно ёму будє.

Ой несходно, несходно!
Заплати-жь мені, удова,
Бо я въ тебе служивъ дового.

Ой вигнала удова,
Та вигнала небога
Сорокъ волівъ ше й чотири.

Ой дивітєся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бѣде.

Ой вивела удѡва
Ой вивела небога
Свою дочкѣ-нарѣдочку.

Ой дивітєся-жъ, люде,
И суди-жъ ти, громадо,
Чи не сходно ему бѣде.

Ой сходно, сходно,
Заплати-жъ мені вѡво,
Бо я въ тебѣ служивъ довго.

Вотъ идеалъ южнорусскаго наймита: безпріютный бѣднякъ служить зажиточной хозяйкѣ, служить многіе годы безъ всякаго договора, и не получаетъ никакого вознагражденія до-тѣхъ-порѣ, пока выслужилъ право, и рѣшился самъ сдѣлаться хозяиномъ. Дѣйствительность, конечно, не всегда вѣрна своему идеалу. Такъ и на этотъ разъ: — идеалъ самъ-по-себѣ, а на самомъ дѣлѣ—пнимаются довольно часто; существуетъ правльный договоръ такого найма, съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за службу, съ срокомъ также точно опредѣленнымъ и, по большей части, всегда непродолжительнымъ. Вообще, личный наемъ въ современномъ намъ быту южнорусскихъ поселянъ уже не носитъ на себѣ характера какой-нибудь случайности, но въ отношеніяхъ хозяина къ наймиту дѣйствуетъ обычай. Теперь, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, замѣчаются суровость, жесткость и неподвижность—неизбѣжные результаты консервативной силы всякаго обычая.

Не останется, конечно, безъ вліянія на это право то обстоятельство, что теперь нанимаютъ много наймитовъ и наймичекъ паны. Этотъ родъ найма, въ глазахъ нанимающихся, имѣетъ нѣкоторыя неблагопріятныя стороны, какъ—то: нанявшійся у пана, въ дворовую и, особенно, комнатную службу, отстаетъ отъ хозяйства, или мало приобретаетъ опытности въ этомъ чрезвычайно-разнообразномъ дѣлѣ; замкнутость и искусственная непривлекательность домашняго быта пановъ очень отталкиваютъ отъ комнатной службы крестьянскую молодежь, для которой сидѣть весь день молча, и отказывать себѣ въ увеселеніяхъ улицы и досвѣткахъ кажется нестерпимымъ. За все это панамъ приходится платить прислугѣ нѣсколько дороже, да сверхъ того они всегда да-

ють наймитамъ частьде негъ впередъ, и, слѣдовательно, въ нихъ сдѣлкахъ съ наймитами не можетъ быть рѣчи объ удержаніи хозяиномъ денегъ за прослуженное время.

Въ наймѣ на лѣто пастуховъ замѣчаются слѣдующія черты: пастухи бываютъ или общественные — на все село, или поставленные отъ хозяина, которые пасутъ какъ хозяйскіи, такъ и приймаискіи скоть. Плата за вынасъ, въ теченіи лѣта, рогатаго скота состоитъ обыкновенно изъ денегъ и коробки или пуда хлѣба (ржи) на зимнее продовольствіе пастуха. Денежная плата взмѣняется, смотря по тому, существуетъ ли въ селеніи общественный, по большей части, козачій вынасъ, есть ли тамъ обыкновеніе пускать чрезъ 2 года одну руку поля въ толоку, или скоть выпасывается на землѣ, принадлежащей въ частную собственность. Въ послѣднемъ случаѣ, плата самая дорогая. Сколько миѣ извѣстно, она колеблется отъ 30 коп. до 1 р. среб. Плата за рогатый скоть отдается обыкновенно по окончаніи лѣта. Но за овецъ и свиней, какъ за товаръ, который подвергается болѣе частымъ переходамъ отъ хозяина къ хозяину въ теченіи весны, лѣта и осени, въ нѣкоторыхъ селахъ есть обыкновеніе брать одну половину платы весною, когда животное поступаетъ на пастьбу. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, селахъ этого не дѣлаютъ; но держатся правила собирать плату среди лѣта, для чего пастухъ, оповѣстивъ предварительно хозяевъ, загоняетъ овецъ или свиней на загонъ и держитъ ихъ тамъ, пока хозяева приносятъ деньги. Вообще же принято, что за скотину, какъ бы скоро, по поступленіи къ пастуху, она ни была взята хозяиномъ для продажи, дается пастуху половина наемной платы. Пастухъ за потерю овцы отъ звѣря (волка) не отвѣчаетъ; но если она пропала отъ крови, которую слѣдовало *сбить*, то онъ долженъ заплатить хозяину.

Вознагражденіе за поправы имѣеть, по народному праву, свои особенности, которыя постараемся представить такъ, какъ они намъ показались.

Народъ держится правила: «Не той платитъ за спашъ, хто пасе, а той, хто поймавсъ.» Прилѣненіе этого правила ко всемъ случаямъ поправы не всегда возможно, рѣдко соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ пойманнаго хозяина скота и во многихъ случаяхъ явно несправедливо, напр. когда хозяину коровы, взшедшей только одишь разъ и то на весьма короткое время на шву сосѣда, приходится вознаграждать за потерю хлѣба на цѣлой десятинахъ и больше. Рядомъ съ строгими и часто очень отяготительными для пойманнаго хозяина рѣ-

шеніями крестьянскихъ судовъ, можно встрѣтить примѣры, что общественыя власти, въ разрѣшеніи жалобъ о потравахъ, стараются обходить изложенное нами правило, выискивая хозяевъ, которыхъ скотъ видѣли прежде на мѣстѣ потравы и привлекая ихъ къ ответственности видѣть съ владѣльцемъ пойманнаго скота. Тѣмъ не менѣе народъ и урядники вѣрятъ въ силу упомянутаго правила, и не упускаютъ случая поугатъ лямъ небрежныхъ хозяевъ скота. Такою привязанностью къ неудобноисполнимому закону и сочувствіемъ къ его устрашающей силѣ можно объяснить, по нашему мнѣнію, тѣмъ условіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, что они живутъ не въ хуторахъ и не на фермахъ, а въ большихъ селахъ. Хозяинъ, живущій въ селеніи, часто въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ своей нивы, конечно, не въ состояніи бдительностію и постоянствомъ надзора предупреждать потравы. Народный обычай старается вознаграждать его за это, расчитывая, при назначеніи платы за поправу не столько на соразмѣрность ея съ причиненнымъ убыткомъ, сколько на устрашеніе небрежныхъ.

Пойманный на поправѣ скотъ рѣдко загоняютъ, а по большей части отнимаютъ у пастуха одежду, и держатъ ее пока пастухъ, или его хозяинъ, не придутъ за нею.

Совершенно новое явленіе въ быту южно-русскихъ крестьянъ составляетъ переселеніе на казенныя земли, которое, съ нѣкоторыми ограниченіями, позволено теперь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ мѣстѣвъ. Переселеніе это, издавна существовавшее у козаковъ, — у помѣщичьихъ крестьянъ бросилось мнѣ въ глаза тою своею особенностію, что изъ козаковъ шли на переселеніе преимущественно люди богатые, а бѣдняки, не могли преодолѣть своей привязанности къ роднѣ и непріимчивости, оставались на старыхъ мѣстахъ. Напротивъ, у крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, замѣтно больше отваги и энергіи, такъ-что даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рѣшаются проситься въ переселеніе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

II.

Прошелъ мѣсяць. Весь зтотъ мѣсяць провелъ я въ спѣшныхъ, приготовительныхъ, такъ-сказать, работахъ, среди которыхъ рѣшительно не было еще возможности всмотрѣться въ явленія новой жизни

нашого земства. Открывались сельскія общества, производились выборы должностныхъ лицъ крестьянскаго управления, сельскаго и волостнаго. Если встрѣчались жалобы и недорозумѣнія, то они разематривались и рѣшались мною почти наскоро, почти въ духѣ умершаго вотчиннаго права, — во всякомъ случаѣ не такъ обстоятельно и не съ тѣми пріѣмами строгой законности, которыхъ требуетъ современное положеніе крестьянскаго дѣла. А потому немного еще приходится мнѣ внести въ свои записки.

Разскажу съ самого начала, какъ открывались общества. Вездѣ, во всѣхъ селахъ, повторялось одно и тоже съ самыми малыми измѣненіями.

«Крестьяне, собранные на дворѣ помѣщика, или управителя, ожидали моего пріѣзда. Пріѣхавъ въ село, я съ Положеніемъ въ рукахъ обращался къ крестьянамъ съ такими словами:

«Громадо! Объявили вамъ свободу и казали до времени, пока установитца нове начальство, казали вамъ бути постарому, нидь начальствомъ своего пана. Бо по правиламъ (*), треба було избрати мировыхъ посередниківъ и имъ поручити запроваженне новихъ порядківъ. Отъже для того участка, въ которімъ записано ваше село, назначили мене мировимъ (голоса изъ громады: «чули ми сее, чули, ясній пане.») Не знаю, чи зумію, чи ні, послужити вамъ, громадо, такъ, якъ бы хотілось, але буду старатися служити, шануючи законъ, на варті у котрого мене поставлено... Зъ сѣго часу вашъ пагъ вже не буде вамъ правити, — будете мати свое власне начальство, которе сами выберете собі зъ своего кола. А коли буде въ кого зъ васъ якась претенсія до пана, або у пана до кого зъ васъ, то маєте удаватися до мого суда; я буду васъ годити, мирити: — для того и прозиваює я мировимъ. А ежели потрібно буде провинившогоєя укарати по закону, то волю того закона никто другій, якъ я буду шукать своимъ судомъ. Але не святій я, громадо, чоловікъ: часомъ могу и помилитисє, укарати когось несправедливо, могу зробити якуось справу не такъ, якъ би належало; — въ такімъ разі скривжений має право скажитисє на мене до мирового зъїзду, що буде збиратисє разъ на місяць въ повітовімъ нашімъ місті. Тамъ будуть судити справу вже всі наши мирові, разомъ зъ маршалкомъ. Коли и мировій зъїздъ не

(*) Положеніє о крестьянствѣ здѣсь вездѣ въ народѣ называється правилами.

догодитъ, можно и на него скажитися въ губернію до присутствія. Але, зъ Божою помощю, можеми якось и обійдемося безъ тихъ скаргъ до мирового зъїзду и до губерського присутствія. Хочу служити вамъ, громадо, щиро и начальствовать надъ вами такъ, щоби, якъ пройдути тїї мої три роки, то почувъ би відъ васъ спасибі, бо тее спасибі буде для мене луччею наградою за всю працю, на котру теперъ піднимаюсь. Дай же, Боже, щоби межъ нами була правда, святая правда (пзъ громады: »дай Боже, дай Боже!«)... Теперъ на—самъ—передъ треба вамъ вибрати старосту, который заступитъ вамъ пана,—більшъ якъ пана. Панъ бувъ вамъ начальникъ для того, що вздумалося ёму покупити ваше село, або для того, що вмеръ ёго отецъ и досталося ему ваше село въ спадокъ. А староста буде вами правитъ для того, що громада ёму скаже: даемъ тобі право правити нами три роки. Зрозумте жъ, громадо, що тутъ виходе, яка виходе власть старости, и якъ прийдеца після того покорятися старостові. Вибирайте жъ, що тільки е у васъ найлучшого, шукайте чоловіка такого, щоби вінъ ні въ чимъ не булъ припеченимъ. Щоби потимъ, якъ стане вінъ укоряти пьяного чоловіка, той не мігъ би ему сказати: »а ти хiba не бувашъ часомъ пьяний?« якъ стане вінъ сварити когось за тее, що не шануе свого отця, або матеръ,—щоби той не мігъ сказати ёму: »а для чоужъ ти самъ оттоді—і—тоді такъ—и—такъ трактовавъ свою маму, або батька?« коли вінъ схоче повстидати ледащого, щоби той ледащій не мігъ припомнути ёму ёго не дуже щирої праці.—Розумісте?!. (»Авжежъ такъ!«) Отъ же, послушайте я вамъ, громадо, прочитаю зъ правилъ всі обязанности старости, то ви й побачите, якії тутъ потрібенъ вамъ чоловікъ, якії тутъ потрібенъ розумъ.»

Я раскрывалъ Положеніе и читалъ статью за статьей объ обязанностяхъ старосты, переводя каждую строку на южно-русскій языкъ и объясняя примѣрами. При этомъ, сейчасъ же оказывалось, что отсутствіе изданія Положенія на южно-русскомъ языкѣ вызоветъ много и много недоразумѣній и еще болѣе усилитъ въ крестьянахъ то недовѣріе къ мировымъ посредникамъ, которое вызывается уже тѣмъ, что мировой посредникъ—панъ, человекъ въ сюртукѣ. Нужно сказать еще и то, что у насъ мировые посредники почти всѣ поляки и половина изъ нихъ сами не вполне понимаютъ языкъ Положенія,—значитъ, дѣйствительно переводы и толкованія не могутъ выходить у нихъ безукоризненны.

Тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ старосты, касательно нуждъ и пользы общества, громада выслушывала всегда внимательно и спокойно; но какъ только доходило до наблюденія за отбываніемъ повинностей передъ помѣщикомъ, громада начинала волноваться и изъ толпы слышались разныя замѣчанія, сомнѣнія. Статья же 59-я: »долженъ крестьянъ, отбывающихъ издѣльную повинность, наряжать на работу, а съ оброчныхъ взыскивать оброкъ, сообразно съ требованіемъ помѣщика... и вообще немедленно исполнять законныя требованія помѣщика, подъ своею личною отвѣтственностью,» — эта статья вызывала часто взрывъ негодованія слушающихъ, вслѣдъ за чѣмъ десятки голосовъ начинали кричать: »не треба, не треба намъ старости! Якъ будемъ вольні, то втоді й виберемо собі старосту, а тепер на—що ми будемо відъ себе давати панові отамана до загадованья паньщини!«

Сколько въ этихъ случаяхъ нужно было терпѣнія, такту, мягкости и краснорѣчія, чтобы возвратить громаду къ порядку и убѣдить ее въ томъ, что свобода не ведетъ за собою уничтоженія повинностей за землю; что изъ закона вычеркнуто право помѣщика на личность крестьянина, но не вычеркнуто право помѣщика на купленную имъ, или полученную по наслѣдству, землю; что, по уничтоженіи вотчиннаго права, помѣщикъ не можетъ, уже черезъ своего управителя, или атамана, требовать отъ свободного челоуѣка слѣдующей съ него повинности, что громадѣ необходимо имѣть своего представителя, старосту, посредствомъ котораго помѣщикъ сносился бы съ громадою и который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы ни съ кого не взяли лишняго. Я предвидѣлъ подобныя трудности при открытіи общества и хотя не имѣлъ еще случая испытать силу своихъ убѣжденій, но отказался отъ предоставленнаго мнѣ содѣйствія полиціи и объѣзжалъ село одинъ безо всякихъ атрибутовъ какой-либо власти. Были минуты, когда я терялъ терпѣніе, когда не ставало у меня ни голоса, ни словъ, ни присутствія духа. Въ эти минуты, еслибъ была при мнѣ хоть какая нибудь матеріальная сила, я, кажется, не выдержалъ бы—употребилъ бы ее въ дѣло и, разумѣется, испортилъ бы дѣло совершенно. Находясь же въ безвыходномъ положеніи, я понималъ, что выйти изъ него могу лишь силою слова, убѣжденія, мира, и — выходилъ. Иногда я даже пользовался своимъ положеніемъ. Я обращался къ раздраженной толпѣ съ такими словами:

»Послушайте, громадо!.. послушайте, що я вамъ скажу... Ова!

якаж не добра громада:—говорити чоловікові не дає!.. Послухайте... Не мині вась змушувати до того, що потребує відь вась законь. Бачите якъ я до вась прихавъ... самъ еденъ и говорю зъ вами, здаеця мині, не такъ якъ той, що задає страху, говорю по—людськи, добримъ способомъ, бо я не поставленъ надъ вами для того, щоби ви мене боялись, а поставленъ, щоби ви черезъ мене познали новий законъ и якъ вінъ надає вамъ права, якъ вінъ тамъ потребує нови порядки; поставленъ я, щоби боронилъ я тіі ваши права, тіі новіі порядки, боронилъ би вась и пана відь кривди, щоби судилъ и годилъ би вась. Отъ же я прихавъ и читаю вамъ правила; говорю вамъ, що и якъ теперъ повинно бути у насъ, говорю вамъ не зъ голви своєї, не зъ паньскої думи, а читаю зъ закона. Ви замистъ того, щоби ушанувати якъ треба нового свого начальника, которий ежелі й не добрий чоловікъ, то не мігъ ще, бо навіть немалъ часу, зробити вамъ щось не добре,—ви ёго обивжаєте дармо. Про мене, якъ ви тамъ собі хочете: слухайте, чи не слухайте мене. Я іще разъ скажу вамъ, що ни сварити, ни карати вась за тое не буду. Піднялся я служити вамъ, а не командувати вами. Якъ приконаете, що єдинимъ розумомъ та христіанскимъ словомъ служити на вась, громадо, не можно, то не конечно буду набивался... устушаюсь. Най становитця надъ вами мировимъ хтось инший. Але щожъ вамъ съ того?.. Якъ я, такъ и другій, все теежъ самое буде вамъ говорити и скінчитця таки воно на тимъ, що хтось зовсімъ перестане говорити, а каже змусити вась шанувати закони. Не можна жъ перебирати картки їхъ, якъ тіі хустки у жидівки въ крамниці. И будете ви малп въ своїмъ селі жандарівъ, або ще й москалівъ... И зъ якіі же раціі? зъ тий, що една якась картка не подобалась.»

Говоря такимъ образомъ, я всякій разъ достигалъ того, что громада успокоивалась и мирилась съ указаннымъ мною требованіемъ закона.

Въ селѣ (*) были собраны громады нѣсколькихъ селъ. Встрѣченъ я былъ ими чрезвычайно враждебно—такъ, что съ разу былъ озадаченъ и тономъ заговорившихъ со мною крестьянъ и содержаниемъ первыхъ сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ. Когда въ отвѣтъ на вопросы сталъ я читать соответствовавшія статьи Положенія, то крестьянши изъ

(*) С. Г—б—въ.

седа Ц — помітившись у самого могою локтя, сейчасъ же остановилъ мое чтеніє, почти ударилъ тяжелою ладонью по раскрытой книгѣ и сказавъ съ сердцемъ: »Не говоріть намъ зъ голови, а читайте те, що прійшло відъ царя. Въ тихъ правилахъ зовсімъ не тее написано, що ви читаете.«—Слухай, чоловіче, замѣтилъ я ему: — знаю, чого тобі хочеться, знаю, що ти хочешъ услухати... але, я на-самъ-передъ не зъ тихъ, що читають правила за сорокивку, або за кварту горілки и стараються набрати тихъ сорокивокъ якъ найбільше. Ні, чоловіче, я не торгую неправдою! дай ми ні чистий покій, и слухай«. —Но мое чтеніє снова было остановлено загорѣлою рукою—вещкого крестьянина и я услухалъ отъ него опять тотъ же самый укоръ, только въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ.—»Громадо! заговорилъ я тономъ обиженного: — ви не послали по мене, ви мене не паймали, я не обіцявъ вамъ читати для потіхи. Прихавъ я до васъ якъ начальникъ, зъ волі царської; читаю для того, щоби не говорити зъ-голови, щоби видвічати вамъ просто зъ закона, читаю, що бачать мої очи. Якъ буде сей чоловікъ вашимъ мировимъ (Боже ёму допомагай!), то буде вінъ читати вамъ правила такъ, якъ вінъ уміє, а я не могу позичити въ него очей и ёго очами читати. Та й на що би я мололъ язикомъ своимъ тее, що вамъ мелять москалі за сорокивку?.. Чи мало їхъ у васъ, чи не буде ще часу навяти вамъ кого зъ нихъ и тішитися їхъ читаннемъ?.. Отъ якъ я поїду до вашихъ сусідівъ, то заразъ найміть собі котрого и най вінъ васъ мороче... тільки не забудьте ёму сказати, що якъ буде читати річи гарні, то накинете двадцятку: — побачите, яки вінъ тоді стане веселі та любі закони начитувати. А теперъ, перепрошаю васъ, буду сполняти свою службу по присязі, а не въ утіху сёму чоловікові.« И я продолжалъ читать. Посгѣ третьей выходки, я сложилъ книгу, взялъ ее подъ мышку и досталъ изъ кармана бумажникъ съ записной книжкой.

— Вибачай міні, чоловіче: може воно й не совсімъ гарно такъ зачинати знаємість; але—що робить—мушу я сее зробити. Скажи міні, якъ ти прозиваєся?

Тонъ мой смутилъ заносчиваго крестьянина.

— Якъ же ти прозиваєся, чоловіче?

Онъ сказавъ свое имя и прозваніє, потомъ пробавилъ:

— »Мині капітанъ читавъ тві правила и я дуже добре памятаю, що...«

— Чоловіче, я записавъ якъ ты прозиваєся; темеръ можешъ собі скільки хочешъ баламутити своихъ сусідівъ. Але, памятай!.. ежели въ — вѣдхъ виїде якіи неурядокъ, яке непослушанье, то я приїду и заразъ тебе визву зъ громади къ отвѣту...

— »Коли кажу я вамъ,—мшиі капитанъ читавъ...«

— И про капитана твого не забуду я втоді.

Въ это время другой крестьянинъ, стоявшій противъ меня шагахъ въ пяти, или шести, нѣсколько нетрезвый, проговорилъ сквозь зубы: »Спѣвай, спѣвай, мій голубчику!... послѣ инакше заспѣваешь.« Проговоривъ эти слова ко мнѣ, онъ медленно повернулся и, переваливаясь съ ноги на ногу, отошелъ въ средину толпы.

Я продолжалъ читать, не показавъ даже вида, что слышалъ.

Бѣсѣда моя съ крестьянами въ этотъ день началась въ полдень и продолжалась почти до самого вечера. Солнце жгло меня немилосердно; языкъ высохъ; ломило грудь; потъ бѣжалъ съ меня ручьями, хоть я сбросилъ съ себя пальто. Но я видѣлъ какъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, мирное слово убѣжденія начинаю брать верхъ, начинало все болѣе и болѣе покорять упрямыхъ крестьянъ и какъ имъ нравилось то, что я, не смотря на усталость, ловилъ на лету каждый вопросъ и отвѣчалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, подтверждая всякій разъ статьями Положенія, хотя иногда вопросъ дѣлался такъ—себѣ, совершенно не для того, чтобы получить отвѣтъ. Мнѣ кажется, еслибъ тогда распорядился Иисусъ Навинъ такъ, какъ нѣкогда распорядился онъ ради того, чтобы Евреи кончили битву, то я говорилъ бы съ крестьянами до обморока. И чтожо? тѣ самые люди, которые въ полдень дерзко прерывали мои толкованія и обращались со мной, какъ съ чловѣкомъ, пріѣхавшимъ ихъ обманывать, въ интересъ класса помѣщиковъ, обращались до нельзя оскорбительно, тѣ самые люди слушали меня потомъ съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и вниманіемъ. Держа надъ моею головою свои соломенные шляпы, изъ которыхъ образовался такимъ образомъ родъ навѣса, они спрашивали меня обо всемъ, касавшемся ихъ новаго быта. Когда усталость заставила меня опуститься на землю, близъ стоявшіе не допустили до того и бросились растилать свои свиты. Когда наконецъ я объявилъ, что уже совершенно измучился и сталъ прощаться,—со всѣхъ сторонъ посылались самыя искреннія изліянія благодарности, сопровождаемыя дружескими взглядами. Почти цѣлою толпою я былъ поднятъ съ земли, отведенъ къ шарабану и приподнятъ на его

ступеньки. Я поїхав, а вслід за мною крики желанія щастливого пути. Я узнавъ потомъ, що послѣ моего выїзда изъ — го, громада пошла къ священнику, положила рубль на столъ и просила сейчасъ же итти въ церковь служити молебень — «отъ за того мирового, що першій розказавъ и розтолкувавъ всю правду.»

Ну вотъ и говорите послѣ этого, что «на мужика не подѣйствуешь убѣдшемъ», совѣтуйте послѣ этого:

»Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.«

Помѣщикъ имѣнія, въ которомъ былъ этотъ сходъ, принадлежитъ къ кружку людей, видящихъ въ крестьянской реформѣ безпорядокъ — и больше ничего. Система хозяйства и управленія имѣниемъ, созданная этимъ помѣщикомъ, служила образчикомъ людямъ его кружка и считалась ими системой чрезвычайно-умной, талантливой, основанной будтобы на глубокомъ познаніи натуры нашего крестьянина и его потребностей: «Строгъ, но справедливъ.» На то, что крестьяне должны ему нѣсколько тысячъ рублей, на это указывалось, какъ на заботу его о благосостояніи крестьянъ. Описанный мною сходъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ частокла помѣщичьего гумна и ни крестьяне, ни я не знали, что нашу бесѣду подслушивали за частокломъ «строгий, но справедливый» помѣщикъ. Вхожу въ его тогдашнее положеніе: — ужасныя минуты (вѣрнѣе: часы) были пережиты имъ! Посудите: столько лѣтъ человекъ хозяйничалъ и управлялъ, на основаніи глубокаго познанія натуры крестьянина и въ хозяйничаньѣ его, слово въ семейное дѣло, шкто не вмѣшивался, не смѣлъ вмѣшиваться. Вдругъ прїїзжаетъ посторонній человекъ и передъ нимъ раскрывается во всѣхъ подробностяхъ это семейное житье-бытьѣ; крестьяне, не пошмающие никакой деликатности, выдаютъ все до послѣдней семейныя тайны, все секреты управленія, самые щекотливыя секреты — и своими распросами наивно показываютъ, что они были машиной, постоянно хорошо, въ порядкѣ содержанной, что они были всегда сытые, одѣтые соответственно времени года, и проживавшіе въ прочно выстроенныхъ избахъ, следовательно всегда были исправными работниками.

»Паночку! ми... ніколи не мали жаднаго голося, ми тільки відъ рана до вечора, відъ неділі до неділі слухали, що, де и якъ маємо робити. Ми тільки отъ теперъ відъ ясного пана першій разъ

чуємо, що ми громада и що ми сами можемо дбати о интересахъ громадскихъ... да и то не знаємо, якъ то ми будемо о нихъ дбати: мало що не каждый у насъ чоловікъ въ долгу у пана; — требажъ той долгъ якось відробити — нічого не поможє, — треба відробити; але якъже його відробити!»

— Панъ же вашъ,—чулъ я,—завше справно платить за каждый перероблений день, замѣчалъ я крестьянамъ.

»Ба! що зъ того, що платить... вінъ рахує за жиночій день десятку, чоловікові поль-злотка, а за тягловий день двадцятку. Колижъ такимъ способомъ відробитця той долгъ? Гонять що-день на роботу, и вопо здаєся, що видробиши, а прийдуть податки и зновъ твій долгъ якъ буй, ежели не приблизилъся. Чоловікъ утратилъ навіть надію вийти зъ долгу.»

»А зо мною якъ теперъ буде?—спросилъ одинъ крестьянинъ, виступая изъ толпы:—на мене совсѣмъ кривда.»

— Хтожъ ти такіи?

»Гуменний.»

— Чоловіче, якъ же може бути, щоби гуменному було зле?

»А щожъ мнѣ зъ того добра, що я якъ день такъ нічъ, цілий рікъ служу и шильную панській тикъ за тое поле. Бійтєся Бога! да я відбувъ би панщину та й малъ бы спокій и на себе щось би зробилъ...

Послѣ этого я говорилъ съ помѣщикомъ, представлялъ ему, я—неопытній молодой хозяинъ, ему опытнѣйшему, старому хозяину — представлялъ всю несправедливость его системы. Но помѣщикъ okazaлся сильнымъ законникомъ. Онъ спокойно раскрылъ передо мной ивентарныя правила и показалъ, что за деньги, данныя на подати, имѣеть право требовать работу, считая пять копѣекъ за женскій день, семь съ половиной копѣекъ за мужской пѣшій и десять копѣекъ за тягловой. Показалъ, что своимъ служащимъ имѣеть право не платить болѣе того, что платить и проч. Я выставялъ ему безвыходное положеніе такихъ должниковъ помѣщика, особенно если въ долги ихъ вошли разныя и разныя »запомоги« и штрафы, присужденные произвольно, отъ чего цифра долговъ приняла болѣе или менѣе серьезные размѣры, между тѣмъ какъ должники за каждый рубль платятъ работою, стоющею, быть можетъ, два, три рубля. Помѣщикъ, съ совершеннымъ хладнокровіємъ, отвѣчалъ, что до всего этого ему нѣтъ никакого дѣла. Я было принялся объяснять ему, что теперъ уже не-

обходимо думать намъ не объ одномъ матеріальному интересу, а и о нравственномъ: объ отношеніяхъ своихъ къ крестьянству; но помѣщикъ съ собакевическою прошею замѣтилъ мнѣ, что онъ не вдается въ подобныя сантиментальности, что онъ никогда никакой политикой не занимается и смотритъ на свое имѣніе только какъ на источникъ дохода. Мнѣ оставалось одно: подумать самому о выводѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ изъ исключительнаго положенія. Югозападную границу вѣтренаго мнѣ участка измѣнили и практической хозяйнѣ избавился отъ моего посредничества. Громада *ская встрѣтила эту перемѣну съ неудовольствіемъ; выслала ко мнѣ депутацію съ вопросомъ: должны ли они признать новаго мирового? и не будетъ ли ихъ признаіе обидно для меня? — Я выставилъ депутатамъ всю незаконность протеста ихъ громады, увѣрилъ въ томъ, что мировою посредникъ дѣйствуетъ на основаніи закона, а не личныхъ своихъ убѣжденій, наконецъ указалъ имъ и на личные качества ихъ новаго мирового посредника, котораго, когда онъ былъ маршалкомъ (уѣздн. предв. дворянства), нѣкоторые господа тогда только перестали называть за глаза *маршалкомъ хлопковъ*, когда узнали, что это названіе, данное съ злой насмѣшкой, очень лестно для предводителя дворянства при крѣпостномъ правѣ. Депутаты ушли, и *ская громада успокоилась.

Въ мѣстечкѣ — ахъ тоже собрано было разомъ нѣсколько громадъ, но это были села одного помѣщика, извѣстнаго, кажется, въ цѣломъ нашемъ краѣ. Тутъ я встрѣченъ былъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ крѣпость, осажденная сильнымъ непріателемъ, встрѣчаетъ отрядъ, пришедшій къ ней на выручку. Все, что только ни говорилъ я, что только ни читалъ, все было хорошо, прекрасно, все принималось съ невыразимымъ удовольствіемъ. Замѣтилъ я позади толпы еврея, вытянувшего шею и съ любопытствомъ прислушивающагося къ нашей бесѣдѣ.

— Жиду! — обратился я къ нему: — бачишь громада стоить безъ шапокъ, а для того и я скинувъ свою; прошу жъ тебе: або зними шапку, або иди собі відсі.

Крестьяне переглянулись, а нѣсколько человекъ изъ стариковъ медленно, низко поклонились мнѣ.

Выборъ старосты совершился спокойно и весело; потомъ стали просить, чтобы я еще разъ разтолковалъ имъ ихъ обязанности. Статьи о повинностяхъ помѣщику никого не возмущали. Наконецъ, начали

крестьяне рассказывать мне про свое житье-бытье. И их останавливал, напоминал, что приехали только для открытия общества и выбора старостъ, да для прочтения и растолкования Положения, жалобы же все просилъ отложить до другого времени; говорилъ имъ, что сѣшу объѣхать все села своего участка, познакомиться со всеми громадами, говорилъ, что я долженъ спѣшить, потому что по деламъ пьяные люди читаютъ и толкують по своему положенію и народъ напрасно волнуется...

— Ясный пане! — прерывали меня крестьяне: — не знаемъ, якъ тамъ у другихъ, а що до насъ, то най панъ буде спокійний, — у насъ жадного, жадного не буде не порядку. Будьте певні, мы не того бажаємо, що другні, ми будемо робити панові своему, якъ робили, навіть ще більше, — най тільки заспокоїть вінъ наши кривди; най позаплачує вінъ намъ наши шкоди; най хоть яка-небудь зъявiticsя для насъ правда.»

И мне становилось ясно, что население этого имѣнія совершенно непричастно тому общему движению крестьянства, которое поднято реформою; — что эти громады слишкомъ заняты своимъ мѣстнымъ интересомъ; а потому я долженъ былъ выслушать все сътованія до конца и — крестьяне кажется отвели душу.

— Люди добрі! успокоивалъ я говорившихъ: — вірте мнѣ, що вашъ панъ не злий чоловікъ, — вінъ тільки дивний а къ тому же его оточають непотрібні люди. Ми знаємъ, хто зъ насъ якъ сидить; ми зналі, що у васъ тутъ робиться, все знали, але — ще разъ скажу вамъ — вірте мнѣ, вашъ панъ не злий чоловікъ. Отъ будете бачили, якъ все у васъ буде инакше, стану лишень я межъ вами и паномъ: побачите, я васъ погожу. Але — прошу васъ — сполняйте все справно и честно, що відъ васъ належить по закону. Старайтеся, щоби ви були чисти якъ скло, щоби я мігъ сміло говорити за васъ, а то якъ на ваши скарги почуву я и відъ пана скарги — трудно буде втоді дати раду.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, крестьяне обратились съ слѣдующимъ послѣднимъ вопросомъ:

— Скажи жъ намъ, ясный пане, чи маємо ми теперъ право купувати горілку на стороні?»

— А ну її тую горілку! отвѣчалъ я: — на що ми ще й объ неі будемъ говорити. Отъ послушайте, що я вамъ поражу: не купуйте горілки ни у пана, ні на стороні...

Предложеніє это оказалось нікуда не годнымъ. Здѣшний крестьянинъ не въ состояннн не только понять, но даже и повѣрити возможности не пить водки, если только его организмъ не изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ, которые не принимаютъ употребленія спиртуозныхъ напѣтковъ. У насъ право пропинаціи, эта грязная привилегія помѣщиковъ, всегда составляла не право продажи, а право распиванія. Жизнь крестьянства, бѣдная, тяжела, лишена почти всѣхъ условій разумной, нормальной жизни, какую слѣдуетъ вести человѣку, не представляла у насъ даже и того развлеченія, того занятія для мысли, какое даютъ торговля и промыселъ. У насъ крестьянинъ всегда былъ не больше, какъ сельскій батракъ. Онъ машинально и равнодушно работалъ на помѣщика, потомъ коскакъ и какъ случилось работалъ на отведенномъ ему кускѣ земли, работалъ всѣ будни, покидая хату и семью свою рано утромъ и возвращаясь къ нимъ вечеромъ для того только, чтобы съѣсть *вечеру* и лечь, гдѣ попало, спать, если онъ не на очереди сторожить цѣлую ночь какое-либо добро помѣщика, или если это не лѣто, когда приходится ему, послѣ вечеровъ, отправляться опять въ поле пасти работавшую днемъ пару воловъ или коней. Однако, какъ ни старались обстоятельства превратить крестьянина въ вола и лошадь, онъ все таки оставался человѣкомъ и потому не могъ жить только физической жизнью; не могъ удовлетворяться однимъ долгомъ—долгомъ работы; не могъ мириться съ обязанностью только покоряться волѣ другого: не даромъ же бывають въ году дни праздничные, въ которые винокурня помѣщика хотя и идетъ, но, во первыхъ, только зимой; вовторыхъ — не требуетъ всего села; втретьихъ, — не у всякого же помѣщика есть винокурня; наконецъ, винокурня—то и тѣсно связана съ праздничнымъ днемъ крестьянина; она-то и указываетъ ему, что не даромъ бывають въ году праздничные дни. Кромѣ праздниковъ, у крестьянина бывають въ хатѣ родины, крестины, обрученія, свадьбы, похороны, поминки, слѣдовательно сходятся гости и нужно провести время. Говорить съ гостями?.. не о чемъ: жизнь сельскаго батрака, работника, каковъ каждый нашъ крестьянинъ, слишкомъ бѣдна и малосодержательна. Происшествія дня: волъ захромалъ, конь заболѣлъ, ось переломилась, —по это видѣли всѣ; такой-то сорвался съ крыши и разшибся, — и это видѣли всѣ; управитель ударилъ десять разъ въ лицо, —тоже видѣли всѣ; высѣкли жену, или дочь—невѣсту, —и это всѣмъ извѣстно; о чемъ же говорить съ гостями?.. чѣмъ наполнить время досуга?.. Единственный

выходъ: предаться обрядности. Обряды, будучи разъ сочинены, не требуютъ уже ни малѣйшей мысли, а между тѣмъ ошутительно наполняютъ время. Вотъ и проходить досугъ крестьянина въ исполненіи разныхъ обрядовъ. Еслижъ не предстоитъ необходимости совершить какой нибудь обрядъ, онъ идетъ къ тому, у кого потребовалось, а не то онъ вмѣстѣ со всѣми идетъ въ корчму, гдѣ распиваніе той же водки производится съ тою же обрядностью. Когда я слышу сужденія объ иныхъ обычаяхъ нашихъ крестьянъ, мнѣ приходитъ иногда въ голову мысль: зачѣмъ обрядъ называемъ мы также обычаемъ?.. Ко всему этому прибавлю, что въ каждомъ селѣ, въ каждомъ приселкѣ есть корчма; по всѣмъ дорогамъ, по которымъ двигаются какіе либо обозы, стоятъ корчмы недалеко одна отъ другой, а иногда по двѣ, по три вмѣстѣ. Взглянувши только на эти задѣдные дома, сейчасъ видишь, что задѣлъ у нихъ статья второстепенная. Шипкованье же въ корчмахъ чрезвычайно рѣдко ведется самимъ управленіемъ помѣщика. Большую часть корчмы отдаются въ аренду, а арендаторами до очень не давняго времени всегда былъ еврей, приходившіе на аренды только съ перинами и подушками, а выходяшіе, послѣ пяти, шести контрактовъ,—часто съ порядочными капиталами, съ помощью которыхъ они дѣлались купцами и закупали урожай у владѣльцевъ корчемъ (*). Вслѣдствіе всего этого обряды крестьянскаго досуга, во-первыхъ, чрезвычайно многочисленны; вовторыхъ, безъ водки рѣшительно немислимы. Напимается ли кто, торгуется ли что нибудь —начинаютъ и кончаютъ водкою и, конечно, не безъ нѣкоторой обрядности. Продатъ что нибудь крестьянинъ—въ ознаменованіе совершившагося факта, хотя бы то была продажа пяти яицъ, является водка. Поссорился крестьянинъ съ соседомъ и вздумалось ему идти на судъ другаго — за рѣшеніемъ судьи непременно слѣдуетъ водка. Рядится крестьянинъ на какую-нибудь работу — выговариваетъ въ придачу водку. Встрѣтился съ знакомымъ другаго села—считаетъ долгомъ пригласить его въ ближайшую корчму выпить водки. Сошлись нѣсколько человѣкъ въ хатѣ—сейчасъ же посылаютъ за водкой. Родилось дитя — въ этотъ же день всѣ сходятся пить водку и поить родильницу завѣшенную ковромъ, или изодраннымъ кускомъ полотна. Заболѣло что-нибудь у крестьянина—баба-шарлатанка натираетъ больное мѣсто водкой, которая при этомъ такъ

(*) Впрочемъ, и теперь во всякой околицѣ найдутся корчмы, дѣйствительными арендаторами которыхъ— ивреи.

же распивается. Женщина трудно родить—ей подносят водку. Чоловік плохо, совсем умирает—сидит подать ему водки. Умер—сходятся сейчас же все пить водку. На вынос тела надо непременно опять всякому поднести водки. Могила никто не станет копать, если не дадут ему водки. *Доловины* тоже не сколотить никто без водки. Опустили в могилу гроб, в который перед закрытием вылита чарка водки, все пьют водку. Идет свать в хату—в кармане у него бутылка водки. На заручинах только и дѣлается, что съ особенною обрядностью пьется водка. Свадьба—водка льется рѣкой съ безконечными обрядами. Жениха выводят къ вѣнцу и свадебный староста между прочимъ, вытянувъ всѣхъ изъ хаты цѣбью, крошитъ публку святой водой и — водкой. Тоже между прочимъ дѣлается и в хатѣ невѣсты. Пришли в церковь, принесена туда и водка, потому что послѣ окончанія надо напоить церковнаго старосту и братство. На возвратѣ домой, молодыхъ встрѣчаютъ по улицамъ водкою и все пьютъ. Высыпаютъ молодымъ за пазухи гроши, положенные ростамъ в приданное подъ задравныя чарки, вмѣстѣ съ этими грошами выливаютъ за пазухи и по чаркѣ водки. Вездѣ обрядъ, вездѣ водка, ни шагу безъ обряда, ни шагу безъ водки, все обряды—для водки. Ужасно, возмутительно, больно, прискорбно, но тѣмъ меньше это такъ, и такъ вездѣ, по всемъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю. А потому мое предложеніе—ещимъ громадамъ не покупать водки ни у пана, ни на сторонѣ показалось предложеніемъ чрезвычайно-страннымъ.

Скоро я убѣдился, что моя пропаганда трезвости рѣшительно ни к чему не ведетъ, между тѣмъ какъ возбужденный крестьянами вопросъ очень важенъ для нихъ, потому что арендаторъ назначаетъ высокую цѣну въ шинкѣ и взыскиваетъ немилосердные штрафы, если поймаетъ кого нибудь съ чужою водкою. Крестьяне розсказывали мнѣ, что недавно управленіе помѣщика, по требованію арендатора, взыскало въ его пользу съ одного хозяина за бутылку чужой водки восемнадцать рублей штрафа!

Предложенный вопросъ я разрѣшилъ такъ:

— Ні въ манифесті, ані въ правилахъ ничего не говорится о горілці. Але и въ манифесті и въ правилахъ сказано ясно, що ви теперь люде вільні. Вільній же чоловік, здається мні, купує за свої гроши що хоче и дѣ хоче. А для того, мні здається, теперь

вы вже маєте право купувати горілку якъ у своїй корчмі, такъ и на стороні.

Громада разрѣшеніемъ вопроса осталась очень довольна, находя его безукоризненнымъ.

И отправился къ помѣщику. Первые дѣйствія моего посредничества въ его пмѣиш были довольно удачны. Помѣщикъ очень любезно началъ съ того, что взялъ назадъ свое желаніе, (выраженное мнѣ передъ тѣмъ за нѣсколько дней въ письмѣ), чтобы я отказался отъ посредничества въ его селахъ. Помѣщикъ очень чувствительно жалъ мнѣ руку, высказалъ полную увѣренность въ моей добросовѣстности и полное невѣріе къ посящимся обо мнѣ слухамъ, обѣщалъ послушаться нѣкоторыхъ моихъ совѣтовъ, а я обѣщалъ рѣшительно, что никто не будетъ имѣть такой исправной барщины, какъ онъ.

При выѣздѣ изъ мѣстечка, въ коловоротѣ остановилъ меня, съ поблострастнымъ поклономъ, толстый, сѣдобородый арендаторъ мѣстной корчмы.

— Вы объявили крестьянамъ, что они имѣютъ право покупать водку на сторонѣ? спросилъ онъ.

— Да.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали!

— Какъ зачѣмъ?

— Не надо было этого говорить.

— Какъ не надо?.. да вѣдь они меня спрашивали.

— Я знаю, что они спрашивали; но не надо было имъ говорить...

— Чтѣ же? я долженъ былъ имъ солгать и потомъ взять у васъ сто, или полтора ста рублей, не такъ ли?..

— Я не смѣю этого думать, но... не надо было имъ говорить.

— Я васъ не понимаю.

— Чтѣ же теперь со мною будетъ? Вѣдь я ужъ заплатилъ за аренду.

— Чтѣ будетъ съ вами?..

— Да! что жъ теперь будетъ со мною?

— Если вы заплатили послѣднія деньги и если помѣщикъ не согласится на сдѣлку, то вы будете банкротъ.

— За чтѣ же такъ меня карать?

— За то, что вы платите за аренду дороже, чѣмъ она стоитъ. Вѣдь еслибъ нельзя было брать по восемнадцати рублей штрафа за бутылку, то вы никогда бы не дали за здѣшнюю аренду тѣхъ денегъ, какія вы до сихъ поръ давали?... Все, чѣмъ могу служить вамъ, такъ

это только тѣмъ, что буду вѣстѣ съ другими склонять помѣщика на сдѣлку.

На другой день я получилъ отъ помѣщика длиннѣйшій формальный за номеромъ отзывъ, написанный однимъ изъ непрестанно-пишущихъ его адвокатовъ—нахлѣбниковъ. На двухъ листахъ мелкимъ почеркомъ написано множество разныхъ разностей и цитаты изъ Положенія и Свода Законовъ, приведенныхъ разумѣется ни къ селу ни къ городу. Между прочимъ, говорится въ этомъ отзывѣ слѣдующее :

«Эти же старосты и другіе крестьяне говорятъ, что будто бы вы дозволили имъ брать на сторонѣ на свои надобности водку. Это противно было бы высочайшему манифесту, коимъ въ пунктѣ 6-мъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня изданія того манифеста, повелѣно крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщиковъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности, а въ числѣ этихъ обязанностей была и та, что крѣпостные крестьяне не имѣли права брать на свою надобность водку изъ стороннихъ корчемъ; за это помѣщики платили казнѣ винокуренную подать, замѣненную въ послѣдствіи акцизнымъ сборомъ, да и вольнымъ людямъ не дозволено ввозить въ помѣщичье имѣніе чужую водку, либо таковой подвозъ и т. д.»

Такимъ же точно тономъ говорится въ отзывѣ, что старосты не приходятъ каждый день за полученіемъ наряда барщины и не хотятъ ходить по селу заказывать барщину, ссылаясь на то, что «будто бы» я не велѣлъ имъ исполнять своихъ обязанностей.

Я отвѣчалъ помѣщику, что дѣйствительно, по закону, или вѣрнѣе сказать, по буквѣ закона можно все дѣло взвалить на одного старосту, но чтобы исполнить этотъ законъ, надо дать ему жизнь въ самомъ способѣ примѣненія его къ дѣлу. Открывая сельскія общества, я просилъ всѣхъ помѣщиковъ—не уничтожать старой должности атамана, который получивъ нарядъ барщины, отправлялся бы по прежнему на село заказывать ее, но передъ самымъ заказываніемъ заходить бы къ старостѣ, дабы потомъ распоряженіе помѣщика могъ объявлять крестьянамъ, какъ приказъ старосты. Я писалъ, что на первый разъ этотъ порядокъ признаю необходимымъ. Я старался объяснить и убѣдить помѣщика, что намъ самимъ надо стараться о томъ, чтобы сельскій староста какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ положеніе старшего человека въ селѣ; если же онъ лично будетъ бѣгать подъ окна хозяевъ съ нарядомъ барщины, то исполняя такую унижительную, въ гла-

захъ крестьянъ, обязанность, онъ сдѣлается не старостою своего общества, а лакеемъ помѣщика. Я сообщалъ, что почти все помѣщики моего участка согласились съ этимъ мнѣніемъ и удерживали должность атамана; старостамъ же я дѣйствительно приказалъ только разъ въ недѣлю, въ субботу, находится при отдаваніи помѣщиками, или ихъ управителями, распорядженіи атаманамъ. Что же касается продажи водки, то я отвѣчалъ, что объясненія мои о правѣ крестьянина на свободу покупки пужного ему продукта можетъ быть и неправильны, но некривны, а съ Сводомъ Законовъ я не справлялся, потому что тамъ нѣтъ постановленій о теперешнихъ временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Дѣло пошло въ губернское присутствіе — и о водкѣ, и объ старостахъ. Губернское присутствіе рѣшило (между прочимъ): «пригласить г. г. помѣщиковъ, чрезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, оставить по крайней мѣрѣ на первый случай существующую до нынѣ должность сельскаго атамана, въ помощь сельскому старостѣ, собственно для заказыванія слѣдующей отъ крестьянъ помѣщику издѣльной повинности съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ ослушанія кого либо изъ крестьянъ, или неисполненія заказа, атаманъ тотчасъ докладывалъ бы о томъ старостѣ, для зависящихъ съ его стороны распорядженій и проч.» О водкѣ же губернское присутствіе рѣшило, заглянувъ въ Сводъ Законовъ; и такъ какъ «ни въ помянутой 753, ни въ послѣдующихъ статьяхъ того же устава (о пит. сбор.) ничего не сказано о крестьянахъ поселенныхъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ», то вышло, что крестьяне нашихъ имѣній не имѣютъ права покушать водку на-сторонѣ.

Послѣ того я получилъ отъ этого же помѣщика другой отзывъ еще длиннѣе, еще замысловатѣе перваго. Онъ требовалъ смѣнить старосту въ одномъ изъ его селъ. Причины были выставлены чрезвычайно важныя: уголовныя преступленія старосты. Человѣкъ этотъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Паружность Ч — а чрезвычайно красиваго мужьяны въ высшей степени симпатична. Молодой человекъ, умный, толковый и довольно развитый (онъ былъ въ оркестрѣ помѣщика нѣсколько лѣтъ) пользовался въ громадѣ значительнымъ влияніемъ и мнѣ что-то говорило, что это будетъ одинъ изъ лучшихъ старостъ, и главное — что это будетъ одинъ изъ тѣхъ, которые меня не только послушаютъ, но и поймутъ.

— Страшнѣе речі тутъ про тебе написані, — сказалъ я Ч — у, прочитавъ отзывъ помѣщика.

— О, я знаю, що пану не хочеться бачити мене старостою,—отвѣчалъ Чернякъ, бросая какой-то странный взглядъ на бумагу въ моихъ рукахъ.

— Вишь пише, що ти ёго обокравъ и що ти якось капавъ на священника въ его власнїмъ дому.

Ч — ь засмѣялся. Потомъ вдругъ насунился, закусялъ губу и изъ подъ нахмуренныхъ бровей огнемъ засвѣтились глаза.

Онъ разсказалъ мнѣ все дѣло, дѣло старое, бывшее восемь лѣтъ тому назадъ. Я его не повторяю здѣсь. Записки пишу не для себя и не для отдаленнаго потомства, а для современной печати, въ которой нѣтъ мѣста разсказу Ч — а.

Я поѣхалъ въ его село, собралъ громаду; употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы не даться въ обманъ и, прїѣхавъ домой, отвѣчалъ помѣщику, что Чернякъ не можетъ быть смѣненъ, что нѣтъ никакой къ тому законной причины, а имъ представленныя—взяты изъ давно-прошедшаго времени, раскрывать которое не мое дѣло. Потомъ, при личномъ свиданїи, я поручился помѣщику за то, что въ селѣ Ч—а будетъ больше всѣхъ порядка и покорности его законнымъ требованїямъ. Сѣверозападная граница моего участка измѣнилась и помѣщикъ, окруженный непрестанно пишущими адвокатами—нахлѣбниками, избавился отъ моего посредничества.

— ецкіе депутаты сейчасъ же явились ко мнѣ и спрашивали: что это значить? Я опять объяснялъ, какъ могъ, естественность перемѣны и просилъ старость, ради расположенїя ко мнѣ, удержать громады отъ незаконныхъ протестовъ, которые ничего не принесли бы, кромѣ несчастья для громады и большихъ неудовольствїй для меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, — ецкія громады выслали въ губерскїй городъ депутацію изъ трехъ человекъ съ прошенїемъ. Прошенїе это во многихъ отношенїяхъ было замѣчательно. Оно написано не къ губернатору, не въ присутствїе, а къ одному изъ членовъ присутствїя, помѣщику В.—Г., который три года тому назадъ, былъ депутатомъ въ комитетѣ объ улучшенїи быта помѣщичьихъ крестьянъ, одинъ отстаивалъ то мнѣніе, которое пришлось ему въ послѣднее засѣданїе внести въ протоколъ особымъ мнѣніемъ, подѣлавшимъ тогда шуму и сдѣлавшимся теперь мнѣніемъ большинства, значить—общественнымъ. Очень жалѣю, что немогу помѣстить въ свои записки этого прошенїя—ецкїхъ

громадъ, поданнаго В—Г—; напвность его и чистосердечіе во многихъ мѣстахъ чрезвычайно трогательны, а въ цѣломъ—прошеніе полого особаго рода драматизма. Ч—ъ смѣнитъ.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(1 января 1862).

— — Зъ знесеннямъ крѣпацтва, у народі пішла, особливѣ по селямъ, хороша гуторка, що треба учти дѣтей грамоті, щобъ пани зновъ не закрѣпостили, а якъ же то ёго її учитця? Оттуть-то и мудрація и дивовижа! Въ дѣ-котрихъ селахъ, попи и пани позаводляли школи, а ніхто въ ті школи не пускае дѣтей, хочъ усі й говорять, що треба учитця грамоті; у тихъ же школахъ, що сама громада завела— доволі дѣтей; черезъ що жъ воно такъ?.. Эге! спершу воно дивно, а якъ шильпо придивисся, то й побачишь, що такъ воно й треба: до панівъ народъ має давию, историчну непіру, а попань не дае учти дѣтей черезъ тѣ, що вони негарно учять, по старій методі, а инчий не втерпить—скубне й за чуба.

Полтавці (не всі, а невеличка громада) широ силкуютця удовольнить народню потребу. И порадившись міжъ собою, думали завести «Общество грамотности, усе вже було готове, да ба! не вдача! не по їхній вині. Такъ-само не вдалось и в.п. Злигастевій здавать газету *Ива*. Великі були надії да обідві полетили въ Лету! Пехай царствують! може народятця другії... 3-го сентября одкрита дівоча недільня школа. Хозлінуе у сій школі в. п. Милорадовичка, —широ и працѣвнто; а учать дівчата зъ дівочої гимназіі. У школи грошей и книжоць доволі, доволі й учениць: записано 150. Черезъ три недіі послі дівочої школи, заведена хлопьяча недільня школа при повітовімъ училищі; да тільки тутъ якесь безголовья!..

Теперь иде річъ, и мабуть, скоро стане діломъ, щобъ завести въ Полтаві ще дві школи, одну на Павленкахъ, другу на Кобищанахъ. Ідемо хутко дозволення зъ Кііва одъ попечителя, щобъ завести цоденну школу, на котру е вже й учителя, и гроши, и ученики.

Заведено ще, въ 1861 р., въ Полтаві дві жидівськихъ суботніхъ школи: хлопьяча й дівоча. Учятця у їхъ жиденята, (у хлопьячу хо-

дять зъ десятокъ и нашихъ хлопцівъ). Чудне діло оці жида! число жиденять—показує, що міжъ ними є велика потреба грамоти; за те недостача учителівъ зъ жидівъ, и недостача грошей показує, що старимъ жидамъ байдуже грамота! Чого краще? у хлопьячу школу записано 150, а ходитъ, що—суботи 65—80 жиденять; учителівъ буває 18—26, а міжъ ними 3 чи 4 зъ жидівъ. Або ще ось що: увъ Октябрі пришлося такъ, що ці—за—що було купити свічокъ для школи; усіхъ грошей зосталось меншъ 3—хъ карбованцівъ. П. п. По—ви (богачі) ще зімою записали на школу 20 карб.; отъ и писали імъ, и такъ прохали, щобъ оддали гроши, бо въ школі ні за що свічокъ купити; «добре, кажуть, пришемо,» та й досі присяляють! Колибъ наши українці не нарядили літературнїго чтенія, зъ котрого зобрали на жидівську школу 90 карб., то, певнобъ, досі школа бухнула. Чудний народъ—жида! За слово гризутця, кричать, наче їхъ ріже хто, а до разумнаго, до плодючого діла—нема вдачи! Нехай, колись, я пришлою *Основи* особливий листъ про Полтавськихъ жидівъ (*).

На Наума, 1 декабря, у Полтавській козацій волості, заведено три недільні школи. У с. Горбанівці—на первий разъ було 7 хлопцівъ и 11 дівчатъ; у селі Жукахъ—31 хлопець и дві дівчини и въ с. Иванчинцяхъ 22 хлопці. Треба бъ було ще завести школу у селі Патлаівці, да тамъ пан—отець не забажавъ. *Неудобно*, каже.

Такъ якъ у школахъ *можна* учити тільки грамоті, то вв. пп. Стронінь и Пильчиковъ, зъ дозволення Министра П. Пр., зъ 1-го октября стали читати *народні лекції* (за вхоль 3 коп. ср.) зъ естетствовідіння, исторіи, и инче, що потрібно знати кожному. Людей буває доволі. Лекції читають тільки по неділямъ; одну неділю в. п. Стронінь; другу—в.п. Пильчиковъ.

Отъ вамъ житте торшиннїго году у Полтаві. *Життя громадського* не було й нема; и не диво! *Пани* живуть *панами*. Нема въ насъ того, щобъ працевати усімъ разомъ, дружно, у-купі!.. Кат—зна що вдумали! Намъ давайте карти, бенкетн, танці: отъ—то наше діло; а голови нехай здорові спочивають... Есть у насъ ще такі панки, що

(*) Нехай *Сюль*, якъ хоче горло дере, а ми не одкажемось одъ слова *Жидів*; бо себъ значило одказати одъ исторіи, одъ *народнї* мови; а мова намъ до-ругоша грошей. Правда, ми люде *исключительные*; нічого жидамъ у насъ шу-кати; *Сюль*, спасибі ему, найшовъ для нихъ *отечество*. Тоглі, може, й сло-во змінитця, якъ перемінитця исторія; а поки—що—нехай собі жида панують, якъ пановали, да нехай же и звутця такъ, якъ звались.

Основу читають для потьхи, а вже зате Сина Отчества па-читуютья до сходу, для розуму, для направлень! Химерні люде!

Годі про їх,— ходімь зновъ до людей. Чувъ я, що поміжъ лакеями, кучерами, поварами, куховарками и горничними, котри уміють грамоти, иде складчина на пародию книгарню,—щобъ було, що, кажуть, читати у зимні вечера. Діло добре,—поможи Боже!

Пагадавъ про зімні вечера, то разомъ скажу вже слово и про зіму. Сей годъ лягла у насъ зіма, ще одъ Катерини. Снігу доволі, морозці крелять гарненьки,—затежъ тошлво, крий Боже, яко дороге! Да се ще не біда, а отъ велике лихо: — къ осені округъ Полтави залягла сарана, а велика снігова зіма—паробить того, що сарана на весну вишлодитця. А кумедія зъ сараною! Въ осені їхавъ я у Кременчугъ и, одъїхавши верстовъ 50, чи може й більшъ, одъ Полтави, ставъ біля шпикку попасать коней. У хаті сідло чотирі чоловіки и говорили про сарану. Одинъ розказувавъ, якъ треба її зводитъ.

»— Не можна сарани зводитъ, озвавсь другий, гріхъ за се...

»— Чого такъ? — спитали его.

»— Э! чого! а ви й не знаєте! Нашъ дякопъ,— вінъ чоловікъ не абі-який, розумний,—розказуе, що сарана—свята птиця: полетіла сюда зъ Єрусалима, її зводитъ гріхъ. У ёго бувъ двоюродный ділъ, котрий усе бивъ сарану, дакъ за те, якъ умеръ, то такъ и обсіла его сарана по всему тілі, да такъ густо обсіла, що нігде було й курці клюнуть.»

Ставъ я увірять, що дякопъ бреше, що сарана не тільки не *свята*, а й не *птиця*,—такъ ні! и слухать не хоче! На одному ставъ: »дякопъ чоловікъ старий и розумний, брехать не стане.»

Хотівъ вже закончити цей листъ, якъ увійшовъ до мене у хату приятель зъ села Великихъ Будищъ (Зиньковського повіту): — каже, що й тамъ офицери завели недільню школу.—Мій приятель вовка на дорозі бачивъ, да такъ злякався, що ажъ труситця увесь. Отъ, легководухий чоловікъ! У насъ, у Полтаві, цілнми отарами, середъ дня, ходять собаки, страшнійші одъ вовківъ, да ми й то не боїмось! Ціпкомъ одбиваемось; а на полицію нема надії,—вона не оборонить, хочъ и повинна-бъ по закону гледіть, щобъ у городі собаки не ходили.

Олександръ Переходовець.

ДОРОЖНЯЯ ЗАМѢТКА.

(Изъ Полтавы въ Кременчугъ).

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ проѣхать болѣе 1500 верстѣ, но ни разу не случалось быть свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ, какія я встрѣтилъ, проѣхавъ изъ Полтавы въ Кременчугъ, всего 113 верстѣ! Надо не имѣть ни малѣйшаго уваженія къ чело-вѣку, чтобы равнодушно смотрѣть и молчать, какъ издѣваются надъ бѣднымъ простолюдиномъ, пользуясь его безпомощностью!

Проѣхавъ 11 верстѣ отъ мѣстечка Рѣшетилки, я нагналъ пять подводъ съ сѣномъ; всѣ онѣ стояли на дорогѣ, а на-лѣво, всторонѣ, стояла почтовая кибитка, запряженная тремя лошадьми. Услышавъ крикъ: ой! ой!, я приказалъ своему ямщику остановиться и подошелъ къ тѣмъ санямъ, изъ-за которыхъ слышался крикъ. Здѣсь я увидѣлъ изумительное зрѣлище: какой-то господинъ въ снотовой шубѣ, держа въ лѣвой рукѣ шапку, правую отпуская съ дому старику-крестьянину оплеухи. Появленіе сторонняго лица ни на одну минуту не смутило неизвѣстнаго господина.

— За что вы деретесь?—спросилъ я, ставъ между господиномъ и простолюдиномъ.

— Не мѣшайте! это не ваше дѣло! я знаю, за что я бью,—было мнѣ отвѣтомъ.

Я понялъ съ кѣмъ имѣю дѣло и — легко понять — какъ возмутился.

— Я не позволю вамъ болѣе пальцемъ тронуть его! Если онъ виноватъ — жалуйтесь, — законъ разберетъ и накажетъ, а сами не бейте, сказалъ я и, обращаясь къ обиженному, продолжалъ: — «поѣжайте съ Богомъ».

— Не поѣдете!... перебилъ меня жидъ: — я его въ станъ поведу.

— Звісно не поїду, покиль шапки не оддасте,—отозвался, наконецъ, обиженный.

На вопросъ мой: за что жидъ дрался и за что снялъ шапку? старикъ сказалъ: «от-такъ, якъ бачте! везли ми сіно; я йшовъ біля первихъ саней и не чувъ що почта біжить, бо я, на біду собі, глухий; та й не звернувъ... отъ мене и стали лунцѣвать.»

— И вамъ не совѣстно, м. г., сказать и жиду, — обижать за это человѣка!

— А почему—зѣ онъ не сворачиваетъ! онъ слышитъ, что колокольчикъ звинитъ!... Я его въ станъ... я куцецъ второй гильдіи!...

— Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ я. Вы посите имя куца, а поступаете, какъ разбойникъ! Своротить съ тяжелыми подводами—нѣтъ никакой возможности. Я, наконецъ, требую, чтобы вы отдали шапку, а не то—я ворочусь и представлю васъ становому, какъ разбойника.

— А вы—то кто такой?

— Человѣкъ!... но кто бы я ни былъ, — я, именемъ закона, заставляю васъ не нападать на беззащитныхъ... Отдайте шапку и попросите извиненія: иначе поѣдемъ выѣсть.

Жидъ не сдавался. Я снялъ свою шапку, отдалъ крестьянину, а ямщику велѣлъ заворотить лошадей и ѣхать обратно въ Рѣштиливку. Жидъ тухнулъ и бросилъ шапку на снѣгъ.

— Этого мало: сказалъ я.—Отдайте шапку въ руки, попросите извиненія и заплатите за погоню!... Не то—я рѣшился ѣхать съ вами.

Видя мою настойчивость, жидъ сдался и предложилъ заплатить 1 р.—«Мало, сказалъ я.» — «Ну, а сколько-зе?» — «Да Богъ съ нимъ!»—отозвался крестьянинъ; «не треба мнѣ его грошей.» Но я не отставалъ. Послѣ долгаго торга, жидъ извинился и заплатилъ обѣзанному 3 рубля.

Мы разѣхались. Подѣзжая къ Бунаковкѣ, я встрѣтилъ другую сцену въ подобномъ же родѣ.

Возлѣ саней, впряженныхъ одной лошадыю, на которыхъ сидѣло 4 солдата, шла женщина, упрямившая солдатъ встать съ саней и обѣщая за то дать имъ *на четвертку*. — «Оборонить, добродію, бабу», сказалъ мнѣ ямщикъ.—Разспросивъ женщину, я узналъ, что солдаты сѣли къ ней въ сани безъ ея согласія; между-тѣмъ лошадь ея со-вѣемъ пристааетъ, и она готова заплатить,—только бы избавитъ отъ непрошенныхъ гостей.

— Не хорошо, ребята, дѣлаете, сказалъ я солдатамъ;—встаньте съ саней.

— Что-жъ и намъ-то дѣлать, отвѣчалъ одинъ: устали больно, а отдохнуть некогда,—снѣжимъ; затра къ вечеру надо быть въ штабу.

По послѣ двухъ—трехъ монхъ замѣчаній, всѣ встали я пошли по дорогѣ, а баба поѣхала дальше.

Послѣ этихъ двухъ сценъ я невольно вспомнивъ многое и взгрустнувъ.

Александръ Конисскій.

Кременчугъ,
16 Января 1862 г.

ЗЪ ГОРОДНЯЦЬСЬКОГО ПОВІТУ.

Торінь, передъ Святками, на останньому тижню, по нашому повіту прогула чутка, що у село Задерієвку везуть шибеницу, катувати жинку. Дяка Богові міжъ нашими селянами ще не саме то богато бува такихъ робівъ, щобъ шибеница була намъ не вдивовижу. Затимъ ця новина задала людямъ суму. Пішли міжъ людомъ балакання та спроси: за що катуватимуть, и якъ, и коли?... И отъ що виявилось.

У менішому селі жинка—вдова злюбила зъ парубкомъ, та й не постереглися, — знайшла у нихъ дитинка. Парубокъ підмився прикритъ гріхъ,—взяті її за себе. А далі храпъ та й оженився на другій, приставъ у прийми. Сумує покивута вдова, и парубка шкода, и сорому свого не мусять забути. Залягла їй въ голову думка, зробити помстѣ прозвѣднику. Отъ вона взяла та й підпалила ёго хату. Та, на лихо їй, обрала таку добу, коли всяка хоромина суха, якъ порозъ—саме посередні літа; такъ зъ запаленої хати розрослась по селу така пожежа, що чимало згорило дечвихъ хатъ... Зчинився різакъ.. Вдова й призналась... Судъ и присудивъ: «наказати на мѣстѣ преступленія».

Такъ оцю-то жинку минушого 19-го студня катували въ Задерієвці «для приміру...» Люде новалили дивитись на цей примір. Поки не дійшло до розправи, люде, гомонячи, кришко лаяли вдову; ни хто не добрався до того, зза чого вона зробила цей вчинокъ, усяке казало: «сяка—така пустила чимало людей по-підъ віпка», и ни жадної пєкорки жалю ни у кого не було до безщасної вишоватици. Алежъ якъ звели її на шибеницу, та якъ почавъ біля неї поратись катуга, то народъ такъ и шархнувся въ слѣзи. Де поділась й жорстѣність людська!... Кожне згадало, що й воно чоловікъ, и що зъ нимъ тежъ може бути. Полились слѣзи не за те, що карають негѣжи вчинокъ, але за таку страшну кару, за таку наругу надъ людшою, хочъ и вин-

ною. Де поділись й ті ганьби та лайки, що за декільки хвилин чулись: усе прийшло. Тільки голосиння та слези було й чути... Віддубаривши, посадовили бідну знов на ті страшні гринжоло та й повезли вь шпиталь... Оттуть ще більшъ люде виявили свое серце: хто видав безщасній хустку, хто шага, хто кишка; чимъ хто богативъ, тимъ и подаривъ безталанну... Такъ-то нашъ людъ проймас ці «приміри». Кожний, хто ни бачивъ катування, до дому вертався зъ жалемъ та сумомъ, и опрочъ нихъ більшъ нічого не мавъ на серцю... Народъ давно, стало бути, одвернувся відъ цихъ «примірівъ». Вінъ не любе негарніхъ вчинківъ, алежъ не хоче такої страсної карі... Люде затуляюця не хочуть и дивитись на цёго, якъ, бува, вінъ хольде по місту. Перенчайки не боронять ёму навіть брати кишша, бублика. Пехай бере, аби самої не чпавъ. Бо заборони тільки, коли хочъ, то вінъ, недовіроць, візме та й ударе на соромъ: «не кажі-якъ теперечки сяка-така—каже—що тебе не бивъ кать.» Отъ люде й оберегаюця ёго чппати.

Написавши, якъ люде глядятъ на карі та на ката, скажу на скінчання, що мені оце двійчи довелось бачити, чого то люде не вироблюють черезъ кохання. Роківъ зо три тому бувъ я у Києві, такъ тамъ міні трапилося бачити, якъ обідень ховали дочку и матку. Лучилося це такечки. Мати та зєднала дочку за нелюбю. Якъ ни молила, якъ ни благала дочка не губить її, не вважила мати,—силомиць повела свою доню до шлюбу зъ немилимъ. Пришли одъ вінця... Кинулися молодой та й знайшли її на хати, на крові — повісилась. Якъ сказали матери, то вона такъ и бехнула на долівку... До неї—ажъ и вона Богу душу віддала. Хороше веселя, — бодай більшъ не бачити, тежъ саме, бодай би не довелось у друге слати увъ «Основу» такихъ звістокъ, якъ отъ шлю теперечки.

Леся—ій.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда
за 1861 учебный годъ.

1) открытіе училища.

Въ декабрь мѣсяць 1857 года, когда въ Полтавѣ получено первое извѣстіе о высочайшихъ рескриптахъ, предъшавшихъ крестьянскому насе-

ленію Росіи иную будущиость, одинъ изъ членовъ здѣшняго учебнаго сословія (¹), первый подавъ мысль, что приготоуиить это населеніе къ ожидающей его будущиости, составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, правственный долгъ педагогическаго сословія, и потому тогда же предложилъ открыть даровую школу для обученія крестьянскихъ дѣтей.— Мысль эта была принята съ увлеченіемъ въ средѣ всѣхъ учебныхъ вѣдомствъ Полтавы и мало по малу, вращаясь въ кругу ихъ, приняла нѣсколько большіе размѣры, а именно превратилась въ мысль о женской гимназій въ Полтавѣ; а потому, оставая до времени первую (²), преподаватели всѣхъ полтавскихъ учебныхъ заведеній согласились между собою предложить трудъ свой безмездно на семь лѣтъ, т. е. на полный первый курсъ предполагаемой гимназій. Это предложеніе вызвало за собою многія другія изъ всѣхъ слоевъ городского общества: почетный членъ совѣта здѣшняго института, двора Е. В. камергеръ, М. А. Бѣлуха—Кохановскій первый, кромѣ денежнаго пожертвованія, предложилъ свои услуги въ качествѣ казначея возникающаго предпріятія; изъ особъ женскаго пола многія, также безмездно, предложили свои услуги въ качествѣ классныхъ дамъ будущаго заведенія, нѣкоторыя лица посигъшили изъявить готовность на пожертвованія деньгами. При такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, всѣ эти предприниматели рѣшились обратиться съ просьбой о содѣйствіи къ г. начальнику губерніи и вообще къ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, и вездѣ нашлп отвѣтъ полный сочувствія: бывший здѣшний епископъ далъ предпріятію свое благословеніе, г. начальникъ губерніи принялъ на себя ходатайствовать о надлежащемъ для него разрѣшеніи, и дѣйствительно 11 февраля 1858 года вступилъ въ оффиціальное по сему предмету сношеніе съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ частное съ покойнымъ Генералъ-Адъютантомъ Ростовцевымъ, который и не замедлилъ привѣтствовать раждающееся предпріятіе въ видѣ признательности за него своимъ подчиненнымъ.—Между тѣмъ всѣ участвующія въ предпріятіи лица, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, устроили общія совѣщанія для составленія проекта самаго устава гимназій, и къ половинѣ того же 1858 года этотъ проектъ былъ приведенъ къ окончанію. Но вслѣдъ затѣмъ г. начальникъ губерніи получилъ отъ Почетителя Кіевскаго Учебнаго Округа

(¹) Преподаватель Полтавскаго Петровскаго Корпуса, Н. П. Пьяшевичъ.

(²) Впрочемъ, эта мысль, въ настоящее время, нашла уже свое осуществленіе въ видѣ нѣсколькихъ воскресныхъ школъ для дѣтей обоего пола.

сообщение, въ которомъ изъяснялось, что такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года издано для открытія подобныхъ училищъ общее положеніе, то и слѣдуетъ сообразоваться съ нимъ и ожидать, пока условія, въ немъ предписанныя, найдены будутъ въ Полтавѣ. Съ другой стороны условія эти т. е. матеріальныя средства, имѣвшіяся тогда въ виду, также не могли поддержать настойчивости предирітія, и такимъ образомъ оно должно было, по видимому, прійти въ забвеніе. Такъ прошло болѣе года.

Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1859 года одному изъ учителей корпуса (*) пришла счастливая мысль попробовать изыскать денежные пособія, сверхъ непосредственной подписки, еще путемъ нѣсколькихъ такихъ предирітія, доходъ съ которыхъ могъ бы быть обращенъ въ пользу женской гимназіи. Въ теченіе зимы съ 1859 на 1860 годъ нѣкоторыя изъ этихъ предирітія были исполнены, а именно: дано было нѣсколько вечеровъ съ лотореею—аллегріи и нѣсколько драматическихъ представлений. Доходъ съ этихъ предирітія далъ смѣлость предирітателямъ снова искать разрѣшенія на открытіе женской гимназіи и притомъ именно на основаніяхъ, изложенныхъ въ составленномъ ими проектѣ устава.—Съ этою цѣлью они вновь обратились къ г. начальнику губерніи, прося его непосредственнаго сношенія съ попечителемъ К. У. О., должность котораго въ это время занималъ тайный совѣтникъ Пироговъ. Г. Начальникъ губерніи снова не отказалъ въ ходатайствѣ и тогда же, 19-го генваря 1860 года, вошелъ въ сношеніе съ попечителемъ.—Результатомъ этого сношенія было разрѣшеніе на открытіе учрежденія, подъ условіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій въ его уставѣ, въ томъ числѣ и замѣны названія Полтавской Женской Гимназіи—названіемъ Полтавскаго Женскаго Училища 1-го разряда въ тѣхъ видахъ, что иначе потребовалось бы разрѣшеніе Министра Нар. Просв., а это могло бы слышкомъ отдалить самое открытіе заведенія.—Учредители заведенія обратились къ супругѣ бывшаго Директора училищъ Полт. Губ. У. Г. Данилевской съ единодушной просьбою принять на себя званіе начальницы Училища; она согласилась принять на себя эту обязанность безмездно, и вслѣдъ за тѣмъ была утверждена въ должности Попечителемъ К. У. О. Тогда, подъ предсѣдательствомъ г. директора училищъ, составлена была коммисія изъ трехъ преподавателей съ

(*) Поручику А. П. Риттеру.

цѣлю принятія мѣръ, необходимыхъ для немедленнаго открытія заведенія.—По окончаніи дѣйствій этой комиссіи, 16 августа произведено было первое пріемное испытаніе, а 26 того же августа произошло открытіе училища, состоявшее въ молебствіи, чтеніи исторической записки о происхожденіи училища, изъ которой мы заимствовали изложенныя здѣсь подробности, и рѣчи Протоіерея П. Думиграшки. Въ заключеніе начальникъ губерніи выразилъ въ немногихъ словахъ сочувствіе къ вновь открываемому заведенію и желаніе ему успѣха.—За тѣмъ съ 1-го сентября началось преподаваніе въ училищѣ, но не прекращались, однакожь, пріемныя испытанія.—Всѣхъ поступившихъ дѣвцъ было 206.

2) Извлеченіе изъ устава училища.

Полтавское Женское Училище есть открытое учебное заведеніе. (§ 3). Полный курсъ ученія въ немъ продолжается 7 лѣтъ и раздѣляется на 7 классовъ, изъ которыхъ первый называется *приготовительнымъ*. (§ 4). Предметы преподаванія.

- а) Законъ Божій,
  - б) Русскій языкъ.
  - в) Математика и Физика.
  - г) Географія.
  - д) Исторія.
  - е) языки французскій и нѣмецкій.
  - ж) *Естественныя науки*: въ 4-мъ классѣ—общія понятія (1 ур.); въ 5-мъ кл.—Ботаника (2 ур.); въ 6-мъ кл.—Зоологія (2 ур.); въ 7-мъ кл.—Минералогія (2 ур.)
  - з) Педагогика; въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
  - и) Гигіена: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му ур.
  - к) Законовѣденіе: въ 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
  - л) Домоводство: въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ кл. по 1-му уроку.
  - м) Рисованіе.
  - н) Чистописаніе.
  - о) Руководъль: во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, по 2 ур.
  - п) Пѣнье: въ 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ по 1-му ур.
- Всѣхъ учебныхъ часовъ въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ класс. по 17, въ 4-мъ и 5-мъ по 20, въ 6-мъ—22, въ 7-мъ—23.

Танцованіе и музыка преподаются для желающихъ за особую плату. (§ 6) — ¹⁾

Учебный годъ училища начинается 15 августа и оканчивается 15 Юня (§ 7). Въ это время ученіе продолжается отъ 8^{1/2}—2 часовъ по полудни. (§ 9). Годичныя испытанія производятся слѣдующимъ образомъ: а) въ концѣ каждаго полугодія т. е. въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, каждый изъ преподавателей подаетъ вѣдомость, въ которой знаніе ученицъ отмѣчается словами: *отлично*, *удовлетворительно* и *неудовлетворительно*; б) Ученицы, получившія по какому либо предмету въ одной изъ полугодичныхъ вѣдомостей *отлично*, а въ другой по крайней мѣрѣ, *удовлетворительно*, освобождаются отъ окончательнаго испытанія по этому предмету; в) Ученицы, получившія изъ половины предметовъ своего класса отличную отмѣтку за оба полугодія, а изъ остальныхъ удовлетворительную, освобождаются вовсе отъ испытанія, впрочемъ могутъ быть испытываемы въ какомъ либо предметѣ по усмотренію директора; г) Ученицы, получившія *неудовлетворительную* отмѣтку изъ большаго числа предметовъ своего класса, недопускаются вовсе къ испытанію; д) Испытаніе для тѣхъ воспитанницъ, кои подлежатъ ему, производится въ одинъ день по всемъ предметамъ для каждаго класса; е) Присутствовать при сихъ испытаніяхъ предоставляется всемъ желающимъ, для чего росписаніе ихъ публикуется въ губерскихъ вѣдомостяхъ.

По окончаніи испытаній, производится годичный актъ, состоящій въ чтеніи исторической записки за истекшій годъ, съ поименованіемъ ученицъ, оказавшихъ отличные успѣхи, и въ раздачѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ. День для сего акта назначается не позже 15 Юня. (§ 10. ¹⁾) Въ первый классъ принимаются дѣвочки не моложе 9 лѣтъ. (§ 11.) Приемъ во всеѣ классы, кромѣ перваго, производится по экзамену. Экзаменъ этотъ производится преимущественно въ началѣ учебнаго года, но можетъ быть допускаемъ и во всякое другое время, при чемъ поступающія экзаменуются и въ частяхъ предмета, уже пройденныхъ

¹⁾ Изъ этого распредѣленія легко усмотрѣть, что Полтавское женское училище состоитъ изъ трехъ въ извѣстной степени законченныхъ курсовъ; 1-й классъ его составляетъ школу грамотности, 2-й, 3-й и 4-й «соотвѣтствуетъ женскому училищу 2-го разряда»; три послѣдніе составляютъ собственно высшій курсъ.

¹⁾ Правила эти заимствованы, съ небольшими измѣненіями, изъ правилъ изданныхъ бывшимъ попечителемъ К. У. О., Н. Н. Пироговымъ.

въ классѣ, въ которій онѣ желаютъ поступить. (§ 12) Въ первомъ классѣ платы за ученіе не полагается, во всѣхъ прочихъ классахъ взимается 10 рублей. (§ 18) Изъ мѣръ поощренія допускаются въ училищѣ слѣдующія: одобренія преподавателей и начальницы заведенія, одобренія педагогическаго совѣта, объявляемыя въ присутствіи всѣхъ воспитаницъ и на торжественномъ актѣ. (§ 14) Мѣры взысканія, въ училищѣ допускаемыя, суть слѣдующія: замѣчанія отъ преподавателей и начальницы, выговоры педагогическаго совѣта, объявляемые сперва въ самомъ совѣтѣ, а потомъ въ присутствіи всѣхъ воспитаницъ, и наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, удаленіе изъ училища (§ 13). Удостоиваются перевода въ высшіе классы воспитаницы, оказавшія по всѣмъ предметамъ удовлетворительные успѣхи; впрочемъ неудовлетворительность успѣховъ по одному или нѣсколькимъ предметамъ вознаграждается отличными успѣхами по такому же числу другихъ предметовъ, (§ 17). Для разрѣшенія вопросовъ, относящихся до учебно-воспитательной части, а равно для контроля суммъ, ¹⁾ при училищѣ существуетъ педагогическій совѣтъ, въ которомъ предѣлательствуетъ директоръ училищъ Полтавской губерніи и присутствуютъ начальница училища и всѣ преподаватели. Одинъ изъ членовъ избирается секретаремъ совѣта на опредѣленное время. (§ 18). Засѣданія педагогическаго совѣта бывають періодическія (ежемѣсячно не позже 5 числа и въ концѣ каждаго академическаго года) и чрезвычайныя. (§ 20) Для наблюденія за порядкомъ въ классѣ и во время перемѣны, имѣются въ училищѣ надзирательницы (§ 27); для надзора же за зданіемъ и прислугою — смотрительница, пользующаяся квартирою въ самомъ зданіи училища. (§ 28).

3) СТАТИСТИКА УЧИЛИЩА.

Приходъ училища въ настоящемъ учебномъ году составляли слѣдующія статьи:

До открытія училища хранилось въ кассѣ.	3,292 р. 63 к.
% ₀ съ размѣнаго билета приказа общ. призр.	22 « 93 «

¹⁾ Уставъ училища утвержденъ, какъ сказано выше, до обнародованія положенія 10 мая, а потому попечитель К. У. О. и разрѣшилъ членамъ педагогическаго совѣта, какъ учредителямъ заведенія, контролировать сумму его, основываясь на указѣ 2 ноября 1889 г., по которому право это предоставляется «лицамъ и сословіямъ, сдѣлавшимъ значительные взносы для заведеній».

Сборъ за право учения	1,180	«	—	«
— за уроки музыки и танцованія	569	«	50	«
Изъ постоянного ежегоднаго взноса 1375 р., внесено ¹⁾ въ этомъ году	550	р.	«	«
Едновременныя пожертвованія:				
Г-на Устимовича	250			
А. С. Клименко	50			
М. П. Сахновскаго	25			
А. А. Бартелеми	25			
Н. К. Смирнова	10			
М. И. Гоголь-Яновской	5			
	<hr/>			
И того	365	р.	«	«
Выручено отъ спектаклей, устроенныхъ				
А. М. Абазою	1,554	р.	20	кв
Выручено отъ лотерей	185	«	14	«
— отъ продажи трехъ экземпляровъ «Со- бранія малороссійскихъ пѣсень» изъ числа 10, по- жертвованныхъ А. В. Едличкою	12	«	«	«
Выручено отъ спектаклей, данныхъ Харьковской труппою. (Сообщено директоромъ Я. Г. Щербинюм)	46	«	66	«

¹⁾ Эти взносы суть слѣдующіе:

Е. И. Абаза жертвуетъ ежегодно въ продолженіе 7 лѣтъ	180	р.
М. А. Бѣлуха-Кохановскій	100	—
А. М. Абаза	250	—
М. М. Абаза	100	—
Х. А. Смирскій	25	—
М. П. Полякъ	100	—
Г. С. Пестовъ	25	—
А. А. Оболонскій	25	—
Полковникъ Э. Волковскій	15	—
Полтавское купечество	300	—
Л. И. Милорадовичъ	100	—
Д. П. Капдыбина (въ продолженіе 3 лѣтъ)	50	—
Г. В. Рѣдкинъ	50	—
Н. В. Сушковъ	10	—
Н. Н. Поповъ (въ теченіи 6 лѣтъ)	50	—
П. М. Гудимъ-Левковичъ (пожизненно)	25	—
	<hr/>	
Итого	1375	р.

Выручено отъ концерта любителей	60	«	«	«
— отъ публичныхъ лекцій ¹⁾	580	«	«	«
Половинный сборъ изъ двухъ концертовъ Г-на Дмитріева-Свѣчина	30	«	«	«
Половинный же сборъ съ представленія Г. Гропдмая	19	«	80	«
	<hr/>			
Всего	8467	р.	86	«

Изъ этой суммы израсходовано:

На первоначальное обзаведеніе	1,157	р.	7	к.
— квартиру съ отопленіемъ	828	«	15	«
— содержаніе чистоты	42	«	42	«
— канцелярскіе расходы и приобрѣтеніе учеб- ныхъ пособій	417	«	20	«
Жалованье класснымъ дамамъ, уч. музыки и танцевъ.	348	«	74	«
— смотрительницъ	139	«	37	«
Жалованье и содержаніе прислуги	315	«	45	«
На освѣщеніе	17	«	91	«
— непредвидимыя издержки	64	«	23	«
	<hr/>			
И того	3030	«	54	«

Затѣмъ, къ 1 іюня, т. е. къ послѣдней повѣркѣ суммы въ прош-
ломъ академическомъ году, осталось въ кассѣ 5437 р. 32 к. Сверхъ
того, участіе публики къ Полтавскому Женскому Училищу выразилось
еще слѣдующими фактами: помѣщенная въ январской книжкѣ «Осно-
вы» статья подъ псевдонимомъ «Полтавскаго Жителя» вызвала для
нашего заведенія сочувствіе даже въ Уфѣ, откуда редакция Основы
получила въ пользу нашего училища 10 р. сер.; коллежскій реги-
страторъ А. Я. Коппескій предложилъ издать въ пользу училища
«Полтавскій Городовой Листокъ», и хотя осуществленіе этого предпрі-
ятія, по нѣкоторымъ причинамъ, замедлилось, но есть надежда, что
оно вскорѣ осуществится, хотя и въ размѣненномъ нѣсколько видѣ; лѣ-
карь Д. Р. Гербергъ предложилъ бесплатно лѣчить бѣдныхъ воспи-
таницъ: аптекарь К. П. Ромеръ—бесплатно же отпускать имъ ме-
дикаменты; многія благодѣтельныя особы, которыхъ мы не имѣемъ

(¹⁾ Публичныя лекціи были читаны 9, 16 и 18 Декабря 1860 года, по фи-
лихъ, Г. В. Котельниковымъ, 7, и 10 Генваря 1861 г. по педагогикѣ, К. В.
Ковальскимъ, 13 и 16 генваря по неорганической химіи, М. В. Кизимовскимъ.

права называть, оказывали родителямъ бѣдныхъ ученицъ даже матери-
альныя пособия, чтобы облегчить имъ трудъ воспитанія дѣтей.

Штатъ училища состоятъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Начальница училища, У. Г. Данилевская.

Учителей 56, изъ нихъ:

по мѣсту службы:

преподавателей кадетскаго корпуса	19.
— гимназій	18.
— института благор. дѣвицъ	3.
— уѣзднаго и приходскаго уч.	4.
отставныхъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства	2.
домашнихъ учителей и учительницъ	4.
лицъ несостоящихъ на службѣ	6.
По званію: духовныхъ	5.
« штатскихъ	32.
« военныхъ	9;

по предметамъ:

1) *Закона Божія*: Прот. Н. Думитрашко, Священники: А. Капустянской, Н. Кузнецкій, Ѳ. Радзівескій. Діаконъ: С. Гороничъ.

2) *Русскаго языка и словесности*: Я. Ѳ. Андриенко, П. А. Антиповъ, Н. Н. Антипова, В. И. Воронецкій, П. А. Евстафьевъ, Н. А. Ивановъ, П. П. Пляшевичъ, С. Н. Пономаревъ, П. О. Сосновскій, С. П. Стеблинъ-Кампскій, А. Я. Щитинская.

3) *Физики*: Г. В. Котельниковъ.

4) *Математики*: В. Ф. Барсовъ, К. Н. Бобринскій, Ф. А. Довойпо-Сыльвестровичъ, Н. Н. Коллертъ, Д. И. Самусь, С. В. Томашевскій.

5) *Исторіи*: Д. П. Пяльчиковъ, А. П. Стрвинъ, В. А. Щелканъ.

6) *Географіи и Космографіи*: А. К. Гарлинскій, В. Ѳ. Горной, В. А. Рядшовъ, А. О. Туржанскій, П. Д. Цысь.

7) *Естественной исторіи*: В. Р. Варжанскій, М. В. Клязовскій, М. Я. Поцелло-Давыдовъ.

8) *Законовѣдѣніи*: В. Ф. Вакуловскій.

9) *Педагогики*: К. О. Поллевичъ.

10) *Гигіены*: А. Н. Синадскій.

11) *Домоводства*: Н. Э. Гаевскій.

12) *Французскаго языка*: Н. Н. Гавноть, К. В. Ковальскій, Р. А. Лемлейнъ, Ф. А. Таксисъ.

13) *Пльмецкаго яз.*: Ф. П. Дейкъ, Н. К. Захаревичъ, В. Я. Кемивгъ, П. И. Кульчакій.

14) *Рисованія*: И. Д. Алексьевъ, И. Б. Зайцевъ, К. Ф. Медецкій.

15) *Чистописанія*: А. А. Казначеевъ, Н. М. Спасскій, Ф. Л. Ткаченко.

16) *Пѣнія*: А. В. Едличко.

17) *Танцевъ*: Г. Дебре, (съ платою 100 р. сер.)

18) *Музыки*: Р. Е. Владимірова, (съ платою 25 р. сер. отъ ученницы); О. О. Эрбенъ.

Секретарь Совѣта: К. В. Ковальскій.

Измѣненія въ этомъ составѣ произошли слѣдующія:

Выбыли: Уч. Кор. Н. А. Ивановъ, Э. А. Лемлейнъ и Уч. Института Б. Д. Н. Д. Алексьевъ; поступили: Уч. Гим. А. Ф. Фененко, и учнт. Инст. Б. Д. М. Г. Бурцевъ:

Классныхъ дамъ 37:

а) За плату (по 150 рублей каждой): П. Л. Буховецкая, К. О. Гофманъ, Э. В. Касперовичъ.

б) Бесплатныхъ 34: А. М. Бѣлуха-Кохановская, М. П. де-Вильневъ, Е. И. Воронцовая, Л. К. Гаевская, В. С. Голенковская, О. С. Дейнекина, Л. П. Довойно-Сильвестровичъ, С. П. Думптрашко, В. А. Клименко, Л. В. Ковальская, Ж. М. Коллертъ, К. Ф. Константиновичъ, Э. Х. Лерперъ, В. И. Матрозова, В. П. Нилусъ, А. И. Нѣжпшева, К. И. Одинецъ, Н. А. д'Оргельмъ, И. К. д'Оргельмъ, П. Я. Попедло-Давыдова, М. В. Прокофьева, А. П. Сахновская, М. К. Сахновская, А. И. Сіяльская, М. А. Чеспокъ, М. М. Эйманъ, О. К. Юрѣва. Сверхъ того, дежурили поочередно изъ классныхъ дамъ института: Е. Н. Драшковская, П. П. Пьенкова, А. О. Каптемирова, Е. М. Клопотовская, А. Т. Ладиховичъ, А. С. Стеблявъ-Камвиская, А. Я. Тихоцкая.

Смотрительница за зданіемъ и прислугою О. Н. Ступачевская, (пользуется квартирою и платою 240 рублей).

Воспитаницъ въ началѣ учебнаго года было 206; изъ нихъ было 23, оставалось къ концу года 181, а именно:

а) По сословіямъ:

Дѣтей дворянъ и чиновниковъ 114

— купцевъ и почетныхъ гражданъ	19
— иностранцевъ	17
— духовнаго званія	6
— мѣщанъ и другихъ податныхъ сословій	25

б) По вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго	151
Католическаго	12
Лютеранскаго	11
Еврейскаго закона	7

Годичныя испытанія ученицамъ производились 2, 3, 7, и 8, іюня, и на основаніи ихъ переведены:

Изъ VI класса въ VII (изъ 7-ми ученицъ)	6.
— V — — VI — 11 —	6.
— IV — — V — 14 —	13.
— III — — IV — 23 —	16.
— II — — III — 42 —	22.
— I — — II — 84 —	29. (*)

Сверхъ того, 6 воспитанницъ допущены были къ переэкзаменовкѣ послѣ ваканцій (по одному какому-нибудь предмету) и изъ нихъ 5 переведены, послѣ переэкзаменовки, въ слѣдующіе классы.

Изъ числа отличныхъ ученицъ определено объявить благодарность педагогическаго совѣта слѣдующимъ:

VI кл. А. К. Кирпотинной; V кл. Е. А. Клименко; IV кл. М. Н. Башинской, Ю. В. Невпкой, К. А. Лазаревой, Н. Н. Башинской; III кл. Л. А. Клименко, М. К. Лозинской, В. А. Ворожейкиной, П. И. Сукачевой, II кл. М. Н. Поплавко, А. Г. Григорашевой; I кл. П. А. Бажуловой, Е. О. Важничей, Т. Н. Волкъ-Рассохиной, В. Г. Григорашевой, Н. П. Долннской, Д. А. Кобяковой, В. С. Григорьевой, Е. Д. Ступачевской.

4) ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Всѣхъ засѣданій педагогическаго совѣта было 18. Въ нихъ кро-мѣ текущихъ дѣлъ, какъ то: освобожденія отъ платы за ученіе, слушаеив суда надъ ученицами, составленія смѣты, измѣненія въ лич-

(*) Классъ этотъ состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій; въ одно изъ этихъ отдѣленій помѣщаются безграмотныя или малограмотныя дѣти, которыя и не могли быть переведены во второй классъ. — Такихъ дѣтей было 34.

номъ составѣ и пр. сдѣланы слѣдующія важнѣйшія опредѣленія: а) Начата переписка объ учрежденіи при Полтавскомъ Женскомъ Училищѣ попечительнаго совѣта; б) о дарованіи оканчивающимъ курсъ ученицамъ права домашнихъ наставницъ и учительницъ безъ особеннаго испытанія; в) о измѣненіи въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, (см. выше § 6 устава).

5) ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ УЧИЛИЩА.

Полтавское Женское Училище развивалось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Принадлежа Киевскому Учебному Округу, оно считало своею обязанностію примѣнить немедленно и у себя тѣ начала, которыя были введены бывшимъ попечителемъ этого округа П. И. Пироговымъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Руководствуясь истиною, что школа есть маленькій міръ, въ которомъ отражается жизнь со всѣми ея отношеніями, педагогическій совѣтъ прежде всего позаботился объ устраненіи изъ училища возможности тѣхъ явленій, которыя такъ часто возмущаютъ насъ въ жизни: эти явленія — произволъ и неуваженіе къ личности! Уставъ заведенія предоставляетъ педагогическому совѣту власть судебную; но судъ есть результатъ слѣдствія и если слѣдователя можно заподозрить въ пристрастіи, то и самое рѣшеніе суда необходимо должно быть несправедливо. Поэтому педагогическій совѣтъ считалъ нужнымъ устранить возможность подобнаго подозрѣнія: въ каждомъ классѣ избирается изъ числа преподавателей, слѣдователь, котораго обязанность состоитъ въ предварительномъ разборѣ, въ присутствіи начальницы, обстоятельствъ дѣла въ случаѣ обвиненія преподавателями и классными дамами воспитанницъ или, обратно, въ случаѣ жалобы слѣхъ послѣднихъ на несправедливое съ ними обхожденіе. Въ свою очередь, для усиленія классной дисциплины, класснымъ дамамъ предоставлено составить самимъ проектъ инструкціи, и инструкція эта, утвержденная совѣтомъ, объявлена была воспитанницамъ и получила для нихъ обязательную силу, а какъ въ заведеніе допущены къ слушанію лекцій не только ученицы, но и вольнослушачицы, то и сіи послѣднія подчинены тоже нѣкоторымъ правиламъ, которыми опредѣляется порядокъ лишенія ихъ права участвовать въ слушаніи лекцій.

Хотя всѣ физическія наказанія, какъ-то: лишеніе пищи, стояніе въ углу и т. п. совершенно устранены уставомъ училища, также точно какъ и всѣ награды, возбуждающія мелочное самолюбіе, (банты,

похвальные листы и пр.) но, несмотря на то, педагогическій совѣтъ два раза только долженъ былъ прибѣгать къ болѣе значительнымъ наказаніямъ, а именно: одной изъ воспитанницъ объявленъ выговоръ, въ присутствіи всего училища, и одной въ самомъ совѣтѣ. Затѣмъ дѣло оканчивалось обыкновенно замѣчаніями начальницы или совѣта, и это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что заведеніе открыто для всѣхъ, а слѣдовательно и для такихъ лицъ, которыхъ домашнее воспитаніе не всегда было удовлетворительно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отдать справедливости нашимъ воспитанницамъ за ихъ любовь къ труду: съ первыхъ почти недѣль существованія училища, онѣ открыли подписку на учрежденіе маленькой библіотеки, къ которой выразилось и сочувствіе другаго полтавскаго учебнаго заведенія; кадеты Петровскаго корпуса, уже внесшіе свою лепту устройствомъ въ пользу училища спектакля, снова пожертвовали 56 рублей и нѣсколько книгъ для этой библіотеки. Содержательница частнаго женскаго пансіона Э. Х. Лерцерь пожертвовала для этой же цѣли 50 р. сер.; наконецъ, въ пользу этой же библіотеки дано было любителями публичнаго чтенія. Съ такою же готовностію воспитанницы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ классныхъ дамъ и преподавателемъ И. А. Антиповымъ, предложили свой трудъ для занятій въ женской воскресной школѣ при училищѣ, которой распорядительницею, по общей просьбѣ учредительницъ, согласилась быть жена ст. сов. Л. И. Милорадовичъ, а помощницею ея — С. И. Кизимовская.

Такъ отразилось въ женскомъ училищѣ то общее направленіе, которое дано нашему молодому поколѣнію бывшимъ попечителемъ Н. И. Пироговымъ. Не удивительно послѣ того, что вѣсть объ оставленіи имъ этого округа глубоко поразила нашихъ воспитанницъ. Онѣ выразили желаніе украсить его портретомъ залу училища и простились съ нимъ слѣдующею депешою, отправленною на имя помощника попечителя Г. Михневича: «Потрудитесь передать Николаю Ивановичу, что наше заведеніе, при самомъ началѣ жизни лишенное его, спѣшитъ засвидѣтельствовать ему скорбь свою.»

Вообще, не смотря на всѣ безсильныя гоненія, воздвигаемые на наше училище людьми, которыхъ личные интересы пострадали отъ учрежденія этого общепользнаго и для всѣхъ доступнаго заведенія, мы можемъ предрекать ему блестящую будущность. если только, въ продолженіе 7—лѣтняго срока, основаніе бесплатнаго труда, на которомъ все это время должно опираться заведеніе, окажется

всегда довольно твердымъ, а чтобы упрочить это основаніе, педагогическій совѣтъ сдѣлалъ два слѣдующія опредѣленія: 1) что въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ совѣта читаются фамиліи преподавателей, пропустившихъ лекціи; 2) что въ случаѣ, еслибы кто нибудь изъ преподавателей пожелалъ оставить вовсе заведеніе, то онъ долженъ сообщить совѣту о причинахъ своего отказа, причемъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ рѣшаетъ; достаточныя-ли причины имѣлъ отказавшійся и, въ противномъ случаѣ, имя его публикуется въ московскихъ вѣдомостяхъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПО-НАДЪ ДЕСНЫ И СЕЙМУ.

I.

15 февраля 1862.

Сблизился срокъ къ подацію уставныхъ грамотъ, и помѣщики наши стали въ очень-неловкое положеніе: черезъ мѣсяць грамоты должны быть поданы, а тутъ—мало кто разумѣетъ и писать ихъ... Известно, что малороссійская уставная грамота далеко сложнее великорусской, вслѣдствіе одиночнаго нашего хозяйства, и одна *подворная опись* требуетъ долгой и копотливой работы. Но главное затрудненіе заключается въ чрезполосицѣ и въ неизмѣннѣ плановъ. Чрезполосица достигла у насъ такихъ размѣровъ, что очень часто встрѣчаешь нивы въ 300, 200 и даже менѣе квадр. саж. Сосчитать эти нивки (такихъ размѣровъ поля обыкновенно отдавались въ крестьянское пользование), хотя бы примѣрно, а потомъ опредѣлить слѣдующую за нихъ денежную и издѣльную повинность — трудъ далеко не по силамъ таковыхъ плохимъ ариметчикамъ, какъ большинство нашихъ помѣщиковъ. Смѣло можно сказать, что большая часть нашихъ грамотъ будетъ изобиловать ариметическими ошибками, которыя придется поправлять посредникамъ; а сколько грамотъ нужно будетъ имъ *самимъ* писать! Весна подвалитъ посредникамъ столько работы, что, пожалуй, не всѣ съ ней и справятся. Но это бы все еще ничего: съ бумагой справиться можно; но какъ справиться съ крестьянами, которые ни о какихъ грамотахъ и слушать не хотятъ. Конечно, вслѣдствіе одного изъ министерскихъ циркуляровъ, грамоту можно писать «безъ участія

крестьянъ», но это мало облегчить дѣло: при повѣркѣ грамоты, посредникъ долженъ же будетъ призвать крестьянъ къ участию. — —

Казалось бы, что за годъ крестьяне могли ознакомиться съ главными основаніями «Положенія» и убедиться въ томъ, что *будетъ такъ, а не иначе*. Но на дѣлѣ видимъ совсѣмъ не то: понятія крестьянъ о своемъ будущемъ далеки отъ того, что говорить «Положеніе». Какія-жъ тому причины?—Прежде всего, крестьяне не знаютъ «Положенія», потому-что не читали его, а если и читали, то не поняли его сущности, отчасти вследствие малодоступности языка этого законоположенія для нашей мѣстности, который съ трудомъ понимается и папани. Черезъ послѣднихъ могли бы крестьяне ознакомиться съ «Положеніемъ», но *они не вѣрятъ теперь ни одному папскому слову*. Это вторая и самая главная причина. Недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ дошло до крайней степени... Много пришлось бы говорить, еслибы мы стали разбирать всѣ причины этого недовѣрія; скажемъ, что основною изъ нихъ пужно признать *крѣпостное право*, осмысленное крестьянами только со времени изданія «Положенія». Народъ только теперь понять тяжесть этого права и — не вѣрять тѣмъ, кто годъ назадъ пользовался имъ. Несправедливо было бы обвинять за это недовѣріе какъ народъ, такъ и помѣщиковъ...

Чтобы показать, какъ велико существующее теперь недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, расскажемъ два случая.

Одинъ изъ моихъ сосѣдей задумалъ устроить сельскій банкъ для временно-обязанныхъ крестьянъ того села, гдѣ онъ живетъ. Потребность въ банкѣ онъ увидѣлъ изъ того, что крестьяне очень часто прибѣгаютъ къ займамъ (обыкновенно—у шинкарей) небольшихъ денегъ (отъ 50-ти коп. до 3-хъ руб.) на покупку сапоговъ, соли, дегтю, косъ и другихъ мелкихъ предметовъ и платять, приэтомъ, до 50-ти и болѣе процентовъ. Желая избавить крестьянъ отъ сельскихъ ростовщиковъ и въ то-же время познакомить ихъ, на дѣлѣ, съ пользою заемныхъ банковъ, онъ предложилъ крестьянамъ въ даръ 200 р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги обращены были въ основной капиталъ банка. Переговоры объ этомъ шли черезъ сельскаго старосту, человека разумнаго, и дѣло казалось копецнымъ. На-дняхъ, сосѣдъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, чтобы поговорить съ ними о банкѣ окончательно и предложить на ихъ утвержденіе прозектъ его. Крестьяне пришли. Позвавъ сначала старосту, сосѣдъ спросилъ ихъ:

— Такъ що-жь, — всі согласни на банкъ?

— Ні! народъ не согласенъ,—отвѣчали старосты.

— Якъ—не согласенъ? одъ чого-жь?

— Богъ ёго знає! кажуть би то, що нікому глядїть грошей.

— Въ церковь можна одати, — зробимъ таку скрпнїку...

— Да вопо чому не можна... тїльки народъ не согласенъ ні на що!

Болѣе печего было говоритъ. Какъ холодною водою окаченнїй, со-
сѣдъ простиля съ старостами, и крестьяне ушли.

Вечеромъ того же дня, мы спросили у одного пзъ старость—что
за причина отказа отъ даровыхъ денегъ?

— Гмь! щобъ оце манъ та дурно гроші дававъ! Ні!—тутъ щось
е... лучше не брать...

Другой случай. Тотъ же сосѣдъ, начавъ писать уставную грамоту,
пригласилъ крестьянъ—поговоритъ о ней; послѣ разныхъ толковъ, онъ
предложилъ имъ подаритъ *грунты* (усадьбы). Крестьяне перегляну-
лись. Помѣщикъ объяснилъ имъ, что за грунты они должны будуть,
во всякомъ случаѣ, платитъ деньгами, что вотъ Василю напр. прийд-
дется платитъ за грунты 1 р. 91 к. въ годъ, Карпу—1 р. 35 к.,
и т. д. Крестьяне молчали. Пѣкоторые пзъ нихъ выразили-было же-
ланіє принятъ даръ, по результату вѣсѣхъ разсужденїй по этому пред-
мету было то, что—нѣтъ, не нужно намъ грунтовъ: «лучше мы будемъ
платитъ, такъ якъ и люде...»

Привчина послѣдняго факта, кромѣ общаго недовѣрія, заключається
еще въ томъ, что крестьяне убѣждены, что группы и нпвы, по исте-
ченїи двухъ лѣтъ, сдѣлаются ихъ полною собственностью, безъ всякихъ
выкуповъ. Впрочемъ, послѣднее убѣжденїе мало-по-малу искореняется,
вслѣдствїе извѣстій о введенїи грамотъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нашей
губернїи. Можно надѣяться, что къ лѣту оно еще болѣе ослабѣетъ,
по общее недовѣріє останется на долго. — Много и много потре-
буется усилїй (но не шрежѣнно *искреннихъ* усилїй) съ пашей стороны,
чтобы возвратитъ то довѣріє народа, которое утратилось на Украинѣ уже
лѣтъ полтора-два назадъ... Мы даже думаемъ, что искренность отно-
шенїй, межъ крестьянами и помѣщиками, для пастоящаго поколѣнїя
врядъ-ли и возможна; дай Богъ, чтобы хоть дѣти наши сошлись!
Съ пашей стороны, мы обязаны теперь всѣми силами, не жалѣя ни-
какихъ пожертвованїй, стараться подготовитъ *дружескія* отношенїя
межъ обоими сословіями: только съ такого рода отношенїями возможно
наше общее движенїє впередъ.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы поговоримъ о нашихъ мировыхъ сѣздахъ, сельскихъ школахъ и о многомъ, что въ послѣднее время стало жить живою жизнью.

Ал. Михченко.

ВІЙТЪ СЕМЕНЬ.

Не разъ, на короткімъ віку, доводилось мнѣ бачити, якъ гріхъ карає Богъ, карають люде. Бачивъ кару небесную, бачивъ казни людскіи. Здається—давно бъ тому лиху перевестись на свѣті, та ба, живучее прокляте: віростає, дѣ не сіють, виринає—зовсімъ, мовъ, потоплене. Алє—маю надію, більшъ не побачити такого лиха, якѣ бачивъ! Розкажу, якъ було.

По—надъ старимъ Дніпрѣмъ, пішнее та простѣнее розіслалось село. Весѣли хати по сту рѣківъ, коли не больше, міцно й досі стоять,—и правду кажутъ, що старіи люде лѣтче насъ вмѣли будувати собі домивніи. Кругѣмъ села густий лісь: свої дрѣва, свій звірѣ. Дѣбре було жити въ тому селі. Мнѣ не разъ доводилось бувати въ ѣму: панотѣць бувъ изъ родні, то було що літа навідувався до ѣго. Въ остатній разъ я бувъ у ѣго, рѣківъ тому два назадъ.

Однобо вѣчора сидимѣ ми зъ нимъ; мѣва якось перейшла на панцину, потімъ заговорили про самого пана, про челядь ѣго: багачко дѣ-чого ми перебрали того вѣчору; навписли панотѣць подумавъ, та й каже:—А все не до віку такъ буде. Дошкѣдить та челядь до чогось—мѣже захоче вернути свое, —та пізно буде.

Мнѣ здалось, що вінъ наvertsє на волю, бо тоді її усюди сподівались, та й кажу:

—У гѣроді чѣтка рознеслась, що людемъ прочитають вільну; та мѣсятъ трѣхи підѣждати.

—Ні, я не те хотівъ сказати. У насъ, якъ бачете самі, вже дѣже роспикають людей... не дїждатця волі. Тамъ, чуєшь, прикащикъ побивъ чоловіка, а завщо — нерозберешъ; а тамъ вїтѣ беремѣнну жінку такъ насадивъ, що, мѣже, чи й жива буде. Найбільшъ зуби гѣстрять на вїта. Скільки разъ я казавъ: Семѣне, пошануй себе: въ тебе дїтки, дочка на вірості,—а люде проклинають. Не слушає: зъ ними, каже, такъ и трѣба. Чѣсті не мають, ласкою незапобі-

жись, добра паньского не бережать. « Такъ я вамъ и кажу, що добре, коли люде потерпляютъ, а то — неладне скібітця.

Не минуло и неділі, якъ ми балакали съ панотцёмъ, а ліхо скібілось, ліхо на все село, та ще протівъ самої неділі. Приходять рано панотець зъ ўтрени, якийсь смутний. Поглянувъ на мене, та й каже:

— Бачте: якъ я казавъ, такъ и зробилось.

— Що жъ тамъ такє? питаю я.

— Семєна вбили — більше нічого. Біля грєблі найшли: ма-
буть тоді вбито, якъ ишовъ зивати людеї на панщину.

— Хто жъ убивъ — не чути?

— То бо й ліхо що вбили, та незвісно — хто. Здаєтця, не одиць, бо на Семєна одиць не піде, а тепєрь бідї чимало буде: паидуть судові, піднимуть все село; колибъ и не винно хто не пострадавъ.

Такъ, грѣхи перегадомъ, наїхали судові; щобъ вони поспішали діло, якъ треба, розібрати!.. Самъ панъ — енералъ: єго — то не зразу зачєпишь, та ще, на ліхо імъ, рідко въ селі бувас. Съ підпанками наживніше діло, добре — лүчилося — е чимъ замутитьця. Приїхало такі чимало: тутъ бувъ становий, при нєму писарь, а найглавнїйшїй міжъ усіма — панъ справникъ: великая сила, зразу и бачишь, що вінъ справу людамъ чїнить. Найбільша надїя була на становго — добра душа: було, якъ схоче, изъ саміснького пєкла вірятує, а не схоче — не просї Бога.

Оттожъ и приїхали, — прїмо до пана на двіръ. День прогалялись, кімнати вибирали, потімъ позвали вправителя. Вправитель бувъ изъ ляхівъ — не абиякий: котрі говорїли, що вінъ приїшовъ управляти безъ кобеняка, у якїйся сертучїні, а їнші казали — що и зо всімъ гóлий... може й такъ. За те тепєрь панъ на всю губу! чужїй и не розпізнавъ би єго одъ справника, а справникъ має півтїсячі людеї и родївся паномъ.

— Що се у васъ, Станиславъ Карловичъ, зробилось? Вїйта вашого вбили? Не підходяще діло. Такъ спитавъ управителя становий.

— Я вамъ докладувавъ, що у насъ давно вже неладнее дієтця.

— А поміщїку писали?

— Писавъ, та отвіту не було. Єго превосходительство не знає нашихъ ділъ, а нарѣду не спїняє. Одиць я, самі знаєте, нічого не вдїю.

— Правда ваша, Станиславъ Карловичъ, поміщїкъ усєму ві-

непъ, роспустивъ людеѣ. А не знаєте ви, хто убійця? На кого по-дозріше маєте.?

— До сѣго часу—невісно пічого. Якъ извѣстите, то поведіть зіб-ратъ усіхъ изъ тієї половини села, що по той бікъ греблі: тамъ найбільшъ непокірні люде.

Позвавъ становий соцького, приказавъ зібрати тихъ дюдѣй, на котѣрихъ вправитель гостривъ зуби, що спроможне жили. А самъ підхопивъ Станислава Карловича підъ руку, та й повівъ єго у дру-гу кімнату: мши, каже, треба зъ вами дуже крѣпко поговорити. Да-лі обернувся назадъ, та й каже: «слухай, соцький, скажи одъ мене, що въ тюрмі будуть сидіти, якъ не виявлять убійцю,—дане давай імъ зговѣрятьця.»

Пішло ліхо; пішла справка на все село. Заголосили жінки, якъ стали їхъ чоловіківъ забирати. Позбігались до панотця поради про-хати:—Паноченьку, батеньку заступити за нашихъ чоловіківъ: вамъ більшъ повірять, чимъ імъ. Невиннихъ беруть, та ще похваляютьця їхъ спровадити кудись дѣльше. «Не бійтесь, одвѣтивъ панотецъ: їхъ бачете, тільки на *допрѣс* беруть, а тамъ и пустять. Дѣло того порядку трѣбуе, щобъ вони зібрались. Ідите зъ Богомъ».

Повірили панотцеві, повертались до дому, а чоловіківъ не пу-скають. Вже, здається, все скінчилось: и дѣхтуръ приймавъ, сви-дѣтельствовавъ тіло вѣнта, а люди сидять на одній воді. На їхъ, бачте, росѣрдилсь, чомъ вони не признаютьця: може зъ їхъ хто виненъ, а вони нарѣшне закривають. Томілись бідоліги: раді бъ признаютьця, та ні въ чимъ. Дійшло до того, що одиць вже хотівъ даремне скласти на себе грѣхъ чужий. Пидъ, каже, скажу імъ, що я вбивъ: хай судять; однаково пропадѣть, та не усімъ хоть...—На сілу спянали.

А судові годуютьця, на здоровья імъ. Вправитель всѣго доста-ча; звісно—нежаліе чужого добра. Підъ вечеръ тільки запряжуть пань-скіхъ слакунівъ, та й роз'їжають по селу. Де кучка людеѣ стоить, підьїде зъ їхъ котѣрий: «розбійники, закричіть: ви, мабуть, гуртомъ єго вбили, та й мовчтѣ. Въ Сибірі будете!» Ліхо, та й годі.

Неділя проходить, вже півторі неділі; тільки отгодували себе, а убійці незнайшли. Запустило село: сь половиною погнали въ горѣдь, зъ дѣтьми не дали проститиця. Якъ неживні, жінки кинулись за чо-ловіками, дѣ — котѣри проводити, а інші — въ самий горѣдь йти, въ саму тюрму. Та ба — не пустіли. Сумно стало; боїтця люди

промобитись, щобъ не причепились. Вже стали пепяти на того, хто убивъ вїйта: Чомъ вінъ не вїявнця, може бъ невїнїхъ випустили. Три педлі минуло, засмученї сидятъ у тюрмі, а про убийцю й чутки не має. Вже й судъ вїїхавъ изъ села; мабуть десь инше пронїхавъ поживу. Якосъ трїхи лєгше стало....

Тимъ часомъ, якъ судові вїїхали, стали люди промїжъ себе дознавати, хтобъ такї вбивъ вїйта. Та щїго не вдїяли. На що вже панотєць: усю силу напригавъ — и той не спромїгъ дознати. «Я, каже, самъ постїоу за єго, нехай тїльки одкрїетця.» Мабуть знавъ добре убийця, що Сибїрі не збавитьця єму, що панотєць щїго тутъ не вдїє, та й не здавася на панотцєву ласку. Алє чоґо не зробїли усї люди, зробїла те жїнка.

Одного вєчора сижу я такї у панотцєвій хатї, баґачню дє объ чїмъ роздїмувавъ, найгїршъ засїло въ головї недавнєє лїхо. »Що то, дїмаю, тї люди тамъ у гбродї мїки набрїлись — а мїжъ нїми усє булї хорбшї та почєтнї хозяїнї — чи випустятъ їхъ?» Здаєтця, й рїдного батька не пожалївъ би, якъ би знавъ, що черезъ єго дарємне вони гїнуть. Жду панотцї, вже бъ порї й повечєрати, а єго немає. Тутъ ще пїдвернївся паламарь, я й пїтаю: не бачивъ ти оцї Йвана? Вони йшли, каже, до дому, та одъ вправїтеля прислїали, щобъ мерщїй поспїшали въ контору» Чоґо бъ то, дїмаю, чи не вкїлось ще щб.?

Коли це и панотєць вдє; переступївъ черезъ порїгъ, та й каже:

— А знаєте, щб?

— А щб?

— Попали на слїдъ. Вгадїйте лпшъ, хтобъ такїй вбивъ вїйта? Я мовчки почавъ перелїчувать усїхъ, да якосъ не приходїтця.

— Омєльбо Лїнтухъ, кажу:—вїнъ такїй гарячїй,— хочъ до нїжї; може вїнъ убивъ?

— Нї, каже панотєць.

— Максїменно хїбї? Тагъ єґо и въ сєлї тодї не булб, якъ вїйта вбїли.

— Отже и не вгадєте!.. Микбла Ярошенко.

— Той що въ мяснїцї ожєнївся на прикїащїковїй?

— Той самїй. И ябъ не повїрївъ, та жїнка єґо признїлась. Бачте, вона прїйшла єъ гостїни до батька, жїнокъ зїбрїлось такї чимало, може и пїдпїлї трїхи; вона у хмїлю усє и роскажї. »Дарємне, каже, ви, тату, турбуєтесь: Семєна убивъ мїй Микбла. Ще

жъ тії ночі мині й призначвся; якъ полягли спати: мовчи, каже, жінка, вже нашъ вийтъ не буде більше ходіти підъ вікнами та знівати на панщину.—Якъ то такъ, питаю? »Я убивъ ёго.«

Дивно мині стало, щобъ такий чоловікъ, якъ Микіола, одважився на великий гріхъ. Не те, щобъ я ёго зовсімъ знавъ, а не можна було надіятись одъ ёго. Вінъ змалку остався сиротою, молоді года по людахъ провівъ у наймахъ, годівъ старому й малому, усі ёго любили. Послїдній разъ вінъ служивъ у прикащика, такъ—годівъ ізотри. На що вже прикащикъ — міцний бувъ на повагу, а й той берігъ спроту, якъ рідну дитину; після й дочку за ёго віддавъ. «Моторна, каже, роботящая слухьяна дитина—буде шановати мене за старість», та й віддавъ за ёго. Плакавъ старий, якъ прощався зъ дочкою: на віки, промовлявъ, тебе ёму отдаю, бережи ёго, любі ёго, та й заплакавъ. Потімъ и Микіоли сказавъ: оце тобі, Микіоло, мої дитина; спершу я не ридивъ її за тебе, та заслуживъ ти у мене, шапуї її,—та й знову старий заплакавъ. Казали після люди, що вінъ не даромъ плаче: може ёго серпе що небудь не добре чує. Правду сказали. Въ жниві мині довелось бачити Ярошенка якимсь похмуримъ, невеселимъ, а вінъ усє бувъ приязний и усміхливий. Я хотівъ ёго запитати, що єъ тобою, Микіоло, а вінъ недівлячнє уклонився мині, та й пройшовъ, ніби не пізнавъ. А тутъ за нимъ другий чоловікъ нишовъ, и каже: молоду жінку ёго побивъ вийтъ.

Теперь я догадався, якєє лихо було у ёго на душі; може тоді и задумавъ на гріхъ. За жінку, бачте, одомстити хотівъ, и конці звести; а жінка й вивела усє на світъ.

Знову паіхали судові, та не було стільки лиха, якъ перше, бо теперь оди́нь Микіола за всіхъ одбувавъ. Притягли ёго прямо до станового. Зібравъ становий громаду, и почавъ роспитувать, що во́пи думаютъ про Ярошенка.

Ніхто не обзивався противъ ёго, бо й справді такі нічого худого було сказати.

Подивився становий на Микіолу,—може й жалько стало, та й питає:

- Скажи мині, Микіоло, що тебе підвелю на гріхъ?
- Спитайте, каже, ваше благородіє, у громади.
- Чого́жъ ти укривався, чомъ ти зразу не сказавъ, що вбивъ вийта? Бачишъ, черезъ тебе безвіпно й досі сиділи люди у тюрмі.

— А якби ще тріхп посіділи та жінка змовчала, тоді бь лучче було.

— Такъ ти ще щось мавъ зробити ?

— Нічого, ваше благородіє, тільки вправителя вбїти: — за одно прийшлось би пропадати, а тоді и самъ у рўки бь отдався.

Чи то дивно стало становому, якъ такий чоловікъ упорався зъ вїятомъ (Микіла бувъ невеличкий, — скіпка зъ ёго, а не чоловікъ, — а Семіна усі зпїали, що мавъ великую сілу), чи то ёго благородію захотїлось пошуткувати, — обернувся до Микіли й питає: »Покажи мнї, якъ се ти одинъ одужавъ Семіна?« а самъ, звісно хїтра и розумна голова, одійшовъ дальше одъ ёго.

— Ось-якъ, пане, — вхопивъ Микіла соцького та й на плечі, мовъ ту вівцї. — Оттакъ изъ Семіномъ: упоравъ по голові истикомъ, та й одводїтъ на друге місце, щобъ не зразу зпайшли.

Пильно подивився становий и каже громаді: самі бачете, у ёго вращая сила: дїаволь наустївъ ёго и помїгъ ёму. И теперъ не кається, погїбшая душа! — Микіла тільки поблїскає на ёго очїма.

— Ажєжъ ти и менє не помїлувавъ би, якби спїткавъ на самотї?

— Може, и не помїлувавъ би.

— Эгє, я такъ и думавъ. А я васъ мїлувавъ, та ще й якъ!.. Идї лишъ сюдї, Омєльку (се той Омєлько, що вїнъ ёму усипавъ недавно гарячихъ за те, що про ёго негарне щось сказавъ): чи я тебе не помїлувавъ, скажи при всї громаді?

— Помїлували, ваше благородіє, крїпко помїлували, а самъ ажъ чується.

— А тебе въ Сибїрю слїдовалоь?

— Въ Сибїрю, каже, та все почується.

— Може, грошей шукаєшь, Омєльку?.. Не треба, я дяки одъ васъ не требую. Коли мїлую, такъ мїлую, щобъ усі памятували. А теперъ не помїлую... и жінка мой нічого не вдїє тутъ.

— Зв'язать ёго, собаку! небїйсь, не тебе, а того сїбірного — та й указавъ на Микілу. Та швидче, а то, бачте, и на мене похвалївся. — Обернувся до писаря и каже: »Такъ и напиши — на мене, мовъ, похвалївся, чуєшь? на мене!«

— Я одъ ёго, — одвїтивъ писарь, — вїйної похвалїки не чувъ.

— Дурень — напиши, що Ярошенко хотївъ убїти станового и увєсь

судь известі, а тамъ и до губерського начальства добратись. Ви усі чули?

Громада мовчала.

— Бачте, язикъ не піднімається на такі речі, а вінъ мавъ усє те зробити! Въ Сибірі не буде місця. Буде вже мілувати!

Взяли Миколу и звязали; вінъ и не пручався, бо на одно вже йшовъ: въ Сибір, то и въ Сибір! И не просивъ, чи неможна якъ небудь облегчить єго, бо знавъ своє лихо. Одвели Ярошенка въ городъ, засадили въ тюрму, поки вийде повістка изъ губернії, що зъ нимъ робити.

Такъ черезъ скількись місяцівъ— я вже бувъ въ городі— рознеслась чутка, що будуть катувати преступника. Городськимъ и не вдповижу було, а все хотілось пійти подивитця, більшъ за тимъ, щобъ розвідать, хто преступникъ и за що будуть єго бити. Назбиралось насъ такі чимало; були й такі, що парошне прийшли поглядіти, якъ катъ вимахує. Були й дівчата, вайбільше городські баршні та барниці, що въ шляпкахъ ходять... Оцихъ зовсімъ не треба бѣ тутъ: якъ другий палець уріже, то їхъ такъ и хватає за печінки, а тутъ собі гарно розглядають, потроху охають, а ні одна дуже не жажнеця... жіноча вдача!

Зійшовъ панотєць,—щось заговоривъ до преступника,—я ближче підступивъ. Лишенько — я шанавъ преступника: то бувъ Микола. Ставъ я придивлятись: неизмінився, такий якъ и перше,—тільки все просивъ, чи неможна бѣ зъ жінкою въ-остатнє побачитця, та нічого було й просити, бо жінка сама одцуралась. Нікого не було зъ нимъ—ніхто не провідивъ єго, не попросався зъ безталаннямъ.

А мині жалко єго, дуже жалко було.

Замовкло усє, тільки чути було, якъ катюга трійчаткою махає. Перше було якъ катували преступниківъ, то вони говорять до народу: кайтесь на мині, добрі люди. Микола мовчавъ, якъ воді набравъ, та що вже тутъ и каятця—пропавъ, навіги пропавъ!

Оттакє то склалось лихо,—лихо одъ лиха. А хто єго знає—котре зъ їхъ більше?

Не довго пороскошувавъ и вправитель: кумедію зъ нимъ вділяи на все село. На єго справникъ чогось зуби гостривъ та не приходилось оскіми знімати, а тутъ якъ разъ прилучився поміщикъ. До єго и подвернувся справникъ: вправитель, каже, вашъ людей розпустивъ та и васъ грабить. Воно такий й правда була: вправитель

кріпко нажився, изъ ікономіи, кажутъ, позичивъ чи не 2 тисячі рублівъ. Поміщикъ не довго думавъ, зібравъ судъ, та й осудили вправителя: »ти, мовъ, сякий-такий, пана грабишъ, добра ёго не бережешъ,—щобъ твого й духу тутъ не було.« Ще позвали жйда-шинкаря; той засвідіельствувавъ, що у вправителя перше бувъ усёго одинъ драний жупанокъ. Скріпили діло, та, середъ ночі, зъ жінкою и зъ дітьми, тріхи не голого й випхали изъ села: »а лді, кажутъ, ліше, справи шукай!« Кумедія та й годі, та й не въ першій разъ: зъ кожнымъ вправителемъ такъ робіли. За те й дякували пану люді.

В.—Г—гл—скій.

ОСКОРБЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

(Изъ Симферополя.)

— Въ послѣдній день масляницы, 19 февраля 1862 года, назначенъ былъ, въ городѣ Симферополѣ, въ залѣ дворянскаго собранія балъ—маскерадъ. Въ провинціи, у насъ, такъ рѣдки подобныя увеселенія, что каждый, не желающій быть въ залѣ, спшитъ какъ можно раньше отправиться на хоры собранія, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе. — Было еще рано, зала собранія была совсѣмъ пуста; три уважаемыя въ обществѣ дамы, но не губернаторскаго круга, заплативъ, по желанію дежурнаго директора, даже вдвое противъ обыкновеннаго, имено по рублю сребр. за входъ, пришли на хоры и заняли свободныя мѣста въ первомъ ряду; вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, является дежурный директоръ собранія и требуетъ, чтобы эти дамы встали съ своихъ мѣсть, потому что тѣ мѣста предназначены имъ для другихъ дамъ, губернаторскаго круга, которыя придутъ позже. На это одна изъ шихъ отвѣтила ему, что на хорахъ мѣста не номерныя, слѣдовательно, заплативъ деньги, всякій, пришедшій раньше, занимаетъ первое свободное мѣсто; директоръ не убѣдился ихъ справедливымъ замѣчаніемъ и настоятельно требовалъ, чтобы они удалились съ занимаемыхъ ими мѣсть. Дамы не соглашались и просили оставить ихъ въ покоѣ. Директоръ, взбѣшенный въ полномъ смыслѣ этого слова, наговорилъ дамамъ дерзостей, пугая ихъ притомъ, что онъ соберетъ всѣхъ директоровъ и ихъ выведутъ со

срамомъ, но такъ какъ тогда было еще рано и кромѣ его, какъ де-журнаго директора и эконома, не было другихъ директороѣ, то онъ, вспомнивъ свое юношеское молодечество, рѣшился на слѣдующую возмутительно грубую выходку: ввелъ съ собою на хоры двухъ жандармовъ и, указывая имъ на 3-хъ дамъ, крикнуть: «очистить мѣсто отъ этихъ дамъ». Жандармы двинулись—было исполнить его приказаніе, но изъ числа сидѣвшихъ на хорахъ дамъ случилась знакомая этому директору дама, которая вступилась за оскорбленныхъ; завязался жаркій споръ; всѣ остальные дамы, будучи оскорблены въ лицѣ трехъ, приняли участіе въ спорѣ и тѣмъ помѣшали директору привести въ исполненіе дикое намѣреніе. Директоръ совершенно ошибся: наше молодое общество, узнавъ объ этомъ, непотерпѣло такого варварства: тамъ же составило протестную подписку и, въ числѣ 36 человекъ, предложило ему тотчасъ же извиниться передъ оскорбленными дамами; директоръ отказался отъ этого самого умѣреннаго предложенія; тогда общество рѣшило исключить его изъ числа членовъ клуба, а дирекціи танцевальнаго собранія предложило поступокъ этотъ на обсужденіе.—Ожидаемъ, чѣмъ все это кончится и желаемъ отъ души, чтобы и остальные члены нашего общества показали сочувствіе этому дѣлу и, исключеніемъ подобнаго господина изъ своего круга, доказали, что они умѣютъ уважать въ лицѣ женщины права человѣческія.

Потомакъ Думитрашко Райчъ.

ВЕЛИКА НОВИНА.

ДУХОВА СИЛА ЗАМІСТЬ ПА́РУ НА ЧУГУНКАХЪ.

И. М. Л—з—р—скому.

Издивъ ти, братіку, самъ, и прежь іншихъ и зъ іншихъ, на моему духовому самока́ті, да бажаешъ, щобъ я тобі усѣ докладно опсавъ, щобъ и інші земляки наші знали те, що ти бачивъ, и надъ чимъ я працювавъ не одинъ рікъ. Вволю я твою волю,—тільки вибачай, що не широко розведу свою річъ, бо на се, далебі, не маю теперъ часу.

Перва думка про сю силу прійшла мні отакечки на умъ: Якъ

почали у насъ стрóити чугу́нки (залізни́ доро́ги), я д́уже то́му ра́ду-
 вався, що́ буде въ насъ таке́ добро́, — а безъ ёго́ памъ́ якъ́ безъ
 ші́г! Ра́дувався, да́ й за́д́ума́вся: чугу́нки до́бре, бо по та́кій доро́зі́ оди́нь
 кінь п'ятьсо́тъ пудо́въ повезе́, а якъ́ по залізни́мъ́ колея́мъ́ хо́роше із-
 дити́ й самока́то́мъ́ замість ко́пей, то́ й ще́ лу́чче; бо мо́жна хочъ́ по
 со́тні версте́ що-годи́ни прока́тувати, а по 50-ти да́ по 80-ти и звича́йно
 ізды́ть. До́бре во́но, д́умаю́ собі, до́бре, та́ тільки́ — яка́ си́ла
 двігае́ самока́ти? Си́ла та́ — паръ́. А що́бъ́ було́ дово́лі та́кого́ гаря-
 чого́ па́ру на се́ діло́, — ві́ткіля́ наста́чити то́плива? Га́йвъ́ на́шихъ́
 ста́не не́ на́довго; а́ по́тімъ́ що́? Отъ́ я́ й за́д́ума́вся: що́-дня́ сонце́
 зогри́ває́ зе́млю, що́-дня́ де-небу́дь я́ ві́теръ́ віе́ и до́щъ́ іде́, а до́щемъ́
 на́лваю́тця́ ріки; е́ се́го́ добра́ я́ въ́ насъ. На́ річка́хъ́ стано́вля́тъ мли-
 ни́, де́ вода́ бі́стро́ тече́; а́ ві́тряка́ де́ хочъ́ поста́въ. Отъ́ же́ воно́,
 якъ́ усе́ розбе́решъ́ — вихо́дитъ, що́ дае́ Бо́гъ́ лю́дяма́ сті́лько́ си́ли, що́
 ма́ють бі́льшъ́ и не́ треба́; а́ коли́бъ́ змо́гли ми́ якъ́ хоті́ ор́удувати́
 тією́ си́лою, на́ людську́ ко́ристь, то́ ні́ на́ ви́що́ було́бъ́ памъ́́ робі́ти
 й паръ́, не́ треба́ було́́ бъ́́ и́ дере́ва на́ се́ псува́ти. Отъ́, по́д́ума́вши
 та́кєчкя́, я́ й до́д́ума́вся до́ того́, що́ мо́жна се́ зробі́ть о́сь-якъ́:

Якъ́ заведе́шь го́динникъ́, то́ йде́ вінъ́ день, а́бо́ тї́ждень; яко́ю́ жъ́
 си́лою́ вінъ́ іде́? Ма́шинною́ си́лою: гя́ря́ о́тяга́єтця́ а́бо́ пружина́ роз-
 верта́єтця́, — го́динникъ́ и́ йде́. А́ де́ найти́ лу́ччо́ї пружини́ одъ́́ воз-
 духу́? Ёго́́ скі́льки́ разъ́́ хочешъ́ — згни́та́й: не́ зла́мнешъ́, не́ зо́пє́єшь;
 а́ дру́ге те́ — во́здуху́́ й шука́ти не́ треба́, бо́ вінъ́́ усю́ди́ е́: бері́
 скі́льки́ хочешъ́ — ёго́́ не́ поме́ншае́. Та́къ́ о́сь и́ та́ пружина́, ко́тору́́ тре́-
 ба́ на́тягувати́! бо́ якъ́́ згни́чений во́здухъ́́ пуска́ти че́резъ́́ ма́шини за-
 мі́сть па́ру, то́́ вінъ́́ и двігати́ме́ ті́ ма́шини, зовсі́мъ́́ якъ́́ паръ́́. Пе-
 редума́вши́ о́це́ усе́, да́ пошука́вши́ де-чо́го́ по́ кни́жкє́хъ́, дозна́въ́ я́
 тоді́, въ́ 1857 го́ді́, що́́ й́ інші́ лю́де́ те́жъ́́ са́ме́ зду́мали, да́ вже́́ де́-
 що́́ й́ робили́. Захоті́лось́ міні́́ побачи́тись́ зъ́́ ними: пої́хавъ́́ (1); у́ Па́ри-
 жі́́ познако́мився́ зъ́́ Андро́, у́ Ту́рині́ — зъ́́ Сомелье́; бу́въ́ въ́́ Ге́нуї́ по-
 диви́тись́ на́ ті́ ма́шини, які́ми́ тоді́́ збіра́лись́ пробива́ти вели́ку́ ка́мянчу́
 го́ру́ Мон-Се́нсь, а́ те́перъ́́ вже́́ її́ и́ пробива́ють — духо́вни́ма́ ма́шинами,
 а́бо́ — якъ́́ їх́́ те́перъ́́́ помоско́вськї́й прозва́ли — *возду́шкє́ма́ми*. Побачи́в-
 ши́́ усе́, верну́въ́́ я́́ че́резъ́́ Ло́ндонъ́́ у́ Ге́льсінгфо́рсь, де́́ я́́ живу́́ зъ́́
 1843-го́́ ро́ку; на́писа́въ́́ що́́ ба́чивъ́́, що́́ зна́ю, на́печа́тавъ́́, да́́ и́ за-

(1) Петро́́ Петро́вичъ́́ Гусе́въ́́ помі́гъ́́ мні́́ грі́шні́.

хотівъ, щобъ завеліся воздушки у насъ, щобъ не псовати дѣрева и огуляя. Отъ и найшлись два чоловіки, (²) закотили мнѣ помогати,— велике імъ за те спасібі! Узіявся одинъ хранцузъ Жюльєнь (Jullienne) робіти для насъ машини,—да нехай ёму абищо! тільки грóшей вицпганивъ, а щó зробивъ,—не можна було узяти:—такъ усё и пропа-ло! Бачу, робити нічого,—чужимъ добромъ усёго не зробішь: прии-шлось и своїми зліднями надточіти. А на щастя, построілись и у Гельсінгфорсі машинні заводи, першъ одинъ, а потімъ и другий; на сіхъ заводахъ порóблени оті мої машини, що теперечки стоять у Петер-бурсі на москóвській чугунці,—ті самі, що я показувавъ тамъ доб-римъ людамъ 27-го февраля., 1 и 4-го марта сёго году.

Нудивъ я світомъ що хранцузъ Жюльєнь мене шукавъ и обібравъ, якъ самъ схотівъ; а потімъ, построівши свої машини, и бачу, що и ліхо бува не безъ добра: понавиду́мувавъ я чимало тако́го, чо́го ще ніхто не робивъ, да и добре, що понавиду́мувавъ: бо безъ то́го, може, и мої воздушка также бъ не поікала, якъ и ті, що були зроблені— дві у Парижі, и одна, або дві, въ Лондоні; а теперъ—слава Бо́гу—и насóсь моєї видумки набірає д́уху, якъ трéба, и духъ сей держитца гáрно, куди ёго запруть, и воздушка мої ізидить легенько и возить чимало людéй; а якъ приложимо ще розуму та праці, то може сей малий почáтокъ великимъ діломъ стáнетця, на користь усімъ людамъ: и нашимъ, и москóвськимъ, и німецькимъ. Коли буде въ мене часъ, опишу мої видумки и все, що инші люде попридумували, щóбъ роздобу-ти духової силы; а на сей часъ вбачай, коханий побратіме:—ніколи!

Степанъ Барановський, изъ Конотона.

3-го березоля 1862 року.

Петербургъ.

ЗЪ МАКОВИЦЪ

(Київського повіту).

Давно вже спізнали люде, що треба знати добре те, що есть, за-для того, що-бъ дальше все къ луччому повертати—такъ само якъ не можно лічити хворого не спізнавши добре, чимъ вінъ нездужає;

(²) Попереду—Кузьма Василевичъ Бѣляевъ и Иванъ Федоровичъ Мамонтовъ, а якъ Бѣляевъ умеръ, то намість ёго—родичъ ёго, Александръ Константино-вичъ Мясниковъ.

та, надiсь, я не багато-бъ довидався лiкаръ, якъ-би ми тiльки промовляли: «ой нездужає, да нездужає!»

А воно такъ-таки частенько дiєтця:—отъ хочъ-би—примiромъ—и наші городянськi чоловiколюбцi—то кленуть, бувало, безъ зупину селянську долю, то знай таку пiсню заводять, що здаєтця тобi, що селянинъ тiльки те й знає, що жайворонки лiтають надъ ёго плугомъ, да соловьи спiвають у садочку.

И не диво. Було въ насъ таке время (бодай ёго й не згадувать), що не можна було нічого бiльше казати, бо нічого було балакати про долю селянина — *крепака*, якъ нарикати на ii. Да й тi, що славили сiльске житте ще гiрше въямили серце, якъ то чоловiкъ мiркувавъ собi: скiльки то благъ давъ Богъ людямъ, да яке важке, неказашно—важке, житте упало на долю бiльшої частини людей!

Да теперъ вже те время минає; теперъ передъ селяниномъ нова дорога—треба тiльки мiркувати добре, зъ чимъ вишь пiйде у цю дорогу; що въ ёго есть, чого бракує.

Отже-жъ багато людей заходилось коло цёго дiла, та все-жъ такъ це така робота, що для неi робiтниківъ зайвихъ ніколи немає; тимъ то й я осмiявся де-якi уваги про хазайство селянъ у нашому кутку послати у *вашу*, чи це-бъ то лучче—у *нашу*, спiльну, громадську Основу.

Самъ я не хазайнъ, да розпитувався людей, и те, що вони мнi казали, звiвши докупи, й передаю, приклавши де-що й свого мiзькуваннiя.

Нашъ кутокъ недалечко бiля Киiва. Щптають его, по уставу для селянъ, що вийшли зъ крепацтва. до шостоi мiстности по надiлу землi.

Покажемо на хазайську користь, яку цей Уставъ приносить для селянъ у нашому кутку.

У насъ надiляєтця земля на хати, чи то на хазайства. Дiленци, котрi впадають, по теперешнiму уставу, на *коринний* надiлъ на хазайство,—рiвни сливе зовсiмъ зъ тiми, що були перше у насъ у пiшчихъ селянъ. Гляньмо жъ теперъ на одбутки за цю дiленцию.

Пiшакъ одроблявъ по 2 днi въ недiлю панщини; одкнивши у годъ 2 недiлi празниковi—виходить 100 днiвъ у годъ, а жинка йшла, всяку недiлю, одинъ день; окрiмъ того одбувавъ чоловiкъ 8 *строительныхъ* днiвъ: значитця, разомъ хазайнъ одбувавъ 108 днiвъ, а хазайка 50; ще до того на 12 днiвъ згоннихъ гнали у лiтню пору усiхъ робочихъ людей—и чоловiкiвъ и жiнокъ—за дуже малу плату (10 коп. ср. чоловiкови; 7 $\frac{1}{2}$ жiнци), та ще почну *варту* (сторожу) бiля пансь-

кого подвір'я одбували не рівно—по черзі—въ більшихъ и меншихъ селахъ, а зъ бобилівъ панъ бравъ оброкъ и мавъ право братъ, въ дворову прислугу, кого ему забажалось.

А теперъ, у насъ, по новому уставу, за надієль $7\frac{1}{2}$ десятинъ на хозяйство—приходиться заплатити оброку за десятину по 2 карбованці, або 12 днівъ одбутку, у годъ; значитця, за $7\frac{1}{2}$ десятинъ 90 днівъ одбутку, або 15 карбованцівъ оброку; окрімъ того, 5 карб. 10 коп. ср. за десятину горόδу.

Тільки-жъ чинишъ платити сходнійше для селянина, аніжъ одбувати, бо теперъ у насъ ціна зимнього дня 20 коп. ср. мужчині, а літнього 30 коп. ср., це-бъ то середня ціна четвертакъ (25 к. с.). Отъ-же, що-бъ заробить 15 карб. при такій ціні, треба робити пішому чоловікові 60 днівъ.

Що-бъ заробити за десятину горόδу (покладімъ, що въ селянина стількі ёго естъ) 5 карб., по тій ціні треба робити — 20 днівъ. (Не будемо щитати 10 к. с., якъ меншої половини поденної середньої праці за роботу).

Значитця, разомъ усёго въ рікъ 80 днівъ, коли пристануть на оброкъ, а щитаючи одбутокъ по новому уставу 90 днівъ за поле, даюклавши 20 днівъ за городъ,—вийде 110 нішнихъ мужськихъ днівъ.

Отъ и видно, що въ першому разі (якъ пристануть селяне на чинишъ) зістається у хазліна вільнихъ для себе днівъ, проти прежнього, 30 мужськихъ и всі 50 жіночихъ, а въ другімъ разі (якъ пристануть на одбутокъ)—прийдеться повинности 2 дні більше мужськихъ проти прежнього, а все-жъ таки всі 50 жіночихъ зістаються вільними; поклавши, що 2 дні мужські йдуть по ціні за 3 жіночи — значитця, проти прежнього, вже чисто вільнихъ 47 жіночихъ днівъ. Ще-жъ до того вільня праця не те, що крещанька; тутъ можна оглядатись на свої потрібкі...

Згоннихъ днівъ, оброку зъ бобилівъ, ночної сторожі коло панського подвір'я, права панського братъ кого сходе у дворову прислугу, по новому уставу вже немає.

Тутъ ми вже й не говоримо про громадську самоуправу, цю найкращу основу всякого товариського розцвіту, не говоримо про те, що чоловіка теперъ боронить законъ відъ усякої самохіті.

Отъ же, розміркувавши усе, — приходиться намъ велику віддати дяку усімъ, котрі приклали щиро своєї праці до цього діла.

Одначе-жъ селяне у нашому кутку не хочуть приймати *установ-*

них грамотъ до кінця зазначеного строку, говорячи: «побачимо— якъ буде у людей, такъ нехай и въ насъ.»

Пани, по своєму звичаю, говорять, що «хлопи» лежпі, що не хочуть нічого робити и нікого слухать, и сподіваюця, що діждутця устави, котра-бъ вгодила тої їхнєї натурі.

Що селяне справді трохи сподіваюця ще кращої для їхъ устави—це такъ; да тутъ нічого дивуватись: у всякого чоловіка єсть разъ-у-разъ надія, що єму краще буде. А якъ селяне ще теперъ не розуміють добре нового устави, то це тожъ не диво: грамотнихъ у насъ міжъ селянами дуже мало, а такіхъ, що-бъ добре зрозуміли те, що тутъ треба розуміти, да ще й зъ такої великої книжки... то й тутъ то нічого нарікати на селянъ, бо таки й справді де то такъ дуже дбали про правдиву освіту того люду?

Та й не одно те одбиває селянъ що-бъ вони згоджувались на чинші. У насъ селяне не звикли розлічувати на вільний заробітокъ такъ, що зъ нєго зберуть стільки, скільки їмъ треба заплатити: вони бояця тихъ недоплатокъ, оглядаюця на свою халяйську спроможність, а тутъ то невеликій достатокъ!..

Ото єсть, у одної сємї, по 2 десятини поля у три руки и 1¹/₂ десятини сіножаті. На тїмъ полі, у нашого селянина звичайно лягає ось-якій присівокъ:

2 корці жита,
1 корецъ гречки.
¹/₄ корця (мірка) проса;

на нашій землі, въ середній зрожай, збере вінъ зъ того:

6 корцівъ жита,
3 — гречки,
3¹/₂ — проса;

оддїливши на присівокъ скільки треба, зістаєця на харчъ:

4 корці жита,
2 — гречки,
3¹/₂ — проса,

а що-бъ прохарчити одного чоловіка у годъ, то и въ дворахъ дають парубкамъ по

4 корці жита,
2 — гречки,
2 — проса,

да й це зовсімъ безъ лишку,—а въ хаті-жъ то найменше щитать 3

душі,—такъ де-жъ тутъ той харчъ возьметця? якъ тутъ ёго розлічувати на свое хозяйство? а ще-жъ оброкъ да подушне заплатити, и одержину справити, и соли и окраси кушити, а обчеські да семейні потреби... тимъ то й кажуть у насъ селяне: «якъ-би чоловікъ знавъ, що на ёго витрищилось, то й померъ-би зъ-ляку.»

Ото жъ у насъ нема сливе зовсімъ такихъ людей зъ селянь, котрі-бъ кожний рікъ не купували хліба, а що-бъ прожили до нового хліба! и то ніколи не збере цёго зъ свого поля, а заробить прооравши кому-небудь съ половини (*), або иншою працею, заробляючи зразу пашнею, жиучи—приміромъ—за сніть.—Погляньмо на це діло ще зъ иншого боку:—покладімъ, що семъя заробляє собі на харчъ де на стороні, що-бъ чисто рощитати, яку то вона користь получає зъ свого поля.

Ото ми вже сказали, що семъя збирає, въ середній зрожай, од-щитавши те, що треба на присівокъ,

4 корці жита,
2 — гречки,
3¹/₄ — проса.

За 1 корецъ жита середня ціна у насъ	1 карб.	50 к. с.
» 1 — гречки » » »	1 »	— » »
» 1 — проса » » »	1 »	20 » »

Значитця, за весь збіръ получить можно грошима, середнею лічбою,

за жито	6 карбованцівъ,	
за гречку	2	—
за просо	3	— 90 к. с.

всёго . . . . . 11 — 90 к. с.; покладімъ

для круглаго щоту 12 карб.

Ще есть у семъї сіножать; у насъ сіно найбільшь болотяне, то за ёго можно взяти карбованцівъ 8 до 10:—середнімъ щотомъ—9 карб. за 4, 5 хуръ сіна.

Значитця, якъ би продати той хлібъ, та сіно, можно виручити за ёго 21 карбованецъ; та ще за право гнати у толоку товаръ пок-

(*) У насъ отдають съ половини проорати поле такимъ побитомъ: якъ чоловікъ зовсімъ пригатовити чуже поле (зарати, зловжити) и засіе половину своїмъ зерномъ, половину хазійськимъ, то після одділяє собі половину ниви и зъ своєї вже половини бере збіръ для себе, а до збору зъ другої половини ему вже нема діла,—хйба що ёго найме хазіянъ того поля.

ладіть 1 карб. (*): то всего вже буде корясти зь хозяйства на 22 карб., не щитаючи праці и лишого накладу; общитаймося-жъ теперь.

За оранку озімого поля зь волами треба дати 1½ карб.; за оранку підь ярину те-жъ.

Дальше ось таблица:

<i>На яку роботу</i>	Скільки днів пішихъ треба.	Скільки треба днівъ тяг-лихъ, самому ходячи коло худоби.	Скільки одбутку пішихи мужськими днями за худобу.
Зратиць и здовжить озіме поле		2½	2½
Зратиць и здовжить яре поле		2½	2½
Засіять озимну	¼		
— ярину	¼		
Зжатиць и звязати жито	3		
Скосить гречку	1		
— просо	1		
Звязати гречку	1		
— просо	1		
Звести озимну	¼		
— ярину	¼		
Винюлотити жито	4		
— гречку	3		
— просо	3		
Скосить сіно	2½		
Згребти —	3		
Стягатиць и скидати —	»	2 чоловіка коло волівъ въ 1 день.	1
Перевести —	—	2 зь парою волівъ.	2
Усіхъ днівъ роботи	28½, — кладіть 26	9	8

Разомъ усіхъ 43 дні пішихъ мужськихъ. Щитаючи, такъ якъ ми й перше щитали, по четвертаку (25 к. с.) за день — виходить ціна годової роботи селянина коло поля въ нашому кутку, окрімъ оранки, 10 карб. 75 к. с., а приглавши за оранку 3 карб. — виходить разомъ 13 карб. 75 к. с.

Годового збору середню ціну ми поклали 22 карб.

Скинувши те що стоить годовая работа 13 — 75 к. с.

зистаетця заробітку зь землі, середню лічбою 8 — 25 к. с!..

(*) У насъ селяне дуже бідні на худобу, — не такъ якъ у степяхъ.

Я вже натякнув, що весь годовий збір піде на харч, ще й не вистане до нового хліба; а на чияш, на подушне, на одежину, на окрасу, обчеські й семейні потрібкі, треба заробить на чужому полі, та за сіно-жъ можно виручати копійчину за-для цѣго, а садівни стає зъ свого города на харчъ.

Не легко все те прийдеця селянинові, та що-бъ даромъ слівъ не тратити, розміркуємо лучче, якимъ побитомъ може въ насъ селянинъ спромігтись на оці потріби, покладаючи весь розцотъ на одинъ рікъ.

Ото кладімъ въ хаті $3\frac{1}{2}$ душі.—На харчъ, покладаючи—якъ ми вже й казали—по 4 корці жита и по 2 гречки и проса на душу, то й вийде, що на семью, на харчъ, треба середнєю лічбою:

14	корцівъ	жита,
7	—	гречки,
7	—	проса.

Це-бъ то приходитца селянинові у нашому кутку до свого годового збору прикупити:

10	корцівъ	жита,
5	—	гречки,
$3\frac{3}{4}$	—	проса.

Перекладімъ оцю потребу на гроші, покладаючи таку-жъ середню ціну хліба, якъ ми вже й покладали—вийде, що треба:

на жито заробити	15	карб.
гречку	—	5
просо	—	4, 50 к. с.

разомъ — 24 карб. 50 к. с.

Що-бъ заробити оцю суму—треба робити 96 днів пішихъ мужських по тій ціні, яку ми вже показали (четвертакъ); покладаючи подушне зъ хати середнєю лічбою за $1\frac{1}{2}$ душі—3 карб.,—треба на їх заробляти такою-жъ роботою 12 днів. Що-бъ заробити на оброкъ,—треба, якъ ми вже казали—80 днів пішихъ мужських.

Значитця, на всі ті найважнійші потреби 188, кладімъ 200, днів пішої мужської роботи; прочі дні зістаютця вільні въ хазяїна (тутъ же одчитаймо неділі, празники, то-що); коло садівни, коло худоби, коло стравн ходить хазяїка зъ дітьми:—ще й и тутъ зостаєця де-що вільного часу на зароботокъ; гроші съ сіножати и той прочий вільний заробітокъ пійдуть на одежину и инші хазяїські причадали,

семеїнї та обческї потрібнї.—Такимъ робомъ, придивляючись зъ різнихъ боківъ до селянського хазайства у нашому кутку,—виходить, що хочъ селяниновї и дуже тяжко де-въ чому приходиться, та може вінъ, при новому ладу, помалу—малу вбиватись въ заможність—не зразу-жъ бо великі будинкі мурують.—Тимъ-то селянамъ нашимъ ми щире радимо братись за ладъ по новому уставу до чиншівъ, а тамъ далї, розгледївшись, подумати *тромадою* и за викупъ; бо то святе діло—въ селянъ своя земля:—не даромъ же вони кажуть: «якъ я доволенъ, то я и воленъ.»

Не такъ-то легко на все тее спромігтись, да все-жъ таки «Богъ не безъ милости, козакъ не безъ долї;» переживъ вже вінъ не такі доби...

»Якъ у нашій у славній Україні
 Бували колись прешрашнї злигодні, бездолнї години;
 Бували й мори, и військові чвари...
 Ніхто Українцівъ не ратувавъ,
 Ніхто за їхъ Богові молитовъ не посилавъ:
 Тільки святий Богъ нашїхъ не забувавъ,
 На великі зусїля, на відповідя державъ!

Оадїй Рильскїй.

1862 року

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ ЖИВОПИСНОЇ «УКРАИНЫ.»

XXVII.—*Дівчина*, Полтавской губерніи;—съ рисунка И. И. Соколова.

XXVIII.—*«Чабанъ»*, Воронежской губ. Острогожского уѣзда, слободы Щучьей;—съ рисунка С. П. Павлова.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБООПЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 2-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Багатѣнький — зажиточный.
Балакання — бесѣда, разговоръ.
Баньки — (перен.) — глаза.
Безштанько — тотъ, кто безъ штановъ: шалуунъ, пьяница, бѣднякъ.
Бігма — бѣгомъ.
Бидло — скоть.
Бідолашний — бѣдный, жалкій.
Блакитний — голубой.
Блімати — тускло горѣть; мерцать.
Брехенька — (умен.) — ложь, побасенка.
Булькнути — (звуконор.) буркнуть, проговорить подъ носъ.
Важенько — отъ — важно — довольно тяжело.
Вармія — армія.
Ввійти — взойти.
Вдіяти — сдѣлать, произвестъ.
Вдовольтитись — удовольствоваться.
Вѣштатись — шляться, шататься.
Вернути — возвратить.
Визиритись — разсердиться, ожесточиться.
Виноватниця — виновница.
Виношуваги — выносить.
Випестити — вынaczyć, воспитать.
Вірівнятись — выровняться, сравняться.
Виричити — (очи) — уставиться глазами.
Витрищитись — выпучить глаза.
Вихрити — драть за волосы.
Відаюбарити — посѣчь, выдрать.
Відкіля — откуда.
Вікно — окно.
Відкрутити — открутить.
Відкуку́тись — откликнуться.
Відмувати — заниматься коловствомъ.

Віднімати — отнимать.
Вилѣсти — уложить.
Владза (польск.) — власть.
Вогонь — огонь.
Встигти — усѣсть, поспѣть.
Встрѣлти — убить выстрѣломъ.
Второпний — расторопный.
Вуголь — уголь.
Вуголь — уголь.
Вчинокъ — дѣло, поступокъ.
Вчать — учать.

Ганити — хулить, ругать; издѣваться.
Ганьба — хула, безчестье.
Гайворонъ — грачь.
Гайновати — раскидать въ беспорядкѣ.
Гладкий — полный; жирный.
Глѣчикъ — кувшинъ.
Глей — глинистая сырая земля.
Глитати — глотать.
Гнать — Игнать.
Гііти — лечить.
Голодрѣбець — голый, ободраный.
Голосіня — плачь, причитанія.
Гомоніти — разговаривать.
Голубовка — голубушка.
Гііи — извѣстное разстояніе, для опредѣленія длины нивы.
Горщя, — я — маленький горшокъ.
Грижѳла — особаго устройства простые длинныя сани для перевозки тяжестей.
Гриць — Григорій.
Гулькъ — глядь.
Гульціпка — оборванный гуляка.
Гупствоць (польско-пѣмецкое) — бранное слово.
Гусятко — гусенокъ.
Гүторка — разговоръ.
Гущина — чаща.
Гштатъ — форма, образъ.

Ділі — затѣмъ, потомъ.
Двійчи — дважды. У-двійзі — дво-
 емъ.
Двѳрка — дворовая (дѣвушка).
Дѳ-коли — иногла.
Дзипидзівер-зѳхъ — молодець.
Дитишка — (ум.) — дитя.
Динъ — Донъ.
Догори — вверхъ.
Дѳна — (заск.) — дочь.
Дотѳнно — искусство, прилично.
Доторниѳтисъ — дотронутся.
Дорѳжний — драгоцѳннѳе.
Дригъ! — выражаеть быстрое дви-
 женіе ногою.
Дубісити — бить.

Жадний — каждый, всякій.
Жахъ — испугъ, страхъ.
Жѳвпиръ — солдатъ (польскій).
Жѳденъ — каждый.
Жѳрсткій — жесткій.
Жѳрстѳкѳсть — жестокость.

Завіятти — смѳлость, рѳшительность.
Завжди — всегда.
Завсіді — завсегда.
Загавкати — залаеть (о собакахъ).
Загарбати — заграбить.
Загѳитисъ — зажить, исцѳлится.
Закамарѳкъ — тайный, скрытый
 уголокъ.
Закигикати — закричать (о чайкахъ).
Закортѳло — захотѳлось сильно.
Залопотіти — захопать (крыльями).
Замордувати — замучить.
Заведужати — заболѳть.
Заніміти — сдѳлаться нѳмымъ.
Западіти — зажечь.
Запозивати — позвать на суль, су-
 аться.
Запсувати — испортить.
Зарятувати — помочь.
Засліпніти — ослѳпнуть.
Засмутити — опечалить.
Засорѳмитисъ — засыдаться, по-
 тупиться.
Заспокіти — успокоить.
Застроміти — воткнуть.
Застудитисъ — простудиться.
Застукати — застучать; застать, за-
 хватить въ распахъ.
Заторохтіти — застучать (о коле-
 сахъ, о громѳ).
Зацѳкати — произвестъ звукъ гу-
 бами.
Зачухрати — (переносн.) — заколо-
 тить до смерти.
Зашмѳляний кий — обожжена ду-
 бинка.

Займати — трогать; захватывать чу-
 жой скоть.
(Збити) — зъ пантеліку — (сбить)
 съ толку.
Звєліти — велѳть.
Звѳрїчїй — звѳрпный.
Звѳстка — извѳстїе.
Злоліти — ололѳть.
Здрігнѳти — вздрогнуть.
Згуляти — провестъ время, ничего не
 дѳлая.
Злипути — улетѳть.
Змайструвати — смастерить, сдѳ-
 лать.
Змигнути — моргнуть.
Змилуватисъ — помиловать, смѳло-
 ваться.
Змиряти — проговорить невнятно,
 сквозь зубы.
Змініти — смѳнить.
Змѳшувати — принуждать.
Знѳхурка — ворожея.
Знеацька — печально, внезапно.
Знікнути — исчєзнуть.
Знікчємніти — сдѳлаться ничтож-
 нымъ, ни къ чему негоднымъ.
Зозвѳлнті — изволитъ, изъавитъ со-
 гласїе.
Зопьятисъ — приподняться на цы-
 почкахъ, на заднихъ лапахъ, опираясь
 на что-нибудь.
Зрѳдникъ — нѳмѳнникъ.
Зрїкѳтисъ — отречься.
Зуміти — сѳумѳть.
Зъїдѳннті — соединитъ.
Зъ-мѳлку — съ малыхъ лѳтъ.

Ипчий — иной, другой.

Кавьїрь — игра.
Казань — слово, проповѳдь.
Казитисъ — бѳситься.
Калѳти — марать, пачкать.
Камінець — камышекъ.
Капличка — часовня.
Кѳностний — пакостный.
Кателїцтво — католичество.
Катувати — сильно бить, мучить.
Квилити — жалобно кричать, сто-
 нать.
Квітчанїй — цѳточный.
Кєбєта — способность; удача.
Кигїканнє — крикъ чайки.
Килїмѳкъ — коврикъ.
Кїрпа — короткій носъ.
Кїльки — сколько, нѳсколько.
Кїлько — сколько.
Кїтъ — котъ.
Кладовище — кладбище.
Клекїтъ — шумъ воды.

Півність — вѣрність (чого-либо),
увѣренность (въ чьмъ-либо).

Пистоль — пистолетъ.

Півмітокъ — поломтокъ.

Піднідїжканне — крикъ перенежа.

Плюндрувати — грабить; разорять.

Побазікати — потолоковать, побол-
тать.

Побити — быть.

Повітовий — уѣздный.

Погрѣбати — побрезгать.

Подарувати — подарить.

Подряпати — поцарапать.

Пожежа — пожаръ.

Полішмя — поломя.

Полохати — пугать; сгонять съ мѣста.

Полуднувати — полдничать.

Полюванне — охота (звѣриная).

Помандрувати — побрести, попла-
стись.

Поміаки — ошущю.

По-підтїмню — подъ плетнемъ; подъ
заборомъ.

Поратись — ходить (работать) около
чего-либо; стряпать.

Поськати — поискать (въ головѣ).

Похнюпившиись — повѣсивши голо-
ву.

Почерѣжи — поочередно.

Пошпурити — швырнуть.

Прикіета — прикіета.

Примайструвати — пристроить;
придѣлать.

Приплѣнтачъ — приплецъ: (сбоку
припеку).

Присікатиись — придратись.

Причвалати — приобрести.

Прозирати — проарѣвать.

Простромити — проткнуть, просвер-
лить, сдѣлать остріемъ отверстие.

Простувати — идти напрямкомъ.

Простягти — протянуть, расправить.

Простягатись — протягиваться.

Прохворостити — посьчь.

Прочуханка — потасовка.

Прудкий — быстрый, проворный,
прыткій.

Прядівляний — (отъ слова пряди-
во) — пеньковый.

Путящий — путный.

Пущання — заговѣны:

Реготатись — смѣяться, хохотать.

Ремесникъ — ремесленникъ.

Решти — скрыпѣть.

Рбіалчнтти — заниматься рыболов-
ствомъ.

Рипатись — отворять часто двери,
ходя (изъ хаты въ сѣни).

Різніація — разъединеніе; разноголо-
сица.

Розвіднуватись — разсѣвѣть.

Розлютуватись — разгнѣваться.

Росхрістаний — съ разстегнутымъ
воротомъ или пазухою.

Сядовитись — садиться.

Самоищность — самостоятельность.

Самохитъ — по собственному желанію;
самовольно.

Сановитий — стройный, осанистый.

Святѣ письмо — священное писаніе.

Савигнути (плечима) — пожать (пле-
чами).

Серпанокъ — родъ простой кисеи.

Сивоусий — сѣдоусый.

Силомиць — насильно.

Сікти — сѣчь, рубить.

Сімірїжка — сімірїжка, сѣрая свита.

Скѣла — скала.

Скибка — ложоть.

Скінчаня — окончаніе.

Склѣцокъ — сколокъ; отрубокъ.

Скубути — дернуть (за волосы).

Слухийний — послушный.

Спѣка — жаръ.

Спрáжний — настоящій.

Ставочокъ — (ум.) прудъ.

Стегно — лямка.

Стрїти — встрѣтить.

Стрїчка — лента.

Схаменутись — спохватиться; опо-
мниться.

Та же жъ — да вѣдь же.

Таланць — талантъ; удача, счастье.

Темнѣта — (собр.) — темь; тем-
ный людъ.

Тѣстенко — (ум. ласк.) — тестъ.

Тікати — уходить; бѣжать.

Тож-то — то-то! да, да!

Точитця — течеть, бѣжитъ (о водѣ),
катиться.

Тѣ-шо — и тому подобное.

Трѣа — яло.

Трискотати — трещать.

Трѣшки — (ум.) немножко.

Трошити — (перен.) бить; душить.

Тулитись — зньуть.

Тутѣшній — здѣшній.

Тюпки — рысцою.

У-віснї — во снѣ.

Удатись — казаться быть похожимъ
на другого.

Удівецъ — вдонецъ.

Узивати — обзывать.

Умочати — обмокнуть.

Усі — всѣ.

Устати — встать.

Усюди — вездѣ.

Утиснутись — взойти, втиснуться.
Утáмвти — понять; уразумѣть.

Характѣрство — колдовство.
Хибá-щó! — развѣ только!
Хибá-щó? — развѣ-что?
Хлóпство (польское) — простой па-
роль; мужики.
Хропѣти — храпѣть.
Хгѣти — хотѣть.
Хутчѣй — скорѣй.

Цурѹпалокъ — коротенькая палка.

Ченурный — опрятный.
Черевѣки — башмаки.
Чнмáло — довольно много; не мало.
Чкурути — побѣждать.
Чóвень — челнь.

Чоловѣга — человекъ.
Чутка — вѣсть, слухъ; молва.
Чухрáти — обрывать пригоршей
листья; (въ переносномъ смыслѣ) бить.

Швѣндати — бродить, слоняться.
Шѣбниция — вѣшница.
Шкварчáти — шипѣть на огнѣ.
Шкодливый — вредный.
Шмагáти — бить; стегать.
Шмáйти — (люльку) — курить
(трубку).

Шпигѹти — кольнуть.
Шпитáль — госпиталь.
Шнуриѹти — сильно кинуть камнемъ.

Щупáкъ — щука.

Эгѣжъ, — эгѣжъ! — да-да!

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ Г. КІЕВѢ ЖУРНАЛА
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ВѢСТНИКЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Время въ которое, мы живемъ, по преимуществу можно назвать эпохою всеобщаго стремленія народовъ къ уясненію и возстановленію національностей.

Западный и юго-западный край Россіи по историческимъ судьбамъ своимъ представляетъ въ этомъ отношеніи самый живой интересъ. Люди разнообразныхъ направленій непрерывно задаютъ себѣ вопросы: что такое этотъ край? каковы начала и задачи его народности? И часто, то по невольному увлеченію неосновательными теоріями, то изъ своекорыстныхъ видовъ, рѣшаютъ эти вопросы совершенно противъ исторической истины и наперекоръ дѣйствительной національности и коренной вѣры западно-русскаго народа.

Между тѣмъ юго-западный и западный край Россіи обладаетъ огромными средствами къ правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ. Въ мѣстныхъ казенные и частные архивы и библіотеки наполнены письменными памятниками, которые могутъ пролить истинный свѣтъ на исторію, на всѣ отрасли быта, на всѣ проявленія народнаго духа этого края. Слѣдя за ходомъ современной исторической литературы, слыша безпрестанные толки о происхожденіи и историческихъ судьбахъ нашихъ западныхъ соотечественниковъ, мы пришли къ убѣжденію, что

теперь болѣе чѣмъ когда нибудь настало время вывести на свѣтъ и сдѣлать общимъ достояніемъ эти неисчерпаемыя сокровища для исторіи юго-западнаго и западнаго края, посредствомъ періодическаго изданія.

Это не значитъ однакожъ, что мы нацѣлены издавать сборникъ однихъ матеріаловъ, которые уже вызвали такого рода изданія. Итъ, мы постараемся каждому историческому документу дать жизненное значеніе, поставить въ связь съ такими явленіями жизни, которыя его вызвали, вообще поднимать вопросы прошедшаго, бывшіе въ свое время животрепещущими и ставить съ ними въ соотвѣтствіе современныя стремленія западнорусскаго края.

Съ этою цѣлю и предпринимается нами изданіе въ Кіевѣ журнала подъ названіемъ: «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи».

Въ этомъ изданіи мы не станемъ проводить рѣзкой черты между гражданскими и религіозными явленіями прошедшей жизни юго-западнаго и западнаго края Россіи, потому что тѣ и другія проявлялись нераздѣльно и взаимно объясняютъ другъ друга. Поэтому нашъ журналъ равномерно будетъ касаться какъ гражданского быта народа, такъ и церковной его стороны. Можно даже сказать, въ религіозныхъ событіяхъ западнаго края Россіи—главная нить къ уразумѣнію настоящаго склада бытоваго и къ уясненію сословныхъ отношеній въ народонаселеніи этой страны.

Мы понимаемъ трудности, съ которыми должны будемъ бороться. Мы встрѣтимъ на нашемъ пути многочисленныя закоренѣлыя предубѣжденія, болшею частью наросты на нашей истинной національности (въ слѣдствіе чуждыхъ вліаній) и ошибки, отъ которыхъ не всегда были свободны даже люди по видимому образованные. Встрѣчаясь съ этими историческими заблужденіями, мы не будемъ увлекаться какими нибудь предзапаятыми теоріями, льстящими нашему національному интересу; наше оружіе въ матеріалахъ непоколебимой достовѣрности и очевидности.

Смѣемъ надѣяться, что многіе отзовутся на наше предпріятіе живымъ сочувствіемъ и своимъ участіемъ помогутъ намъ перенести наши убѣжденія въ народныя массы, къ несчастію, въ теченіи многихъ вѣковъ осужденныя печальными историческими обстоятельствами оставаться въ невѣденіи историческаго значенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ смѣемъ надѣяться, что люди близко знающіе западный край, подѣлятся съ нами имѣющимися у нихъ документами и тѣми очерками этнографическими и историческими, для которыхъ

содержаніе подмѣтять они въ окружающей ихъ средѣ. Эта надежда простирается не на однихъ только специалистовъ и ученыхъ, но и на всѣхъ, у кого найдется историческій матеріалъ, пригодный для нашего изданія. Само собою разумѣется, что всякій трудъ, предпринятый на пользу нашего изданія и можно сказать на пользу общую, не останется безъ приличнаго матеріальнаго вознагражденія, если только будетъ соответствовать программѣ и направленію журнала.

Вѣстникъ юго-западной Россіи будетъ издаваться по слѣдующей программѣ.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ АКТЫ.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и бібліотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народо-бытовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ буквальныхъ спискахъ съ подлинникомъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій и съ приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

II. Разказы и очерки изъ событій прошедшаго быта и нравовъ на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ юго-западной и западной Россіи.

IV. Очерки описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи въ связи съ ея прошедшею исторіею; статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ; археологическія розысканія; свѣдѣнія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи; о русской грамотности и распространеніи ея въ краяхъ юго-западной и западной Россіи; новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ; хрошка важнѣйшихъ происшествій въ силѣ

странахъ, извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій о западной и юго-западной Россіи; библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, изъясняющихъ предметомъ сін страны; некрологи и разныя мелкія статьи, неподходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объясненія и проч.

Въ родѣ прибавленій, Редакція по временамъ будетъ прилагать къ книжкамъ журнала: чертежи древнихъ памятниковъ и другихъ предметовъ, автографы историческихъ дѣятелей, рисунки зданій и мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и проч.; а если будетъ располагать большими денежными средствами, то своимъ подписчикамъ будетъ высылать безмездно вновь напечатанныя на счетъ Редакціи брошюры историческаго содержанія.

ВѢСТНИКЪ

будетъ выходить съ 1-го Іюля, 1862-го года, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ съ приложеніями.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ **КІЕВѢ** въ Редакціи журнала; въ **С. ПЕТЕРБУРГѢ** въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютинныхъ лавокъ и въ книжномъ магазинѣ г. г. книгопродавцевъ *Кораблева и Сиракова*, на Садовой улицѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Балабина; въ **МОСКВѢ**, въ Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова*.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ

для жителей *Кіева, С. Петербурга и Москвы*, безъ доставки **6 р. 50 к.**—за доставку на квартиру и пересылку во всѣ города Имперіи прилагается **ОДИНЪ Р.**

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Редакцію журнала Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «**ВѢСТНИКА**» *Ксенофонту Антоновичу Говорскому*.

РЕДАКТОРЪ *К. Говорскій*.